

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БЫЛИНЫ ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА

СВОДНЫЙ ТЕКСТ

МОСКВА
2025

Министерство культуры Российской Федерации

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

**Былины про Добрыню Никитича:
сводный текст**

Составитель А. С. Миронов

Москва
2025

УДК 398
ББК 82.3(2)
Б95

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Рецензенты:

*Д. М. Володихин, доктор исторических наук;
А. Н. Ужанков, доктор филологических наук*

Б95 **Былины про Добрыню Никитича:** сводный текст / составитель А. С. Миронов. — Москва : Институт Наследия, 2025. — 456 с. — DOI 10.34685/НИ.2025.37.52.001. — ISBN 978-5-86443-496-3.

Сводный текст былинных сюжетов про Добрыню Никитича составлен из фрагментов записей, представленных в собраниях Кириши Данилова и П. В. Киреевского, а также записанных в XIX–XX вв. от лучших народных певцов Т. Г. Рябинина, К. И. Романова, Т. Иевлева, А. Сарафанова, П. Л. Калинина, А. П. Сорокина, безымянного «сказителя девяностолетнего из Колодозера», Н. Прохорова, И. П. Сивцева, А. Е. Чукова, Н. М. Швецова, Д. В. Суриковой, Г. Л. Крюкова, Ф. Т. Пономарёва, П. Г. Маркова, В. Я. Тяросова, Е. В. Рассолова, А. М. Крюковой, Л. Г. Тупицына, А. Т. Гусева, Т. С. Кузьмина, П. Р. Поздеева, М. Д. Кривополеновой, А. М. Мартынова и др.

Это и другие издания вы можете бесплатно скачать на сайте Института Наследия — www.heritage-institute.ru, раздел «Издания»

ISBN 978-5-86443-496-3

© Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва, 2025 — вёрстка

Содержание

От составителя	4
Рождение героя	5
Юность Добрыни и его бой с Ильей Муромцем	15
Застава богатырская	50
Бой Добрыни с Дунаем	55
Задание князя	71
Добрыня у Леховинского короля	91
Добрыня Никитич и Василий Игнатьевич Казимиров	112
Михайло Потык	146
Сватовство Гремина	187
Нахвальщик	200
Добрыня в Киеве. Добрыня и Маринка	229
Добрыня покидает Киев. Встреча с Настасьей. Первый бой со Змеей	257
Женитьба Добрыни	289
Отъезд Добрыни	301
Второй бой Добрыни со Змеей	342
Возвращение Добрыни на свадьбу собственной жены	343
Калин-царь	397
Принятые сокращения	454

От составителя

Сюжеты русских былин даны нам во множестве записей от разных певцов, причём ни один из вариантов не передаёт в полноте смысл конкретного сюжета. Чтобы получить представление об идейно-художественном замысле и воспитательной функции былины, необходимо ознакомиться со всем корпусом вариантов, в том числе с записями оборванными или дефектными — а это десятки разрозненных текстов.

Желающему уяснить смысл того, что происходит с Добрыней Никитичем в каждый момент его эпической биографии, придётся пролистать в поисках нужных песен сборник Кирши Данилова, томик из собрания П. И. Киреевского, трёхтомник онежских былин, записанных П. Н. Рыбниковым, затем три тома песен, собранных А. Ф. Гильфердингом в Обонежье и Кенозерье, издание сибирских былин С. И. Гуляева, собрание печорских былин Н. Е. Ончукова, томик мезенских былин А. Д. Григорьева и сборник эпических песен, записанных А. В. Марковым на берегах Белого моря, и, наконец, издание былин, записанных А. М. Астаховой. Другой вариант действий — читать подряд все варианты былин о Добрыне в объёмистых томах академического Свода русского фольклора. Что же касается популярных антологий, выпущенных в советское и постсоветское время, то эти издания едва ли приблизят читателя к пониманию эпического контекста и духовной логики развития внутреннего мира богатырей от сюжета к сюжету. Составители таких сборников, как правило, включали в них записи от прославленных певцов (Т. Г. Рябинина, А. М. Крюковой, М. Д. Кривополеновой и др.) — записи, которые обладают высочайшими художественными достоинствами, однако не всегда вполне раскрывают причинно-следственные связи, «сшивающие» события разных былин в единое осмысленное целое.

Читателю предлагается сводный текст, составленный из фрагментов разных вариантов, записанных от лучших певцов. Принципы отбора материала для сводного текста изложены нами в предисловии к тому «Былины про старого казака Илью Муромца»; особо хотелось бы подчеркнуть, что при подготовке сводного текста ни один стих не добавлен от составителя: каждая строка имеет ссылку на источник с указанием имени народного певца, эту строку пропевшего.

Рождение героя

Источники текста¹

- Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости* (Никита Романович, рождение и детство Добрыни: [Былина] № 63 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типоли-тография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 258–260.)
- Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 150 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 436–439.)
- Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой* (Купанье, бой со змеей, женитьба на избавленной девице и стояние Добрыни на заставе и неудавшаяся женитьба Алеши Попови-ча: [Былина] № 301 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напева-ми, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463–469.)
- Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской воло-сти* (Добрыня Никитич и отец его Никита Романович [бой со змеем]: [Былина] № 9 // Былины и песни Южной Сибири. — Новосибирск : Новосибирское областное государственное издательство, 1952. — С. 81–90.)
- Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром* (Добрыня и змей: [Былина] № 68 // Былины Печоры и Зим-него Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 185–188.)
- Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей Усть-Цилемской волости* (Добрыня и Змея: [Былина] № 59 // [Ончу-ков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типоли-тография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 247–251.)

¹ Здесь и далее былины цитируются согласно указанным изданиям. При цитировании приводятся данные о сказителе и после каждого фрагмента номера строк (или же страниц, если построчная нумерация отсутствует) по оригинальной публикации с добавлением римской цифры I или II в том случае, если записи одного и того же сюжета были сделаны от одного сказителя разными собирателями (или одним и тем же собирателем, но в разное время).

Анна Михайловна Пашкова, Пудога (Добрыня Никитич: [Былина] № 6 // Былины Пудожского края. — Петрозаводск : Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1941. — С. 114—120.)

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро (Добрыня и змей: [Былина] № 289 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 431—433.)

Иван Емельянович Чупров, деревня Аврамовская Усть-Цилемского района (Микита, сын Романович: [Былина] № 60 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 377—378.)

Никита Фёдорович Ермолин, деревня Трусовская Усть-Цилемского района (Старина про Добрыню Никитича: [Былина] № 38 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 129.)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора (Рождение Добрыни, первые годы жизни, бой с Маринкой: [Былина] № 21 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 97—101.)

Сказитель из Южной Сибири (Скимен-зверь [Рождение богатыря]: [Былина] № 21 // Былины и песни Южной Сибири. — Новосибирск : Новосибирское областное государственное издательство, 1952. — С. 124—125.)

Сказитель из Алексинского уезда Тульской губернии (Добрыня Никитич: [Былина] 1/2 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2. — М. : Типография А. Семена, 1861. — С. 2—3.)

Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости:

Кабы прежде Резань да слободой слыла,
Кабы нынче² Резань да славен город стал.
А прославилась Резань да добрым молодцом,
Кабы тем же Микитушкой Романовым.
Кабы тот же Микита сын Романович,
Кабы умной-от³ был, право, разумной же,
Кабы тихой-от был, да он смирёной же,

² У А. Ф. Вокуева — «[кабы] ноньче».

³ У А. Ф. Вокуева здесь и далее — «умноёт», «тихоёт», «спороёт», «досужоёт», «удалоёт».

Кабы спóрой-от был, да он варовой⁴ же,
А досúжой-от был и проворной же,
А уда́лой-от был, да он едрёной же;
Он имел в себе⁵ силу да богатырьскую,
Он имел у ся палицу тяжелую⁶,
Он тяжелую палицу, не лёгкую⁷,
Он не лёгкую палицу — девяносто⁸ пуд,
Он имел у ся, Микита, да молоду жену⁹,
А чесну жену Омельфу да Тимофеевну¹⁰. (1–16)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ище жил-то Микита шестьдесят¹¹ годов.
Снёс де Микита шестьдесят боёв,
Ишше срывосьних, урывосьних¹² цисла-смёту нет... (8–10)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой:

Много побивал полков¹³ силы неверною. (5)

Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости:

Он изжил своё да время строчноё,
Кабы строчное время — девяносто¹⁴ лет... (17–18)

⁴ Варовой — живой, быстрый, опережающий.

⁵ У А. Ф. Вокуева — «[в] сибё».

⁶ У А. Ф. Вокуева здесь и далее — «тежолую».

⁷ У А. Ф. Вокуева здесь и далее — «[не] лёккую».

⁸ У А. Ф. Вокуева — «девеносто [пуд]».

⁹ У А. Ф. Вокуева здесь и далее — «жону».

¹⁰ У А. Ф. Вокуева — «Офимью да Костеньтинову».

¹¹ У Ф. Т. Пономарёва здесь и далее — «шестьдесят».

¹² **Срывосьный, урывосьный** — урывочный; т. е. случайный бой, «бой урывком» (Словарь 1958).

¹³ У Ф. К. Шуваевой — «полкоф».

¹⁴ У А. Ф. Вокуева — «девеносто [лет]».

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Девяносто лет жил Никита, не старился.
Выводил из стойла добра коня,
Накладывал потнички бумажные,
На потнички — ковры сорочинские,
На коврики — седелочки черкасские.
Подтягивал подпруги шелковые,
Двенадцать подпруг шелковых... (5—11)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

Всё до смерти он наказывал,
Своей жены молодой наговаривал:
«Ты останешься¹⁵ беременной,
У тя родится чадо милое,
Чадо милое, единакое,
Нарекем именем Добрынюшкой,
Да Добрынюшкой Микитичём.
Когда будет он на возрасте,
Да он будет на вóзлете.
Он заможет конем владать,
Он конем владать, копьём шурмовать,
Он захочет¹⁶ бы за охотою,
За охотою погулятисе,
Да бы съездить во чистó полё —
Не давай благословеньица
Ему ездить во чистó полё,
Да выезжать за охотою.
Ну хошь и дашь ему благословеньице
И не дашь благословеньица —
Он захочет он бы ездить же,
Он ведь съездить во чистó поле.
Он найдет он дороженькю,
Всё дороженькю широкую,
По которой я бы ездил нынь.
В ширину была вот косá сажень,
В глубину как до пояса.

¹⁵ У А. Ф. Пономарёва — «[ты] останешься».

¹⁶ У А. Ф. Пономарёва — «[он] захочёт».

Чтой нападут жары-мáревы
Как бы те большелётные.
Как захочет он купатисе,
Он захочет нырятисе.
Всё пусть не ездит нынь к Израй-реки¹⁷:
Да Израй-река¹⁸ зла-относлива,
Отнесет его, Добрынюшку,
Отнесет за перву́ струю,
Отнесет за другú струю...» (5–39)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей Усть-Цилемской волости:

«А третья-то-ле струя да зла обманчива¹⁹,
А да вынесет его да на сине море...»²⁰ (42–43)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

«...Как ко тем горам высокиим
И горам Сорочинским.
Тут прилётит змея к нему,
Она хочет его целкóм бы съись...» (40–43)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей Усть-Цилемской волости:

«Кабы станет она его²¹ кругом облётывать,
А обваживать свои хóботы змеинны;
Не боитца она копейца бурзомецкого,
Не боитца она ведь палицы буёвой...» (45–48)

¹⁷ У А. Ф. Пономарёва — «Оки-реки».

¹⁸ У А. Ф. Пономарёва — «река Ока».

¹⁹ У И. В. Торопова — «омманчива».

²⁰ У И. В. Торопова — «[а да] вынесёт тебя [да на] синё морё».

²¹ У И. В. Торопова — «тебя».

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

«Где-то он пущай сорвет полынь-траву,
Да полынь-траву горькую²²,
Он сплетет ныне плёточку,
Он бы плётку троепрядную,
Троепрядну, троехвосткую...» (45–49)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Садился старой на добра коня.
Не ясен сокол в перелет летел,
Не белый кречет перепорхивал, —
Тут ехал удалой добрый молодец.
Под ним добрый конь, как бы лютой зверь,
На коне-то сбруя под оправою,
Под оправою однозолотною;
Сам на коне, как сокол, сидит.
Едет он ко городу Киеву,
Едет он ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву;
Едет он ко высокому ко терему,
Выезжает на улицу на широку.
Со добра коня Никитушка соскакивал,
Ни к чему он коня не привязывал,
Никому он коня не приказывал.
Спрашивал он у ворот привратников²³,
Спрашивал у дверей придверников,
Отворял двери потихошеньку,
Запирал он двери помалехоньку,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь,
Со душечкой со княгинею!»
— «Добро пожаловать, удалый добрый молодец,
Ты Никита, сын Романович,
За один ты стол хлеба кушати».
Он кладет крепók и со панцирем,

²² У А. Ф. Пономарёва — «[полынь-траву] горькую».

²³ У Л. Г. Тупицына — «приворотников».

Кладет на дубовый стол.
Отошедши, Никита поклоняется:
«Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
Ты давай мне попа, отца духовнова,
Давай ты игумна и пострижника,
Давай монаха и учителя,
При старости мне лет душу спасти».
И проговорит ласковый Владимир-князь:
«Гой еси ты, удалой добрый молодец,
Гой еси, Никита, сын Романович!
На кого ты оставляешь стольный Киев-град?
На кого оставляешь меня, князя Владимира?» (12–51)

Анна Михайловна Пашкова, Пудоба:

Как сегодня²⁴ по утрушку по раннему
Приезжал²⁵ гонец из чиста поля,
От того морюшка от синего,
От той горы Араратские,
Говорит гонец таковы слова:
«С того ли со морюшка со синего
Выходит Змеища-Горынища
О семи главах, о шести ногах,
О шести ногах, о восьми хвостах,
А за ней змеёнышей-детёнышей
Много множество²⁶ да и счёту нет.
Как идёт змея с этой силушкой
Да на великий град да стольно-киевской». (14–26)

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

«А во тех во пещерах во змеиных²⁷,
А наношено народу там ведь сметы нет,
Сметы нет да смётить нёмошно.

²⁴ У А. М. Пашковой — «[как] сегодня».

²⁵ У А. М. Пашковой — «приезжал».

²⁶ У А. М. Пашковой — «[много] множество».

²⁷ У А. Т. Гусева — «глубоких».

Сидят старички-ты — поседатели,
Сидят старушки-то — поседатели,
У грудей висят маленьки змиёнышки». (35–40)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Проговорит Никита, сын Романович:
«Я надеюсь на чадо свое милое,
На того ли на Добрыню на Никитича».
<...>
Он²⁸ дает ему попа, отца духовнова,
Дает игумна и пострижника,
Дает монаха и учителя.
Немного Никита пожил — переставился:
Остается у Никиты житье-бытье,
Остается у Никиты все богатство,
Остается у Никиты молодая жена... (52–54; 59–65)

Иван Емельянович Чупров, деревня Аврамовская Усть-Цилемского района:

Молода жена да любима семья. (4)

Никита Фёдорович Ермолин, деревня Трусовская Усть-Цилемского района:

...Молода его жена, сама беременна.
Ах осталось у Никиты да дорогó семё,⁴
Уродилось у Никиты да золото чадо́... (7–9)

Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости:

А со той же со радости великой
Кабы собрали попов, дьяков духовных,
А причетников как собрали церковных... (27–29)

²⁸ То есть князь Владимир.

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Как её ноньце молитву-ту давали же... (20)

Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости:

Нарекали как ему да лёкко имицько... (30)

Никита Фёдорович Ермолин, деревня Трусовская Усть-Цилемского района:

Ах как имечко дали ему — Добрынюшка. (11)

Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости:

Кабы тот же Добрынюшка Микитиц млад²⁹. (31)

* * *

Сказитель из Южной Сибири:

Как из дáлеча, далéча, из чистá поля,
Из того было раздольица из широкова
Что не грозная бы туча накаталася,
Что не буйные бы ветры подымалися, —
Выбегало там стадечко змеиное,
Не змеиное бы стадечко — звериное.

Наперед-то выбегает лютой Скимен-зверь.
Как на Скимене-то шерсточка буланая,
Не буланая-то шерсточка — булатная,
Не булатна на нем шерсточка — серебряная,
Не серебряная шерсточка — золóтая,
Как на каждой на шерстинке по жемчужинке,
Наперед-то его шерсточка sproкинулась,
У того у Скимена рыло как остро копьё,

²⁹ У А. Ф. Вокуева — «блад».

У того у Скимена уши — калёны стрелы,
А глаза у зверя Скимена как ясны звезды.
Прибегает лютой Скимен ко Днепру-реке;
Становился он, собака, на задние лапы,
Зашипел он, лютый Скимен, по-змеиному,
Засвистал он, вор-собака, по-соловьему,
Заревел он, вор-собака, по-звериному.
От того было от шипу от змеиного
Зелена трава в чистом поле повянула;
От того было от свисту от солóвьева
Темны леса ко сырой земле клонилися;
От того было от рева от звериного
Быстрой Днепр-река сколыбалася,
С крутым берегом река Днепр поровнялася,
Желты мелкие песочки осыпáлися,
Со песком вода возмутилася,
В зеленых лугах разливалася,
С крутых гор камни повалилися,
Крупны каменья по дну катятся,
Мелки каменья поверху несет.
Заслышал Скимен-зверь невзгодушку:
Уж как на небе родился светел месяц, —
На земле-то народился могуч богатырь. (1–37)

Сказитель из Алексинского уезда Тульской губернии:

Как зачуял вор-собака нарожденьеице:
Народился на святой Руси, на богатой,
Молодёшенек Добрыня сын Никитьевич. (12–14)

Юность Добрыни и его бой с Ильей Муромцем

Источники текста

- Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 71 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 308—311.)
- Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости* (Никита Романович, рождение и детство Добрыни: [Былина] № 63 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 258—260.)
- Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой* (Купанье, бой со змеей, женитьба на избавленной девице и стояние Добрыни на заставе и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 301 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463—469.)
- Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 150 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 436—439.)
- Никита Фёдорович Ермолин, деревня Трусовская Усть-Цилемского района* (Старина про Добрыню Никитича: [Былина] № 38 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 129.)
- Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора* (Про Добрыню: [Былина] № 45 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 144—148.)
- Кириша Данилов* (Добрыня купался — змей унес [«Доселева Резань она селом слыла...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 182—185.)

- Неонила Тихоновна Щербакова и Евдокия Ивановна Любченко, хутор Диченский Каменского района Ростовской области* (Про богатыря: [Былина] № 30 // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 166–167.)
- Пётр Родинович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора* (Рождение Добрыни, первые годы жизни, бой с Маринкой: [Былина] № 21 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолиграфия Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 97–101.)
- Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 46 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 197–200.)
- Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень* (Молодость Добрыни, жалоба на него князю Владимиру, оправдание Добрыни; Добрыня и Маринка: [Былина] № 359 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 288–297.)
- Иван Емельянович Чупров, деревня Абрамовская Усть-Цилемского района* (Добрыня и Маринка: [Былина] № 61 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 378–380.)
- Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости* (Добрыня Никитич и отец его Никита Романович [бой со змеем]: [Былина] № 9 // Былины и песни Южной Сибири. — Новосибирск : Новосибирское областное государственное издательство, 1952. — С. 81–90.)
- Игнатий Васильевич Торопов, деревня Рощинский Ручей Усть-Цилемской волости* (Добрыня и Змея: [Былина] № 59 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолиграфия Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 247–251.)
- Елизавета Васильевна Субботина, Зимний берег Белого моря* (Про Добрыню Микитича [Бой Добрыни с Ильей Муромцем]: [Былина] № 133 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 434–436.)
- Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Как Добрыня Микитич постречался с Ильей Муромцем: [Былина] № 99 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 303–308.)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполе, Мезень (Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муромцем: [Былина] № 391 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463–466.)

Иван Давыдович Нечаев, деревня Сояна, Кулой (Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 266 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 295–298.)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень (Бой Ильи Муромца с Добрыней, неудавшаяся женитьба Алеши Поповича и рассказ Добрыни о своем бое со Змеем: [Былина] № 351 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 245–252.)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега (Встреча Ильи Муромца с Добрыней, Святыгоркой и со своим сыном: [Былина] № 129 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 408–412.)

Иван Прокопьевич Прыгунов, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря (Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 108 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 486–488.)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега (Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муровичем: [Былина] № 113 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 353–358.)

Акулина Ивановна Моисеева, деревня Березник, Иркутская область (Добрыня Микитич и Змеище Тугарыще: [Былина] № 11 // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 54–56.)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Как доселева³⁰ Рязань слободой³¹ слыла;
А как нонече Рязань славен город стал. (1–2)

Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости:

А прославилась Резань да добрым молодцом,
Кабы тем же Микитушкой Романовым... (2–4)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижа, Кулой:

Жил-был Микитушка — состарился
(Много побивал полков³² силы неверною).
<...>
Тут уж³³ Микитушка преставился. (4–5; 22)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Оставалась у Микиты любимá семья,
Ай любíма семья-та — молода жена,
Молодая³⁴ Омéльфа Тимофеевна;
Оставалось у Микиты чадо милое,
Милое³⁵ чадышко любимое,
Молодые Добрынюшка Никитиць сын.
Остался³⁶ Добрыня не на возросьти,
Ка-быть ясной-от сокол не на възлети... (11–18)

³⁰ Доселева — до сих пор (Словарь 2001).

³¹ Слобода — большое торговое или промышленное село, поселок (МАС).

³² У Ф. К. Шуваевой — «полкоф».

³³ У Ф. К. Шуваевой — «[тут] уш».

³⁴ У Ф. Т. Пономарёва — «молодые [Омéльфа Тимофеевна]».

³⁵ У Ф. Т. Пономарёва — «милое [чадышко]».

³⁶ У Ф. Т. Пономарёва — «осталсэ [Добрыня]».

Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости:

Он как тихой-от родился³⁷ да нонь смирёной же,
Кабы скорой-от родился нонь варовой же,
Кабы умной он родился, сам разумной же,
От отца-то он родился как от умного,
Как от матушки родился от разумной же,
А в кого будет дитя оно неумно? (46—51)

Никита Фёдорович Ермолин, деревня Трусовская Усть-Цилемского района:

Ах Добрынюшка растёт, да точно цвет цветёт. (12)

Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости:

Он не так-де растёт³⁸, как у людей растут:
У кого-де растёт как чельной месяц же,
Столь Добрынюшка растёт в одну неделюшку;
У ково-де растут, право, пólгода,
А Добрынюшка растёт да в один месяц-от;
У кого-де растут да чельной годицок,
А Добрынюшка растёт столь, право, в пólгод... (36—42)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Стал Добрыня растеть, матереть
Не по годам, не по месяцам — по неделюшкам.
Вырос Добрыня до трех годов,
Стал Добрыня по улице похаживати,
С малыми ребятками стал поигрывати,
На кого осердится — возьмет за руку, рука прочь,
Кого возьмет за ногу — нога прочь,
Кого возьмет за голову — голова прочь,
Посередке возьмет — живота лишит.
Стали людишки ходить на Добрыню жалиться:

³⁷ У А. Ф. Вокуева здесь и далее — «родилса».

³⁸ У А. Ф. Вокуева здесь и далее — «ростёт», «ростут».

«Проказит Добрыня, убиват ребят».
Не стал больше Добрыня по улице похаживать,
Запретила его маменька родимая.
Стал ходить Добрыня во Божью церковь,
Стал учиться божьей грамоте.
Ходил он, учился³⁹ три годá,
Выучился Божьей грамоте. (19–35)

Кириша Данилов:

А грамота Никите в наук пошла,
Присадила его⁴⁰ матушка пером писать. (15–16)

*Неонила Тихоновна Щербакова и Евдокия Ивановна Любченко, хутор
Диченский Каменского района Ростовской области:*

Как от роду-то Добрыне шесть годов,
На седьмом году стал во школушку ходить
Да себя грамоте учить.
Он по-русски учил, по-немецки говорил. (8–11)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Научился тут Добрыня в хитру грамоту,
Он остро ищэ читат, не запинается,⁴¹
Научился⁴² он писать пером орлинским,
Его варово ле-де ходит рука правая. (32–35)

*Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний
берег Белого моря:*

Стал ходить по улочки⁴³,
Стал с робятками боротисе;

³⁹ У Т. С. Дуркина здесь и далее — «училсе», «выучилсе».

⁴⁰ У Кириши Данилова — «[присадила] ево».

⁴¹ У П. Р. Поздеева — «не запинайтце».

⁴² У П. Р. Поздеева — «научилса».

⁴³ У Г. Л. Крюкова — «[по] улочки».

Как не стало Добрынюшки да поединшычка;
А как малы-ти ребята двадцати пяти годов. (12–16)

*Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица,
Зимний берег Белого моря:*

Изучился⁴⁴ Добрынюшка вострой⁴⁵ грамоте,
Научился Добрынюшка да боротисе:
Ишшо мастёр⁴⁶ Микитич а крутой метать⁴⁷,
На белы-ти ручки не прихватывать.
Шьто пошла про ёго слава великая,
Великая эта славушка немалая
По всм городам, по всем украинам⁴⁸,
По тем-то ордам по татаровям;
Доходила эта славушка великая
Ай до славного города до Муромца,
До стары казака-та Ильи Муромца, —
Што мастёр Добрынюшка боротисе,
А крутой де метать на сыру землю;
Ишше нету такова борца по всей земли. (21–34)

*Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зим-
ний берег Белого моря:*

Как Илья-та тогда⁴⁹ ишше он не силён был,
Ище Муромец⁵⁰ тогда-то не имел себе. (23–24)

⁴⁴ У Ф. Т. Пономарёва здесь и далее — «изучилсэ», «научилсэ».

⁴⁵ **Вострый** — скорый, проворный, быстрый (в данном случае в переносном значении) (Словарь 2001).

⁴⁶ У Ф. Т. Пономарёва здесь и далее — «[ишшо] масьтёр», «[што] масьтёр».

⁴⁷ **А крутой метать** — сбивать противника на землю (букв. сбивать с высоты, «крутизны» [ср. СРНГ-ХV]), вероятно, подставив подножку.

⁴⁸ **Украина (украинка)** — окраина; пограничная область; дальняя земля (Словарь 1986); у Ф. Т. Пономарёва — «по всим [городам, по] всим [украинам]».

⁴⁹ У А. М. Крюковой — «тогда».

⁵⁰ У А. М. Крюковой — «Мурамец».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А ише от роду Добрыне только двенадцать⁵¹ лет.
А да ходил он гулять да нонь на улицу⁵²,
А он на улицу ходил да на широкую,
На дорожецьку ходил всё да на проезжую⁵³.
А заходил он гулять на дворы на барские,
А на барские дворы да всё на князевьские,
А играл он с детьми да князенецькими,
А со тема же с ребятами со барскими⁵⁴.
А играл он с има во карты-шахматы —
А он ведь выиграл у их да платьё цветноё,
Платьё цветно у их да кнезеневскоё,
Кнезеневско ведь платьё — да всё ведь барскоё.
А ише та им игра да всё не понравилась⁵⁵.
Они стали Добрыню всё журить-бранить⁵⁶,
А обносить-то ведь рецьми ёго нехорошима,
И ише бить-то стали палками всё шаровыма.
А говорят они сами да таковы слова:
«А не оцъёв ты как сын да нонь не материн —
А нет у тя оцъя да настоящего!»⁵⁷
А ише ёму шутка да не понравилась:
А ухватил он детей⁵⁸ да князеневских,
А он руки-ти у их из плечь повыхватил,
А тех же детей всё ведь барских,
А ноги-ти у их ведь он повиставил.
А ише собрал ведь, взял да платьё цветноё,
Платьё цветноё собрал да князеневскоё,
Князеневско тут платицё тут барскоё.
А да приходил-де Добрыня да к своему двору,
А заходил где Добрыня во теплу спалёнку —
А бросил как тут платьё цветноё
А на ту же на кроваточку на тисовую,

⁵¹ У Е. В. Рассолова — «[от роду] Добрыни только двенаццэтъ [лет]».

⁵² У Е. В. Рассолова здесь и далее — «[на] улицу».

⁵³ У Е. В. Рассолова — «[на] проежжую».

⁵⁴ У Е. В. Рассолова — «[с] рыба́тами [со] барскими».

⁵⁵ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «[не] подравилась».

⁵⁶ У Е. В. Рассолова — «[все] журыть-бранить».

⁵⁷ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «[да] настоящего».

⁵⁸ У Е. В. Рассолова — «[он] дитей».

А на ту на перинушку на пуховую.
А сам пошел⁵⁹ где-ка Добрыня да во светлу грыню,
А где сидит где как родна его матушка —
А ишше та где Омельфа да Тимофеёвна.
А тут же Омельфа да Тимофеёвна
А становила она стол ёму кленовой же,
А наносила она пищи да всё мёдовое,
А принесла где ему да хлеба-соли тут,
А говорила где сама ему таковы слова:
«А да поешь-ко, Добрыня, да сedy, покушай-ко!»
А пошла где сама она в теплу спалёнку
А ише с<т>ать где Добрыни да тёпло местицко —
А да увидела⁶⁰ Омельфа тут платьё цветноё,
Платё цветноё увидяла князевскоё,
Князевскоё платьё да всё тут барского.
А приудрогло у Омельфы да ретиво серьцё,
А приусмякло у Омельфы да лицё белоё,
А подломились у Омельфы да ноги резвые,
А опустились у Омельфы да руки белые,
А покатились у Омельфы да горюци слёзы.
А выходила где Омельфа да во светлу грыню,
Говорила где она сама таковы слова:
«А уж ты ой еси, моё дитя серьдсьнёё!
А ты куда нонь ходил гулять на улицу?
А где ты ведь взял да платьё цветноё,
Платё цветноё взял да князевскоё,
Князевскоё платьё да всё ведь барское?
А убил ле ты кого али ограбил тут?»
А говорил тут Добрынюшка свет Микитиць млад:
«А ой еси, родима моя маменька!
А стыдишь ты меня да нонь бесцестишь тут:
А состила ты меня за вора, за разбойника⁶¹,
А за носьного меня ты полуносъника!»
А пошел где Добрыня да в теплу спалёнку,
А спал-де Добрынюшка ноньце крепким сном.
А ишше те же как дети да нонь ведь барские,
А барские дети да князевские,
А приходят ведь они по своим домам,

⁵⁹ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «[сам] пошол», «[а] пошол».

⁶⁰ У Е. В. Рассолова — «[да] увидяла».

⁶¹ У Е. В. Рассолова — «[состила ты] миня [за...] розбойника».

А по своим где домам они, по своим оцьям;
А говорят тут они ноньце да своим оцьям:
«А приходил к нам Добрынюша Микитич млад,
А да играл он ведь с нами не по-ребецьёму,
А играл он ведь с нами по-богатырьскому:
Да какого хватит за руку — руку выставит,
А какого хватит за ногу — ногу выставит,
А посерёдки возьмёт — нас живота лишит.
А отобрал он у нас он платьё цветное,
Платьё цветно у нас всё князевскоё —
Ише та нам ведь шутка да не понравилась!»
А ише тут где-ка нонь да князя-бояра
А пошли где ко городу ко Киеву —
А к тому же ко князю да ко Владимиру⁶².
А говорят они сами да таковы слова:
«А послушай-ко, Владимир да стольнѣ-киевской!
А прими-тко⁶³ от нас да ноньце жалобу:
А живём мы во Резани во городе⁶⁴;
А во том-де во Резани во городи⁶⁵,
А тут есь-де вдова благоцестивая —
А та же Омельфа да Тимофеёвна.
А есь-де⁶⁶ у ей да цядо милоё,
А ходит гулять да нонь на улицу,
А заходит на двory наши на барские,
А играт-то с ребятами со малыми⁶⁷,
А шутит где шутоцьки не малые:
А шше руки-ти у их да он повыдергал,
А шше ноги-ти у их да он повывставил,
А посерёдки возьмёт — да живота лишит.
А та ёго шутка нам не надобно:
А прикажи⁶⁸ ты, Владимир, да ёго выслать вон!
А не выйдёт где он, дак мы сами выйдём тут.
А ише та нам ведь шутка да нонь не надобно!»
А говорил тут Владимир да стольне-киевской:

⁶² У Е. В. Рассолова здесь и далее — «[ко] Владимиру», «Владиме(ё)р».

⁶³ У Е. В. Рассолова — «[а] прыми-тко».

⁶⁴ У Е. В. Рассолова — «во городи в Чернигови».

⁶⁵ У Е. В. Рассолова — «во городи во Чернигови».

⁶⁶ У Е. В. Рассолова — «[а] есь-де [у ей]».

⁶⁷ У Е. В. Рассолова — «[с ребятами со] малыма».

⁶⁸ У Е. В. Рассолова — «[а] прикажи».

«А послушайте-ко, князи, вы ведь бояра!
А подите-тко вы да по своим домам,
По своим где домам, тут по своим местам:
А на завтреё Добрынюшку сам повызову,
А у Добрынюшки, Владимир-князь, всё повыспрошу!»
А по утру как нонь было всё по ранному,
А по восхожу-ту было-ту солнышку красному
А ставал тут Владимир да стольне-киевской.
А омывалса Владимир да ключевой водой,
А тонким шитым полотеньцём да утираицсе,
А сам говорил он да таковы слова:
«А уж ты ой еси, гонец, да доброй молодец!
Одевайсе-ко-се-ко ты по-подорожному,
А садись как ты да на добра коня,
А поежжай-ко ко Резани ко городу⁶⁹ —
А к той-де вдовы благоцестивое,
А к Омельфы как тут да Тимофеёвны!
А не доежживай, гонец, — да нонь с коня скоци,
А не дохаживай до ее — да ей целом ударь,
А говори-тко-се с ей да потихохонько,
А спрашивай у её да поумалёхонько,
А скажи: князь тебя просил да скоре требовал
А с тем с Добрынюшкой с Микитицём».
А на это гонец-от не ослушался⁷⁰:
А седлал где, уздал да коня доброго,
А да садился⁷¹ тут нонь да на добра коня,
А поехал ко Резани ко городу⁷² —
А к той же к Омельфы да Тимофеёвны.
А та где вдова благоцестива тут,
А та же Омельфа да Тимофеёвна
А скрывала окошечька немножецко —
Увидала где гоньця тут доброго молощця.
А выходила-де она да на красно крыльцо,
А ише кланялась ему низко до пояса:
«Ай добро жаловать, гонец, ко мне, доброй молодец!»
А приезжал⁷³ тут гонец да ко красну крыльцо,

⁶⁹ У Е. В. Рассолова — «ко городу ко Чернигову».

⁷⁰ У Е. В. Рассолова — «[не] ослушалсэ».

⁷¹ У Е. В. Рассолова — «[да] садилсэ».

⁷² У Е. В. Рассолова — «ко городу ко Чернигову».

⁷³ У Е. В. Рассолова — «[а] приежжал».

А вязал где коня да к золоту кольцу,
А сам вошел⁷⁴ где во грынюшку столовую.
А стрецят ёго Омельфа да Тимофеёвна:
«Добро жаловать, й-удалой доброй молодец!
А куда ведь тут едёшь да куда прависьсе?»
А говорил где гонец, да доброй молодец:
«А ежду я ноньце до Вашей⁷⁵ милости:
А ишше князь тебя⁷⁶ просил, да скоро требовал
А да со тем где Добрынюшкой Микитицём!»
А тут-де Омельфа да испугаласе,
А тут Тимофеёвна перепаласе.
А пошла где она во теплу спалёнку,
А будит где-ка Добрыню нонь от крепка сна,
А ише спит тут Добрынюшка крепко-накрепко,
А спит тут Добрыня да двои сутки,
А спит тут Добрыня — да не пробудицсэ.
А не могла разбудить⁷⁷ ёго от крепка сна,
А заходила где сама она во светлу грыню,
А говорила молоцьцю да таковы слова:
«А уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
А проходи-тко ты сам во теплу спалёнку,
А буди-тко Добрыню нонь от крепка сна!»
А они тут стали будить его всяко-навсяко.
А ише тут-де Омельфа да Тимофеёвна
Она пала ко Добрыни на белы груди,
Она стала ронить да горюци слёзы.
А ише пала слёза на лицё бело тут:
А ише звёл где Добрыня да оци ясные,
А поднял где Добрыня да буйну голову,
А ставал где Добрынюшка на резвы ноги.
А он увидит свою мать: да во слезах стоит,
А перед им-де стоит да доброй молодец;
А говорил-де Добрыня да таковы слова:
«А уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!
А да куда ты идёшь, куда ты прависьсе?
А цего от меня тебе⁷⁸ нонь надобно?»

⁷⁴ У Е. В. Рассолова — «[сам] вошел».

⁷⁵ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «[а] ежду... до Вашей [милости]».

⁷⁶ У Е. В. Рассолова — «тибя».

⁷⁷ У Е. В. Рассолова — «[не могла] розбудить».

⁷⁸ У Е. В. Рассолова — «[от] миня тибе».

А поклонился тут ему⁷⁹ гонец, доброй молодец:
«А да послушай-ко, Добрынюша Микитиц млад!
А ише езжу ведь я до Вашей милости:
А ише князь тебя да скоре требовал
А со той-де Омельфой да с Тимофеёвной!»
А умывался⁸⁰ тут Добрыня ключевой водой —
А он шитым полотеныцём да утираицесь,
А во козловы-ти сапожки да обуваицесь,
Ай ишше кунью-ту шубу одеваицесь...
<...>
А поехали ко городу ко Киеву,
А ко ласкову князю ко Владимиру.
А приехал тут Добрыня да ко красну крыльцю —
А тот-де Владимир да стольнѣ-киевский⁸¹
А скрывал-де околѣнки немножечко,
А сам говорил⁸² да таковы слова:
«А не прѡвелик детинушка — очень крепко толст,
А ише оци-то у Добрыни — да как у сокола,
А ише брови-то у Добрыни — да как у соболя,
А ресницы⁸³ у Добрыни — да два цисты бобра,
А ягодници будто ёго — маков цвет,
А лицо бело у Добрыни — да ровно белой снег!»
А зашел⁸⁴ где Добрынюшка на красно крыльцо,
А проходя идѣ Добрыня да по новым сениям —
Отпираѣт-де двери да с крюков на пятау.
Ише крест-от кладѣт — да по-писаному,
А поклон-от ведѣт — по-уцѣному,
А нынѣ князю Владимиру целом тут бѣт:
«А уж ты здравствуй⁸⁵, князь Владимир да стольне-киевской!
А для цего меня зовѣшь, для цѣго требуѣшь?»
А говорил тут Владимир да стольне-киевской:
«А послушай-ко, Добрыня свет Микитиц млад!
А тебе сколько, Добрынюша, отроду лет?»

⁷⁹ У Е. В. Рассолова — «[а] поклонилса... ёму».

⁸⁰ У Е. В. Рассолова — «[а] умывалса».

⁸¹ У Е. В. Рассолова — «[да] стольнѣ-киевской».

⁸² У Е. В. Рассолова — «[а сам] говорыл».

⁸³ У Е. В. Рассолова — «[а] ресници».

⁸⁴ У Е. В. Рассолова — «[а] зашел».

⁸⁵ У Е. В. Рассолова — «[а уж ты] здрастуй».

— «А отроду-ту мне только двенадцать лет⁸⁶,
А на триннацато лето я ведь нынь пошел!»⁸⁷
— «А уж ты знаёшь, Добрыня, да ноньце грамоту?»
А говорил тут Добрынюшка Микитиц млад:
«А я в училищи училса да ровно пять тут лет,
А от учителя имею да я похвальной лист!»
А ише тут-де Добрынюшка Микитиц млад
А вымал где-ка листик из корманьчика,
А подаёт где-ка нонь князю Владимиру.
А ишше брал-де Владимир да во белы руки,
А цитал где-ка листик, сам головой кацял:
«А послушай-ко, Добрынюшка, що я скажу;
На тебя есть⁸⁸, Добрыня, да ноньце жалоба;
А приходили ко мне да князя-бояра,
А на тебя где они да ноньце жаловались:
А ходишь гулять нонь ты на улицу,
А на дорогу где ты да на проезжую,
А заходил на двory да всё на барьские
А на барьски на двory, да всё на князевски,
А играл ты с детьми да нонь со барьским
А с тема же детьми да с княженевским —
А да избил ты детей да ноньце барских,
А барьских детей всё княженевских:
А руки-ти у их да ты повиставил,
А ноги-то у их да ты повыдергал,
А посерёдки где брал — тут живота лишил.
Отобрал где у их ты платьё цветноё,
Платъё цветно у их, да княженевскоё.
А приходили ко мне да князя-бояра,
Приносили на тебя да ноньце жалобу,
А велели тебя да ноньце выслать вон:
А не выйдёшь-де ты — дак они сами выйдут тут!»
А говорил тут Добрынюшка Микитиц млад:
«А послушай-ка, Владимир да стольне-киевський,
А послушай ты, Владимир, да нонь, що я скажу.
А ходил я гулять да нонь на улицу,
А заходил я на двory да нонь на барские

⁸⁶ У Е. В. Рассолова — «[только] двенаццэтъ [лет]».

⁸⁷ У Е. В. Рассолова — «[нынь] пошол».

⁸⁸ У Е. В. Рассолова — «[на] тибя есь».

А на барьски дворы на князевские —
А играл я с детьми да князевскими,
А с тема же с детьми да всё со барскими.
<...>
А играл я с има во карты-шахматы —
А отыграл я у их да платьё цветноё,
Платъё цветно у их, да князиневскоё:
А они тут-де меня стали журить-бранить,
А бить-то меня палками шаровыма.
А ише-то я сносил им всё за шутку же!
А обносить стали меня рецьми нехорошима:
“А не оцъцёв как сын да ты не материн —
А ишше нет у тя оцця да настоящего!”⁸⁹ —
А та мне-ка шутка не понравилась⁹⁰:
А уж руки-ти у их да нонь повыставил,
А уж ноги-ти у их да нонь повыдергал!»
А говорил тут Владимир да стольно-киевской:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
Да садись-ко ты, Добрынюшка, за дубовой стол!»
А было во ту пору, во то время
А пришла тут Омельфа да Тимофеёвна.
Да берёт ведь ей князь да за праву руку,
А садит ведь ей князь да за дубовой стол.
А тут-де Владимир угощать⁹¹ их нонь стал...
<...>

А говорил он Омельфы да Тимофеёвны:
«А ты оставь мне Добрыню да во служеньице!..»
А говорила Омельфа Тимофеёвна:
«А послушай-ко, Владимир да стольне-киевской!
А ишше кто⁹² меня, старуху, будёт поить-кормить?»
Говорил тут Владимир да стольне-киевской:
«А кормить я Вас буду ноньце досыта,
А поить я Вас буду ноньце допьяна,
А золота тебе⁹³ казна от меня не запёрта!»

(10—196; 202—264; 268—287; 295—303)

⁸⁹ У Е. В. Рассолова — «[да] настоящего».

⁹⁰ У Е. В. Рассолова — «[не] пондравилась».

⁹¹ У Е. В. Рассолова — «угощать [стал]».

⁹² У Е. В. Рассолова — «[а ишше] хто».

⁹³ У Е. В. Рассолова — «тибя».

Пётр Родинович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Ай кабы тут его ле да родна матушка
Отдават его ле князю да нонь Владимиру⁹⁴,
Отдават его она да во служеньицо. (36—38)

Иван Емельянович Чупров, деревня Абрамовская Усть-Цилемского района:

Говорил солнышко Владимир-князь:
«Ах ты ой еси, Добрынюшка Микитиц блад!
Да ходи ты по городу по Киеву,
Да по тем же ты по улицам по широкиим,
Да по тем же по цястым переулочкам.
Не ходи ты в Андрейцку малу уличу,
Да во тот же Маринкин переулочёк». (13—19)

Неонила Тихоновна Щербакова и Евдокия Ивановна Любченко, хутор Диченский Каменского района Ростовской области:

Ну⁹⁵, берет князь Добрыню себе в клюшнички,
Он в клюшнички, во замошнички.
Как три года Добрыня он и банюшку топил,
А еще-то Добрыня на конюшеньку ходил.
На конюшеньку ходил, золоты ключи носил.
Золоты ключи носил от конюшеньки. (19—24)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Стал Добрынюшка на возрасте,
Стал на возрасте — в пятнадцать лет... (70—71)

⁹⁴ У П. Р. Поздеева — «[да нонь] Владимиру».

⁹⁵ У Н. Т. Щербаковой и Е. И. Любченко — «но».

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей Усть-Цилемской волости:

Ён стал хватать приправу богатырскую,
Он сперва хватил копейцо бурзомецкоё, —
Хорошо владеет удалой доброй молодец;
Он еще хватил-ле палицу буёвую, —
Хорошо владеет удалой доброй молодец;
Он еще хватил саблю право ведь вострую, —
Хорошо владеет удалой доброй молодец... (16–22)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Стал по улице похаживать.
Стал он палицей помахивать,
Зачал сабелькой пофыркивать,
Стал он копыицом подпиратися.
У Добрыни сердце возъярилося,
Могучи плечи расходилися:
Не может уничтожить свое ретиво сердце.
Идет он во светлую во светлицу:
Сам говорит таковы слова:
«Гой еси ты, моя матушка родимая,
Молода Амельфа Тимофеевна!
Сдавай ты мне коня богатырского...»
<...>
И проговорит ему родима матушка:
«Ах ты, мое дитятко сердечное,
Ты малешенек еще и глупешенек.
Поживи-ко ты еще малешенько,
Покопи-ко ты еще ума-разума.
Потерять тебе будет буйна голова».
— «Ах ты, матушка моя родимая,
Не могу я уничтожить ретиво сердце,
Мне охота съездить далече,
Съездить далече во чисто поле,
Пострелять мне гусей-лебедей
И пушистых, перелетных, серых уток».
Не могла мать переставить таковы слова;
И выводит она ему добра коня,
Из тоя из конюшни из новыя.

И выносит всю сбрую богатырскую.
И накладывал Добрыня потнички бумажные,
И на потнички — ковры сорочинские,
И на коврички клал седелочки черкасские.
Подтягивал двенадцать подпруг шелковых,
Надевал на себя платье соотцовое;
Соотцово платье ему узехонько и коротохонько.
И ставал он в стременышко голяшное,
И садился он в седлышко черкасское. (72–82; 84–108)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Он начал в чистó поле поезживать,
А поезживать, всё стал погуливать,
А ездить всё на тихие⁹⁶ на заводи,
А стрелять⁹⁷ всё гусей, белых лебедей. (21–24)

Елизавета Васильевна Субботина, Зимний берег Белого моря:

Запоезживал Добрынюшка во чистó полё,
Стал он палицу-ту бросать по поднёбесью,
Стрелочку-то стрелка́л он под óблака. (16–18)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как стал Добрыня во чистóм поли поляковать,
А не стало Добрынюшки поединшычка.
А как начал он метать сильных могучих всё богатырей,
Ай прошла про молодца слава великая;
А дошла туто слава до города до Муромца,
А до того же села до Карачёева,
А до старóго до казака Ильи Муромца;
Услыхал тут старой казак Ильи Муромца
Про сильного могучего богатыря. (25–33)

⁹⁶ У Г. Л. Крюкова — «[на] тихия [на заводи]».

⁹⁷ У Г. Л. Крюкова — «[а] стрелить».

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Как сидел-то старой-седатой за столом же он,
Э как за тим он сидел столом за дубóвым,
Э и за тимá ли он за скатертеми за браныма,
Он за тимá ли всё за ёствами сахáрныма,
Э как он сидел-то кушал старой-седатой-от,
Ишше тот ли всё богáтырь Илья Муромец⁹⁸,
Э-э ишше Илья Муромец сидел да сын Иванович,
А со отцом-то со родителём своим-то батюшком,
Со Иваном-то он сидел кушал с Тимофеевичом,
Со родимой-то со своей же всё матушкой,
Как со той ли со Пестеньей-то со Яковлевной,
Как дошла-ти слава-та вся великая,
Что⁹⁹ во том ли в славном городе во Рязани,
Как ведь есть славной руськой богáтырь-от,
Как по имени Добрынюшка Микитич млад.
Э и недосуг тут старому да всё седатому,
Недосуг-то ему сидеть за столом дообедывать... (19–35)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень:

Говорил где Илеюшка таково слово:
«Там како тако бахвалишко проевилосе?..» (24–25)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

И-и он ставал скорó выходил из столичка дубóвого,
Из-за тех-то из-за скатертей за браные,
Из-за тех-то он яств¹⁰⁰ сахáрных-то,
Из-за тех ли из-за пива, пива сладково.
И он крест-то клал же он да-писáнному,
Он поклон-от вёл же всё да по-учёному,

⁹⁸ У П. С. Пахоловой здесь и далее — «[Илья] Мурамец».

⁹⁹ У П. С. Пахоловой — «што».

¹⁰⁰ У П. С. Пахоловой — «[он] еств».

А и он родителю-то батюшку бил челом, низко кланялсе:
«Уж как свет Иван Тимофеев сын,
Э и как со своею восударыни родной матушки,
Епистеньей-то же он да всё же Яковлевной».
И он же кланялся им низёхонько во резвы ногі,
Как пошел он скоро-то да на широкой двор... (36–47)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Стал тогда¹⁰¹ Илеюшка собиратисе,
Ишше стал тогды Илеюшка собрунятисе
Ай на ту-эту славушку великую,
На того же на борца¹⁰² на приудáлово. (35–38)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Его сердце¹⁰³ было неуступчиво;
Пошел он скоро на конюшей двор
Седлатъ, уздать своего да коня доброго¹⁰⁴.
Ай накладывал он уздицу тесмянную,
А на спину лошадину войлучёк,
Ай на войлучёк накладывал седёлышко черкальское;
Затёгивал двенадцать сутужинок,
А сутужинки-потужинки-ти были шолковы... (34–41)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ай подпружаны-ти были циста сёребра... (44)

¹⁰¹ У Ф. Т. Пономарёва — «[стал] тогды».

¹⁰² У Ф. Т. Пономарёва — «[на] борца».

¹⁰³ У Г. Л. Крюкова — «[его] сердыце».

¹⁰⁴ У Г. Л. Крюкова — «[коня] доброго».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А застёгивал-то он двенадцать пряжочёк,
А пряжечки-ти были красна золота,
А спёнушки-ти были булатные,
Крепкого булата всё заморского¹⁰⁵, —
То не ради красы, ради крепости... (42–46)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Булат-железо не погнитце,
Шамохíньской-о шелк¹⁰⁶ сам не порвитце,
Ише красно-то золото в грязи не ржавеёт». (47–49)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Илья-то был сын Иванович
Одевался он в платье богатырської,
Богатырської платицё, военное.
А у него ведь конь-ёт был как снегу белого,
Ишше хвост-грива у него была чёрная.
Он скоро, легко скакал на добра коня... (47–52)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Не видели поездочки Ильи Муромца;
Только видели — во поли куревушка вьёт.
Он здорово-то ехал полё чистое,
И здорово-то ехал лесы тёмныя,
И здорово-то ехал грязи чёрныя.
Ишше еде ко Резанюшки ко городу;

¹⁰⁵ У Г. Л. Крюкова — «заморського».

¹⁰⁶ У Ф. Т. Пономарёва — «шолк».

Ко городу ехал не дорогою,
Во город заежжаё не воротами, —
Конь скакал же через-стену городовую,
Мимо ту же круглу башню наугольную. (51–60)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень:

Да завидел¹⁰⁷ Илеюшка Резань-горот;
А в том же Резани да славном городе
В том же народу да много множество:
А конны-ти едут темным лесом,
Пешеходом¹⁰⁸ идут нарот станицеми,
Черным кораблём¹⁰⁹ бежат дак по синю морю. (54–59)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ишше сам жа говорил тогда таково́ слово:
«Ай доселева Резань-то слободой слыла,
И нонече Резань-то слывёт городом». (61–63)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Едет он по Рязани славну городу,
А играют туто маленьки ребятка жа.
А спрашаёт он у маленьких ребяток жа:
«Уж вы гой еси, маленьки ребятка жа!
Где это Добрыньино подворьицё, широкой двор?
Вы скажите-ко мне про Добрынин про широкой двор».
(57–62)

¹⁰⁷ У Я. Т. Авдушева — «[да] завидял».

¹⁰⁸ У Я. Т. Авдушева — «пешеходом [идут]».

¹⁰⁹ У Я. Т. Авдушева — «[черным] караблём».

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Доводили до Добрынина широка двора:
У Добрынюшки двор был неогрёмистой,
Ай подворьицо-то было необширное. (67–69)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Подъезжает он под окошечко¹¹⁰,
А кричит он зычным голосом... (64–65)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

...Ай во всю жа богатырску буйну головушку;
Ишше мать сыра земля под им потрясаласе,
Ай Добрынина избушка пошатиласе,
Ставники в его окошках помитусились,
Стёколенки в окошках пошорбалисе.
«Эли в доми Добрынюшка Микитиц сын?» (71–76)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Услыхала тут Добрынина да рódна матушка;
Подбегала она всё к окошечку¹¹¹... (67–68)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

...Отпирала де окошечко косишчато
И рець говорила потихошеньку,
Да сама жа говорила таково слово... (78–80)

¹¹⁰ У Г. Л. Крюкова — «[под] окошечко».

¹¹¹ У Г. Л. Крюкова — «[к] окошечку».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Уж и здравствуй-ко¹¹², казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!» (73–74)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Говорил восударь тогда¹¹³ Илья Муромец:
«Ише как меня знашь, вдова, ты именём зовёшь,
Почему же ты меня знашь из отечества?»¹¹⁴
Говорила Омельфа Тимофеевна:
«И знать-то ведь сокола по вылету —
Ише знать-то богатыря по выезду,
Ише знать молодца ли по поступочки». (84–90)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Ты не бойсе моёго двора сиротского¹¹⁵,
Заежай-ко-се добрым конём на широкой двор
Ты попить-то, поесь ко мне, покушати». (64–66)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«...Накормлю ведь я тебя досыта¹¹⁶,
Напою ведь я тебя допьяна». —
Говорит-то Илья сын Иванович:
«Я не пить приехал, ни исть хлеба, соли жа.
Ты скажи-ко мне про своего чада милого,
Он и в доме, или его нет?»

¹¹² У Г. Л. Крюкова — «[уж и] здравствуй-ко».

¹¹³ У Ф. Т. Пономарёва — «тогда».

¹¹⁴ У Ф. Т. Пономарёва — «почому... отечесства».

¹¹⁵ У А. М. Крюковой — «[двора] сиротьского».

¹¹⁶ У Г. Л. Крюкова — «досыти».

Отвечает¹¹⁷ Добрынина рódна матушка:
«У меня Добрыни топере в доме не случилось:
Он уехал всё на тихия на заводи
А стрелять¹¹⁸ гусей, белых лёбедей,
А пернастых серых малых уточёк...» (85–95)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Да немного де Илеюшка разговаривал¹¹⁹;
Ишше речь говорит — коня поворачиват. (91–92)

Иван Давыдович Нечаев, деревня Сояна, Кулой:

«Прицесна вдова Омельфа Тимофеевна!
А пеки-тко коровашецьки помйнальни,
Поминай-ко Добрынюшку хлебóм-солью!» (64–66)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Говорила де Омельфа Тимофеевна:
«Уж ты гой есь, восударь ты Илья Муромец!
Ты не буди ты спальчив, буди милосьлив:
Ты наедёшь как Добрынюшку на чистóм поли, —
Не сруби-тко у Добрынюшки буйнóй головушки;
Добрынюшка у меня¹²⁰ ведь молодёшенёк,
Не речах у мья Добрынюшка зашибчивой,
На делах у мья Добрыня неуступчивой». (93–100)

¹¹⁷ У Г. Л. Крюкова — «отвичает».

¹¹⁸ У Г. Л. Крюкова — «[а] стрелеть».

¹¹⁹ У Ф. Т. Пономарёва — «[Илеюшка] розговаривал».

¹²⁰ У Ф. Т. Пономарёва — «[у] миня».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Не моги его¹²¹ убить, моги помиловать
Хошь не ради его, да ради меня вдовы:
Ишше кто¹²² меня будет под старость поить-кормить?» (99–101)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Да поехал восударь тогда¹²³ во чисто полё.
Он выехал на шёломя на окатисто,
На окатисто-то шоломя на угористо,
Да увидел под восточней под стороночкой... (101–104)

Иван Давыдович Нечаев, деревня Сояна, Кулой:

...Он увидел на цистом-то тут ведь бел шатёр¹²⁴. (68)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ише ездит дородный добрый молодец¹²⁵... (105)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Да он ездит на добром кони, розъизжаитесь,
Всё дворяньским утехами да забавляйтесь:
Высоко-то он палицу-ту мечет¹²⁶ по-под небеса,

¹²¹ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «ёго».

¹²² У Г. Л. Крюкова — «[ишше] хто».

¹²³ У Ф. Т. Пономарёва — «тогда».

¹²⁴ У И. Д. Нечаева — «увидял... веть».

¹²⁵ У Ф. Т. Пономарёва — «[ише] ездить дородней доброй [молодец]».

¹²⁶ У Г. Л. Крюкова — «[он] паличу-ту мечёт».

Подъезжает на добром коне¹²⁷,
Подхватывает ей да во праву руку,
А не допускает он до сырой земли. (105–110)

Иван Давыдович Нечаев, деревня Сояна, Кулой:

Он ведь палицу буёву да¹²⁸ побрасывают,
Головой он палку нонице подхватывают... (70–71)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

...Ай ко палеци своей сам приговаривал:
«Уж ты палица, палица¹²⁹ боёвая!
Ишше нету мне тепере поединшика,
Ишше русского могучего¹³⁰ богатыря».
Говорил восударь тогда¹³¹ Илья Муромец:
«Уж ты полно, молодец, ездить, потехатисе,
Небылыма словами похвалятисе!
Уж мы съедимсе с тобой на поли, побратаимсе,
Ай кому-то де на поли будё Божья помощь»¹³². (109–117)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Подъезжает¹³³ тут старой казак Илья Муромец:
«Здрастуй-ко, дородней доброй молодец!
Ты скажи-ко-се про родину и про отчину».
Говорил тут Добрыня таковы речи:
«А когда скажет тебя моя палица тяжеляя¹³⁴,

¹²⁷ У Г. Л. Крюкова — «подъезжает [на добром] кони».

¹²⁸ У И. Д. Нечаева — «[он] веть палку буёву да он».

¹²⁹ У Ф. Т. Пономарёва — «палеца».

¹³⁰ У Ф. Т. Пономарёва — «[ишше] руського могучого».

¹³¹ У Ф. Т. Пономарёва — «тогда».

¹³² У Ф. Т. Пономарёва — «[Божья] помошш».

¹³³ У Г. Л. Крюкова — «подъезжает».

¹³⁴ У Г. Л. Крюкова — «[когда] скажот... палиця тяжолая».

А когда¹³⁵ тебе ссеку да буйну голову».
Тут разъярилось у Ильи да ретивó сердце¹³⁶;
А стегал он коня по крутым бёдрам.
Разъезжались¹³⁷ богáтыри по чистú полю,
Соезжались богатыри всё в одно место;
Как ударились они палицами тяжелыми¹³⁸,
У их паличи пошербáлисе;
Ише друг дружки они не ранили,
Не дали на себя¹³⁹ раны кровавая.
А разъехались богáтыри во второй након,
Ай ударились они саблями-ти острыма;
Как по рук да сабельки сломились;
Ише друг друга они не ранили,
А разъехались богáтыри во-в третёй након,
Как ударились они копьеми ворзومهцькима,
У их копыця согнулисе, свернулисе;
Не дали на собя раны кровавая. (111–132)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Да скакали через гривы-ти лошадиные¹⁴⁰,
Ай схватилисе богáтыри большím боём,
Ай большим-то боём да рукопашосьним... (134–136)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

...Схватились бороцца в охабочку,
В охобочку бороцца по медвежьему. (31–32)

¹³⁵ У Г. Л. Крюкова — «[а] когда».

¹³⁶ У Г. Л. Крюкова — «розъерилось... сердце».

¹³⁷ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «розъезжались», «розъехались».

¹³⁸ У Г. Л. Крюкова — «[ударились...] паличами тяжолыма».

¹³⁹ У Г. Л. Крюкова — «[на] собя».

¹⁴⁰ У Ф. Т. Пономарёва — «черес [гривы-ти] лошадинныя».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Они первые суточки борются¹⁴¹ с утра до вечера
И други-то сутки борются¹⁴² с утра до вечера... (135–136)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

И под имá земля да грéзью деитьсе.
У Илиюшки платьё кольцожное,
У Добрынюшки платицё ременьцето;
И кольцожное платьё да не здавайтесь,
А ременьцато платьё подавайтесь. (57–61)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А на третьи-то суточки у Добрыни порвалóсь платьё цветноё...
(137)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень:

Тут же Добрынюшки за беду стало,
За великую досаду да показалосе;
Разгорелась у Добрынюши (*так*) горяча кровь¹⁴³,
Расходились¹⁴⁴ у Добрынюши могучи плеча. (90–93)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

У Добрынюшки ухватоцька дворянская:
Он ударил¹⁴⁵ Илию да по резво́й бедры... (64–65)

¹⁴¹ У Г. Л. Крюкова — «[они] первыя [суточки] борются».

¹⁴² У Г. Л. Крюкова — «[сутки] борются».

¹⁴³ У Я. Т. Авдушева — «розгорелась... горяча крофь».

¹⁴⁴ У Я. Т. Авдушева — «росходились».

¹⁴⁵ У Д. Г. Кобелевой — «[он] ударыл».

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень:

Да замётывал Добрынюша леву ногу,
Да подхватывал¹⁴⁶ Добрынюша правой рукой —
Да бросил где старого о сыру землю:
Иише пряжки¹⁴⁷ серебряны все переломалисе,
А шпенёчки булатны перегибалисе,
Платьё ведь жыляно всё уж¹⁴⁸ лопнуло. (94—99)

Иван Прокопьевич Прыгунов, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Да по Божьей-то всё было по милости,
По Добрыниной-то было всё по учести:
Да здала у Илёюшки лева ножечка,
Да здала у Илеюшки права ручюшка;
Ише пал-то Илеюшка на сыру землю... (98—102)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как падал старый казак на мать сыру землю,
Ише мать сыра земля да потрясаласе.
Уж как сел-то Добрыня на белы груди,
А он вынул-выдернул¹⁴⁹ из кинжалища булатной нож,
Ише хочет досмотреть ретива сердца¹⁵⁰. (140—144)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

И стал Илью Муромца расспрашивать¹⁵¹,
Расспрашивать стал его, выведывать:
«Ты которого города, коей земли?»

¹⁴⁶ У Я. Т. Авдушева — «[да] потхватывал».

¹⁴⁷ У Я. Т. Авдушева — «[ише] пряшки».

¹⁴⁸ У Я. Т. Авдушева — «веть... уш».

¹⁴⁹ У Г. Л. Крюкова — «[он] вынел-выдернул».

¹⁵⁰ У Г. Л. Крюкова — «[ише] хочёт досмотрить [ретива] серыца».

¹⁵¹ У В. П. Аникиева здесь и далее — «рспрашивать».

И как отца-мать именем¹⁵² зовут,
Именем же зовут да по отчеству?..»
Отвечал тут ему да Илья Муромец:
«Уж¹⁵³ я был бы сидел да на твоей груди, —
Я расстегивал бы твои пугови¹⁵⁴ вольячньныя,
И порол бы твою да грудь я белую,
И смотрел бы я твоё да ретиво сердце!..»¹⁵⁵ (43—52)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Не спросил бы я не родины, не вотчины...» (154)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

Тут стал же Добрынюшка Некитич млад,
Он стал тут расстегивать¹⁵⁶ шубочку собольею;
Он расстегивал пугови¹⁵⁷ вольячньныя,
Отворачивал латы булатныя.
Увидавши¹⁵⁸ он на груди крест серебряной,
Соскочивши з груди он могучие,
Он брал тут Илью да за белы руки,
Поднимал он Илеюшку на резвы ноги... (53—60)

Иван Прокопьевич Прыгунов, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Ты прости меня¹⁵⁹, Илеюшка, в таковой вины!
Кабы знал-то ише, ведал, Илеюшка,
Не сидел бы у тебя да на белых грудях». (130—132)

¹⁵² У В. П. Аникиева здесь и далее — «именём», «именом».

¹⁵³ У В. П. Аникиева — «уш».

¹⁵⁴ У В. П. Аникиева — «ростегивал... пугофки».

¹⁵⁵ У В. П. Аникиева — «[ретиво] серцо».

¹⁵⁶ У В. П. Аникиева здесь и далее — «ростегивать», «ростегивал».

¹⁵⁷ У В. П. Аникиева — «пугофки».

¹⁵⁸ У В. П. Аникиева здесь и далее — «увидафши», «сосчитафши».

¹⁵⁹ У И. П. Прыгунова здесь и далее — «миня», «тибя».

Елизавета Васильевна Субботина, Зимний берег Белого моря:

«Хошь я сидел у тя на белых грудях,
Ты пушшай мой старшой брат,
Я буду младший¹⁶⁰ твой». (75–77)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Иише тут-то Илья скоро усьмехайтыце;
Он берёт его за рученьку за правую,
Он целует¹⁶¹ его в уста сахарныя,
Иише сам он говорит ёму таковы речи:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитиц млад!
Ты глупёхонёк — стало быть, молодёхонёк.
Верно храбрось в тебе богатырская;
Не напрасно прошла-то слава великая.
Ты поедём со мной лучше к рódной к матушки.
Да ко той вдовы к Омельфы к Тимофеевны».
Тут ведь скоро Добрынюшка догадаитыце;
Он ведь падал ёму скоро во резвы ноги:
«Ты прости, прости меня¹⁶², прости виноватого!
Говорила мне матушка родимая,
Шьто чесна́ вдова Омельфа Тимофеевна:
“Да увидишь в чистом поли Илью Муромца —
Не дошód ты ёго, да низко кланяйся¹⁶³...
<...>
Ты зови его¹⁶⁴ к себе на широкой двор”». (105–121; 123)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Не моги меня казнить, моги помиловать.
<...>

¹⁶⁰ У Е. В. Субботиной — «буду [младшой]».

¹⁶¹ У А. М. Крюковой — «[он] челует».

¹⁶² У А. М. Крюковой — «миня».

¹⁶³ У А. М. Крюковой — «[низко] клянейсе».

¹⁶⁴ У А. М. Крюковой — «[зови] ёво».

А мы будём ездить по чисту́ полю, поляковать,
Приставать будем друг за́ друга,
Друг за́ друга, за брата крестового».
<...>

...А сымали оны с голов да золоты́ кресты,
Одевали друг на дружку золоты кресты,
Да садились они на добрых коней,
Поехали они к Рязани славну городу
Ко Добрыниной да родной матушки.

(175; 180–182; 186–190)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Да стречеёт их Омельфа Тимофеевна.
Приехали братаны из¹⁶⁵ чиста́ поля... (175–176)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Как приехали Добрыни к широку́ двору,
Увидала Добрынина родна матушка,
Встречала¹⁶⁶ их среди двора,
Среди двора со красна́ крыльца¹⁶⁷,
Да брала она старого казака за белы́ руки,
Повела в Добрынины да светлы свѣтлицы,
Посадила она за дубовы́ столы,
За дубовы столы, за есьвы сахárныя.
У их пошел¹⁶⁸ всё навѣсели;
Они пили, веселились трои суточки.
Богатыри спать полегли,
С того спали они трои суточки.
Тут богатыри просыпалися
Ото сна-то пробуждалися. (191–204)

¹⁶⁵ У Ф. Т. Пономарёва — «ис [чиста́ поля]».

¹⁶⁶ У Г. Л. Крюкова — «стречала».

¹⁶⁷ У Г. Л. Крюкова — «[со красна́] крыльця».

¹⁶⁸ У Г. Л. Крюкова — «[у их] пошол».

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

И тут жил-гостил старый-седатой он целой месяц¹⁶⁹ у них...
<...>

У Добрынюшки же он да у Микитича,
Как у брателка у крестового,
Обучал старóй-седатой Илья же Муромец¹⁷⁰
Как по силам поездкам всё богатырским его,
Как ездить ему в чистóм полі,
Как боротисе да не с приятелями¹⁷¹. (253; 255–260)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Говорил жа восударь тогда Илья Муромец¹⁷²:
«Уж ты вой еси, Омельфа Тимофеевна!
Ты спусти-тко-се Добрынюшку Микитица,
Ты спусти-тко ёго ты да в красен Киев-град». (178–181)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

«Тебе Бог благословит, цядо милоё
И молоды Добрынюшка Микитиц млад,
Тебе ехать во далецё в цисто полё
А учитьсе на тур богатырской жа». (48–51)

Акулина Ивановна Моисеева, деревня Березник, Иркутская область:

«Даю тебе¹⁷³ три слуги верныя, благоверныя:
Первую слугу — пуховой колпак¹⁷⁴,

¹⁶⁹ У П. С. Пахоловой — «[он] чело́й [месяц]».

¹⁷⁰ У П. С. Пахоловой — «[Илья же] Мураме́ц».

¹⁷¹ У П. С. Пахоловой — «[да не с] прияте́лями».

¹⁷² У Ф. Т. Пономаре́ва — «[говорил...] то́гда [Илья] Муроме́ц».

¹⁷³ У А. И. Моисеевой — «[даю] тебе́».

¹⁷⁴ У А. И. Моисеевой — «ка́ўпак».

Вторую слугу — саблю вострую,
Третью¹⁷⁵ слугу — жалыце булатное». (16—19)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Да поехали братаны в красен¹⁷⁶ Киев-град,
А к тому же де князю ко Владимиру¹⁷⁷. (182—183)

Иван Прокопьевич Прыгунов, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Да стречат-то Владимир стольно-киевский¹⁷⁸:
«Уж ты здравствуй¹⁷⁹, Илеюшка, Илья Муромец!
Уж ты здравствуй, дородний¹⁸⁰ доброй молодец!
Я тебя-то¹⁸¹, доброй молодец, не знай, как зовут».
Говорит-то Илеюшка, Илья Муромец:
«Ише на́ имя — Добрынюшка Микитич млад». (138—143)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполе, Мезень:

Да приехал где Илеюшка в город Муров же —
А стал народ у его¹⁸² уж спрашивать,
А стал же народ у его выведывать:
«А с кем же ты, Илеюшка, боролся¹⁸³ там?»
— «Да боролся с удалым да добрым молоццом
А с тем же Добрынюшой Микитичом:
А бросил-де Добрынюшка о сыру землю!»
Да народу тому так это не любо. (114—121)

¹⁷⁵ У А. И. Моисеевой — «третью».

¹⁷⁶ У Ф. Т. Пономарёва — «красён».

¹⁷⁷ У Ф. Т. Пономарёва — «[ко] Владимёру».

¹⁷⁸ У И. П. Прыгунова — «Владимер стойно-киесской».

¹⁷⁹ У И. П. Прыгунова здесь и далее — «здрастуй».

¹⁸⁰ У И. П. Прыгунова — «дороднёй [добрый молодец]».

¹⁸¹ У И. П. Прыгунова — «[я] тибя-то».

¹⁸² У Я. Т. Авдушева здесь и далее — «[у] ёго».

¹⁸³ У Я. Т. Авдушева здесь и далее — «боролсэ».

Застава богатырская

Источники текста

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район (Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 77 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 216–222.)

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 138 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 386–396.)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря (Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 46 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 197–200.)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

Воротился Илья в стольный Киев-град.
Выбирал он себе, Илья, товарищев
Что по силе по своей, по своей ловкости:
Выбирал он Добрынюшку Никитича,
Выбирал он ведь Алешеньку Поповича,
Да семь братьев Сбродовичей.
Поезжают они во чисто полё,
Они делают заставу богатырскую... (238–245)

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

...Мало-помалу справляются,
Мало-помалу сподобляются.
Сподобляется Олешенька Попов-тот сын

Во дáлече далéче во чистó поле,
Седлае, уздае добра коня:
На коня положил он войлочки,
На войлочки клал он пóтеси,
На потеси седельшко черкасское...

<...>

Подвязывал шелками муханьскими,
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрепы богатырской.
Пряжки клал меди казанской,
Стремянки железа булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поедуци,
Одна курева стоит во чистом поли
От ёго копыт от лошадиных.
Приехал Олеша во чисто поле
К тому дубу ко Невиду,
К тому кресту Леванидову,
К белому ко камению к Олатырю.
Раздернул ён свой бел шатер,
Во шатер поставил добра коня,
Насыпал пшены белояровой,
О шатёр поставил одно деревцо,
Одно деревце поставил двадцати сажен.
На деревце повесил одну кисточку,
Одну кисточку повесил золоченую,
Не для ради красы басы угожества,
Для ради признашки богатырской!
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоит Алеша во чистом поли,
На этой на за́ставы великой.

Мало-помалу справляются,
Маль-помалу сподобляются.
Сподобляется Добрынюшка Микитинич
Во дáлече далéче во чистó поле,
Седлае, уздае добра коня:
На коня положил он войлочки,
На войлочки клал он пóтеси,
На потеси седельшко черкасское...

<...>

Подвязывал шелками муханьскими
Не для ради красы басы ужожества,
Для ради закрепы богатырской.
Пряжки клал меди казанской,
Стремянки железа булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поедучи,
Одна курева стоит в чистом поли
От ёго копыт от лошадиных.
Приезжает Добрыня во чисто поле
К тому дубу ко Невиду,
К тому кресту Леванидову,
К белому ко камению к Олатырю.
Роздернул ён свой бел шатер,
Во шатер поставил добра коня,
Насыпал пшены белояровой,
О шатёр поставил одно деревцо,
Одно деревце поставил тридцати сажень;
На деревце повесил две кисточки,
Две кисточки повесил золоченыи,
Не для ради красы басы ужожества,
Для ради закрепы богатырской,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоит Добрыня во чистом поли,
На той ли на заставы великой.

Мало-помалу справляются,
Маль-помалу сподобляются.
Сподобляется старый казак Илья Муромец
Во далече далече во чистое поле,
Седлае, уздае добра коня:
На коня положил он войлочки,
На войлочки клал он потеси,
На потеси седлышко черкасское...
<...>

Подвязывал шелками муханьскими
Не для ради красы басы ужожества,
Для ради закрепы богатырской.
Пряжки клал меди казанской,
Стремянки железа булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поедучи,

Одна курева стоит во чистом поли
От ёго копыт от лошадиных.
Приезжает Илья во чистó поле
К тому дубу ко Невиду,
К тому кресту Леванидову,
К белому ко камению к Олатырю.
Роздернул ён свой бел шатер,
Во шатер поставил добра коня,
Насыпал пшены белояровой,
О шатёр поставил одно деревцо,
Одно деревце поставил сорока сажень,
На деревце повесил три кисточки,
Три кисточки повесил золоченых,
Не ради красы басы ужожества,
Для ради пристрашки богатырской,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоит Илья Муромец во чистóм поли,
На этой на за́ставы великой.
Мало-помалу справляются,
Мало-помалу сподобляются.
Собрались двенадцать богатырев...
(123—130; 131—164; 166—198; 200—227)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

Они делают заставу богатырскую,
Стали жить да быть богатыри на заставушке. (245—246)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Принимал-то Владимир их с цёсти, с радости...
<...>
Отовсюль он собирает-то всё богатырей.
Во первых познакомились Илья всё со Добрынюшкой.
Во вторых-то покрестовались со Олëshенькой,
Да ишшэ с Дунаём сыном Ивановичем,
Да ишэ они с Цюрилушком со Плénковичём,

Да ише́ же со Самсоном всё со Сильним-то;
Да ише́-то Переться́ тут со племянницком,
Ишше́ был сь има Ва́нюша, всё боярской сын,
Ишше́ был с има Ванька, енеральской сын.
Ишше́ те же бога́тыря всё сильния
Записались всё в заповедь великую:
«Шьчобы́ стоять нам за князя за Владимира,
Шьчобы́ стоять нам за веру християньскую,
Шьчо́ за матушку Россию за православную,
Шьчо́ за землю-ту нам шьчобы́ Святоруськую».
(135; 137–151)

Бой Добрыни с Дунаем

Источники текста

- Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой** (Купанье, бой со змеей, женитьба на избавленной девице и стояние Добрыни на заставе и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 301 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463–469.)
- Анкудин Ефимович Осташов, село Замезное (Замез), Пижма** (Бой Добрыни и Дуная: [Былина] № 7 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 41–45.)
- Дмитрий Карпович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора** (Бой Добрыни с Дунаем: [Былина] № 133 // Былины: в 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 576–578.)
- Гаврила Иванович Чупров, деревня Абрамовская Усть-Цилемского района** ([Добрыня и Дунай]: [Былина] № 66 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 392.)
- Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень** (Бой Добрыни с Дунаем: [Былина] № 310 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 39–44.)
- Влас Иванович Чекалёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря** (Бой Добрыни с Дунаем: [Былина] № 99 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 464–466.)
- Афанасий Максимович Чупров, село Замезное (Замез), Пижма** ([Добрыня и Дунай]: [Былина] № 52 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 356–357.)
- Алексей Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень** (Бой Добрыни с Дунаем: [Былина] № 341 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 177–184.)

Григорий Михайлович Парыгин, деревня Тиглява (Тигляева), Мезень (Бой Добрыни с Дунаем: [Былина] № 412 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 538–540.)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень (Бой Добрыни с Дунаем: [Былина] № 416 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 571–576.)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой:

Уехал Добрынюшка на заставу великую...

<...>

О ту же о заставу великую

Розоставил шатёр белополотненной. (168; 171–172)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

Ай да первая поездка да молодецкая,
Хоробра была поездка да молодецкая:
Да не видели побезку да лошадиную,
Только видели: в чистом поли курева стоит,
Курива стоит, дак дым столбом валит.
Выежжал ле тут Добрыня на чисто полё,
Он брал-то ле трубоцьку подзорную,
Осмотрел на четьре да на дальни стороны,
Он смотрел-де под сторону под западну —
Там стоят-де топере да лесы темныя;
Он смотрел-де под сторону под северну —
Там стоят-де топере да леденны горы;
Он смотрел-де под сторону восточную —
Там стоит дак и наш да стольнёй Киев-град;
Он смотрел-де под сторону под летную —
Он завидел в чистом поле черной шатёр,
Он черной-де шатёр, да чернобархатной.

Думучись-то Добрынюшка роздумалсе:
«Как у нашего царя было у белого,
У наших-то руських богатырей,
Кабы были ле шатры белополотнены,
Тут стоит ноньче черной, да чернобархатной».
Приеждал тут Добрыня ко черну шатру... (1–23)

Дмитрий Карпович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Шатровы двери заперты,
Заперты двери, да замкнуты,
Над дверями подпись подписана,
Да подрезь подрезана,
И с угрозою шатёр оставленный:
«Кто приворотит к тому шатру,
Кто отопрёт мои двери шатровыя,
И попьёт, поест, покушает,
Не уедет он от чёрна шатра,
Хоть уедет он от чёрна шатра,
Не уедет он из чиста поля,
Нагоню я на поле на чистое,
Под меч склоню и голову срублю».
Добрынино дело не выкное,
Не выкное дело, не бывалое:
Не бывал Добрыня по чистым полям,
Не видал шатров чернобархатных,
Чернобархатных шатров да с угрозами. (12–29)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

А оттуль же Добрыня да поворот даёт,
Он поехал назад да в стольнёй Киев-град,
Доеждал-то Добрыня до Несей-реки,
Он поил-де коня да во Несей-реки,
Думучись-то Добрынюшка роздумалсе:
«Я приеду теперь да в стольнёй Киев-град,
Кабы станут богатыри да спрашивать,
Кабы станут же руськие выведывать,
Уж я што им скажу, што поведаю?» (34–42)

Дмитрий Карпович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

«Зайду ко князю ко Владимиру,
У князя, можот, сидит старбй казак,
Старбй казак да Илья Муромец.
Он и спросит у меня, старой казак, да таково словó:
“Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Ты уж где бывал да што слышал,
Што слышал, да кого видывал?”
У меня старому сказать будет нечего.
Видел только, скажу, на поле
Чернóй шатёр да со угрозою,
Не посмел отворить двери шатровые.
Што мне скажет на то старой казак?
“Полно тебе, Добрыня, ездить да во чисто полё,
Дома живи да ты с бабами,
Почищай ты у их да переднищи
И подтирай ты у их заднищи”». (34–49)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

«То не чесь мне хвала молодецкая».
Как оттуль же Добрыня поворот даёт... (43–44)

Дмитрий Карпович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Воротился тогда Добрыня ко чернóу шатрú,
Поставил коня к дубú сырому,
Где насыпано пшена да белоярова... (50–52)

Гаврила Иванович Чупров, деревня Абрамовская Усть-Цилемского района:

Спустил Добрыня к еговому коню своего коня:
«Как¹⁸⁴ мой конь отгонит его — я побью его в чистóм полé.
А его конь отгонит, тогда он меня побьёт в чистóм полé».
Тут кони поладились. (11–14)

¹⁸⁴ У Г. И. Чупрова — «какой».

Дмитрий Карпович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Подошел Добрыня к дверям шаторовым,
Сбрав замочки он заморския,
Отопрал дверей он шаторовыя,
Зашел Добрыня он во черной шатёр. (53–56)

Анкудин Ефимович Остахов, село Замезное (Замез), Пижма:

Розоставлены столы тут белодубовыя...
<...>
Розоставлены бадьи да с медом сладким,
Розоставлена посуда да все хрустальная... (26; 28–29)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

А стояла в шатри¹⁸⁵ боцька с зеленым вином;
А на боцьки-то — цяроцька серебрена,
А серебрена цяроцька позолочена,
А не мала, не велика — полтора ведра. (14–17)

Дмитрий Карпович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

На столи кушанья всякие разныя,
Стоят графины с водкой разною.
Стал Добрыня тут кушати,
Стал водоцьки покушивать... (58–61)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Он перву-ту выпил чару — для здоровьица,
Он втору-ту¹⁸⁶ выпил — для весельица,
А он третью-ту выпил чару — для безумьица:
Сомутились у Добрынюшки очи ясные... (22–25)

¹⁸⁵ У В. Я. Тяросова — «ф шатри».

¹⁸⁶ У В. Я. Тяросова — «фтору-то».

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

Приломал он тут посудушку хрустальную,
Приломал он-де вёдра ' зеленым вином,
Приломал он бадьи да с мёдом сладким,
Розрывал он тут да весь черной шатёр,
Розбросал он шатёр да по чисту полю. (49—53)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Роспина́л-де он боцку с зеленым¹⁸⁷ вином,
Ростоптал же он цяроцку сиребряну... (30—31)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

Он лёжилсЯ тут спать да на сыру землю.
Как о ту же о пору, о то времицко
Приежжал тут Дунай да из чиста поля... (54—56)

*Влас Иванович Чекалёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег
Белого моря:*

Уж как было у Дунаюшка погрёжоно,
Да погрёжоно-то да было покурёжоно,
А на добрых коничьках поезжоно. (1—3)

Афанасий Максимович Чупров, село Замежное (Замег), Пижма:

Здрел-смотрел да во трубу подзорную
И увидел: шатёр стоит не по-прежнему,
Не по-прежнему, да не по-старому.
Приехал тогда да ко чернү шатрү... (43—46)

¹⁸⁷ У В. Я. Тяросова — «з зеленым».

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Он и сам говорит дак таковы слова:
«Кажысь, не было не бури и не падеры,
А всё¹⁸⁸ моё шатрышко розвоёвано,
А распинана боцька с зеленым¹⁸⁹ вином,
И ростоптана цяроцька серебряна,
А серебряна цяроцька позолочена...» (38–43)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

Вся приломана посудушка хрустальная...
<...>
Все приломаны бадьи с медом сладким,
Весь розорванной его да черной шатёр. (58; 60–61)

Алексей Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

Подъезжал как Дунаюшко ко черну шатру,
И видит он чудышко немалоё:
И стоял только у столба ведь тут доброй конь,
И лежит тут ведь тулово немалоё.
<...>
У Добрынюшки конь был очунь ласковой, —
И бил он копытом лошадиным,
И будил он своего добра хозяина.
Спит-то Добрыня — не пробужаицэ.
Как подъехал Дунаюшко сын Иванович... (48–51; 56–60)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

Как увидел он Добрыню на сырой земле,
Вынимал-де он сабельку булатную,
Он хотел-то срубить да буйну голову,
Думучись-то ле сам дак призадумалсе:
«Как сонного-то губить, дак ровно мёртвого,

¹⁸⁸ У В. Я. Тяросова — «фсё».

¹⁸⁹ У В. Я. Тяросова — «з зеленым».

То не чесь будёт хвала да молодецкая,
А не выслуга будет да богатырская». (62–68)

Дмитрий Карпович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Разгоречилса на Добрыню Никитичя...
<...>
Закричал только ярым голосом:
«Кака приехал тут за невежа ж?
Сорвал мои замки весучия,
Я срублю у тебя да буйну голову!»
Будил-кликал его до трёх разов. (68; 70–74)

Афанасий Максимович Чупров, Замезное (Замег), Пижма:

«Не пора ли тебе стать да разбужатися,
С великим хмелем да росстоватися!» (52–53)

Дмитрий Карпович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Стал его попинывать,
Попинывать и пошевеливать.
Пробудилса Добрыня от крепкого сна... (75–77)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

А говорят тут Дунаюшко сын Ивановиць:
«Уж ты ой еси, удаленькой доброй молодець!
Ты зацем же розорвал шатёр дак рыта бархата,
Роспинал ты мою боценьку с зелены вином,
Ростоптал же ты цяроцьку мою серебряну,
А серебряну цяроцьку позолочену, —
Подарёнья была короля ляховиньского?..»
Говорыт тут Добрынюшка Микитиць млад:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын ты Ивановиць!
А вы зачем же пишите со-й угрозами¹⁹⁰,

¹⁹⁰ У В. Я. Тяросова — «со угрозами».

Со-й угрозами пишите со великима?
Нам боецсе угроз дак богатырьских —
Нам нецёго ездить во полё поляковать!» (59–71)

Григорий Михайлович Парыгин, деревня Тиглява (Тигляева), Мезень:

«Ты ставай-ко-се, Добрынюшка, от крепкого сна
Да омойсе ты водиценькой ключевой,
Оботрись-ко-сь полотёнышком шолковым же,
Ты садись-ко-се, Добрынюшка, на добра коня —
Мы поедём-ко, Добрынюшка, на цисто полё,
Уж¹⁹¹ мы выедём, Добрынюшка, на поединочку!..»
Они выехали, они на поединочку —
Они секлись ноне сабельками ле вострыма:
У их сабли-ти в руках да пощорбалисе.
Они билисе нонь палками буёвыми:
У их палочки в руках да загорелисе.
И тянулись они тягами жалезныма
И через ту ле ноне степь да лошадиную:
У их тяги-ти в руках да изорвалисе.
И сходилисе они на рукопашней бой,
И боролись они тут да три дни, три ноци. (56–71)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замез), Пижма:

Как о ту нынче о пору, да о то время
Кабы стар ле казак да Илья Муромец
Выезжал стар казак да во чисто полё
Как со тем же Олёшинькой Поповицом... (72–75)

Алексей Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

И говорил ведь Илейка таковы слова:
«Уж ой еси, ребятушки-товарышши!
А есь ведь в чистом поли велик ведь топот:
Лебы две силушки вмести ведь сходицсэ,
Лебо два там богатыря съезжающсэ...» (96–100)

¹⁹¹ У Г. М. Парыгина — «уш».

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

«Ой ты ой есь, Олёшинька Поповиць брат!
Слезывай ты тепериця со добра коня,
Припадай-ко к земле да юхом правым,
Не стуцит ле де-ка матушка сыра земля,
Не дерутца ле где руськие богатыри:
Кабы два ноньце руських, дак помирить надо,
Кабы два ноньце неверных, дак прогонить надо,
Кабы руськой с неверным, дак пособить надо».
Припадал-то Олёша да ухом правым:
«Как не где нонь не стуцит да мать сыра земля».
Как скакал-то старой да со добра коня,
Припадал он ко матушке сырой земле —
Там стуцит ле ведь матушка сыра земля,
Да под той же сторонущкой восточной;
Как прямой-то дорогой ехать месяцы,
Выезжал-то стар казак да ровно в три часа. (77–92)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

А подъежжаёт стары казак Илья Муромець.
Говорыт тут Дунаюшко сын Ивановичь:
«Вóно едёт стары казак Илья Муромець;
А стары-то казак мне-ка — приятель-друг:
А он пособит убить в поле¹⁹² неприятеля!..»
А говорыт-то Добрынюшка Микитиць млад:
«А евоно едёт стары казак Илья Муромець;
А стары-то казак мне — как крестовой брат:
А мне пособит убить в поли¹⁹³ тотарина!» (116–124)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

Закричал стар казак да зычным голосом:
«Уж вы ой еси, удалы добры молодцы!
Вы об цём деритесь, дак об цём ратитесь?

¹⁹² У В. Я. Тяросова — «ф поле».

¹⁹³ У В. Я. Тяросова — «ф поли».

Разве на земли-то стало да нынче узко¹⁹⁴ вам?
Кабы дó неба-то стало да ноньце низко вам?»
Они-то ноньце дерутса, не варуют,
Они пуще дерутса, пуще ратятса.
Да скакал-де старой дак со добра коня,
Он хватал-де обех ноньце в охабоцьку:
«Ох вы ой еси, удалы да добры молодцы!
Вы об цём нынь деритесь, да об цём ратитесь?»
Кабы стал ему Дунай ноньце высказывать:
«Я ведь за морём ноньце жил, да за синиим,
Я за синиим жил за Варальским
У того же я Семёна Лиховитого,
Я ведь три года жил да ровно в конюхах,
Да и три года жил да, право, в стольниках,
Да и три года жил я в поннощычках,
Да прошло же тому времю ровно девять лет,
Я ведь выжил всю посудушку хрустальную,
Я выжил ле вёдра да ' зеленым вином,
Я выжил ле бадьи да с мёдом сладким,
Да я выжил ле столы белодубовыя,
Да и выжил шатёр да чернобархатной.
Захотелось мне-ка ехать во свою землю,
Во свою ле землю, ноньце на родину,
Я поехал нонь топере да во свою землю,
Выеждял я топерь да на чисто полё,
Я поставил свой шатёр да на чисто полё,
Розоставил я столы белодубовыя,
Розоставил я вёдра да зеленым вином,
Розоставил я бадьи да с мёдом сладким;
Захотелось мне-ка съездить за ёхвотою...» (98—130)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«А стояла в шатри бочка с зеленым вином;
А на боцьки-то — цяроцька серебрена,
И серебрена цяроцька позолочена,
И не мала, не велика — полтора ведра, —
Подареньица короля было ляховиньского.
Он розорвал шатёр мой рытого бархату,

¹⁹⁴ У А. Е. Осташова — «юзко».

А роскинал-де по полю по чистому,
По тому же по роздольицу широкому.
Роспинал он-де боцьку с зеленым вином,
Ростоптал он же чароцьку серебряну,
А серебряную чароцьку позолочену!»
А говорит-то стары казак Илья Муромец:
«Ты за это, Добрынюшка, неправ будёшь!»
Говорит-то Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!
Как стоял у его шатёр в поле рытого бархата;
А на шатри-то-де подпись была подписана,
И подписана подрезь была, подрезана,
И подрезано было со-й угрозою¹⁹⁵:
“Ишше хто к шатру приедёт — живому тому не быть,
Живому-де не быть, прочь не уехати!”
Нам боецьсэ-й угроз дак богатырских —
Нам нечего ездить делать во полё поляковать!» (132–154)

Анкудин Ефимович Остахов, село Замежное (Замез), Пижма:

Говорит им стар казак да Илья Муромец:
«Те спасибо нонь, Дунай да сын Ивановичь,
Не оставляшь свой шатёр без угроз ты молодецких,
Те спасибо, Добрынюшка Микитич млад,
Не боишься ты угроз да молодецких». (135–139)

Алексей Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

Говорыл-то стар казак им таково слово:
«Вы типерице, ребятушка, побратайтесь,
Золотыми крестами вы покрестовайтесь;
И поедём мы все, ребятушка, в стольне Киев-град!»
Ишше тут-то Дунайко и покрестовалсэ
И с тем же Добрынюшкой Микитичом.
И скакали ребятушка на добрых коней,
Все поехали ребята в стольне Киев-град
Ко тому же ко князю да ко Владимиру.
Тут-то князь — и для их он — пир доспел.

¹⁹⁵ У В. Я. Тяrosoва — «со югрозою».

И все тут на пиру тут напивалисе,
Ише все же на пиру да наедалисе,
И все на пиру стали пьяны-весёлы.
И тут-то Дунаюшко сын Иванович
И тут-то Дунаюшко расплакалсэ,
Он князю-то Владимиру розжалилсэ:
«Уж ты солнышко ведь князь да стольне-киевской!
Ты позволь-ко-се мне да слово вымолвить
И не позволь-ко-се меня за слово сказнить!»
Говорил ему князь ведь таковы слова:
«Говоры-ко-се, Дунаюшко, що тибє надобно».
Говорыл тут Дунайко таковы слова:
«Я служил как королю ведь ляховинскому,
Я служил ведь королю равно двенаццэт лет:
Ише три года служил я ведь в придверьниках,
И три года служил я в предворотниках,
И три года служил я в портомойниках,
Ише три года служил я в приключниках;
И подарил мне за это король черной шатёр,
А черной-от шатёр ведь рытнобархатной,
И подарил он мне бочку с зеленым вином,
И подарил он мне чарочку позолочену...
<...>
Как уехал ведь я во чисто полё.
И во ту же ведь пору и во то время
Как приехал Добрынюша Микитиц млад,
Ростоптал у мя бочку с зеленым вином,
Ростоптал у мя чарочку позолочену,
И прырвал он весь ведь черной шатёр,
И розмётал он всё ето по чисту полю!»
Говорил-то ведь князь тут таково слово:
«Виноват ты, Добрынюшка, — голову срублю!»
Тут ставал как Добрынюш[к]а на резвы ноги,
И говорыл-то Добрынюш[к]а таковы слова:
«Уж ты солнышко, князь ведь стольне-киевской!
Ты позволь-ко-се мне-ка слово вымолвить,
Не позволь ты миня да за слово сказнить!»
Говорыл-то ему князь таковы слова:
«Говоры-ко-се, Добрынюшка, що тибє надобно».
Говорыл тут Добрынюшка Микитич млад:
«Уж я ездил, Добрынюшка, по всем землям,
Я по всем землям, и ездил я по всем странам:

Я искал ведь себе всё поединьшичка.
Поединьшичка искал я, супротивничка, —
Я не мог ведь натти себе поединьшика,
Поединшика натти себе, супротивника.
И ехал я, Добрынюша, по чисту полю,
И завидял я в полюшки черной шатёр,
А черной я шатёр да рытнобархатной,
И подъехал я, Добрынюшка, ко черну шатру.
У шатра ведь лежит бочка с зеленым вином,
И на бочки лежит чарочка позолочена...» (191–222; 225–253)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«И подписано-то было со-й угрозою¹⁹⁶:
“А ишше хто к шатру приедёт — дак живому не быть,
А живому тому не быть, проць не уехати!”
А нам бояццэ угроз дак богатырские —
Нам нецего ездить во полё поляковать!» (183–187)

Алексей Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

«И за беду мне-ка пало и за великую,
За великую досаду мне показалосе:
Я соскакивал, Добрынюша, со добра коня,
Привязал я коня ведь к золоту кольцу,
Ишше брал эту чарочку позолочену,
Наливал эту чару я зелена вина,
Принимал я эту чару единой рукой —
Выпивал я эту чарочку к едину духу.
Наливал я да и втору чару,
Принимал я ведь чару единой рукой —
Выпивал я эту чару к едину духу.
Наливал я ведь и третью чару,
Принимал я ведь чару единой рукой —
Выпивал эту чару к едину духу.
(А не мала ведь эта чара — в полтара ведра!)
А я перву чару выпил — для здравьица,
А вторую чару выпил я — для похмельица,

¹⁹⁶ У В. Я. Тяросова — «со югрозою».

Ишше третью чару выпил я — для безумьца.
Очи ясныя у меня тогда смутились,
Могучи мои плеча расходилиса:
Ростоптал я взял бочку с зеленым вином,
Ростоптал ведь я чарочку позолочену,
И прирвал я взял весь черной шатёр,
Черной ведь шатёр да рытобархатной, —
Всё розвеял-розмётал я по чисту полю;
И где бил я, буянил — тут и улёгса спать!
Говорил-то князь Владимир таково слово:
«Виноват ты, Дунаюшко, — голову срублю!» (260–287)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«И зацем же ты пишошь со-й угрозами¹⁹⁷?..» (190)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Оссудил¹⁹⁸ бы Владимёр, да овинил да он Дуная сына Ивановичя.
Собирал он бояр дак своих думных же:
«Уж вы ой еси, бояра да мои думныя!
Уж вы думайте-тко думу да за ёдиное.
<...>
Мы куда тут Дуная будём девати же?
Да сослать ёго во сылки-ти во дальния,
Да во ту же ёго силу неверную —
Он приедёт тут с неверныма в столн-ёт Киев-град,
Выпленил тут наш да стольне Киев-град!
Дак повесить тут на виселицю высокую
Ле посадить-де ёго во темны подгрёба?...»
Они думали тут думу да за единое,
Да придумали они да тут посадить Дунаюшка во погрёбы:
«Уж¹⁹⁹ ты ой еси, да Владимёр стольне-киевской!
Собирай ты голей да ты кабацких же,

¹⁹⁷ У В. Я. Тяросова — «со югрозою».

¹⁹⁸ У А. М. Мартынова — «россудил».

¹⁹⁹ У А. М. Мартынова — «уш».

Да копай-ко-се ты да ведь глубок погрёб²⁰⁰,
Засади-тко Дунаюш[к]а в темён погрёб!..»
Собирал он голей да тут кабацких же,
Да копали голи они темён погрёб... (223–226; 230–244)

Алексей Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

Которой ведь погрёб²⁰¹ сорока локот. (297)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

А посадили Дуная во темной подгреб же —
А за те жа за двери за железные,
А за те же замочки задвижные. (191–193)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Задергивали тут полосы жалезныя,
Засыпали хрящом дак мелким каменьём. (246–247)

²⁰⁰ У А. М. Мартынова здесь и далее — «погрёп».

²⁰¹ У А. В. Рычкова — «веть погрёп».

Задание князя

Источники текста

- Кириша Данилов** (О женитьбе князя Владимира [«В стольном в городе во Киеве...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 54–62.)
- Марья Фёдоровна Приданникова, село Варзуга, Терский берег Белого моря** (Дунай Иванович: [Былина] № 217 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 615–620.)
- Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень** (Дунай: [Былина] № 309 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 31–39.)
- Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря** (Дунай: [Былина] № 75 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 326–334.)
- Агафья Родионовна Овчинникова, село Усть-Цильма, Печора** (Дунай: [Былина] № 76 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 440–441.)
- Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшеле, Мезень** (Дунай: [Былина] № 345 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 209–218.)
- Шенкурский певец** (Дунай Иванович: [Былина] № I/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 3. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 52–56.)
- Леонтий Кузьмич Прокопьев, деревня Азаполе, Мезень** (Дунай: [Былина] № 384 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 440–446.)
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье** (Дунай: [Былина] № 81 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 100–114.)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря ([I] Дунай сватает невесту князю Владимиру: [Былина] № 9 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 70—73; [II] Женидьба Дуная: [Былина] № 10 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 73—76.)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень (Дунай сватает невесту князю Владимиру: [Былина] № 362 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 312—319.)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень (Дунай: [Былина] № 377 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 417—426.)

Александр Иванович Палкин, село Большие Нисогоры, Лешуконский район ([Дунай]: [Былина] № 45 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 315—323.)

Кузьма Иванович Романов, Кижы, Заонежье (Дунай: [Былина] № 94 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1—3. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 185—195.)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога (Про Дуная Ивановича: [Былина] № 7 // Былины Пудожского края. — Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. — С. 120—128.)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень (Дунай: [Былина] № 367 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 344—353.)

Василий Прокопьевич Носов, село Усть-Цильма, Печора ([Дунай]: [Былина] № 72 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 428—430.)

Яков Андреевич Осташов, село Хабариха, Печора (Дунай: [Былина] № 26 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 108—110.)

Кириша Данилов:

В стольном в городе во Киеве,
Что у ласкова сударь-князя Владимира
А и было пированье-почестной пир,
Было столованье-почестной стол. (1—4)

Марья Фёдоровна Приданникова, село Варзуга, Терский берег Белого моря:

На тех ли на князей, на бояров,
Ай на тех сильных, могущих богатырей... (111—112)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

А про поленицей при(й)удалых²⁰²... (6)

Марья Фёдоровна Приданникова, село Варзуга, Терский берег Белого моря:

Ай на тех вдов благочестивых... (113)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

На купцей-то, гостей торговых... (6)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

И про тех же казаков со тиха Дону,
А про тех же калик перехожих,
Перехожих калик, переброжих,
И про те[х] же кресьянушок прожитосьних²⁰³. (7—10)

²⁰² У В. Я. Тяросова — «приюдалых».

²⁰³ У В. Я. Тяросова — «прожытосьних».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как светел день-от идёт на ёсени,
Красно солнышко идёт на всей вы́шины,
А почёсен-от-то пир идёт навёсели;
А как вси-то на пиру сидят да пьяны, вёселы,
А как вси-то на честном сидят пьют-то, едят, хвастают:
Как богат-от хвастат золотой казной 'судáревой,
А иной-от фастаёт да широки́м двором,
А как сильней-от хвастат да своей силою... (8–15)

Агафья Родионовна Овчинникова, село Усть-Цильма, Печора:

Как ено́й ле хвастат своим добры́м конём,
А как умной ле хвастат отцом да матерью,
Как ле старым отцом да старой матерью,
Как глупой хвастат да молодой женой,
Как да глупее-то хвастат ле детьми малыма. (11–15)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшеле, Мезень:

Один-де князь²⁰⁴ не пьёт, не ест, не кушает,
Своей белой лебёдоньки не рушает —
По белоё горницы похаживат²⁰⁵,
Сапог о сапог да покалачиват... (16–19)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Он и белыма руками помахивал,
Он собольей шубоцькой натряхивал... (23–24)

²⁰⁴ У С. В. Рачкова — «княсь».

²⁰⁵ У С. В. Рачкова — «похаживат».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А жолты́ма-ти кудрями приростряхиват,
А как белы́ма-ти ручками розмахыват,
А златы́ма-ти перстнями принашшалкиват... (23–25)

Шенкурский певец:

Не золота трубочка вострубила,
Не серебряна саповочка возыграла, —
Проговорил слово князь Владимир,
Князь Владимир стольный Киевский... (24–27)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Уж вы гой еси, моя вы князья, бо́яра!» (27)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«Уж²⁰⁶ вы руськие могучие богатыри,
Ишше все²⁰⁷ же поленици при(й)удалыи,
Ишше все вы казаки со тиха Дону,
Ишше все-де калики перехожие²⁰⁸,
Перехожие калики, переброжие²⁰⁹,
Ишше все же хресьянушка прожитосьни²¹⁰!» (29–34)

Шенкурский певец:

«У меня ли то нет чиста сѣребра?
У меня ли то нет красна золота?
У меня ли то нет скатна жемчуга?» (30–32)

²⁰⁶ У В. Я. Тяросова — «уш».

²⁰⁷ У В. Я. Тяросова здесь и далее — «фсе».

²⁰⁸ У В. Я. Тяросова — «перехожие».

²⁰⁹ У В. Я. Тяросова — «переброжие».

²¹⁰ У В. Я. Тяросова — «прожытосьни».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«А как вси у мя во Киеви пожёнёны,
Красны девушки замуж подаваны;
А как я един-то князь Владимир всё холост хожу,
Я холост хожу да нежонат слову». (28–31)

Леонтий Кузьмич Прокопьев, деревня Азаполе, Мезень:

«А не знаете ле хто мне да богосужоной,
Не знаете ле хто мне да богоряжонной —
Еще той же ведь мне да красной девицы...» (19–21)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Шьтобы возрастом немала и умом сверстна,
А белó лицё-то было у ей снегу белого,
А как ясны очи были как у сокола,
У того же сокола как перелётного,
Чёрны брови были у ей как у соболя чёрного всё сибирского,
А как ягодницы были у ей ка-быть маков цвет,
А поступочка²¹¹ у ей была павиная,
Тиха, кротка речь была шьтобы лебединая...» (35–42)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«А походочкой она бы лани белою,
Белою лани напольскою,
Напольской лани златорогия,
А чтобы было бы мне с ким жить да быть, век корótати,
А 'ще вам молодцам было б то кому поклоняться...» (17–21)

²¹¹ У Г. Л. Крюкова — «походочка».

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Шьчобы было бы кому да покорятисе,
Шьчобы было бы кого мне-ка кнегиной звать?» (I: 39–40)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Все богатыри за столиком умолкнули,
Все молодцы да приутихнули,
За столом-то сидят, затулялися... (22–24)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как большой-от князь хоронитьце за среднёго,
А вот средней-от тулитьце всё за меньшого,
А от меньшого, от большого ответу нет. (43–45)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А да един тут молодець сидит-приздумалсэ.
А и<з>-за то́го стола и<з>-за окольнёго,
И<з>-за окольнёго стола и<з>-за переднёго,
А из-за тех же скамеечек белодубовых,
А из-за тех как естов²¹² как сахарных,
А из-за тех же напитков²¹³ да розналисьниех
А и выставаёт удалой да доброй молодець... (56–62)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

А не провелик детинушка, плечьми широк²¹⁴,
А по имени Добрынюшка Микитиць млад. (27–28)

²¹² У Е. В. Рассолова — «ествоф».

²¹³ У Е. В. Рассолова — «напиткоф».

²¹⁴ У А. П. Чуповой — «шырок».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А он поближе ко Владимиру подвигаицсэ,
А пониже он Владимиру поклоня[и]цсэ,
Ишше сам говорит да таково слово:
«А уж ты ой еси, Владимир да стольнѣ-киевьской!
А позволь-ко-се мне да слово молвити,
Слово молвити мне да рець говорити —
Не увольте меня за слово скоро сказнить,
А скоро меня сказнить, скорѣ повесити,
Не сылать меня во сылоцьки во дальние,
А не садить во глубоки да темны подгрѣба!»
А говорил тут Владимир да стольне-киевьской:
«А говори-тко ты, Добрынюшка Микитиць млад,
Говори где, Добрыня, цево те надобно, —
Не сошлю я тя во сылоцьки в те во дальние,
Не срублю, не сказню у тя буйной головы,
Не посажу я тибя да в темны подгрѣба!»
— «А да послушай-ко, Владимир да стольне-киевьской!
А во том где поли было, во роздолыици
А у тя есь нонь в цистом поли глубок погрѣб²¹⁵:
А в глубину где погрѣб — сорока сажон,
А в ширину-ту где погрѣб — да сорока локот,
А в ожину где-ка погрѣб — да всё коса сажень.
А 'шше есь в погребу у тя потерѣмшицѣк,
А що по имени Дунай да сын Ивановичь,
А да сидит он у тя ровно пятнацать лет». (65–89)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Тихия Дунай во посллах бывал,
Тихия Дунай много зѣмель знал,
Тихия Дунай говорить горазд». (74–76)

²¹⁵ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «погрѣп».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А служил где-ка Дунай да ноньце всем²¹⁶ королям —
А ише знат тут Дунай да людей всяких²¹⁷!»
А говорил де-ка Владимир да стольнѣ-киевской:
«А уж ты ой еси, удалой доброй молодець,
А по имени Добрынюшка Микитиць млад!
А говорил бы ети речи не с уговоркою, —
А срубил я, сказнил твою буйну голову!» (92–98)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«А бери-тко ты у мяя со спички золоты ключи». (124)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А откати-тко²¹⁸ каменьё да всё²¹⁹ ведь сероё,
А розбросай-тко плитки да всё железные,
А отмыкай-тко²²⁰ замки вы всё булатные,
А отпирай-тко²²¹ двери да всё укладные,
А выпускай-тко Дунаюшка на белой свет,
А на белой-от свет да на поцесьён пир!» (106–111)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А да брал тут Добрыня, не ослышилсэ,
Ишше скоро брал да золоты ключи,
А пошел он отмыкать да тёмны тёмници... (125–127)

²¹⁶ У Е. В. Рассолова — «фсем».

²¹⁷ У Е. В. Рассолова — «фсяких».

²¹⁸ У Е. В. Рассолова — «откатите».

²¹⁹ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «фсё».

²²⁰ У Е. В. Рассолова — «отмыкай-тко».

²²¹ У Е. В. Рассолова — «отпирайте».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

Откатил он²²² каменьё да всё²²³ горяцеё,
Роскидал он²²⁴ тут плитки да всё залезныя,
Отмыкал он²²⁵ замки тут всё былатные,
Отпирал он²²⁶ тут двери да всё укладные... (114–117)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Заходил-то он да в тёмну тёмницу.
А сидит Здунай среди да тёмной тёмници,
Да повесил буйну голову с могучих плеч,
А потупил очй ясны во полы²²⁷ кирпичьня.
Сам проходит к Здунаю Добрынюшка близёхонько:
«Уж ты здравствуй, брат названыя-крестовыя!»
<...>
Он да скоро скошил на резвы́ ноги,
А как бил челом во рученьку во правую:
«Уж ты здравствуй, ты мой брат крестовыя,
Крестовый ты мой брат, назв́аныя!»
А как говорит тут Добрынюшка Микитич млад:
«Уж ты гой еси, Здунай ты сын Иванович!»
<...>
А как я тобой при пиру-то всё похвастал жа
Тому-то князю Владимиру —
А ты жил у короля двенадцеть лет,
Увидал у ёго Опраксею Королевичню». (129–134; 136–141; 143–146)

²²² У Е. В. Рассолова — «откатали».

²²³ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «фсё».

²²⁴ У Е. В. Рассолова — «раскинали».

²²⁵ У Е. В. Рассолова — «отмыкали».

²²⁶ У Е. В. Рассолова — «отпирали».

²²⁷ У Г. Л. Крюкова — «в середи».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А пойдём-ко, Дунаюшко, на белой свет,
А на белой где свет да на поцесьён пир
А ише хлеба-де, соли тут покушати,
Перевару где пить али зелена вина,
А со князём со Владимиром дума думати:
А без тебя-де, Дунаюшко, нонь пир не йдёт!» (120–125)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как ту Здунай да не ослышилсэ... (148)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

...А только падал в ноги брату крестовому:
«А те спасибо те, братилко крестовой тут,
А на молоды Добрынюшка Микитиць млад!
А не ты мне-ка братилко крестовой был —
А не бывати-то мне, брат, на святой Руси.
А не видать тут как мне было бела свету,
А не слыхать-то цетья-петья церковного,
А не слыхивать звону да колокольного!» (136–143)

Александр Иванович Палкин, село Большие Нисогоры, Лешуконский район:

Он одну ногú прикорчил, другú приростянул же —
И выпрыгнул вон из подгрёба,
Как лев(ы)-зверь из вертепа же:
Де сам и волосом оброс весь до пбеса!
И пошел он да ко краснú крыльцо.
Да пошел он да на чесно крыльце —
Да ступень да ступеня от ёво огибаитце!
Де во светлы сени зашел — и сени те пошаталисе!
Де заходил он во светлу гриднюшку... (58–66)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А пошел ко князю на почёсен пир,
Заходил-то он в полаты в княжёнёцкия;
А как крест-от он кладёт да по-писаному
Да поклон-от вёдет да по-учёному,
Ише бьёт челом князю Владимиру во рученьку во правую:
«Уж ты здравствуй-ко, Владимир-князь да стольно-киевской!»
— «Уж ты здравствуй-ко, Дунай да сын Иванович!
У тя милости прошу да на почёсён пир.
А как ты у мя, Здунай, да в забытть прошол». (149—157)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

Говорыл-де Владимир стольно-киевский:
«Ишше Бог²²⁸ тибя, Дунаюшко, повыкупил;
Государь тибя, Дунаюшко, повыручил;
Добрынюшка Дунаюшка на свет спустил...» (111—114)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А проходи-ко, Дунай да сын Ивановичь,
А садись-ко-се, Дунай, да за дубовой стол
А за дубовой где стол да на поцесьён пир —
А выбирай себе место, где те надобно!»
А ише тут-де Дунай да сын Иванович
А ише выбрал где место, где ёму надобно:
А он пониже-то Илеюшки, стары казака,
А повыше-то Добрынюшки Микитичя. (145—152)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Говорит-то князь Владимир жа:
«Уж ты гой еси, Здунай да сын Иванович!
Уж ты много езживал да по святой Руси,

²²⁸ У С. В. Рычкова — «Бох».

Уж ты много живал да в проклятой Литвы.
А не знашь ли мне-ка всё обручницы, да красной девицы...»
(179–183)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А котора щобы девица стадном стадна,
А стадном где стадна да ростом высока,
Тиха-модна походацька — павиная,
А тихо-смирна где рець была — лебединая,
А оци ясны у её — будто²²⁹ у сокола,
Черны брови у её — будто у соболя,
А ресницы у её — да два цистых бобра,
А ишше ягодницы — да будто маков²³⁰ цвет,
Лицё бело у её — да будто белой снег²³¹,
А руса коса у её — до шелкова поеса?» (167–176)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

Говорыл-де Дунай да сын Иванович:
«Уж²³² ты ой еси, Владимир стольно-киевский!» (130–131)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

«Уж я где не бывал — да ноньце всё забыл:
Уж я долго сидел нонь да в тёмной тёмнице²³³». (65–66)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

«Накорми-тко-се наперво тепере досыта,
Да напой-ко-се меня да ты всё допьяна, —
Тогда я тебе буду посказывать:
Моги только, Владимир, тогда послушивать!» (132–135)

²²⁹ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «бутто».

²³⁰ У Е. В. Рассолова — «макоф».

²³¹ У Е. В. Рассолова — «сnek».

²³² У С. В. Рычкова — «уш».

²³³ У А. П. Чуповой — ««Уш я где не бывал, да ноньце фсё забыл: / Уш я долго сидел нонь да ф тёмной тёмнице»».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Наливали Здунаю чару зеленá вина,
А не мáлу, не вели́ку — в полтора вёдра,
Подавали Здунаю сыну Иванову;
Принималсэ Здунай да единой́ рукой,
Выпивал-то тут Здунай да единым́ духом;
А как ту жа чару наливали пива хмельнёго;
Выпивал-то он да единым́ духом,
На закуску, на запивку — турей рог да мёду сладкого.
Как сидит Дунай, нечим не хвастаёт;
А повесил он ведь буйну голову с могучих плеч,
А потúпил очи ясны во́ полы кирпичные²³⁴;
А сидит он не пьёт, не ест, не хвастает.
А как наливали вторую чару зелена вина,
А не мáлу, не вели́ку — в полтора ведра,
Выпивал-то он да единым́ духом,
На запивку — турей рог да мёду сладкого.
А как тут-то Здунай да стал поглядывать,
А поглядывать ту з́ачал, поговаривать,
А как зачал тут Дунай да стал похвастывать. (160–178)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшеле, Мезень:

Наливал-де Владимир во третьей након,
Подавал-де Дунаюш[к]у Ивановичу²³⁵.
Принимал-де Дунаюш[к]о третью чарочку²³⁶,
Выпивал-де Дунаюшко единым́ духом. (147–150)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

А да и стал тут Дунаюшко поговаривать:
«А ишше первой-то цярой я окатил серыцё,
Ишше второй-то²³⁷ цярой я звеселил серцо,
Ишше третьей-то чарой я опохмелилсэ!» (138–141)

²³⁴ У Г. Л. Крюкова — «в сэреду кирпичную».

²³⁵ У С. В. Рычкова — «Ивановичу».

²³⁶ У С. В. Рычкова — «чярочку».

²³⁷ У В. Я. Тяросова — «фторой-то».

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Тут задумал Дунаюшко женитисе,
Он задумал-то женитьце не у князя, всё не у боярина,
Он во той ли проклятой Литвы поганую
У того всё короля у Ляхоминьского.
Говорил-то Дунай да таковы речи,
Он тому ли всё Ильи, да Ильи Мурамцю:
«Я ведь сам-то — богатырь да я присильния, —
Я возьму себе ведь поленицю преудалую,
Я ли ту возьму Настасью Королевисьню». (II: 4–12)

Кузьма Иванович Романов, Кижы, Заонежье:

Выходил за столика дубового²³⁸,
Очень он пьян — не шатается,
Говорит речи — не смешается... (34–36)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшеле, Мезень:

Начал-де²³⁹ Дунаюшко посказывать:
«Да моги только, Владимир, ты послушивать». (154–155)

Марья Фёдоровна Приданникова, село Варзуга, Терский берег Белого моря:

«Уж я от батюшка осталсэ я малёшенёк,
Я малёшенёк, я глупёшенёк.
Я пошол ходить да из земли в землю,
Из земли в землю да из орды в орду.
Как зашол я ходил да к королю в Литву,
Ко тому ли королю да Ляходимскому.
Уж я жил, я жил у короля двенацать лет:
Уж я три года у короля да клюшницял,
Уж я три года у короля придьворницял,
Уж я три года у короля да за столом сидел,
Уж я три года у короля да золотой козной». (144–154)

²³⁸ У К. И. Романова — «дубоваго».

²³⁹ У С. В. Рычкова — «начял-де».

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

«Я служил²⁴⁰ у короля да ляховинцкого,
Я служил у короля ровно двенаццэт лет:
<...>
Ишше есь у короля да всё²⁴¹ две дочери:
А одна дочи — Настасья-королевнична;
Та — злая поленица, при(й)удалая²⁴²:
Не училасе Настасьюшка не ткать, не прествь,
Да училасе Настасьюшка луком стрелять,
Да училасе Настасьюшка конём владеть». (156—157; 162—167)

Марья Фёдоровна Приданникова, село Варзуга, Терский берег Белого моря:

«Она ездит по цисту полю, полякуёт
Со темá ли полякамы да некрещёныма;
Ей буйныя ветры приовеели,
На ей добрыя люди приобзазили»²⁴³. (159—162)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

«Не пойдет она во замужество
Ни княгинею, ни царицею,
Ездит в поле удалой поляницею.
<...>
Кто Настасьюшку да с коня собьёт,
За того Настасьюшка и замуж пойдет...» (49—51; 53—54)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«Ишше та Настасья-королевисьня,
Ишше та где, Владимир-князь²⁴⁴ — не тибе чота,

²⁴⁰ У С. В. Рычкова здесь и далее — «служыл».

²⁴¹ У С. В. Рычкова — «фсё».

²⁴² У С. В. Рычкова — «приюдалая».

²⁴³ У М. Ф. Приданниковой — «приобзабздири».

²⁴⁴ У И. А. Чупова здесь и далее — «Владимер-княсь».

Не тебе чота, Владимир-князь — не тебе ровня,
Не тебе ровня, Владимир-князь — не тебе жона:
Ише та — полениця преудалая.
А ведь вторая дочь была Опраксея,
Ише та Опраксея-королевисьня;
Ише та где, Владимир, — и тебе чота,
А тебе чота, Владимир-князь, та тебе ровня,
А тебе ровня, Владимир-князь, пусть тебе жона...» (160–169)

Василий Прокопьевич Носов, село Усть-Цильма, Печора:

«А не бывала Опрасенья на светой Руси,
На светой Руси да в каменной Москве,
А и сидит ёна в крепкой тюрьме,
А и в крепкой тюрьме в каменной,
Ай-я сидит за семим стенами каменными,
За семима дверями за железными,
За семима замочками немецкими,
Ай-я за семима околениками хрустальными...» (61–68)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Да-й сидит она во тереми в златом верху;
На ню красное солнышко не обпекет,
Буйный ветрушки не обвеют,
Многие люди не обгальтятся»²⁴⁵. (46–49)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А сидит она во горёнки еднёшенька,
Она ткёт всё²⁴⁶ красеньца да всё шелковые:
По тобуроцькам у ее — да сизы голубы,
А по набилоцькам у ее — да ясны соколы,
А по подножецькам у ей — да черны соболи». (182–186)

²⁴⁵ У Т. Г. Рябина цитируемое место входит в монолог «Пермина сына Ивановича».

²⁴⁶ У Е. В. Рассолова — здесь и далее «фсё».

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«А красотой она красна и ростом высока,
А лицо-то у ей — будто-аки²⁴⁷ белой снег²⁴⁸,
У ей ягодниці — как будто²⁴⁹ алой цвет,
Очи ясны у ей — как у ясна сокола,
Брови черны у ей — как у черна соболя,
А ресницы у ей — как два чистых бобра,
А походочка у ей была — павиная,
А тиха-смирна речь — да лебединая!» (170–177)

Василий Прокопьевич Носов, село Усть-Цильма, Печора:

«Ай-я сквозь ейну рубашку тело видетця,
Ай-я сквозь ейно тело да кости видятця,
Ай-я сквозь ейны кости мозг переливаетця —
Не скачён ли женьчуг перекатаетця.
А ще как можно перёд князём стоять,
А ще как можно кнегиною звать». (72–77)

Кузьма Иванович Романов, Кижы, Заонежье:

«Будет тебе князю с кем жить да быть,
Дума думати, долгие веки корótати,
И всем князьям, всем бóярам,
Всем могучиим богáтырям,
Всем купцам торговым,
Всем мужикам деревенским,
И всему красному городу Киеву
Будет кому поклоняться»²⁵⁰. (53–60)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А Владимиру тут речи прилюбилисе,
По ретивому сердцу розкатилисе... (178–179)

²⁴⁷ У И. А. Чупова — «буьто-аки».

²⁴⁸ У И. А. Чупова — «снек».

²⁴⁹ У И. А. Чупова — «буьто».

²⁵⁰ У К. И. Романова — «покланяться».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«Ай уж²⁵¹ ты ой еси, Дунай да сын Иванович!
А поежжай-ко ты ко городу ко Ляхову
А к тому королю да ляховиньцскому!»
А говорил тут Дунай да сын Ивановичь:
«А послушай-ко, Владимир да стольнѣ-киевьской!
А ишше как я поеду городу ко Ляхову
А к тому королю да ляховиньскому?
А ише нету у мя да платья цветного,
А ише нету у мя да всё²⁵² добра коня,
А ише нету у мя сбруи да лошадиное!»
А да спрговорил Владимир стольно-киевьской:
«А уж²⁵³ ты ой еси, Дунай да сын Ивановичь!
А срежайсе, Дунай, по-подорожному:
А дам я тебе да платьѣ цветное,
А дам я тебе да коня доброго!» (188—202)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«Ты бери-тко у меня силу-рать великую,
Колько надобно, беры ты золотой казны...» (181—182)

Яков Андреевич Осташов, село Хабариха, Печора:

«А и съезди-ко ты да посватайся,
Аж и дам тебе товарища по нѣдобью». (72—73)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«Поежжай только в Царьсьво²⁵⁴ в Ляховиньскоѣ
А за той Опраксеей-королевисьней.
А добром как король даст — дак ты добром бери,
А добром не даёт — бери силою!»

²⁵¹ У Е. В. Рассолова — «а юш».

²⁵² У Е. В. Рассолова — «фсѣ».

²⁵³ У Е. В. Рассолова — «а уш».

²⁵⁴ У И. А. Чупова — «ф Чарьсьво».

А говорил тут Дунаюшко таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевский!
Мне не нать твоя сила-рать великая,
А не надо твоя и золота казна...» (183—190)

Яков Андреевич Осташов, село Хабариха, Печора:

«Аж и есть у меня три товарища,
А и первóй товарищ — сабля вострая,
А и второй товарищ — копьё булатное,
А и третей товарищ — конь, лошадь добрая.
Аж дай-ко мне еще товарища...» (76—80)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«Дай крестового мне брателка названого,
Дай мне молода Добрыню сына Микитича:
А поедём мы с им в Цярьсьво²⁵⁵ в Ляховинськóй
А за той мы Опраксеей-королевисьней!
Нам добром король даст — дак мы добром возьмём,
А добром нам не даст — мы возьмём силою!» (192—197)

Леонтий Кузьмич Прокопьев, деревня Азаполе, Мезень:

А тут пошли молощцы вон из²⁵⁶ [с]ветлой светлицы,
А пошли молощцы да ко красну крыльцо, —
А ступешек до ступешка да догибаицсье,
Светлы светлицы нонь да пошеталисе. (86—89)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

Да не много-де ребята да розговарывали:
Скакали ребятаушка на добрых коней,
Отправлялися ребятаушка во чисто полё. (200—202)

²⁵⁵ У И. А. Чупова — «ф Чарьсьво».

²⁵⁶ У Л. К. Прокопьева — «ис».

У Леховинского короля

Источники текста

- Марья Фёдоровна Приданникова, село Варзуга, Терский берег Белого моря** (Дунай Иванович: [Былина] № 217 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 615–620.)
- Леонтий Кузьмич Прокопьев, деревня Азаполе, Мезень** (Дунай: [Былина] № 384 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 440–446.)
- Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень** (Дунай: [Былина] № 367 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 344–353.)
- Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшеле, Мезень** (Дунай: [Былина] № 345 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 209–218.)
- Кириша Данилов** (О женитьбе князя Владимира [«В стольном в городе во Киеве...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 54–62.)
- Василий Яковлевич Тярсов, деревня Дорогая Гора, Мезень** (Дунай: [Былина] № 309 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 31–39.)
- Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень** (Дунай сватает невесту князю Владимиру: [Былина] № 362 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 312–319.)
- Кузьма Иванович Романов, Кижы, Заонежье** (Дунай: [Былина] № 94 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 185–195.)

- Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* ([I] Дунай сватает невесту князю Владимиру: [Былина] № 9 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 70—73; [II] Женидьба Дуная: [Былина] № 10 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 73—76.)
- Павел Григорьевич Марков, деревня Бедовая, Пустозерская волость* (Дунай: [Былина] № 86 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 338—344.)
- Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Дунай: [Былина] № 75 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 326—334.)
- Иван Артемьевич Гришин, деревня Загубье, Толвуй* (Дунай: [Былина] № 34 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 231—236.)
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье* (Дунай: [Былина] № 81 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 100—114.)
- Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка Нижнепечорского района* (Дунай Иванович — сват: [Былина] № 125 // Былины: в 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 554—559.)
- Александр Иванович Палкин, село Большие Нисогоры, Лешуконский район* ([Дунай]: [Былина] № 45 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 315—323.)
- Яков Андреевич Осташов, село Хабариха, Печора* (Дунай: [Былина] № 26 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 108—110.)
- Дмитрий Карпович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора* (Дунай Иванович: [Былина] № 45 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 185—192.)
- Старик Епанешников, Сузунский завод, Алтай* (Дунай Иванович: [Былина] № 1/2 // Песни, собранные П. В. Киреевским. — М. : Типография А. Семена, 1861. — С. 56—58.)
- Максим Васильевич Семёнов, деревня Белошелье, Лешуконский район* (Про Дуная: [Былина] № 34 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 263—270.)

Марья Фёдоровна Приданникова, село Варзуга, Терский берег Белого моря:

Не видали добрых молодцов сряжающихся,
Только видели удалых поежающихся,
Во цистом поли да дым столбом стоит,
Дым столбом стоит, да курева стоят.
Приехали во царьсво Ляходимскоё,
Ко ко тому королю да Ляходимскому.
Тут полякуёт Настасья королевисьня
Со тема ли полякамы да некрещёныма. (187–194)

Леонтий Кузьмич Прокопьев, деревня Азаполе, Мезень:

А доехали они да нонь до Шахова,
Да доехали до города до Ляхова —
Заскоцили за стену да городовую.
А пошли молощцы да нонь по городу,
А бьют молощцы со старого до малого. (95–99)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Они приехали к королю тут к широку²⁵⁷ двору —
А скакали молощцы тут со добрых коней.
Они оставили коней не привязанных,
Не привязанных оставили, не приказанных. (214–217)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

Говорыл-де Дунай да сын Ивановиц:
«Уж²⁵⁸ ты ой еси, мой братёлко крестовый,
По имени Добрынюшка Никитиц млад!
Когда сабелька у мня да запошумливат,
А колецошко у сабельки запобрякиват —
Ты бежи-тко-се тогда да на широкой²⁵⁹ двор,

²⁵⁷ У И. А. Чупова — «шыроку».

²⁵⁸ У С. В. Рычкова — «уш».

²⁵⁹ У С. В. Рычкова — «шырокий».

Выручай меня с Опраксией-королевничней!»
Побежал-де Дунай да сын Иванович,
Побежал-де Дунаюшко ко красну крыльцю. (215–223)

Марья Фёдоровна Приданникова, село Варзуга, Терский берег Белого моря:

По лестовкам идёт тихошонько,
Он по сениям-то идёт да помалёшонько,
Он заходит в полату белокаменну
Ише тут король-от за столом сидит. (203–206)

Кириша Данилов:

Говорит тут Дунай таково слово:
«Гой еси, король да Леховитый!»²⁶⁰
У тебе ли во полатах белокаменных
Нету Спасова образа,
Некому у те помолитися.
А и не за что тебе поклонится».
Говорит тут король да Леховитый²⁶¹,
А и сам он, король, усмехается... (103–110)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«Уж²⁶² ты здрастуй, Дунай сын Ивановичь!
Ишше жить ты пришол ко мне по-старому,
А и служить ты пришол ко мне по-старому?» (220–222)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А во роботники пришол ко мне, во служаноцьки?
А у мян тебе роботка да не цяжолая,
А не цяжолá роботка — да заботлива!»

²⁶⁰ У Кириши Данилова — «король в Золотой орде».

²⁶¹ У Кириши Данилова — «король Золотой орды».

²⁶² У В. Я. Тяросова — «уш».

А говорил тут Дунай да сын Ивановиць:
«А не в роботнички пришол я, не в служаноцьки;
Я пришол я к тебе ноньце посватацьсе
А за то́го за князя за Владимира
А на той же Опраксеи-королевисьни!»
Ише тут королю-ту за беду пришло,
А за велику досаду показалосе... (222–231)

Кузьма Иванович Романов, Киж, Заонежье:

«Мёньшую дочь ты просватываешь,
А бóльшую дочь чем за́садил?» (127–128)

Марья Фёдоровна Приданникова, село Варзуга, Терский берег Белого моря:

«Не отдам я своёй Опраксии да королевисьни
А за вашу-ту веру поганую,
За поганую да за потельную». (218–220)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печищи, Мезень:

«А не отдам я за вора, за розбойника,
Не отдам я за плута, за мошенника,
Не отдам за носьнёго полуносъника,
Не отдам я за князя за Владимира!» (232–235)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Я ишшэ слыхал у вас про князя про Владимира,
Белотой-то он всё как котельня-та пригáрина». (I: 139–140)

Кузьма Иванович Романов, Киж, Заонежье:

«Ай же вы татаровья могучие!
Возьмите Дуная за белы́ руки,

А сведите Дуная во глубок погреб.
Заприте решоткамы железныма,
Задвиньте доскамы дубовыма,
Засыпьте песками рудожелтыма;
Пусть-ка Дунай во Литвы погостит,
Во Литвы погостит, в погребу посидит,
А может Дунай догадается».
Выставал Дунай на резвы́ ноги
И здымал рученьки выше своей буйной го́ловы,
И опирается на рученьки о дубовый стол:
Столы дубовые роскрыталися,
Питья на столах проливалися,
Вся посуда рассыпалась²⁶³.
Все татаровья испужалися... (129—144)

Павел Григорьевич Марков, деревня Бедовая, Пустозерская волость:

Говорит-то Дунай и во второй након,
Говорит-то Дунай да не с упадкою:
Он топнул-то правой ногой во кирпичат пол —
Подрожали полаты кнеженевския.
Да сам говорит-де таковы речи:
«Отдашь буди честью, возьму с радостью,
Не отдашь буди честью, возьму нечестью:
Мы всё твоё царсво под мець вы́клоним,
Заморим мы тя в злодейке земляной тюрьме». (52—60)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Говорил-то король да таковы речи:
«У меня, право, Опраксеюшка просватана,
А просватана да запоручена...» (268—270)

Иван Артемьевич Гришин, деревня Загубье, Толвуй:

«...Во ту есть она во Золоту Орду...» (87)

²⁶³ У К. И. Романова — «розсыпалася».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«...За того жо вот за поганого Идóблишша».

<...>

Как стоит Здунай да призадумалсэ,
А повесил буйну голову с могучих плеч,
А потупил очи в матушку сыру землю,
А как думал думушку да промеждú собой:
«Нам не чесь-хвала-то будёт да молодецкая,
А не выслуга будёт у князя молодецкая,
А не чесь-хвала-то будёт богатырская,
А шьто не привезём-то Опраксеи мы за князя всё в замужесьво!»
Как его стало ретиво сердьцё розъерятисе,
А горёча кровь ёго да розгорятисе,
Лепетá в лица стала переменятьисе;
Как у ёго сердцё розъерилося,
Богатырськи плечи шшевелилисе. (271; 289–301)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижси, Заонежье:

Тихия Дунаюшко Иванович
Скоро-то он скочит через зóлот стол... (191–192)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А брал короля да во белы руки,
А метал короля во полы кирпичьные. (239–240)

Иван Артемьевич Гришин, деревня Загубье, Толвуй:

«Ай же ты король е ляховинския!
Не бывать твоей Опраксии в Золотой Орды,
А быть твоей Опраксии в нашем Киеве,
За ласковым за князем за Владимиром».
Этое-то слово ему не в любовь пришло,
Он ударил тут Дуная по белу лицу,
Обвернулся тут Дунай да сын Иванович,
Ударил короля-то он по чернú лицу,
Упал тут король е о кирпичен пол. (90–98)

Леонтий Кузьмич Прокопьев, деревня Азаполе, Мезень:

А был при себе у ёго булатной нож²⁶⁴ —
А шиб-то²⁶⁵ Дуная вострым ножищком²⁶⁶.
А на то же Дунай да как увёрток был —
Увёрнулса за печку да за муравлену;
Ухватил-де Дунай да ноньче вострой нож —
А шиб²⁶⁷ короля да ляхоминьского:
А попало королю да нонь во правой глаз²⁶⁸. (115—121)

Иван Кириллович Остахов, деревня Смекаловка Нижнепечорского района:

Говорит-то король Семен да Лиховитой²⁶⁹:
«Была бы Настасья доць Семеновна,
Срубилa у тебя бы буйну голову». (92—94)

Кириша Данилов:

Тут король неладом заревел зычным голосом,
Псы борзы заходили на цепях,
А и хочет Дуная живьем стравить
Теми кобелями медеянскими. (140—143)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А ишше тот-де король да ляховиньской же
А отпирал тут окно да всё²⁷⁰ кошесьцятю,
А заиграл где-ка он да он во турьей рог:
«А уж вы ой еси, тотара всё поганые,

²⁶⁴ У Л. К. Прокопьева здесь и далее — «нош».

²⁶⁵ У Л. К. Прокопьева — «а шып-то».

²⁶⁶ У Л. К. Прокопьева — «ножищком».

²⁶⁷ У Л. К. Прокопьева — «а шыб».

²⁶⁸ У Л. К. Прокопьева — «глас».

²⁶⁹ У И. К. Остахова — «говорит-то Семен да Лиховитой царь».

²⁷⁰ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «фсё».

А те же мурзы́ки всё неверные!
А собирайтесь ко мне вы да на широкой²⁷¹ двор —
А возьмите-тко руських богатырей!» (241–247)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшеле, Мезень:

А на то же дворишко да на широкоё²⁷²
Да сбежалосе пановьей-тотаровьей,
Да хватают-де Дунаюшка Ивановича.
Да выхватывал Дунайко да саблю вострую,
Начал²⁷³ бить-де, рубить да силу-армию;
Куда-де он махнёт — да и тут улица,
А назад-от махнёт — да пере(й)улочѣк.
Тогда сабелька у Дунаюшка запошумливалa,
А да колечушко-й у сабельки запобрякивало.
Услыхал-де Добрынюшка Никитиц млад,
Побежал-де Добрынюшка на широкой двор
Да навстречу Дунаюшку Ивановичу,
Да выхватывал Добрынюшка саблю вострую —
Начели бить-рубить да силу-й-армию... (235–248)

Павел Григорьевич Марков, деревня Бедовая, Пустозерская волость:

Да тут бы Семѣн да осержаитце...
<...>
Выбегал бы Семѣн да вон на улечу,
Играл бы Семѣн да он во турей рог,
Нагонил силы многим множество —
Сохватали Дунаюшка Ивановича²⁷⁴,
Свезали во пúтенки шелковые,
Сажали на тележку-двоеколючку,
Повезли-то ко казни ко смертной,
Ко смертной казни к позорной:
Речистой язык да вынет теменѣм,
Да ясны-ти оци-ти — косичами,

²⁷¹ У Е. В. Рассолова — «широкой».

²⁷² У С. В. Рычкова — «широкоё».

²⁷³ У С. В. Рычкова — «начал».

²⁷⁴ У П. Г. Маркова — «удала добра молодца».

Ретиво сáрцо — промежу плецьми.
По праву руку идёт силы сорок тысящей,
По леву руку идёт сорок тысящей,
Переде-то его да числа-смету нет,
Позаде-то его да числа-смету нет —
Кабы плацёт Дунай, да как река течёт. (61; 63–78)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Гóворил корóль таковы слова:
«Глупый князь Владимир стольнё-киевской:
Ен не знал, кого послать ко мне посвататься,
Из бояр мне-ка боярина богатого²⁷⁵,
Из богáтырей богáтыря могучего²⁷⁶,
Из крестьян мне-ка крестьянина хорошего²⁷⁷,
Он послал мне-ка холопину дворовую²⁷⁸!» (180–186)

Павел Григорьевич Марков, деревня Бедовая, Пустозерская волость:

Немножко поры-де миновалосе —
Наежжает Добрынюшка Микитиць блад.
У ясна сокола да крыльё óтросло,
У добра молодца вдвоё силы прибыло,
Разрывал-то он путинки шелковые,
Скакал-то Дунай да на резвы ноги,
Ухватил-то тележку-двоеколочкю,
Да вперед-де махнет — дак лежит улича,
Назад отмахнет — с переулками,
Добирайтче Дунай-де до добра коня.
Добрался Дунай-де до добра коня,
Садилса Дунай-де на добра коня,
Они секли, рубили до единого.
Выходил Семен да вон на уличу,
Кланетця им да понижешенькю:
«Вы ой есь, удалы добры молодцы,

²⁷⁵ У Т. Г. Рябины — «богатого».

²⁷⁶ У Т. Г. Рябины — «могучаго».

²⁷⁷ У Т. Г. Рябины — «хорошаго».

²⁷⁸ У Т. Г. Рябины — «дворянскую».

Вы сильни могуци руськи багатыри!
Умирите-тко серчо своё ретивоё,
Оставьте хоть малого, либо старого». (79—97)

Кузьма Иванович Романов, Киж, Заонежье:

«Ай же Дунаюшка Иванович!
Напомни ты старую хлеб да соль,
Оставь татар хоть на сёмена:
Отдам свою дочь королевичну
За вашего князя за Владимира». (160—164)

Павел Григорьевич Марков, деревня Бедовая, Пустозерская волость:

Умирились удалы добры молодцы,
Приезжают ко гриденки ко светлой... (98—99)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Тихия Дунаюшко Иванович
Скоро шол полатой белокаменной,
Выходил-то Дунай на широк на двор,
Приходил ён ко терему к золотым верхам,
Стал Дунаюшко замочиков отщёлкиваті... (214—218)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он замки-ти ведь шыплёт, аки пугови²⁷⁹, —
Заходил он к Опраксеи во светлу грыню.
Тут сидит-ткёт Опраксеюшка золоты красна:
По кобылоцькам у ей сидят сизы голубы,
По набилочкам у ей — да ясны соколы,
По подножечкам у ей — черны куночки.
У ей сизы-ти голубы розлеталисе,
У ей ясны-ти соколы роспрятались,
У ей черны-ти куночки роскакалисе. (285—293)

²⁷⁹ У И. А. Чупова — «пугофки».

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Он приходит-то во терем во златы верхи —
По тому-то терему злату верху
А Опраксия-королевична похаживаёт
А в одной тонкой рубашке без пояса,
А в одних тонких чулочках без чоботов,
У неё русая коса пораспущена²⁸⁰. (220—225)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А говорила тут Опраксея-королевисьна:
«А проходи-ко, Дунай да сын Ивановиць!
А садись-ко, Дунай, да за дубовой стол,
А бери-тко, Дунай, ты звоньцяты гусли —
А утешай-ко меня, да красну девушку!»
А говорил где Дунай да сын Ивановиць:
«А ты послушай-ко, Опраксея-королевисьня!
А не играть я пришол к тебе звоньцяты гусли,
А не утешать я тибя, да красну девушку, —
А я пришол я к тебе ноньце посватацьсе!
<...>
А ставай-ко, Опраксея, на резвы ноги,
А бери-тко, Опраксея, золоты ключи,
А одевайсе, Опраксея, по-подорожному!»
А Опраксея-кнегина тут не ослушалась:
А ставала она да на резвы ноги,
А брала где она да золоты ключи,
А отпирала-де двери да всё²⁸¹ укладные.
А по новым-то сеням тут руцьи бежат,
А тут руцьи бежат крови горячее.
А да Опраксея-кнегина стала плакати:
«А да умел меня батюшко засеети,
А умела меня маменька спородити;
А умел меня батюшко споростити,
А умел миня батюшко воспоить-скормить,

²⁸⁰ У Т. Г. Рябины — «пороспущена».

²⁸¹ У Е. В. Рассолова — «фсё».

А умел миня батюшко хорошо средить,
А умел миня батюшко всёму выучить —
А не умел миня батюшко взамуж²⁸² отдать...»

(252–261; 263–279)

Павел Григорьевич Марков, деревня Бедовая, Пустозерская волость:

«Кабы мая да нынь родна сёстра,
Кабы та же Настасья дочь Семёновна,
Ты ой ешь, Дунай да сын Ивановичь,
Кабы она бы с тобой да поотведалась!» (102–105)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А тут ето Дунаюшку за беду прышло,
За велику досаду показалосе.
Говорил тут Дунаюшко таково слово:
«Уж²⁸³ ты ой еси, Опраксея-королевисьня!
А была мне своя бы вольня волюшка —
Я за эти речи прегрубья
Я сказнил бы, срубил тебе буйну голову!»
Тут и стала Опраксеюшка снарежатисе,
А поскоре-де того она — сподоблятисе,
А получше коё платье — то с собой брала. (306–315)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Он тут брал-то Опраксеюшку всё за праву руку,
Он за те ли ей за персьни за злацёння,
Он повёл-то Опраксею на широкой двор;
Как Опраксею-Королевисьню он на руках несёт,
Ищё сам он по сёням-то в крови да до колен бредёт.
(I: 168–172)

²⁸² У Е. В. Рассолова — «взамуш».

²⁸³ У И. А. Чупова — «уш».

Александр Иванович Палкин, село Большие Нисогоры, Лешуконский район:

Де тут доць и та Опраксея королевишна,
Де-ко она да расплакаласе,
Де отцю-матери да приразжалобиласе:
«Де как в добрых-то людях ведь дёетсе:
Де отдают дочерей своих в замужество-де пиром да сваёбным,
А вы отдаваити да меня кроволитиём превеликием!»
И подходят же к ему навстреченьку:
На златых блюдах подносят яства сахарныи,
Да на других подносят напитки раз(ы)ные.
Де ка' поклоны-те ведут ему до земли
И жалуют его да на почесён пир.
Отвичает он ему с дерзосью превеликою:
«Де на приезде вы гостя не употчовали —
Дак на отъезде вам ёво не употчевате!» (173–186)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«В честь я Опраксию да королевичну
Да возьму-то я за князя за Владимира,
А не в честь я возьму — за товарища,
За того Добрынюшку Никитича»²⁸⁴.
<...>
Выводил он ю со терема златых верхов,
Приводил ю Дунай на широкой двор... (210–213; 237–238)

Александр Иванович Палкин, село Большие Нисогоры, Лешуконский район:

Де подходил он ко Добрынюшке Никитичу —
Де ка' Никитич-то ждать да весь соскуцился;
Де тут садились они да на резвых коней... (187–189)

²⁸⁴ У Т. Г. Рябина — «Васильюшка Казимирова».

Яков Андреевич Осташов, село Хабариха, Печора:

Говорит Опраксея да Семеновна:
«Уж вы есть, уда́лы до́бры мо́лодцы,
Уж вы, руськие могучие богáтыри,
За кого вы меня везёте нонце,
За себя берешь али за товарища?»
Говорит тут Дунай сын Иванович:
«Не за себя беру, не за товарища,
А за солнышко да за Владимира». (112–119)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Говорит ёму Опраксия-королевична:
«Ай ты славныя богатырь святорусския!
Три́ году я Господу молилася,
Чтоб попасть мне-ка за́муж за князя за Влади́мира».
Брал ён ю за ручушки за белыи,
Брал ю за перстни злаченныи,
Целовал в уста во сахарнии
А за нёй за речи умильнии... (229–236)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

И сажил ей, Опраксеюшку, на добра коня,
Посажил он ведь²⁸⁵ ей нонь позади себя. (348–349)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Они тут с королём распростилисе,
А поехали из города из Ляхова... (250–251)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

...А по славному раздолью чисту́ полю;
Их достигла темна ночка в чистом поли... (243–244)

²⁸⁵ У И. А. Чупова — «веть».

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

В чистом поли видят²⁸⁶ йскопы глубокия
От того ли всё коня да богатырского. (II: 16–17)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Говорит-то Дунаюшку Ивановичу
А прекрасная Опраксия-королевична:
«Ах же тихия Дунаюшко Иванович!
У меня-то ведь есть сестра родная,
А Настасья есть королевична,
Она сильня поляница и удалая,
Она ездит во чистом поли, полякует».
<...>
Эта Настасья-королевична
Узнала про сестрицу свою родную,
Увезли у ней сестрицу на святую Русь...
<...>
Она ехала в погону по чисту полю,
А скакала на кони богатырском
Да по славну раздолью чисту полю;
По целой версты конь поскакивал,
По колен он в земелюшку утрязывал,
Он с земелюшки ножки выхватывал,
По сенной купны он земелики вывертывал,
За три выстрелы камешки откидывал.
Не путём она едет, не дороженькой,
Она ехала раздольцем чистым полем,
Проехала она да сестру родную...
(246–252; 255–257; 259–269)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

А загорело у Дунаюшка ретиво серцо,
А закипела во Дунае кровь горячая,

²⁸⁶ У А. М. Крюковой — «увидел».

Росходилисе его могучи плеча —
А говорыт он своему брателку названному²⁸⁷... (257–260)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Досмотрю я топере, хто же езьдит во чистом поли».
Тут ведь езьдит всё ведь полениця приудала
А по имени Настасья Королевисьня. (II: 19–21)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

А сам он брателку²⁸⁸ да наговариват:
«Ты уж честно доведи до князя до Владимира
Ище ту Опраксею да королевисьню!» (258–260)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Посадили ю к Добрынюшку Микитицу,
А поехали они в²⁸⁹ красен Киев-град.
А поехал Дунаюшко по ископыти... (263–265)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А во ту пору, во то время
Приехал Добрынюшка во красен Киев-град.
А ко ласкову-ту князю ко Владимиру.
А сречаёт князь всё Владимир жа,
А сречаёт среди двора. (361–365)

²⁸⁷ У В. Я. Тяросова — «своим брателкам названным».

²⁸⁸ У А. П. Чуповой — «брателку».

²⁸⁹ У В. Я. Тяросова — «братья они ф».

Марья Фёдоровна Приданникова, село Варзуга, Терский берег Белого моря:

Приехали ко солнышку Владимиру.
Ише тут солнышко их нетерпимо ждёт:
Выходил тут солнышко на широкой двор,
Уж он брал Опраксею да за белы руки,
Цёловал Опраксею да в сахарьни устá. (246–250)

Дмитрий Карпович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Топеря стали они свадьбу делати:
Старого²⁹⁰ казака стал князь ставить тысяцким...
<...>
Добрыню Микитича — дружкой²⁹¹,
Скопина Михаила Ивановича — бережателем.
Собрали попов, отцей духовных,
Весь чин церковной —
Повенчали князя Владимира. (255–256; 258–262)

Кириша Данилов:

Только Владимир стольной киевской
Втапоры едет от злата венца,
И приехал князь на свой княженецкой двор,
И во светлы гридни убиралися,
За убранья столы сажалися.
А и молоды Дунай сын Иванович
Приехал ко церкви соборная,
Ко тем попам и ко дьяконам.
Приходил он во церкву соборную,
Просит честныя милости
У тово архерея соборнова —
Обвенчать на той красной девице.
Рады были тому попы соборная,
В те годы присяги не ведали,
Обвенчали Дуная Ивановича.

²⁹⁰ У Д. К. Дуркина — «старого».

²⁹¹ У Д. К. Дуркина — «дру́гою».

Венчальнона дал Дунай пять сот рублев.
И поехал ко князю Владимиру;
И будет у князя на широком дворе,
И скочили со добрых коней с молодой женой,
И говорил таково слово:
«Доложитесь князю Владимиру
Не о том, что идти во светлы гридни, —
О том, что не в чем идти княгине молодой:
Платяя женскова только одна и есть епанечка белая»,
А втапоры Владимир-князь он догадлив был,
Знает он, ково послать:
Послал он Чурила Пленковича
Выдавать платица женское цветное.
И выдавали оне тут соян хрущето́й камки
На тое княгиню новобрачную,
На Настасью-королевичну,
А цена тому сояну сто тысячей.
И снарядили оне княгиню новобрачную,
Повели их во полаты княженецкия,
Во те гридни светल्या... (273—307)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А увидяла Опраксея всё родну сестру.
А как тут Здунай-от взял Настасью за себя замуж... (338—339)

Кириша Данилов:

...Сажали за столы убранья,
За ества сахарныя и за питье медяные.
Сели уже две сестры за одним столом.
А и молоды Дунай сын Иванович
Женил он князя Владимира
Да и сам тут же женился... (308—313)

Дмитрий Карпович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Князя поставили тысяцким,
Старого казака — бережателем,
Добрыню — большой дружкой,
Олёшу — меньшей дружкой:
Повенчали Дуная сын Ивановича.
Со той со радости великой
Завелся пир да больше старого;
Пировали-столовали много времени... (264—271)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Все на пиру порасхвастались.
Хвастает богатой золотой казной,
Золотой казной он бессчетною²⁹²,
Шеголь хвастает одежей драгоценною,
Сильный хвастает-то силушкой великою... (337—343)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшеле, Мезень:

А да наезнищёк хвастает добрым конём,
А ишше глуп-от хвастает молодой женой,
Неразумной-от хвастает родной сёстрой,
Ишше умной-от хвастат старой маменькой. (329—332)

Старик Епанешников, Сузунский завод, Алтай:

...Алешенька Попович — что бороться горазд,
А Добрыня Никитич — горазде сго... (10—11)

²⁹² У Т. Г. Рябины — «безсчётною».

Максим Васильевич Семёнов, деревня Белоощелье, Лешуконский район:

А сидит-то Дунай да сын Ивановиць:
«Ищё нечем мне, Дунаюшку, похвастати:
Как достал-то я ведь нонь да две лебёдушки!»
(*Себе и наделил другу великому князю Владимиру.*)
Говорила тут Настасья да королевичня:
<...>

«Не много я в городи жила — много повидела:
Как на силу-ту, силу — Добрынюшки Микитичя,
А на счастье — старого козака Ильи Муромця,
А на смелость-ту — Алёшеньки Поповиця,
На богасьво-то — Дюка Степановиця,
А из туга лука стрелеть — Настасья-королевичня».

(208–211; 213–218)²⁹³

²⁹³ Комментарий исполнителя (дан в скобках и выделен курсивом) при нумерации строк не учитывается.

Добрыня Никитич и Василий Игнатьевич Казимиров

Источники текста

- Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой), деревня Малые Нисогоры, Мезень* (Васька-пьяница отвозит дани Ордянному королю: [Былина] № 419 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 589–593.)
- Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости* (Василий Казимерской: [Былина] № 4 // Былины и исторические песни из Южной Сибири. — Новосибирск : Новосибирское областное государственное издательство, 1939. — С. 51–59.)
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье* (Добрыня Никитич и Василий Казимирович: [Былина] № 27 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 146–172.)
- Певец из села Павлово Нижегородской губернии* ([I] Василий Казимирович: [Былина] № I/2 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2. — М. : Типография А. Семена, 1861. — С. 90–92; [II] Василий Казимирович: [Былина] № II/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2. — М. : Типография А. Семена, 1861. — С. 93–96.)
- Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром* (Василий Казимирович: [Былина] № 69 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 188–194.)
- Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье* ([Добрыня и Василий Казимирович]: [Былина] № 108 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 481–495.)
- Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень* (Василий Казимирович отвозит дани Батею Батеевичу: [Былина] № 358 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 282–288.)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря (Дунай [Василий Казимирович]: [Былина] № 138 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 390—393.)

Шенкурский певец (Василий Казимирович: [Былина] № I/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2. — М. : Типография А. Семена, 1861. — С. 83—89.)

Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости (Василий Казимирович: [Былина] № 65 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 263—269.)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское Нижнепечорского района (Добрыня Никитич и Василий Казимирович: [Былина] № 18 // Былины: в 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 198—204.)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Ище ехал где Васька из Неметчины —
 Ище ехал бы Васька по цисту полю.
 Ище ехал где Васька да не дорогою,
 Не дорогою он да не воротами, —
 Через ту же стену да городовую,
 Через круглу нонь башню да наугольную —
 Приежджал ко цареву²⁹⁴ да нонь кабаку.
 Да соскакивал он да со добра коня,
 Ище схватывал сбруню да лошадину всю²⁹⁵,
 Да спускал где коня да на Божью волю,
 Ище сам где пошел да на царев²⁹⁶ кабак.
 Да сидит ле Васька на цареви кабаки,
 Ище пил-то сидел да зелено вино
 Да поил где голей да нонь кабацких всех.
 Да не много он устукал — да как свою сбруню,
 Да не много он устукал — в сорок тысящей.

²⁹⁴ У А. М. Мартынова — «ко чяреву».

²⁹⁵ У А. М. Мартынова здесь и далее — «фсю», «фсех».

²⁹⁶ У А. М. Мартынова — «на цяреф».

И не в то ле нонь время да нонь не в ту пору
У того же у князя да у Владимира
Заводилосе столованьё, почесьён пир... (1–19)

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:*²⁹⁷

На многих князей, бояров
И на всю поленицу на удалую,
И на всю дружину на храбую.
Он всех поит и всех чествует,
Он всем, князь, поклоняется. (4–8)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Да пошел где нонь Васька да на поцесьён пир...
<...>
Да пошел где нонь Васька по красну крыльцю, —
И да ступень-от до ступеня догибаицсье,
Да красно-де крыльцё да пошатаицсье.
Во светлу грыню зашел да цяжоло ступил —
Да дубовы-ти столы да отряхалисе,
Вси²⁹⁸ напитки на столах да розливалисе.
Посадили его в место да нонь высокоё. (107; 112–118)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И в полупиру бояре напивалися,
И в полукушаньях наедалися. (9–10)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Богатырь хвастат силушкой великою,
Иный хвастат добрым конем,

²⁹⁷ Гуляев, № 4.

²⁹⁸ У А. М. Мартынова — «фси».

Иный хвастает бессчетом золотой казной,
А разумный хвастает родной матушкой,
А безумный хвастает молодой женой. (8–12)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Ни ясён сокол с тёпла гнезда солётыват,
Ни белбй кречот с тёпла гнезда сопорхыват:
Восстает сам батюшка Володимир князь
Из свовá из места княженецково. (1: 1–4)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Князь по гриднице похаживат,
Белыми руками помахиват
И могучими плечами поворачиват... (11–13)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Пословечно государин выговариват:
«Красное солнышко на вечере,
Хорош честен пир идет навеселе,
И все добры молодцы порасхвастались;
А мне, князю Владимиру, чем будет похвастати?
Кого послать, братцы, из вас повыехать
Во дальние во земли во Ордынские²⁹⁹
К королю-то Бутеяну Бутеянову:
Отнести-то надоть дани-выходы
За старые годы и за нынешни,
И за все времена за досюлешны,
Исполна государю за двенадцать лет,
Двенадцать лебедей и двенадцать креченей,
И отвезти още грамоту повинную?»
Все богатыри за столиком утихнули,
Приутихнули да приумолкнули,
Приумолкнули все, затулялися,

²⁹⁹ У Т. Г. Рябины — «в Сорочинские».

Большая тулица за среднюю,
А средняя тулица за меньшую,
А от меньшей тулицы ответов нет. (14–33)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Илья Муромец услан был в землю Латынскую
Закупать коней богатырских...
<...>
А Олёша Попов — в землю Сорочинскую
Закупать пшено Сорочинское. (II: 10–11; 14–15)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

Тут выходит наш Владимир-князь.
Он ходит по гриденке,
Он каблук о каблук поколачивает,
Он и ясными очами приразваживает... (6–9)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Приказал он наливать чан зелёна вина;
В чан пушшает золотú чарú,
Вёсом чарá пол-сёмá пуда,
Мéрой чарá пол-сёмá вёдрá.
Возгóворит сам батюшка Володимир князь:
«Ох вы гой естя, мои сильны́ могучи́ богáтыри!
Хто поды́мет эту чарú одной рукой,
И хто вы́пьет эту чару одним духом^{300?}» (I: 5–12)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«Кто бы съездил в землю дальнюю,
В землю дальнюю, Ордынскую³⁰¹,

³⁰⁰ У Певца из села Павлово — «духám».

³⁰¹ У Л. Г. Тупицына — «Поленецкую».

К королю³⁰² Батуру ко Батвесову?
Кто бы сvez ему дани-пошлины
За те годы за прошлые,
И за те времена — за двенадцать лет?» (20–25)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

«Да двенадцэтэ удалых да добрых молоццэй,
Да двенадцэтэ и нонь да красных девицей,
Да двенадцэтэ нонь телег да³⁰³ золотой казны,
Да двенадцэтэ нонь пар да белых лебедей,
Да двенадцэтэ нонь пар да белых крельцят^{304?}» (129–133)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

«Стань-ка нынь на ноженьки на резвые,
Приупрись-ка на сапожки козловыи,
Ты бери-тко эту чарочку одной ручкóй,
Выпивай эту чарочку на единой здох!» (69–72)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Из того только из места из среднего
И со той скамеечки белодубовой
Выступал удалой добрый молодец
На свои на ноженьки на резвые,
На те ли на сапожки зелен-сафьян,
На те ли каблучки на серебряны,
На те ли гвоздички золочены,
По имени Василий, сын Казимерской.
<...>

Говорит он таковы слова:

«Ой ты гой еси, наш батюшко Владимир-князь!»

(35–42; 44–45)

³⁰² У Л. Г. Тупицына — «царю».

³⁰³ У А. М. Мартынова — «анкирков».

³⁰⁴ У А. М. Мартынова — «крельцятоф».

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

«Добрыма молодцами нам не заминятысе,
Красныма девицами нам не надаритысе,
Золотой где казной не откупитысе,
Ище белыма лебёдками не наедатысе,
Ище белыма крельцятymi не наслаждатысе!..» (137–141)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А у нас много где ездило во Большу Орду³⁰⁵,
Во Большу де Орду да прокляту землю
А к тому же ко Батею сыну Батеевичу;
А назад³⁰⁶ тут они не приезживали³⁰⁷». (26–29)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Молодой Васильюшка Казимирович
К делу он идет, не ужáхнется... (56–57)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

Ащо ставился Васильюшко на ноженьки на резвыи,
Приуперся на сапожки козловые... (73–74)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Принимал эту чарочку в белы руки,
Принимал эту чарочку одной рукой,
Выпивал эту чарочку одним духом... (59–61)

³⁰⁵ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «во Большу Ёрду».

³⁰⁶ У Е. В. Рассолова — «а назать».

³⁰⁷ У Е. В. Рассолова — «не приезживали».

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

На ногах стоит Василей — не качается,
Говорит с князем — не мешается... (79–80)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Понизешенко сам князю поклоняется... (62)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

«Благодарю я, Владимир стóльнѣ-кеевской,
На твоѣх на напитках медвѣяных,
На твоѣх на закусках сахѣрных». (81–83)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости

«Послужу я тебе верой-правдою,
Позаочи-в очи — не изменю...» (46–47)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Отвезу³⁰⁸ я дани-выходы...» (64)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А говорыл тут Владимир да стóльнѣкиевской:
<...>
«Да бери-тко ты от меня да золотой казны,
А бери от меня³⁰⁹ да силы-армеи». (30; 34–35)

³⁰⁸ У Т. Г. Рябины — «везу».

³⁰⁹ У Е. В. Рассолова — «от миня».

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

«Я дам тебе³¹⁰ провожатыих
И вдвое дам сбережатыех». (I: 24–25)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

Говорил тут Василей да сын Касимирович:
«А уж³¹¹ ты ой еси, Владимир да стольнёкиевской!
А не надо мне твоя да золота казна,
А не надь³¹² мне твоя да сила-армея...» (36–39)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

«Мне не надобно твоих провожатыих,
Не нады твоих сбережатыих...» (I: 42–43)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«А и шьто жа мне губить народ по-напрасному?» (36)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Тут Василий закручинился,
И повесил свою буйну голову,
И потупил Василий очи ясные
Во батюшко во кирпичат пол;
Надевал он черну шляпу, вон пошел
Из того из терема высокого.
Выходит он на улицу на шіроку,
Идет по улице по широкой;
Навстречу ему удалой, добрый молодец
По имени Добрыня Никитич млад.

³¹⁰ У Шенкурского певца — «тому».

³¹¹ У Е. В. Рассолова — «уш».

³¹² У Е. В. Рассолова — «а не натъ».

Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
«Здравствуешь, удалой, добрый молодец,
По имени Василий, сын Казимерской!
Что идешь ты с пиру невеселой?
Не дошло тебе от князя место доброе?
Не дошла ли тебе чара зелена вина?
Или кто тебя, Василий, избесествовал?
Или ты захвастался, куда ехати?»
И тут Василий, ровно бык, прошел.
Забегат Добрынюшка во второй раз;
Пухову шляпу снимал, низко кланялся;
«Здравствуешь, удалой добрый молодец,
Ты по имени Василий, сын Казимерской!
Что идешь ты с пиру невеселой?
И не весел идешь ты, не радощен.
Не дошло ль те, Василий, место доброе?
Не дошла ль от князя чара зелена вина?
Али ты захвастался, Василий, куда ехати?»
И тут Василий, ровно бык, прошел.
Забегат Добрынюшка в третий-де раз;
Пухову шляпу снимат, низко кланяется:
«Здравствуешь, удалой добрый молодец,
По имени Василий, сын Казимерской!
Что ты идешь с пиру невеселой?
Невесел ты идешь с пиру, не радощен?
Не дошло ль тебе, Василий, место доброе?
Не дошла ль тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесествовал?
Али ты захвастался, куда ехати?
Я не выдам тебя у дела ратного.
И у того часу скоро-смертного!»
И тут Василий возрадуется:
Сохватал Добрыню он в беремячко,
Прижимат Добрынюшку к сердечушку,
И сам говорит таковы слова:
«Гой еси, удалой добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад!
Ты, Добрыня, будь большой мне брат,
А я, Василий, буду меньшей брат.
Я у ласкова князя Владимира
На беседе на почестныя,
На почестныя, на большом пиру

Я захвастался от князя съездити
Во ту во землю во дальнюю,
К королю³¹³ Батуру ко Батвесову —
Свезти ему дани-выходы
За те годы — за двенадцать лет:
Свезти туда злато, сѣребро,
Свезти туда скатный жемчуг,
Свезти сорок сороков ясных соколов,
Свезти сорок сороков черных соболей,
Свезти сорок сороков черных выжлыков,
Свести сорок сивых жеребцов».
И проговорит Добрыня Никитич млад:
— «Не возьмем везти от князя от Владимира,
Не возьмем от него дани-пошлины:
Мы попросим от собаки Батура Батвесова,
Мы попросим от него дани-пошлины».
И тут молодцы побратались,
Воротились назад ко князю Владимиру.
Идут они в палаты белокаменны,
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому;
Поклоняются на все стороны:
«Здравствуешь, Владимир-князь,
И со душечкой со княгинею!»
Князьям боярам — на-особицу,
И проговорит ласковый Владимир-князь:
«Добро жаловать, удалы добры молодцы,
Ты, Василий, сын Казимерской,
Со Добрынюшкой со Никитичем
За один бы стол хлеб-соль кушати!» (60—141)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Владимир, князь стольно-киевский,
Наливал он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медамы он стоялыма,
Подносил к Добрынюшку Никитинцу.
Молодой Добрынюшка Никитинец

³¹³ У Л. Г. Тупицына — «ко царю».

К делу он идет, не ужахнетя:
Он скорешенько вставал-то на резвы ноги,
Принимал эту чарочку в белы руки,
Принимал эту чарочку одной рукой,
Выпивал эту чарочку одним духом,
Понизешенько сам князю поклоняется:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Еду я в товарищах с Васильюшком Казимировым
И везу я дани-выходы:
Только³¹⁴ дай-ка нам още ты во товарищах
Моего-то братца крестового,
Молода Иванушка Дубровица, —
Ему Иванушку коней седлатъ,
Ему Иванушку расседлывать,
Ему плети подавать и плети принимать».
Владимир, князь стольно-киевский,
Наливает чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медамы он стоялыма,
Подносил Иванушку Дубровицю.
Молодой Иванушка Дубрович
К делу он идет, не ужахнетя:
Он скорешенько вставал-то на резвы ноги...
<...>
Принимал эту чарочку одной рукой,
Выпивал эту чарочку одним духом,
Понизешенько он князю поклоняется:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Еду я в товарищах к Васильюшку Казимирову
И к молоду Добрынюшку Микитинцу».
Становились оны на резвы ноги... (68—96; 98—104)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Сами говорят таковы слова:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Не желаем мы везти от тебя дани-пошлины;
Мы желаем взять от Батура от Батвесова,
Привезти от него дани-пошлины

³¹⁴ У Т. Г. Рябина — «столько».

Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимир-князь,
Садись ты за дубовый стол,
И пиши ты ярлыки скорописчаты:
“Дай ты мне, собака, дани-пошлины
За те годы за прошлые,
За те времена — за двенадцать лет,
И дай ты нам злата, серебра,
И дай ты нам скатна жемчуга,
И дай ты нам ясных соколов,
И дай ты нам черных соболей,
И дай ты нам черных выжлыков,
И дай ты нам сивых жеребцов”».
Подает ласковый Владимир-князь
Удалым молодцам ярлыки скорописчаты.
И берет Василий Казимерской
И кладет ярлычки во карманчики;
И встают молодцы на резвы ноги,
Сами говорят таковы слова:
«Благослови нас, ласковый Владимир-князь,
Нам съездить в землю во Ордынскую³¹⁵». (148—173)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

Распростилися ребятушка
Нынь с Владимиром-солнышком,
Да бы нать со Апраксеей,
Тут с Ильем старым Муромцем,
И распростилися с богатырям,
С малыма, могучима... (85—90)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И выходили молодцы на красно крыльцо.
Засвистали молодцы по-соловьиному,
Заревели молодцы по-звериному.

³¹⁵ У Л. Г. Тупицына — «в землю Поленецкую».

Как из далеча, далеча, из чиста поля
Три коня бегут, да три могучие³¹⁶
Со всею сбруею богатырскою... (174–179)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А срядились богатыри по-подорожному...
<...>
А на себя³¹⁷ надевали латы кольчужные,
А брали луцёк, калёну стрелу,
А ту ише палощку буёвую,
А ту ише саблю да ноньце вострую,
А то где копейцё да брусоменьцато... (52; 54–58)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Во стремена ногою не ступаючи,
И заўздицу рукою не хватаючи,
Садились молодцы на добрых коней... (I: 54–56)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Только от князя и видели,
Как удалы молодцы садилися,
Не видали, куда уехали:
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти. (183–188)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А да не видели поездки богатырскою;
А только видели: в поли³¹⁸ курева стоит,

³¹⁶ У Л. Г. Тупицына — «два коня бегут, да два могучие».

³¹⁷ У Е. В. Рассолова — «на сибя».

³¹⁸ У Е. В. Рассолова — «ф поли».

Курева где стоит — да дым столбом валит.
А едут дорожкой³¹⁹ да потешаюцье:
А Васильюшко стрелоцьку постреливат,
А да Добрынюшка стрелоцьку подхватыват³²⁰. (65—70)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Подъехали³²¹ к сыру дубу ко Невину,
Ко славному ко камени ко Латырю...
<...>
Становили добрых коней богатырских,
Сходили молодцы с добрых коней,
Погуляли оны по полю пехотою,
Оны думушку-то думали за общая,
Оны звали себе Бога на помочь
И во вторых още пречисту Богородицу...
(277—278; 282—287)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

«Не пособит ли нам нын Она...
<...>
Рассчитаться с им бы начисто».
Да тут пошли бы трое ребятушка,
Помолилися Создателю,
Как Создателю Небесному,
Как святой Богородице. (71; 75—79)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Садились молодцы-то на добрых коней...
<...>
И поехали раздольцем чистым полем. (288; 290)

³¹⁹ У Е. В. Рассолова — «дорошкой».

³²⁰ У Е. В. Рассолова — «потхватыват».

³²¹ У Т. Г. Рябины — «подъехал он».

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Поехали ко городу ко Астрахане. (57)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

В день едут по красному по солнышку,
В ночь едут по светлому по месяцу. (291–292)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Подбегают они в землю дальнюю,
В землю дальнюю, Ордынскую³²²,
К тому королю³²³ Батуру ко Батвесову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на широку,
Скоро скакивали со добрых коней;
Ни к чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали,
Не спрашивали они у ворот приворотников,
Не спрашивали они у дверей придверников. (189–198)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Король³²⁴ Батырь из окна глядит,
Глядячи на них улыбается и насмехается:
«Што эта прилетели за две пташки, за две русских!
Не бывать вам молодцам на святой Руси,
Не видать вам молодцам князя Володимира...» (I: 59–63)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Молодой Васильюшка Казимиров...
<...>

³²² У Л. Г. Тупицына — «Поленецкую».

³²³ У Л. Г. Тупицына — «царю».

³²⁴ У Певца из села Павлово — «царь».

Сам пошел в палаты белокаменны
Со своей дружинушкой хороброю;
Пришел он в палату белокаменну,
На пятау он двери поразмахивал,
Ступил он своей ножкой правою во эту палату белокаменну,
Ступил он со всея со силы богатырския:
Все столики в палате сворохнулись,
Все околени хрустальны поразсыпались,
Все татаровья друг на друга оглянулись. (302; 310–318)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Заходили в палату белокаменну,
Богам³²⁵ молодцы не молятся,
Собаке Батуру не кланяются,
Сами говорят таковы слова:
«Здраствуешь, собака, король³²⁶ Батур!
Привезли мы тебе дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
И вынимат Василий Казимерской,
Вынимат ярлыки скорописчаты
Из того карману шелкового
И кладет на дубовый стол:
«Получай, собака, дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
Распечатывал собака Батур Батвесов,
Распечатывал ярлыки скорописчаты,
А сам говорил таковы слова:
«Гой еси, Василий, сын Казимерской,
Отсель тебе не уехати!»
Отвечат Василий, сын Казимерской:
«Я надеюсь на мати чудную, пресвятую Богородицу,
Надеюсь на родимого на брателка,
На того ли братца на названого,
На Добрыню ли на Никитича».
Говорит собака Батур таковы слова:
«Поиграемте-ко, добры молодцы, костью, картами!» (200–224)

³²⁵ У Л. Г. Тупицына — «Богу».

³²⁶ У Л. Г. Тупицына — «царь».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А есть³²⁷ ли у тебя да таковы игроки
А с моима игроками поиграти нонь
А во те же во карточки, во шахматы?
А ише нет у тя таковых игроков³²⁸, —
Не бывать тут тебе³²⁹ да на святой Руси,
А не видать тебе тут будёт бела свету,
А не слыхать-то четья-петья³³⁰ церковного,
А не слыхивать звону колокольного!» (139–146)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Проговорит Василий, сын Казимерской:
«Таковой игры я у те не знал здесь.
И таковых людей из Киева не брал я». (225–227)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А я надею дёржу да я на Господа,
Я на Матерь на Божью, на Богородицу³³¹;
Я надеюсь на званого на братилка
А на молоды Добрыню на Микитича!» (148–151)

Шенкурский певец:

«С измалёхонька Добрынюшка тешился,
С малыми ребятами игрывал». (62–63)

³²⁷ У Е. В. Рассолова — «а есь».

³²⁸ У Е. В. Рассолова — «игрокоф».

³²⁹ У Е. В. Рассолова — «тут тибе».

³³⁰ У Е. В. Рассолова — «цетья-петья».

³³¹ У Е. В. Рассолова — «Богородицю».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А ише тут же как царь Батей Батеевич
А ише выбрал игроков³³² он одну сотёнку,
А из³³³ сотёнки выбрал да ровно тридцать³³⁴ их,
А из тридцати выбрал да ровно пять тут их. (152—155)

Шенкурский певец:

Подёрнули столы белодубовые,
Раздёрнули тавлѣи вальящеты. (65—66)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А они сели играть во карты-шахматы,
А играли они да ровно суточные³³⁵.
А Добрынюшка тут всех³³⁶ их поигрывают. (156—158)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Тут собаке за беду стало...
<...>
И стал Батур играть костью, картами
Со младым Добрынею Никитичем. (236; 228—229)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Приносили к ним доску шашечну.
Молодой Добрынюшка садился за золот стол,
Стал играть с королем в шашки-шахматы,
Во славны во велеи во немецкия.
Со тоя он великия горячности

³³² У Е. В. Рассолова — «игорокоф».

³³³ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «а ис».

³³⁴ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «трищэть», «трищэти».

³³⁵ У Е. В. Рассолова — «сутоцьки».

³³⁶ У Е. В. Рассолова — «фсех».

На той дощечке на шашечной
Просмотрел ступень шашечный, —
Король обыграл Добрынюшка Микитинца первый раз.
И говорит Добрынюшка Микитинец:
«Ай же, братьица мои крестовые, дружинюшка хоробрая!
Не бывать-то нам на святой Руси,
Не видать-то нам свету белого³³⁷.
Проиграл я свои головушки молодецкие
Во славные во шашки во шахматы
И во эти во велеи во немецкия!»
Сыграл Добрынюшка-то другой раз,
Другой-то раз короля пообыграл.
Сыграли оны и третий раз... (349—366)

Шенкурский певец:

Первую тавлѣюшку король³³⁸ ступил;
Другую тавлѣюшку Добрыня Никитич млад;
Третью тавлѣюшку король³³⁹ ступил;
Четвертую Добрыня Никитич млад:
Больше ступить Батуру³⁴⁰ нѣкуда;
Та игра была проиграна. (67—72)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Это дело королю не слюбилося,
Не слюбилося это дело, не в любви пришло. (368—369)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А ише тут у короля³⁴¹ вся³⁴² утеха прошла.
А собрал он где пир да ровно на три дня,

³³⁷ У Т. Г. Рябинина — «белаго».

³³⁸ У Шенкурского певца — «царь».

³³⁹ У Шенкурского певца — «царь».

³⁴⁰ У Шенкурского певца — «царю».

³⁴¹ У Е. В. Рассолова — «царя».

³⁴² У Е. В. Рассолова — «фся».

И ише тут богатырей угощать тут стал.
А пировали-столовали да равно по три дня,
А на четвертой-от³⁴³ день стали розъезжатисе³⁴⁴.
А говорил где Батей сын Батеевич³⁴⁵... (132–137)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«Отсель тебе, Василий, не уехати!
<...>
Станем мы стрелять за три версты,
За три версты пятисотных
В тот сырой дуб кряковистый,
Попадать в колечко золоченое». (238; 246–249)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Вы удаленьки дородни добры молодцы,
Богатыри вы святорусские!
Кто из вас горазд стрелять из луку из каленого³⁴⁶,
Прострелить бы стрелочка каленая
По тому острею по ножовому,
Чтобы прокатилася стрелочка каленая
На две стороны весом равна
И попала бы в колечко золоченое³⁴⁷». (371–378)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«Ай если³⁴⁸ нету у вас да таковых стрельцей
А с моима стрельцами пострелетисе, —
А не бывать те, Васильюшко, на святой³⁴⁹ Руси,

³⁴³ У Е. В. Рассолова — «цетвёртой-от».

³⁴⁴ У Е. В. Рассолова — «розъезжатисе».

³⁴⁵ У Е. В. Рассолова — «Батеевиць».

³⁴⁶ У Т. Г. Рябины — «каленого».

³⁴⁷ У Т. Г. Рябины — «в колечико серебряно».

³⁴⁸ У Е. В. Рассолова — «а-й есьли».

³⁴⁹ У Е. В. Рассолова — «светой».

А не видать четья-петья³⁵⁰ церковного,
А не слышать тебе звону колокольного,
А не видать те, Васильюшко, бела свету!» (107–112)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И проговорит Василий, сын Казимерской... (250)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Ай же, король Бутеян Бутеянович!
Я не знал твоей утехы королевския
И не знал твоей ухватки богатырския,
А у нас все стрелки дома оставлены;
Только³⁵¹ есть надеюшка на Спаса и на пресвяту Богородицу,
Во-третьих, на младого³⁵² Добрынюшка Микитинца».
(380–385)

Шенкурский певец:

С измалёханька Добрынюшка тешился,
Из маленьких лучишек постреливал. (С. 88)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А ише тут Батей царь Батеевич³⁵³
А выбрал он ровно триста стрельцёв³⁵⁴,
А из трёх сот он выбрал одну сотёнку,
А из сотни он выбрал да только три стрельца.
Да пошли как они как тут стрелетисе,
А пошли где они да во цисто полё,
А стрелели во меточку во польскую

³⁵⁰ У Е. В. Рассолова — «цетья-петья».

³⁵¹ У Т. Г. Рябины — «столько».

³⁵² У Т. Г. Рябины — «младаго».

³⁵³ У Е. В. Рассолова — «Батеевиць».

³⁵⁴ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «стрельцёф», «стрельца».

А во то востреё во ножовоё.
А первой тут стрелил — да он не выстрелил;
А второй-от³⁵⁵ тут стрелил — да он не достерлил;
А третей-от стрелил — да он перестрелил. (119–129)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижси, Заонежье:

Говорил король Бутеян Бутеянович:
«Ай же вы, слуги мои верные, богатыри могучие!
Подите-ка на погреба глубокие,
Несите-тко мой тугий лук разрывчатый».
Идут туда три богатыря могучиих
И несут тугий лук разрывчатый,
Подносят к Добрынюшку Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Принимает этот лук одной рукой,
Одной рукой, ручкой правою... (386–395)

Шенкурский певец:

Кладет ли Добрыня под ножку под левую,
С левыя ножки на прáво плечо... (145–146)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижси, Заонежье:

Стал Добрынюшка тетивочки натягивать... (397)

Шенкурский певец:

Заскрипели только полосы булатныя,
Заревели змеи у тугá лука... (147–148)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижси, Заонежье:

Стал тугий лук разрывчатый побрякивать,
Шелковые тетивочки полопывать. (398–399)

³⁵⁵ У Е. В. Рассолова — «фторой-от».

Шенкурский певец:

Изломалась полоса булатная,
Со бедра Добрыня бросил лук о землю... (149—150)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Дрянное лученышко пометное:
Не с чего богатырю святорусскому повыстрелить!» (403—404)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Тут собаке за беду стало...
<...>
Выходил собака на красно крыльцо,
Зычал, кричал зычным голосом:
«Гой еси вы, слуги мои верные!
Несите мне-ка тугой лук
И несите калену стрелу».
Его тугой лук несут девять татаринов,
Калену стрелу несут шесть татаринов... (236; 253—259)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Подошли к молоду Добрынюшку Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Принимает этот лук одной рукой,
Одной рукой, ручкой правою;
Стал Добрынюшка он стрелочки накладывать,
Стал Добрынюшка тетивочки натягивать... (412—417)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Стал натягивать Добрыня тугой лук,
И заревел тугой лук, как лютые звери,
И переламывал Добрыня тугой лук надвое,
И бросил он тугой лук о сыру землю... (272—275)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

И королю говорил не с упадкою,
И говорил Добрыня таковы слова:
«Дрянное лученышко пометное:
Не с чего богатырю святорусскому повыстрелить!
Ай же, мой братец крестовый,
Молодой Иванушка Дубрович!
Поди-тко скоренько на широк двор
К моему коню ко богатырскому,
Подойди ко правому ко стремячку к булатному,
Отстени-ка мой тугий лук разрывчатый
От правого от стремячка булатняго,
Завозное лученышко, дорожное».
Шел Иванушка на широкий двор.
Подошел к доброму коню богатырскому
И ко правому ко стремячку к булатному,
Отстенул он тугий лук разрывчатый,
Положил его под правую под пазушку,
Пошел он во палату белокаменну.
У молода Добрынюшка Микитинца
В тот тугий лук разрывчатый в тупой конец
Введены были гуселышка яровчаты.
Как сыграл Иванушка Дубрович в гуселышка яровчаты,
Вси тут игроки приумолкнули,
Вси скоморохи приослухались:
Эдакой игры на свете не слыхано,
На белоем не видано.
Приносил-то тугий лук разрывчатый,
Подавал Добрынюшке Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Брал свой тугий лук разрывчатый,
И скорешенько становился на резвы ноги,
И становился супротив ножа булатняго,
И наложил он стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку... (421—454)

Шенкурский певец:

Говорит Добрыня Никитич млад:
«Ах ты гой еси, Батый царь Заоданский!

Ты куда прикажешь из лука стрелить:
По татаровой стрелять, али во чисто поле...» (161–164)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«...За три версты пятисотных
В тот сырой дуб кряковистый,
Попадать в колечко золоченое?» (247–249)

Шенкурский певец:

Отвечает Батый царь:
«Ах ты гой еси, Добрыня Никитич млад!
Ты куда поизволишь, туда и стрели».
Разжалился стрелять по татаровой,
Стрелил он далече во чисто поле,
Во то ли матёрое во дубово дерево... (166–171)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Прокатилась эта стрелочка каленая по острею по ножовому,
На две стороны весом равна,
Пролетела прямо в колечко золоченое³⁵⁶.
И сделал он три выстрела,
И не сделал ни великой, ни малой ошибки:
И во все три выстрела
Пропустил он стрелочку каленую
По тому острею по ножовому в колечко золоченое³⁵⁷.
Стал стрелять король Бутеян Бутеянович
В тое колечико золоченое³⁵⁸
И по тому острею по ножовому:
Первый раз стрелил, через перестрелил,
Другой раз стрелил, не дострелил,
А третий раз стрелил и попасть не мог.
Королю это дело не слубилося,
Не слубилося это дело, не в любви идет. (457–472)

³⁵⁶ У Т. Г. Рябинина — «в колечико серебряно».

³⁵⁷ У Т. Г. Рябинина — «в колечико серебряно».

³⁵⁸ У Т. Г. Рябинина — «серебряно».

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И тут собаке за беду стало;
Он кричал, зычал, собака, зычным голосом:
Набежало татар — и силы смет нет.

<...>

Проговорит собака царь Батур:
«Да нельзя ли с вами, молодцы, побороться?»
Проговорит Василий, сын Казимерской:
«Я такой борьбы, собака, не знаывал,
Таковых людей не брал из Киева.

<...>

Я надеюсь на пречистую Богородицу,
Да надеюсь на родимого на брателка,
Да на того братца названного,
На того Добрыню Никитича». (297–299; 292–296; 288–291)

Шенкурский певец:

«С измалёхонька Добрынюшка тешился,
С малыми ребяташками ба́рывался». (94–95)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Молодой Добрынюшка Микитинец
Пошел он на широкий двор
С татарами поганыма боротися;
А король Бутеян-то Бутеянович,
Да Васильюшка Казимиров с Иванушком Дубровичем
Пошли на балконы королевские
Смотреть на борьбу богатырскую.
Вышел Добрыня на широкий двор,
Посмотрел как на татаровой поганных, —
Стоят татаровья престрашные,
Престрашные татаровья, преужасные:
Во плечах у них так велика сажень,
Межу глазами велика пядень,
На плечах головушки, как пивной котел.
У Добрыни сердечушко ужახнулось,
Стал Добрыня он по двору похаживать,

Стал он ручушек к сердечушку пошибывать,
Говорил Добрыня громким голосом,
Громким голосом он, во всю голову:
«Ай же, братица мои крестовые, дружинушка хоробряя!
Не бывать-то нам на святой Руси,
Не видать-то нам свету белого³⁵⁹:
Побьют-то нас татаровья поганые!» (485–507)

Шенкурский певец:

«Ах ты гой еси, Батый царь³⁶⁰!
Как ты прикажешь мне боротися:
Со всеми ли вдруг, или по одиночке?»
Говорит Батый царь Заоданский³⁶¹.
«Ой ты гой еси, Добрыня Никитич млад!
Ты как поизволишь, так и борись!»
Добрыня взял первого³⁶² татарина за ворот,
Второго татарина взял за голову,
Третьего татарина за волосы;
Бросил их о сыру землю,
Зашиб до смерти, до скоря:
Та борьба побрана. (103–114)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Королю это дело не слубилося,
Не слубилося это дело, не в любви идет.
<...>
Пошли к Добрынюшке татаровья,
Стал Добрынюшка татаровой отпихивать,
Стал он татаровой оттолыкивать:
По двое их, по трое стало по двору кататися.
Пошло к Добрынюшке целыма десяткамы,
Добрынюшка видит, — есть дело не малое... (471–472; 508–513)

³⁵⁹ У Т. Г. Рябины — «белаго».

³⁶⁰ У Шенкурского певца — «Батый царь».

³⁶¹ У Шенкурского певца — «говорит Батый царь Заоданский».

³⁶² У Шенкурского певца здесь и далее — «перваго», «втораго», «третьяго».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А богатырская тут кровь³⁶³ да роскипеласе,
А могуци ёго плеча росходилисе,
А белы ёго руки примахалисе,
А резвы ёго ноги приходилисе, —
Ухватил он тотарина всё³⁶⁴ за ноги,
А стал он тотарином помахивать:
А перёд тут махнёт — а всё как улками;
А назад-от махнёт, — да переюлками;
А сам где тотарину приговариват:
«А едрён где тотарин на жилки³⁶⁵ — не порвицьсе,
А могутён на кости³⁶⁶ — не переломицьсе!» (195–205)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Как отворились-то ворота на широк двор,
Пошло оттуда силушки черным-черно,
Черным-черно, как черна ворона.
Воскричал тут Добрыня громким голосом,
Громким голосом кричал он, во всю голову:
«Ай же, братыца мои крестовые!
Поспевайте ко мне, братыца, на выручку!» (517–523)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Стоял Василий на красном крыльце,
Не попало Василью палицы боевая,
Не попало Василью сабли вострая,
Не попало ему копыя мурзамецкого, —
Попала ему ось белодубова,
Ось белодубова семи сажень;
Сохватил он ось белодубовую,
Зачал он по силе похаживать
И зачал татар поколачивать. (311–319)

³⁶³ У Е. В. Рассолова — «крофь».

³⁶⁴ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «фсё».

³⁶⁵ У Е. В. Рассолова — «жылки».

³⁶⁶ У Е. В. Рассолова — «косыи».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Молодой Иванушка Дубрович
Он скорешенько бежал на широкий двор:
Во тоя в великой во горячности
Схватил он в руки железну ось,
Стал он железной осью помахивати
И стал он татаровой поколачивать.
Вышли оны на темну орду,
Силушки стали бить, как трава косить,
Бились молодцы целы сутки,
И не едаючись оны, не пиваючись.
Прошло-то поры-времячки двадцать четыре часику,
Силушки видь в них не уменьшилось,
Сердце богатырско не утихнуло,
А в орды стало силы мало ставиться. (524—537)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Царь Батырь из окна глядит:
— «Ох вы гой естя, дорóдныи молодцы!
Покиньте мне людей хошь на сéмены;
Мне не нады теперь ваших данéй-пóшлиней
И всех выходов княженецких!» (97—101)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«Я отдам ласкову князю Владимиру,
Отдам ему дани и пошлины
За те за годы за прошлые,
За те времена — за двенадцать лет;
Отдам сорок телег красна золота,
Отдам сорок телег скатна жемчуга,
Отдам сорок телег чиста серебра,
Отдам сорок сороков ясных соколов,
Отдам сорок сороков черных соболей,
Отдам сорок сороков черных выжлыков,
Отдам сорок сивых жеребцов». (329—339)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Молодой Васильюшка Казимирович
Скорешенько он шел на широкий двор,
Садился на коня на богатырского³⁶⁷,
Проехал он по этой по темной орды,
Наехал богатыря святорусского³⁶⁸
Молода Добрынюшка Микитинца,
Налагал он храпы крепкие
На него на плечики могучие,
И говорил Васильюшка Казимирович:
«Остановись-ка, Добрынюшка Микитинец!»

<...>

Молодой Добрынюшка Микитинец
Послушает Васильюшка Казиминова,
Остановил свою силушку могучую,
Покинул татарина в сторону.
Тут Васильюшка Казимирович
Подъехал к Иванушку Дубровичу,
Наложил он храпы крепкие
На него на плечики могучие,
Становил Иванушка Дубровича
И говорил Васильюшка Казимирович:
«Ты, Иванушка, позавтракал...

<...>

Укrotи свою силушку великую,
Установи свое сердце богатырское,
Оставь поганому силы на посемена!»
Иванушка Дубрович Васильюшка послушает,
Бросил он ось железную в сторону.
И идут оны к королю в палату белокаменну...

<...>

Говорил король таковы слова:
«Садитесь-ка со мною за единый стол,
Станем мы есть ествушки сахарния
Испивать мы питьецев медвяных».
Говорил ему Васильюшка Казимирович:

³⁶⁷ У Т. Г. Рябины — «богатырского».

³⁶⁸ У Т. Г. Рябины — «святорусского».

«Ты глупый король, Бутеян Бутеянович!
Не учествовал молодцев приедучись,
А не ужаловать ти молодцев поедучись!»
(547–556; 559–569; 571–576; 582–589)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Идут они ко высокоу, нову терему,
Выдает им собака дани-пошлины;
Насыпает тележки златокованные... (342–344)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

Говорит тогда Васильюшка Касимирович,
Говорит таковы слова:
«Вы, дружинушка хорошая,
Нынь заводите на корабли добрых коней,
Побежим в стольний Киев-град».
Нагрузили чистым золотом,
Нагрузили целы корабли,
Наклали двенадцать кораблей,
Побежали в стольний Киев-град. (316–324)

Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости:

Кабы дал Бог им тишины пособной же,
Возвратились они на свою сторону. (220–221)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

А там давно старбй ходит, посматриват,
В золотую трубочку поглядыват:
«Наш Василий Касимирович бежит,
Целы корабли золота ташит». (325–328)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское Нижнепечорского района:

Прибегают они к стольному ко Киеву,
Забегают в гавань карабельную,
Опускали паруса канифасные,
Выносили якоря булатные,
Крепили каравль крепко-накрепко,
Поклали они сходни кончом на́ берег,
Выходят робята на крутой берег. (233—239)

Анисим Фёдорович Вокуев, деревня Уег Усть-Цилемской волости:

А пошли это они да во Божью церкву,
Помолилися они как Господу³⁶⁹ Богу,
А тогда пошли ко князю ко Владимиру... (222—224)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

Тогда встречали все радёшеньки.
И подбегает сам Владимир-князь.
Тут встречают добрых молодцов
Полёницы приудалые,
Да они люди торговые... (329—333)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Воходят во палату белокаменну,
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому;
«Здравствуешь ласковый Владимир-князь!»
— «Добро жаловать удалы добры молодцы!»
Он садит их на скамейки на дубовые,
Наливает чары зелена вина,
Не малые чары — в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам;
Принимают добры молодцы единой рукой,

³⁶⁹ У А. Ф. Вокуева — «Восподу».

Выпивают добры молодцы единым духом,
На резвы ноги стают, низко кланяются:
«Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
Привезли мы тебе дани-пошлины
От собаки Батура Батвесова!»
Кланяется им ласковый Владимир-князь,
Кланяется до сырой земли:
«Спасибо вам, удалы добры молодцы,
Послужили вы мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною!» (355—374)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Тут молодцы оны разъехались:
Васильюшка Казимиров поехал ко Царю-граду,
Иванушка Дубрович к Иеросалиму,
А Добрынюшка Микитинец во стольно-Киеве³⁷⁰. (605—608)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

Вот тут и конец. (337)

³⁷⁰ У Т. Г. Рябины — «а Добрынюшка Микитинец к стольну Киеву».

Михайло Потык

Источники текста

- Алексей Васильевич Чупров, село Усть-Цильма, Печора* (Потык: [Былина] № 57 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 237—245.)
- Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень* (Потык [бой Алеши Поповича с татарами и игра его с королем]: [Былина] № 413 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 541—552.)
- Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Михайло [Потык]: [Былина] № 74 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 319—325.)
- Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Потык: [Былина] № 152 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 446—456.)
- Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост* (Михайло Потык: [Былина] № 6 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Типография Академии наук, 1894. — С. 63—92.)
- Абрам Евтихievич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост* ([I] Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 16 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Типография А. Семена, 1862. — С. 71—80; [II] Михайло Потык: [Былина] № 150 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Типография Академии наук, 1896. — С. 466—476.)
- Колодозерский старик, Пудога* (Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 37 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Типография А. Семена, 1861. — С. 212—227.)
- Калика из Красной Ляги* (Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 15 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Типография А. Семена, 1862. — С. 59—71.)

- Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Потык: [Былина] № 8 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 67–70.)
- Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй* (Михайло Потык: [Былина] № 39 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Типография Академии наук, 1894. — С. 253–265.)
- Кириша Данилов* (Потык Михайла Иванович [«Во стольном городе во Киеве...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 116–120.)
- Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень* (Потык: [Былина] № 374 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 393–404.)
- Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд* (Михайло Потык: [Былина] № 52 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 360–394.)
- Анна Васильевна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень* (Потык: [Былина] № 333 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 143–149.)
- Трофим Григорьевич Рябини́н, Кижы, Заонежье* ([I] Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 36 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Типография А. Семена, 1861. — С. 206–212; [II] Сорок калик со каликою: [Былина] № 39 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Типография А. Семена, 1861. — С. 236–237.)
- Пётр Прохоров, деревня Черный Наволок, Толвуй* (Михайло Потык: [Былина] № 40 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Типография Академии наук, 1894. — С. 266–288.)
- Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора* (Маево Побойище: [Былина] № 26 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 132–142.)
- Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость* (Михайло Потык: [Былина] № 158 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Типография Академии наук, 1896. — С. 540–549.)

Алексей Васильевич Чупров, село Усть-Цильма, Печора:

Во стольном во городе во Киеве
У ласкового³⁷¹ князя Владимира
Завелся³⁷² у князя почесен пир
На многих князей, на бояров,
На руських могучих богатырёв,
На злых палениц преудалых,
На купцей, людей торговых,
На мешшан пригородных,
Людей посадских,
На лучших крестьян³⁷³ православных.
Пир идет о полўпира,
Стол стоит о полўстола,
Княженевская радость — полурадость. (1–13)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Говорыл-де Добрынюшка таково слово:
«Уж³⁷⁴ ты ой еси, Владимир стольнекиевской!
Уж ты що глядишь³⁷⁵ да ты невесёло?
Закручи(ни)лся ты що-то запечалился³⁷⁶,
Весиш дак буйну голову?...»
Говорил-де Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич же!
Приезджал-де король да ляховиньской же;
Играли мы во карты да с им — во шахматы;
Проиграл тут я сорок³⁷⁷ тысяч да золотой казны,
Проиграл я пятнадцать³⁷⁸ руських богатырей!..» (291–301)

³⁷¹ У А. В. Чупрова — «ласкового».

³⁷² У А. В. Чупрова — «завелса».

³⁷³ У А. В. Чупрова — «хресьян».

³⁷⁴ У А. М. Мартынова здесь и далее — «уш».

³⁷⁵ У А. М. Мартынова — «гледиш».

³⁷⁶ У А. М. Мартынова — «закручи(ни)лса... запечалилса».

³⁷⁷ У А. М. Мартынова — «триццэтэ тысяч».

³⁷⁸ У А. М. Мартынова — «пятнаццать».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Уж ты гой еси, Добрынюшка Микитичь млад!
Уж ты съезди-ко к королю-ту к Астрийському,
Получи-тко у ёго пошлины за три годика,
За три годика да сорок тысячей». (19–22)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Уж ты вой есь, восударь ты Илья Муромец!
Ишше был у меня³⁷⁹ король-от зымыли Турския;
Ай играли съ им во пешочки, во шахматы,
Проиграл я королю денёг сорок тысячей,
Проиграл я двенадцать³⁸⁰ добрых молодцов». (273–277)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Уж ты гой еси, старый да казак Илья Муромец!» (16)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Вы съездите-тко в Каменну́ Орду,
В Каменную-то Орду в большу землю,
Повыправьте-тко дани выходы
За двенадцать год за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
<...>
Третий могучий богатырь да Михайло Пóтык сын Иванович,
Ты създи́-тко в землю во Подольскую...» (20–24; 31–32)

³⁷⁹ У Ф. Т. Пономарёва — «миня».

³⁸⁰ У Ф. Т. Пономарёва — «двенадцеть».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Получи-ко дани за три годика,
А-то получи всего да сорок тысячей³⁸¹». (26—27)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Все на пиру дак напивалисе,
Все на честном³⁸² было наедалисе.
Да сидит три удалых да добрых молодца³⁸³, —
Да не пьют, не едят, они не кушают,
Белой лебёдушки не рушают;
Да сидят они, промеж³⁸⁴ собой думу думают.
Да спроговорит Владимир стольнеки(е)вской:
«Уж³⁸⁵ вы ой еси, удалы да добры молодцы!
Що же не пьётé, не едитé да вы не кушаете,
Моей беленькой лебёдушки не рушаете?
Да обнёс-ле вас тут чарой да зелёным вином?
Да из млáдых над вами надсмеялся кто³⁸⁶?..»
Да ставают удалы да на резвы ноги,
Понижешенько ему да поклоняющсе:
«Уж ты ой еси, Владимир стольнекиевской!
Не обнёс ты нас чарой да зелёным вином,
Да из млáдых тут над нами не смеялисе.
Дай ты, Владимир, да благословеньицé:
Мы хотим тут-то ехати во чисто полé
Да во то где роздольицо во шырокоё!» (14—33)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Как ставали тут богáтыри да на резвы́ ноги,
А молились они Спасу́ пречистому,

³⁸¹ У Г. Л. Крюкова — «тысечей».

³⁸² У А. М. Мартынова — «чесном».

³⁸³ У А. М. Мартынова здесь и далее — «молодца», «молоццы».

³⁸⁴ У А. М. Мартынова — «промеш».

³⁸⁵ У А. М. Мартынова здесь и далее — «уш».

³⁸⁶ У А. М. Мартынова — «хто».

А прошшались они со князем со Владимиром³⁸⁷
Да во ту же всё во рученьку во правую... (28–31)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Благодарность приносили да за почесьён пир;
Да пошли бы удалы да из³⁸⁸ светлой грыни. (61–62)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Провожат-то их Владимёр стольнёй киевской,
Провожаёт Опракся Королевисьня. (5–6)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А седлали, уздали добрых коней;
Они скоро, лёкко скакали на добрых коней;
Они видели-то добрых молодцов на добрых коней сежаючись,
А не видели ихной поездки богатырской — поезжаючись.
Ехали из города не воротами не широкима,
А скакали через стену городовую,
А через високу башню наугольную.
А только³⁸⁹ видели — в чистом-то поли курева́ стоит,
Курева́ стоит, да только три столба столбит.
Они ехали перьвой день с утра до вечера;
На второй — наехали на ростанюшки великия,
А на ти жо на три широки дорожочки.
Одержали они тут скоро добрых коней,
Соходили они со добрых коней,
Розоставили-то три шатра полотьяных,
А как сами ведь в шатри они спать легли.

³⁸⁷ У Г. Л. Крюкова — «Владимером».

³⁸⁸ У А. М. Мартынова — «ис».

³⁸⁹ У Г. Л. Крюкова — «тольке».

А как по утру, утру раннѣму,
По восходу-ту было сонѣя красного
А ставал-то государь да Илья Муромец:
«Вам полно спать да пора ставать!
А ведь надо нам ведь путь дѣржать».
Как от сна тут добры молодцы да пробужалисе,
Выходили они да из белѣх шатров,
Умывались они свежѣй водой ключѣвою,
Утирались они белыми да полотеньцѣми... (32–56)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Собирались три русских три могучих три богатыря
Ко тому кресту к Леванидову. (I: 39–40)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А молились они сами Спасу всё пречистому. (57)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Тут они³⁹⁰ крестами побратались;
Который же из них был бѣльшей брат?
Старый казак Илья Муромец был бѣльшей брат;
А Михайла Потык сын Иванович был средней брат;
Молодой Добрыня сын Никитич был мѣньшей брат.
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай вы ей, мои братѣица крестовые!
Который пораньше да повыедет
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко другому ехать на выруку». (I: 41–50)

³⁹⁰ У А. Е. Чукова — «оне».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Мы положим заповедь да промежу собой:
Ише кто³⁹¹ из нас привезёт, дак нам делить-то, братцы, натрое».
Они клали заповедь промеж собой великую.
Как скакали они скоро на добрых коней наступчивых,
Они поехали да всяк в дорожички широкия.
А как приезжаёт тут скоро старый казак да Илья Муромец
А к тому-то королю Ордынскому³⁹² да на широкой двор,
А он скоро соходил да со добра коня,
А вязал-то коня среди двора да к дубову столбу,
К дубову столбу да к золоту кольчу,
А как сам он ведь пошел³⁹³ на ново крыльце,
Со красна крыльца да на новы сени,
А с новых сеней в полаты королевския;
Он не ктит-то своего личя белого,
А не поклоняйтесь поганым идолам,
Только бьёт целом во рученьку во правую
А к тому жо королю Ордынскому³⁹⁴.
«Уж ты здравствуй-ко-се³⁹⁵, Ордынской³⁹⁶ король!»
— «Уж ты здравствуй-ко, дородней доброй молодец,
Уж ты руския могучия сильный богатырь жо!
Ты зачем ко мне приехал жа?
А послом ты ко мне послан жа,
Ли служить ты мне приехал верой-правдою?»
— «Не служить-то я приехал тебе³⁹⁷ верой-правдою;
Я приехал к тебе послом послан жа
От того жо нашего³⁹⁸ от князя Владимира³⁹⁹ —
Получить от тебя-то дани сорок тысячей».
А как тут король да не ослышался⁴⁰⁰;

³⁹¹ У Г. Л. Крюкова — «хто».

³⁹² У Г. Л. Крюкова — «ко Прускому».

³⁹³ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «пошел».

³⁹⁴ У Г. Л. Крюкова — «ко Прускому».

³⁹⁵ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «здравствуй-ко-се», «здравствуй-ко».

³⁹⁶ У Г. Л. Крюкова — «ты Пруский».

³⁹⁷ У Г. Л. Крюкова — «тебе».

³⁹⁸ У Г. Л. Крюкова — «нашого».

³⁹⁹ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «Владимера», «Владимером».

⁴⁰⁰ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «[не] ослышилс».

А берёт он со спички золоты ключи,
Отмыкал он скоро кованы ларьчи,
Да отсчитывал он дани-пошлины за три годика да сорок тысячей.
Как получил-то старый казак да Илья Муромец
Ише ту жо дань, всё ведь пошлину;
Как дарил ёму король да всё подарочки,
А подарочки дарил да красна золота.
Как прошшаитсье старый казак да Илья Муромця:
«Ты прошшай-ко-се, король да Каменной Орды⁴⁰¹».
— «Ты прошшай-ко-се, дородньей доброй молодец.
Ты скажи-ко про своё отечесьво —
Ты какого отца да какой матери⁴⁰²,
Звеличить тебя по имени да по отечесьву?»
— «Я из города да всё из Муромы,
Из села-то я ежжу⁴⁰³ Карачеева;
А у меня отец всё Иван да Тимофеич жа,
А меня зовут да Ильей Муромцем;
Я служу у князя у Владимира да верой-правдой неизменною».
Провожаёт король да старый казак Илья Муромця,
А как с чести провожаёт ёго, с радости.
А да как во ту пору, во то время
А приехал Добрынюшка к королю-ту Астрийському,
А приехал ведь к ёму да на широкой двор,
Соходил скоро да со добра коня.
Привязал коня к дубову столбу да к золоту кольчю,
А как сам пошел⁴⁰⁴ да на краснó крыльце косисчято,
Со краснá крыльця⁴⁰⁵ да на новы сени,
А с новых сеней в полаты королевския.
Сам приходит он в полаты королевския,
А не кстит он своёго лица⁴⁰⁶ белого,
А не поклоняйтсье он поганым идолам,
Только бьёт королю во-в рученьку во правую:
«А да здравстуй-ко⁴⁰⁷, король земли Астрийския!»

⁴⁰¹ У Г. Л. Крюкова — «земли Прусския».

⁴⁰² У Г. Л. Крюкова — «[ты] кокого отца [да] кокой [матери]».

⁴⁰³ У Г. Л. Крюкова — «[я] ежжу».

⁴⁰⁴ У Г. Л. Крюкова — «пошел».

⁴⁰⁵ У Г. Л. Крюкова — «крыльця».

⁴⁰⁶ У Г. Л. Крюкова — «личя».

⁴⁰⁷ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «здравстуй-ко».

— «Уж ты здравствуй-ко, дородньей доброй молодец,
Уж ты руськия сильний могучия богатырь жо!
А зачем⁴⁰⁸ ко мне приехал жа?
Али послом послан жа,
Али служить мне-ка верой-правдою,
Верой-правдою да неизменою?»
— «Я приехал к тебе не служить не верою, не правдою
да не неизменою;
Я приехал к тебе да послом послан жа
А как тим жо князём всё Владимиром
Получить с тебя ти дани-пошлины да сорок тысячечей.
А как тут король да не ослышался,
А да взял он скоро с спичьки да золоты ключи,
Отмыкал он скоро кованы ларьчи,
Отчитал-то дани-пошлины да сорок тысячечей,
Отдавал-то он Добрынюшки Микитичю:
«Уж ты гой еси, дородньей доброй молодец!
А как тебя⁴⁰⁹ звать всё по имени,
Величать⁴¹⁰ тебя да по отчесьву?»
— «Меня⁴¹¹ именём зовут Добрынюшка Микитич млад,
А по фамильи-то да сын Романович».
Как во ту пору, в само во то время... (59—140)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Говорил тогда⁴¹² Михайлушко сын Иванович:
«Ай поеду я, братцы, да во Большу землю,
Во Большу-ту я землю⁴¹³, да в прокляту в литву,
Да поеду ко царишшу-ту Лиходеишу⁴¹⁴...» (38—41)

⁴⁰⁸ У Г. Л. Крюкова — «[а] зачим».

⁴⁰⁹ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «тибя».

⁴¹⁰ У Г. Л. Крюкова — «величать».

⁴¹¹ У Г. Л. Крюкова — «миня».

⁴¹² У Ф. Т. Пономарёва — «тогда».

⁴¹³ У Ф. Т. Пономарёва — «землю».

⁴¹⁴ У Ф. Т. Пономарёва — «ко Идóлишшу».

Колодозерский старик, Пудога:

Как поехал душечка Михайло Потык Иванович
Во тые ли во гридни во черныя,
Вы тые ли Подолье Лиходеево
Ко славному царю Лиходею Лиходееву. (35–38)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Да во ту же де во пору и во то время... (213)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А приехал-то старый казак да ко белым шатрам,
А приехал Добрынюшка к белым шатрам... (242–243)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Золотой казны привезли⁴¹⁵ да им несчетно жо.
Да приехал восударь к своему ко белу шатру, —
У Михайлушка у бела стоит шатра свой добрый конь,
Не стречат-то де Михайлушко сын Иванович.
Говорил же восударь тогда⁴¹⁶ Илья Муромец:
«Уж ты вой еси, Добрынюшка ты Микитиц сын!
Не встречаё нас Михайлушко сын Иванович».
Соскакал скорё Илеюшка со добра коня,
Ай бежит-то ко Михайлушку во белой шатёр, —
Ай лёжит тогда Михайлушко во белом шатри,
Ай лёжит де — приломана буйна головушка,
Ай Овдотьюшка сидела во белом шатри. (217–228)

⁴¹⁵ У Ф. Т. Пономарёва — «привёз-то».

⁴¹⁶ У Ф. Т. Пономарёва здесь и далее — «тогда».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А да сам он говорил да таковы речи:
«Тебе полно спать, Михайлушко, с красной девицей⁴¹⁷,
Пора тебе ставать да ехать ко городу ко Киеву,
А ко ласкову ко князю ко Владимиру⁴¹⁸!»
— «Уж ты гой еси, осударь наш Илья Муромец!
Не могу я стать да головы поднять;
А болит-то моя буйна голова,
А не служат у меня да руки белыя,
А не носят меня всё ножки резвыя». (287–295)

Калика из Красной Ляги:

И говорит ему братия:
«Что же ты, Михайла Потык сын Иванович,
Обзарился ты на прелести женския,
А не везешь злата ни единой денежки?
И с чем⁴¹⁹ ты теперь во Киев-град появишься?» (50–54)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А ставал-то Михайлушко да из белá шатра,
Одевался⁴²⁰ он во платьё дорожно богатырское. (296–297)

Калика из Красной Ляги:

И говорит Михайла Потык сын Иванович:
«Ай же вы, братица крестовые!
А не давайте мне красна золота,
И не троньте душечки Белой Лебеди:
Я с ней поеду в столен Киев-град». (55–59)

⁴¹⁷ У Ф. Т. Пономарёва — «с Овдотьюшкой».

⁴¹⁸ У Г. Л. Крюкова — «Владимеру».

⁴¹⁹ У калики из Красной Ляги — «[и с] чим».

⁴²⁰ У Г. Л. Крюкова — «одевалсэ».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Говорил-то старый, государь да Илья Муромец:
«Уж не повезём Овдотьи во красен Киев-град!
А как не жона тебе будет любимая;
А того жо она роду ведь змеиноного...
<...>
Уж вы гой еси, да братья крестовыя-названыя!
А как станем мы исполнить свою заповедь великую —
А да станем-ко мы Овдотью делить натроё,
Уж мы станём рубить Овдотью натроё».
Говорил-то Михайлушко Игнатьевич:
«Уж ты гой еси, старый казак да Илья Муромец!
Я не дам-то вам делить Овдотьи натроё,
А не дам-то ей рубить натроё:
Я Овдотьюшку возьму да за себя замуж».
Говорил-ту старыя старынышина да Илья Муромец...
(298–301; 250–259)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Уж ты сукин сын, Потык Михайлушко Иванович!» (47)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Не жена⁴²¹ тебе-то будёт вековечья;
Как она, она ведь всё — роду змеиноного». (261–262)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Не жена жа тебе будет — змея лютая⁴²²;
Уж ты будёшь, Михайлушко, у семи съмертей,

⁴²¹ У Г. Л. Крюкова — «[не] жона»

⁴²² У Ф. Т. Пономарёва — «[не] жона... змея [лютая]».

Налетаиссье, Михайло, ты чёрным вороном,
Ай нарышшишьсе, Михайлушко, ты серым волком,
Накопаиссье, Михайлушко, горносталюшком,
Приломашь ты о корёньё буйну́ свою головушку,
Налёжисье в чистом поли ты серым камнем».
Всё как этому Михайлушко не поверовал⁴²³. (48–55)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как стал-то Михайло садиться⁴²⁴ на добра коня,
А не мог Михайлушко сам сесть да на добра коня;
Посадил-то ведь Михайлушка да Илья Муромец.
Они поехали ко городу ко Киеву,
А ко ласкову князю да Владимиру⁴²⁵. (309–313)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Приезжают⁴²⁶ они да в красён Киёв-град,
Приезжают ко Владимиру⁴²⁷ ко красну крыльцу⁴²⁸;
Да соскакивали они все дак з добрых коней,
Да пошли были дак во светлу грыню.
Да заходят они дак на новы сени,
Да заходят они дак во светлу грыню,
Кре(с)т-от тут клали по-писаному,
Да поклоны вели дак по-ученому⁴²⁹.
«Уж ты здравствуй⁴³⁰, Владимир да стольнекиевской!»
— «Приходите, удалы да добры молодцы⁴³¹». (281–290)

⁴²³ У Ф. Т. Пономарёва — «поваровал».

⁴²⁴ У Г. Л. Крюкова — «садитсье».

⁴²⁵ У Г. Л. Крюкова — «Владимеру».

⁴²⁶ У А. М. Мартынова здесь и далее — «приежджают».

⁴²⁷ У А. М. Мартынова — «Владимеру».

⁴²⁸ У А. М. Мартынова — «[ко красну] крыльцю».

⁴²⁹ У А. М. Мартынова — «по-учоному».

⁴³⁰ У А. М. Мартынова — «уш [ты] здрастуй».

⁴³¹ У А. М. Мартынова — «молоццы».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как отдали князю да дань, да пошлину. (315)

Калика из Красной Ляги:

Старый казак Илья Муромец
Отвалил злата как сенну кучу;
Молодой Добрынюшка Никитинич
Отвалил злата как сенну кучу;
Идет Михайла Потык сын Иванович,
Не несет злата ни единой денежки,
А ведет за ручку душечку Овдотьюшку. (61–67)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Да спроговорит тут Потык да сын Иванович:
«Уж⁴³² ты ой еси, Владимёр стольнекиевской!
Дай ты мне теперь⁴³³ да благословленьицо:
Я хоцю тут ноне да я женитисе!»
Да спроговорит Владимир да стольнекиевской:
«Уж ты ой еси, ты Потык да сын Иванович!
Да бери ты, у кого да тебе надобно:
Хош у князя, хош веть ты да у боярина,
Хош у руського могучего⁴³⁴ богатыря,
Хош у тех палениц да преудалых же,
У тех у купцей-гостей торговых же,
Дак у тех у прожитосних у хрисянушок,
Хош у тех же у вдов благочестивых же!..»
Да спроговорит тут Потык да сын Иванович... (34–47)

⁴³² У А. М. Мартынова здесь и далее — «уш».

⁴³³ У А. М. Мартынова — «тепере».

⁴³⁴ У А. М. Мартынова — «могущого».

Алексей Васильевич Чупров, село Усть-Цильма, Печора:

Става́т Поты́к на резвы ноги,
Выходит из-за стола дубового на кирпичат пол,
Тишешинько к князю подвигается,
Нижешенько князю поклоняется:
«Ох ты, солнышко Владимир-князь!
Позволь мне слово вымолвить:
Не надо мне девки княженецкия,
Не надо мне девки боярския —
Боярски девки злы-омманчивы!
Не надо мне девки поповския,
Не надо мне девки и купеческой —
Поповския девки пропируются,
Купчески девки протогуются,
А хресьянския девки только толчи да молоты!» (107–120)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

«Есть у мян невеста да богосужона
У того короля дак у заморского⁴³⁵,
Есть-то тут Овдотья Лебедь Белая⁴³⁶!»
Да спроговорыт Владимёр да стольнеки(е)вской:
«Уж⁴³⁷ ты ой еси, ты Потык сын Иванович!
Она не будёт тут тебе, она не будёт жена, —
Она будёт тут тебе она пот<д>пазушна змея!» (48–54)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Говорит-то тут ведь Потык-от Михайло всё Иванович:
«Уж ты красно моё солнышко Владимир-князь,
Ты Владимир, ты князь мой стольнё-киецькой!
Ты збирал-то пир да для троих для нас,
Для троих для нас збирал, для трёх могущиих богатырей».
<...>

⁴³⁵ У А. М. Мартынова — «заморьского».

⁴³⁶ У А. М. Мартынова — «Марья да Копейщина!»

⁴³⁷ У А. М. Мартынова — «уш».

«Собери-ко-се ты, князь, ты пир да одному мне-ка:
 Я составалсэ ведь на Овдотьи Лиходеёвны;
 Зазвонят ведь как веѣрњи-ти позды сёгодня-то,
 Мы тогда пойдём с Овдотьей с Лиходеёвной
 Во Божью-ту мы церковь пойдём венцятисе».
 (еретиця была; говорит: «обвиняюсе после веѣрњи».)
 Ай тому-то ведь Владимир-князь всё рад ведь был,
 Он ведь рад ведь был тому радёшенёк. (67–71; 74–80)⁴³⁸

Калика из Красной Ляги:

«В нашу державу свято-русскую
 Пойдут семена — плод богатырский⁴³⁹:
 То лучше злата и серебра». (94–96)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ишше светёл-от день пошол ко веѣру,
 Ишше красно-то солнышко пошло ко западу;
 Зазвонили тут веѣрњи-ти ведь во Божьих церквах;
 Тут ведь Потык-от Михайло сын Иванович
 Пошел-то⁴⁴⁰ Потык ведь свет Михайлушко в Божью церковь;
 Нарядилась⁴⁴¹ тут Овдотья Лиходеёвна
 Да пошла же она да во Божью церковь.
 Как ведь отслужили-то позды веѣрњи-то...
 <...>

Овенцалсэ тут Потык-то Михайло сын Иванович
 С молодой-то со Овдотьей Лиходеёвной;
 Приходят они всё из Божьей церкви.
 Ише князь-от был Владимир всё радёхонёк,
 Всё радёхонёк был он, веселёхонёк;
 Он садит-то новобрачных, всё усаживают;

⁴³⁸ Нумерация строк дана за вычетом комментария исполнительницы (выделен курсивом).

⁴³⁹ У Калики из Красной Ляги — «[плод] богатырский».

⁴⁴⁰ У А. М. Крюковой — «пошел-то».

⁴⁴¹ У А. М. Крюковой — «нередилась».

Ишше Пóтыка Михайла всё Ивановичя
Он со той ли со Овдотьёй с Лиходеёвной
Он усаживал в полаты их за дубовы́ столы;
Повёлся⁴⁴² тут у их всё пир навёсели. (81–88; 101–110)

*Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний
берег Белого моря:*

А во ту пору, во то время
Заводилась у Михайла, пошла свадьба жа;
Как отцом-то⁴⁴³ сел сам Владимир-князь,
А как матерью-то⁴⁴⁴ села да княгина жа,
А как тысяцким-то стал казак Илья Муромец.
А как обвенчался⁴⁴⁵ тут Михайлушко с Овдотьюшкой,
Повели тут Михайлушка спать укладывать
В спальню горницу, в светлу свѣтлицу;
Говорил-то старый казак да Илья Муромец:
«Уж ты гой еси, Михайлушко Игнатъевич!
А как станёт Овдотьюшка класть заповедь великую,
Не клади ты с ей заповеди великия —
Не лёжись-то с ей живой ведь в гроб;
Потеряшь тут свою буйну голову».
А как повалились спать Михайлушко с Овдотьюшкой...
<...>
Говорила Овдотьюшка Михайлу таковы речи:
«Уж ты гой еси, Михайлушко Игнатъевич!
Мы положим промеж-то заповедь великую,
А великую-то, ведь немалую:
А которой из нас да наперёд помрёт,
А тому живому повалиться со мной во гроб».
(316–330; 332–337)

⁴⁴² У А. М. Крюковой — «повёлся».

⁴⁴³ У Г. Л. Крюкова — «отцём-ту».

⁴⁴⁴ У Г. Л. Крюкова — «матерью-ту».

⁴⁴⁵ У Г. Л. Крюкова — «обвенчалсэ».

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Положили они заповедь великую... (97)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

Написали они между собой ведь записи.

<...>

Стал он жить-то с ней да на весельици,

Напиваться зеленá вина он допьяна. (40; 28–29)

Кириша Данилов:

А у Потока Михайла Ивановича

Со молодой женой Авдотьей Леховидьевной

Немного житья было — полтора года:

Захворала Авдотьюшка Леховидьевна,

С вечера она расхворается,

Ко полуночи разболелася,

Ко утру и преставилася. (155–161)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Его тут жена была волшебница... (412)

Кириша Данилов:

Мудрости искала над мужем своим,

Над молодым Потоком Михайлою Ивановичем.

Рано зазвонили к заутрени,

Он пошел, Поток, соборным попам весть подавать,

Что умерла его⁴⁴⁶ молода жена. (162–166)

⁴⁴⁶ У Кириши Данилова — «ево».

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

Говорит Потыки Михайло да сын Иванович:
«Помёрла коли моя да молода жена⁴⁴⁷,
А надоть ведь⁴⁴⁸ мне-ка да живому⁴⁴⁹ лекци;
У нас положена была така заповедь, така тяжелая⁴⁵⁰:
“Що которой ю нас дак наперёд⁴⁵¹ помрёт,
А другому у нас дак живому лекци!”» (177–182)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

А скоро сам бежал на выходы высокие,
Закричал Михайло во всю голову:
«Да ай же, мои братица крёстовые,
Крёстовые вы братица, названные, —
Ай старый казак ты Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
А подьте-тко вы к брату крестовому
А на тую на думушку великою». —
Как тут-то ведь уже братица справлялися,
Тут-то оны удáлы снаряжалися,
Приходят оны к брату крёстовому,
К мóлоду Михайлы да к Пóтыку:
«Ай же брат крёстовии наш, названыи!
А ты чего кричишь, нас тревожишь⁴⁵² ты?..» (377–390)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Померла-то у меня Овдотья, лебедь белая!»
Говорил-то а стары́й-то казак Илья Муромец:
«А почём ты клал с ей заповедь великую?»

⁴⁴⁷ У А. П. Чуповой — «жона».

⁴⁴⁸ У А. П. Чуповой — «веть».

⁴⁴⁹ У А. П. Чуповой здесь и далее — «живому».

⁴⁵⁰ У А. П. Чуповой — «положона... заповеть... тяжелая».

⁴⁵¹ У А. П. Чуповой — «наперёт».

⁴⁵² У Н. Прохорова — «крычишь... треложишь».

Ише не послушал моёго ты наказаньица.
А ведь жалко всё тебя, Михайлушко,
А как жалко тебя⁴⁵³, доброго молодца,
А как русьского могучего⁴⁵⁴ богатыря!» (344—350)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Говорил-де Добрынюшка Микитич же:
«Уж⁴⁵⁵ ты ой еси, ты Потык сын Иванович!
Закажи тут-то сделать ты гробницу-ту⁴⁵⁶ великую...
<...>
Было чтобы⁴⁵⁷ где да розмахнутисе!» (414—416; 419)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как эти⁴⁵⁸ тут братьица крестовые
Скорым-скором, скором да скорешенько
Как строили колоду белодубову;
Как тот этот Михайло сын Иванов был
Как скоро сам бежал он во кузницу,
Сковал там он трои-ты клёща-ты,
А трои прутья еще да железные,
А трои еще прутья оловянные,
А трети напослед еще медные.
Как заходил в колоду белодубову
А со тым со телом со мертвым.
Как братьица крестовы тут названные
Да набили они обручи железные
На тую колоду белодубову.
А это тут ведь дело да деется
А во тую в субботу во христовскую;

⁴⁵³ У Г. Л. Крюкова — «тобя».

⁴⁵⁴ У Г. Л. Крюкова — «могучого».

⁴⁵⁵ У А. М. Мартынова — «уш».

⁴⁵⁶ У А. М. Мартынова — «гробницу-ту».

⁴⁵⁷ У А. М. Мартынова — «щобы».

⁴⁵⁸ У Н. Прохорова здесь и далее — «этии», «крестовый», «железные», «оловянные», «медные», «названыи», «глубокийи».

Как тут эти старьи казак да Илья Муромец,
Молодой Добрынюшка Микитинич,
А братья что крёстовые, названные,
Копали погреб тут они⁴⁵⁹ глубокие,
Спустили их во матушку во сырú землю,
Зарыли-то их в желты́ пески. (401–422)

Анна Васильевна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Завалили каменьём да ишше серым же,
Да заклали-то плитём ёго железным же.
Да и тут-то Михайлушку славы поют:
«Не бывать-то Михайлушку да на белом свету,
Не видать-то Михайлушку да свету белого!..» (46–50)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

Схоронили тут Потыка Михайла сын Ивановиця.
Засветил он много свещ там да воскуяровых,
А стоит-де уж⁴⁶⁰ он да Богу молицсэ. (190–192)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ай зарыли⁴⁶¹ де Михайлушка во сыру землю.
Да пришло тогда⁴⁶² Илеюшку делать ёму нечего;
Ай пошел тогда Илеюшка тогды во Божью церковь⁴⁶³,
Ай берё де он ведь книгу всё Евангельё,
Он идё со книгой Илеюшка на могилочку;
Он читат-то он книгу-ту по перьвой раз,
Ай прочитыват ведь книгу во вто́рой раз,
Просматривал он книгу-ту во третей раз,

⁴⁵⁹ У Н. Прохорова — «оны».

⁴⁶⁰ У А. П. Чуповой — «уш».

⁴⁶¹ У Ф. Т. Пономарёва — «[ай] зарыле».

⁴⁶² У Ф. Т. Пономарёва здесь и далее — «тогды».

⁴⁶³ У Ф. Т. Пономарёва — «пошол... церковь».

Да нашел-то⁴⁶⁴ он в книги таково слово:
«Слободить де как чёловека от смерти понапрасныя».
Размышляет⁴⁶⁵ восударь тогда умом-разумом. (487—497)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как стал Илья-то Муромец на гробнице⁴⁶⁶ ихней слушати.
(362)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ишше втiпоры Илеюшка догадался⁴⁶⁷ же,
Да ревё де как Михайлушко во сырой земли. (501—502)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

«Стоснулось нашему братцу крестовому во сырбiй земли,
Живому телу со мертвым». (148—149)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

У Илеюшки тогда⁴⁶⁸ серьцё-то розъерилосе,
Ай сейчас-то в ём вся кровь роскипеласе;
Ай разрыл-то⁴⁶⁹ он Михайла да могилочку... (503—505)

⁴⁶⁴ У Ф. Т. Пономарёва — «нашол-то».

⁴⁶⁵ У Ф. Т. Пономарёва — «розмышляет».

⁴⁶⁶ У Г. Л. Крюкова — «[на] гробнице».

⁴⁶⁷ У Ф. Т. Пономарёва — «догадался».

⁴⁶⁸ У Ф. Т. Пономарёва — «тогда».

⁴⁶⁹ У Ф. Т. Пономарёва — «разрыл».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Отсыпáл он пески, камешки, отдергивал плиту железную...
(374)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ишше выдёрнул колоду белодубову,
Он сорвал тогды все обручи железные⁴⁷⁰.
Овернулась де Овдотьюшка змеёй лютою,
Ишше жгё она Михайлушка да жигалами,
Ишше тénёт изь ёго кровь горячую;
Ай едва застал — в Михайли душа полуднуёт. (506—511)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

Зажимал-де Ильюша змею да в клещи в медные⁴⁷¹
А бьёт-де, секёт ей да прутот медным, —
Ише медны-ти клещи гнуцсе — не роскоцяцсье,
Ише медн-от-де прут гнецсэ, да не ломицсэ.
Стало сáтко змеи да доставатисе;
Тут змолиласе змея да змея лютая...
<...>
«Ты прости меня бабу да всё⁴⁷² глупую,
Прости меня женщину⁴⁷³ в первой вины:
Ише женьски-ти волосы долги, да ўмы коротки!»
(207—212, 214—216)

⁴⁷⁰ У Ф. Т. Пономарёва — «все [обручи] железныя».

⁴⁷¹ У А. П. Чуповой — «зажымал-де Михайло змею да ф клёщи [в медные]»; далее по тексту — «клёщи».

⁴⁷² У А. П. Чуповой — «фсё».

⁴⁷³ У А. П. Чуповой — «женьшину».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

И обернулась она Овдотей⁴⁷⁴ Белой Лебедью,
И давала заповедь великую
Не делать впредь никаких пакостей. (I: С. 14)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

Выходил тут Михайло да с молодой женой⁴⁷⁵. (224)

Кириша Данилов:

И объявили князю Валадимеру
И тем попам соборным,
Поновили их святой водой,
Приказали им жить по-старому. (214–217)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

А прошла тогда⁴⁷⁶ слава да всё великая,
А що бесмёртна есть Овдотья⁴⁷⁷ королевисьня. (227–228)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

Стал Михайла жить по-прежнему⁴⁷⁸,
Напиваться зеленá вина он дóпьяна. (158–159)

Пётр Прохоров, деревня Черный Наволок, Толвуй:

Владимир стольнё-киевской
Дал-то повольку-ту великую

⁴⁷⁴ У Т. Г. Рябины — «Марьей».

⁴⁷⁵ У А. П. Чуповой — «жоной».

⁴⁷⁶ У А. П. Чуповой — «товда».

⁴⁷⁷ У А. П. Чуповой — «Марья да».

⁴⁷⁸ У А. Тимофеева — «стал он жить-то ведь по-прежнему».

Михайлу Пóтыку сыну Иванову
Ходить по цáревым по кáбакам,
Пить зелено вино безденежно,
Где кружку, где полкружки,
Где полведра, где цело ведро.
Стал ходить Михайла Потык сын Иванович
По цáревым по кáбакам,
Пить зелено вино безденежно
Где кружку, где полкружки,
Где полведра, где цело ведро. (298—309)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Михайла Потык сын Иванович
Уходил он на царев кабак,
Стал он упиваться в зеленó вино.
На тую пору на времячко... (I: 82—85)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

Приезжают-то с разных мест да сорóк царей,
Сóрок царей, сóрок царевичев,
Сóрок королев да сóрок королевичев.
Оны пижут ко Владимиру,
Владимиру да стольнё-киевскому:
«Выведи ты эту Лебедь Белу⁴⁷⁹, королевичну,
Бéз бою, без драки, без великого⁴⁸⁰ кроволития».
Собирает тут Владимир стольнё-киевской
Своих господ, своих бояр;
Стал он тут Владимир совет советовать
Со своима господамы, со своима боярамы:
«Ежли нам не отдать этой Лебедь Белой⁴⁸¹, королевичной,
Приведут наш стольной Киев град во разорение⁴⁸²». (43—55)

⁴⁷⁹ У А. Тимофеева — «эту Марью лебедь белу».

⁴⁸⁰ У А. Тимофеева — «великого».

⁴⁸¹ У А. Тимофеева — «этой Марьи лебедь белой».

⁴⁸² У А. Тимофеева — «розорение».

Калика из Красной Ляги:

И призывает Владимир князь Михайлу Потыка:
«Отдадим Лебедь⁴⁸³ сорока царям в замужество?»
Говорит Михайла Потык сын Иванович:
«Отдадим-ко твою Опраксу королевичну?» (168—171)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

«Не отдам я своей душеньки
Без бою, без драки, без великого⁴⁸⁴ кроволития».
Бéрет он своих да двух братьёв крестовых,
Бéрет старого⁴⁸⁵ казáка Илью Муромца,
Во-вторых берет Добрынюшку Микитича.
Сокрутились они в платье женское,
Причесали они свои кудри русые по женскому,
Садись они в тележку во ордынскую,
Приезжали оны да во чистó поле,
Роздернули оны тут ведь белóй шатер.
Приходило тут сóрок царей, сóрок царевичей:
«Верно, что Владимир стольнѣ-киевской
Не посмел с нами воевати де,
Повывел он эту⁴⁸⁶ Лебедь Белу, королевичну,
Повывел её⁴⁸⁷ во чистó поле». (61—75)

Калика из Красной Ляги:

Тогда сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей
Оболоклись в платье самолучшее,
Садись на самолучших коней
И приехали к шатру белополотняну. (185—189)

⁴⁸³ У калики из Красной Ляги — «Марью».

⁴⁸⁴ У А. Тимофеева — «великаго».

⁴⁸⁵ У А. Тимофеева — «старого».

⁴⁸⁶ У А. Тимофеева — «Марью».

⁴⁸⁷ У А. Тимофеева — «Марью».

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

«Ай же ты Марья лебедь бела, королевична!
За кого же ты за нас замуж идешь?»
Испроговит Михайла самым тонким женским голосом:
«Кто кого из вас на бою побьёт,
За того я ведь замуж иду».
Выходили оны татарева во чисто поле,
Тот того побьёт, другой друго́го побьёт, —
Не выходили-то у них поединщика единого⁴⁸⁸.
Приходят оны опять да ко белу шатру:
«Нет у нас такого поединщика.
За кого же нын ты замуж идешь?» (77–87)

Калика из Красной Ляги:

Говорит им Михайла таково слово:
<...>
«Дай-ко я расстреляю⁴⁸⁹ сорок стрелочек,
Всякому стрелю в свою сторону:
Который вперед прибежит со стрелочкой,
Тому я и достануся».
На то цари согласилися.
Расстрелял Михайла сорок стрелочек,
Йная в кусты, йная в воду: часом ли соберешь?
Который вперед прибежит со стрелочкой,
Михайла тому голову секет,
Секет голову и под шатер складет.
И прибил ён всех до одного —
По одному сорок царей и сорок царевичей. (190; 194–205)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

Поезжали оны тут во Киев град
Со своими он с братьями⁴⁹⁰ крестовыми. (99–100)

⁴⁸⁸ У А. Тимофеева — «единого».

⁴⁸⁹ У калики из Красной Ляги здесь и далее — «разстреляю», «разстрелял».

⁴⁹⁰ У А. Тимофеева — «[со] своима [он с] братьями».

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как на эту на славушку великую... (585)

Анна Васильевна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Тут приехал Вахрамей да Вахрамеевиц. (171)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Стал он звать за себя⁴⁹¹ Овдотью⁴⁹² Лебедь Белую;
И пошла за него замуж Овдотья⁴⁹³ Лебедь Белая.
Оны сели на добрых коней, уехали,
А Михайла Потык сын Иванович
Сидит — пьет да прокладывается,
Над собой незгодушки не ведает.
И приходит во царев кабак
Старый казак Илья Муромец,
Говорил Илья таковы слова:
«Михайла Потык сын Иванович!
Ты пьешь зелено вино, прокладываешься,
Над собой незгодушки не ведаешь:
Твоя же молода жена,
Прекрасная Овдотья⁴⁹⁴ Лебедь Белая
Замуж ушла за татарина поганого⁴⁹⁵,
За царя Вахрамея Вахрамеевича⁴⁹⁶». (I: 88–103)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

«Увез твою да любимую семью
Красивый король да ведь ляхетский». (189–190)

⁴⁹¹ У Т. Г. Рябины — «[за] себя».

⁴⁹² У Т. Г. Рябины — «Марью».

⁴⁹³ У Т. Г. Рябины — «Марья».

⁴⁹⁴ У Т. Г. Рябины — «Марья».

⁴⁹⁵ У Т. Г. Рябины — «поганого».

⁴⁹⁶ У Т. Г. Рябины — «Федора Иванова».

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как Михайлушка⁴⁹⁷ ответ держит:
«Ай же мои братица крестовые!
Пойдемте мы, братица, след с угоною».
Говорят ему таково слово:
«Да ай же ты, наш братец крестовый был!
Не честь-то нам хвала мóлодцам
А ехать за чужой женой еще след с угоною.
Кабы ехать нам-то ведь уж след тебя⁴⁹⁸...
<...>
А едь-ко ты один, доброй молодец,
А едь-ко, ничего да не спрашивай;
А застанешь ты ведь их на чистóм поли,
А отсеки ты там царю да головушку». (646—653; 655—65

Анна Васильевна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Да скорёхонько Михайлушко сражаицэ,
Да круце того Михайлушко снарежаицэ.
Говорит ему матушка кнегина Опраксея-королевисьня,
Да говорит-то ёму батюшко Владимир да стольнекиевской:
«Уж⁴⁹⁹ ты ой еси, Потык Михайлушко да сын Ивановиц!
Ты не езди ззиди за Вахрамеём да Вахрамеевицом:
Потеряш ты свою да буйну голову!» —
«И две смерти не будёт, и без одной не миновать.
Ишше малы-ти ребята меня⁵⁰⁰ дразнить будут:
“Ишше здорово жинился, да тебе не с кем спать⁵⁰¹!..”»
Да и брал-то Михайлушко добра коня,
Да и брал-то копьё да долгомерноё,
Да и брал ише сабёлку он вострую,
Ишше взял-то он палоцьку буёвую;
Да скорёхонько скакал он да на добра коня.

⁴⁹⁷ У Н. Прохорова — «он на то ведь им».

⁴⁹⁸ У Н. Прохорова — «тобя».

⁴⁹⁹ У А. В. Потруховой — «уш».

⁵⁰⁰ У А. В. Потруховой — «рибята миня».

⁵⁰¹ У А. В. Потруховой — «женилсэ, [да] тибэ [не с] ким [спать]».

Да не видели поездки⁵⁰² да молодецкойей;
Да только видели: в цистом поле курева стоит,
Курева-та стоит, да дым столбом валит. (108–125)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

А кабы немного время миновалосе,
Уж немного время прокатилосе... (222–223)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как тут-то у Михайлы добрый конь...
<...>
А прибегал тут конь да во Киев-град,
А начал он бегать да по Киеву.
Увидли-то как братья тут крестовые⁵⁰³,
Молодой Добрынюшка Микитинич
А старьи казак Илья Муромец,
Сами как говорят промежү собой:
«А нет жива-то братца крестового⁵⁰⁴,
Крестоваго-то братца, названого⁵⁰⁵,
Молода Михайлушки Пóтыка».
Садились тут оны на добрых коней,
Поехали они след с угоною.
А едут тут оны по чистү поли,
Михайлин еще конь наперёд бежит.
А прибегал на яму на глубокую,
Как начал тут он ржать да копьём-то мять
Во матушку во ту во сыру землю.
Как смотрят эти братица крестовые⁵⁰⁶:
«А видно этта братец наш крестовый был,
А молодой Михайла Пóтык сын Иванович».
Как тут-то ведь оны да скорым-скорд
Копали эту яму глубокую,

⁵⁰² У А. В. Потруховой — «поески».

⁵⁰³ У Н. Прохорова — «крестовыи».

⁵⁰⁴ У Н. Прохорова — «крестоваго».

⁵⁰⁵ У Н. Прохорова — «названого».

⁵⁰⁶ У Н. Прохорова — «эты [братица] крестовыи».

А ён-то там проспался, прохмелился, протверзился.
Скочил-то тут Михайла на резвы́ ноги,
Как го́ворит Михайла таково слово:
«Ай же мои браты́ца крестовыи!
А где-то есте Овдотья⁵⁰⁷ Лебедь Белая?»
Говорят тут братья таково слово:
«А тая-то ведь Овдотья⁵⁰⁸ Лебедь Белая
Она-то ведь уж нунечку замуж пошла
А за прекрасного⁵⁰⁹ царя да Вахромеева»⁵¹⁰.
— «Поедемте мы, браты́ца, с угоною».
Как говорят оны тут таково слово:
«Не честь-то нам хвала молодецкая
А ехать нам за бабой след с угоною,
А стыдно нам буде да похабно е.
А едь-ко ты один, добрый молодец,
Застанешь-то ведь их ты на чистом поли
А ничего больше ты не следуй-ко,
А отсеки царю ты буйну голову,
Возьми к себе ты Овдотью⁵¹¹ Лебедь Белую».
Как тут-то он Михайлушка справляется,
Как скоро след с угоной снаряжается. (698; 700—741)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Стосковалися браты́ца крестовые,
Старый казак Илья Муромец
Да молодой Добрыня сын Никитинич... (I: 172—174)

Колодозерский старик, Пудога:

По душечке Михайлу Потыку Иванову... (383)

⁵⁰⁷ У Н. Прохорова — «Марья».

⁵⁰⁸ У Н. Прохорова — «Марья».

⁵⁰⁹ У Н. Прохорова — «прекраснаго».

⁵¹⁰ У Н. Прохорова — «за Окульева».

⁵¹¹ У Н. Прохорова — «Марью».

Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость:

Сожалели Михайлу Потыка Ивановича. (140)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

А не видать что братца есть крестового⁵¹²,
Молода Михайлы Пóтыка Иванова,
Сами⁵¹³ тут говорят промежú собой:
«А наб искать-то братца нам крестового,
А молода Михайлу Пóтыка Иванова». (796—800)

Колодозерский старик, Пудога:

«Пойдем, братец, во землю Волынскую,
Спросим, где наш брат убит,
Где убит, где положен?» (384—386)

Пётр Прохоров, деревня Чёрный Наволок, Толвуй:

А братьница названные⁵¹⁴ ...
<...>
Илья Муромец да сын Иванович,
Добрынюшка Микитинич
Сплели они лапóтики,
В носки заплели по самоцветному по камешку.
(444; 446—449)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Накрутились они⁵¹⁵ тут каликами,
Пошли искать братца крестового⁵¹⁶. (I: 175—176)

⁵¹² У Н. Прохорова здесь и далее — «крестового».

⁵¹³ У Н. Прохорова — «самы».

⁵¹⁴ У П. Прохорова — «названные».

⁵¹⁵ У А. Е. Чукова — «оне».

⁵¹⁶ У А. Е. Чукова — «крестового».

Пётр Прохоров, деревня Чёрный Наволок, Толвуй:

Днем идут по солнышку,
Ночью идут по камешку,
Приходят-то ко этому ко белому ко камению. (450—452)

Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость:

Идучись до земли Политовския,
А сугитгли Старичища Пилигримища... (145—146)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

Не из далеця-далеця да из⁵¹⁷ циста поля,
Из того-де роздолья да из шырокого,
Идёт ведь уж⁵¹⁸ тут да стар-матёр целовек... (316—318)

Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость:

А клюка у него да сорока пудов! (147)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Здравствуйте, калики перехожие!»
— «Ты здравствуешь, калика было старая,
Старая калика ты матёрая,
Ты матёрая калика да седатая,
Ты седатая калика да плешатая».
— «Куда же вы калики нунь направились?»
Испроговоят тут русский могучии богатыри:
«Ай же ты калика было старая!
Хоть нынь у нас накрученось каликами⁵¹⁹,
Е мы не калики перехожи,
Е мы русский могучии богатыри:

⁵¹⁷ У А. П. Чуповой здесь и далее — «ис».

⁵¹⁸ У А. П. Чуповой — «веть уш».

⁵¹⁹ У П. Л. Калинина — «каликамы».

Старый казак да Ильё Муромец,
Молодой Добрынюшка Никитинич.
Пошли искать Михайлы Пóтыка Иванова,
Своего же брата мы крестового⁵²⁰,
Святорусьскаго богáтыря».
Испрогóвоят же русские могучии богáтыри:
«Ты откудова калика есть же старая?»
— «Я дальняя калика есть же старая,
И дальняя калика я не здешняя...» (646—665)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорил Старчище Пилигримище:
«Ах вы русски могучи богатыри!
Пригласе вы Старчища Пилигримища
А идти-то нам во землю в Политовскую». (II: 172—175)
— «Пойдем с нами, Старчишо Пиригримищо!»
Пошли они⁵²¹ во землю Политовскую. (I: 181—182)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ходили калики перехожие из орды в орду,
Сорок калик со каликою.
Лапотики на ножиках у них были шелковые,
Подсумочки сшиты черна бархата,
Во руках были клюки⁵²² кости рыбья,
На головушках были шляпки земли греческой.
Приходили оны в хоробру литву,
Ко тому королю литовскому на широкий двор,
Становились под косявчето окошечко
И попросили-то они милостины:
«Ай же ты, король литовский!
Сотвори-тко нам милостину, каликам перехожиим:
Не рублямы мы берем и не полтинамы,
Берем-то мы целыма тысячмы».

⁵²⁰ У П. Л. Калинина — «крестоваго».

⁵²¹ У А. Е. Чукова — «оне».

⁵²² У Т. Г. Рябины — «клюхи».

От их от покриков богатырских
Околенки в теремах поразсыпались,
Маковки во теремах покривились. (II: 1–17)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Все⁵²³ же во гради да приужахнулись:
«Что же нунь да чудо е случилось,
Какй же нам калики появилиси?»
Испроговорит король да политовский:
«Это е три чюда объявилоси».
Говорила Овдотьа⁵²⁴ Лебедь Белая,
Лебедь белая да королевична,
Королевична да тут подолянка:
«Тут не чюдо к нам же нынче объявилоси,
Два богатыря да к нам же нын явилоси:
Старый казак да Илья Муромец,
Молодой Добрынюшка Никитинич.
А третья калика незнакомая,
Незнакомая калика да седатая,
Седатая калика да плешатая,
Тая е калика да незнаема.
Зови-тко ты король да во гостёбищо
Этих калик да перехожиих.
Не пойдут оны к нам да в гостёбище —
Разорят⁵²⁵ оны же нашу земляну литву
Два русские могучии богатыря».
Выходил же тут король да политовский,
Скорешенько же выходил на широк двор
С той ли Овдотей⁵²⁶ лебедь белою,
Лебедь белою да он подоленкой,
А подоленкой да королевичной.
Подходила она к братьцам крестовым
Своего же она мужа да названого⁵²⁷,
Звала тут себе-ка-ва в гостёбищо,

⁵²³ У П. Л. Калинина — «все».

⁵²⁴ У П. Л. Калинина — «Марья».

⁵²⁵ У П. Л. Калинина — «розорят».

⁵²⁶ У П. Л. Калинина — «Марьей».

⁵²⁷ У П. Л. Калинина — «названого».

Тяжелешенько по нём да она плакала.
Спрашивали русьскийи могучиийи богатыри,
Старыйи казак да Илья Муромец,
Что ли молодой Добрынюшка Никитинич:
«Не видала ли Михаила Потыка да ты Иванова?»
— «Не видала я Михаила Пóтыка Иванова.
Тяжелешенько по нём да я же плачу есть,
Вспомню я его да в каждый⁵²⁸ день».
И зовёт она себе-ка-ва в гостёбищо
К тому же королю да политовскому. (674—712)

Калика из Красной Ляги:

И брала калик за руки белые⁵²⁹,
А ведет в палаты белокаменны,
И поит-кормит, чествует.
Двое⁵³⁰ калик пьют и едят,
А третий-то⁵³¹ не ест и не пьет;
Двое⁵³² калик принапилися,
Принапилися, да на пол свалилися,
А третий-то⁵³³ калика не пил, тот и не пьян.
Она взяла-собрала двенадцать богатырей:
«Подьте, богатыри, убейте калик киевских».
И тогда пришли двенадцать богатырей,
Пришли — хотят⁵³⁴ убить калик киевских.
Третий-то⁵³⁵ калика незнакомый
Брал как клюшечку во сорок⁵³⁶ пуд,
Стал как клюшечкой помахивать...
<...>
И видит царь Вахрамей Вахрамеевич,
Что не состоять всему царству Вахрамееву

⁵²⁸ У П. Л. Калинина — «[да в] кажный [день]».

⁵²⁹ У калики из Красной Ляги — «белыя».

⁵³⁰ У калики из Красной Ляги — «трое».

⁵³¹ У калики из Красной Ляги — «четвертый».

⁵³² У калики из Красной Ляги — «трое».

⁵³³ У калики из Красной Ляги — «четвертый».

⁵³⁴ У калики из Красной Ляги — «хочут».

⁵³⁵ У калики из Красной Ляги — «четвертый».

⁵³⁶ У калики из Красной Ляги — «в двенадцать».

С одной каликой перехожеей,
А как те проснутся, что́ будет?
<...>
И сходил в терема глубокие,
Наклат котомки полным-полнехоньки
Злата и серебра и скатна жемчуга. (295–309; 312–315; 317–319)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Дарили им же честныи тут дарева,
Дарили им же злато, что ли серебро,
И мелкий им тут же жемчуги,
И ка́менья дарили драгоценныи.
Откланялись тут же калики перехожие,
Отправились калики со гостёбища,
Ничего же тут калики не проведали
Про русского могучего⁵³⁷ богатыря,
Про Михаилу Пóтыка Иванова.
Отправились же в путь они дороженку,
В день они идут было по солнышку,
В ночь они идут было по камешку.
Приходят тут ко белому горячему ко каменю. (718–730)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорил Старчище Полигристище:
«Станем-ко, братцы, животы делить».
Говорят тут рускийи могучии богатыри:
«А дели-ко ты, Старчище Полигристище!»
Он стал делить, Старчище Полигристище,
Делит он на четыре да на четверти.
Говорил тут старик казак да Илья Муромец:
«Ах ты эй, Старчище Полигристище!
Ты что делишь на четыре да на четверти?»
А говорил Старчище Полигристище:
«А тому из нас, братцы, да четверта часть,
Кто бросит этот камешек⁵³⁸ через плечо!» (II: 202–213)

⁵³⁷ У П. Л. Калинина — «[про] русьского могучаго».

⁵³⁸ У А. Е. Чукова — «камешок».

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорит же им калика было старая:
«Ай же вы калики перехожии!
Станем-ко здымать мы этот камешек⁵³⁹.
Кто из нас же здыне этот камешек черёз плечо,
А тому же часть четвертая достанется». —
Думают же русьскіи могучіи богатыри
Своим же тут умом да богатырским:
«Неужтò не здынем мы да камня?
Часть этà да нам же нынь достанется». —
Испроговорит калика им же старая,
Старая калика да матерая:
«Ай вы русьскіи могучіи богатыри!
А здымайте-тко горячий белый камешек». (754—766)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Принялся молодой Добрыня сын Микитинич
Ко эвтому горячему ко камешку,
Да здынул он камень по колени себя, —
По колenuшка Добрынюшка в землю угрыз.
Прискочил как старыи казак да Илья Муромец,
А здынул он камень по грудям себе,
По грудям Илья да он в землю угрыз,
Сам говорит да таково слово:
«А здымай-ко ты, Старчище Полигристище!»
Как тот Старчище Полигристище
Прискочил к горячему ко камешку,
Хватил этот камень да конёц рукмы,
Бросит камень этот да через плечо,
Сам ко камению да приговаривал... (II: 214—227)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Колись-ко этот камешек⁵⁴⁰ да на двое...» (786)

⁵³⁹ У П. Л. Калинина здесь и далее — «камешок».

⁵⁴⁰ У П. Л. Калинина — «камешок».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

«Где был беленький горячий да тот камешек⁵⁴¹
Тут повыскочи Михайло Потык сын Иванович!»
(II: 228–229)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Кололся этот камешек⁵⁴² нунь на двое,
Выходит тут Михаиле Пóтык сын Иванович,
Увидае он же братьецов крестовых:
«Здравствуйте, вы братьеца крестовый!»
— «Здравствуй, ты Михаиле Пóтык сын Иванович!
От чего попал в горячий белый камешек?»
— «От своей же я Овдотьи⁵⁴³ Лебедь Белый,
Лебедь Белый да я подольянки,
Ай подольянки да королевичной.
Подносила она зелья мне-ка сонного⁵⁴⁴,
Подносила она зелёным вином, —
А где выпил, тут я в сон заснул,
И сам себе я нонечу не ведаю». (789–801)

Колодозерский старик, Пудога:

И не спрашивал ни про Киев град,
Ни про князей-бояр, про богатырей:
«Ай же вы, братья мои названные!
А где моя богатырска молода жена?»
— «А твоя богатырска молода жена
Во тех во палатах вахрамеевых,
Со царем Вахрамеем забавляется». (446–452)

⁵⁴¹ У Е. А. Чукова — «камешок».

⁵⁴² У П. Л. Калинина здесь и далее — «камешок».

⁵⁴³ У П. Л. Калинина — «нунь Марья».

⁵⁴⁴ У П. Л. Калинина — «сонного».

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорит же тут калика ему старая,
Старая калика да матерая:
«Михаила Пóтык сын Иванович!
Будешь ты у города у Киева
А у ласкового⁵⁴⁵ князя у Владимира,
Ты сделай-ко две церкви, две соборных,
Одну церковь нуньче делай ты Спасителю,
Другу церковь матушке да пресвятой Богородицы,
В той же нунь Миколы да Святителю.
Упросила матушка да пресвятая Богородица
А сходить меня для вас да на сыру землю,
Избавить нунь от смерти от напрасною,
От напрасною от смерти от волшебною». (802–814)

Колодозерский старик, Пудога:

И не видели, куда старый сшел,
Оставалась казна на камени. (459–460)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Испрогóворят тут русьскіи могучіи богáтыри:
«Ай ты братец да названыи,
Михаила Пóтык сын Иванович!
Пойдем-ко с нами в свою сторону,
К тому было ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру». (818–823)

⁵⁴⁵ У П. Л. Калинина — «ласкового».

Сватовство Гремина

Источники текста

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район (Про Василия Турецкого [Идойло сватает племянницу князя Владимира]: [Былина] № 83 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 234–236.)

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость (Гремит Манойлович, Идол Жидойлович и Анна, племянница Владимира-князя: [Былина] № 73 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 292–297.)

Терентий Иванович Попов, деревня Тигляево, Мезень (Сватовство царя Гремина на сестре князя Владимира: [Былина] № 411 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 535–538.)

Аксинья Федосеевна Новосёлова, деревня Почезерье, Пинега (Сватовство царя Вахрамея на племяннице князя Владимира: [Былина] № 69 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 249–250.)

Михаил Гаврилович Мухашин, деревня Тигляево, Мезень (Сватовство царя Гребина Замойловича на сестре князя Владимира: [Былина] № 404 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 519–522.)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

Как во той ли то земли да во Турецкой,
У Гремина-то⁵⁴⁶ было у турецкого,
Пированьё-то шло да шёл почестен пир. (1–3)

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость:

Как во славной земли было Турецкой,
У Гремита-короля, сына Манойлова,
Кабы было-де пированьё, столованьё,
Кабы был-то у их, братцы, почесен пир
Ах на многих на князей, всё на бояров,
Да на тех же турзов-мурзов удалых,
Как на тех же палениц да преудалых.
А Гремит-король по полику погуливат,
Как сапог-де о сапог да поколачиват,
Как скобоцька о скобоцьку пошолкиват,
Кабы русыма кудрями сам натряхиват,
Кабы ясныма оцями сам розглядыват,
Да весёлую речь сам выговариват:
«Ой вы ой есь, мои князя-бóра!
Уж вы сильные могуты всё богáтыри!
Уж вы ой есь, купци-гости торговые!
<...>

Ище хто же из вас знает сужону,
А по-руськи назвать жоной венчальную —
По-немецки назвать супружницу:
Как статным была статна, да полна возрастом,
Как лицом была она, да аки белой снег,
А глаза-ти у нее да ясна сокола,
А как брови у нее да чёрна соболя,
Как реснички у ее, штобы сиза бобра,
Как сиза бы бобра да всё сибирского,
Как походецька у ней была упавная,
Кабы речь-поговоря тихо-смирная?»

⁵⁴⁶ У Т. С. Кузьмина — «Василия-то».

Кабы меньши хоронятся за средниих,
Кабы средни хоронятся за больших,
Как от больших Гремиту всё ответу нет.
Как сидел за столом да за передним,
Как на том жо на стуле всё на золоте
Молодой-де Идол да сын Жидойлович.
Вышину был Идол да две сажени нынь,
Ширину был Идол да как коса сажень,
Как коса же сажень да нынь печатная.
Как ставал-то Идол да на резвы ноги,
Подходил-то ко Гремиту поближешенько,
Поклонялся он Гремиту понижешенько:
«Уж ты ой еси, Гремит да сын Манойлович!
Ты позволь-ко, Гремит, да слово вымолвить,
Не позволь-ко за слово скоро сказнить,
Нескоро ты сказнить, скоро повесити».
Говорит-то Гремит да сын Манойлович:
«Уж ты ой еси, Идол да сын Жидойлович!
Говори ты, Идол, да не упадывай,
Не единого слова не затаивай».
— «Я то прежде-то был да в земли Руськоей,
Я во том-то во городе во Киеве,
У того-то у князя у Владимира,
У того-то бы есь нынче племянница,
Кабы та же ли Анна княженецька дочь⁵⁴⁷.
Как статным она статна, да полна возрастом,
Как лицом-де она, да аки белой снег,
Как глаза-то у ее да ясна сокола,
Кабы брови у ее да чёрна соболя,
Как реснички у ее, аки сыза бобра,
Как походецька у ей, будто упавная,
Ищэ речь-поговоря тихо-смирная».
Наливат-то Гремит сын Манойлович,
Наливат он чару зелена вина,
А не малу, не велику — полтара ведра,
Припалниват чашу пива пьяного,
На заедку турей рог да мёду сладкого,
На закуску колачик бел-круписчатой.
Подавал-то Идолу 'сё Жидойлову:
«Прими, выкушай ты чару зелена вина,

⁵⁴⁷ У Н. П. Шалькова — «Анна-княженецька дочь».

Послужи ты ли мне да верой-правдою,
Ты вочью-де, позавочью — не изменою,
Ты ле съезди во стольнёй во Киев-град,
Ты посватайся на Анне княженевскоей,
Уж ты — чесью дают, дак бери с радосью,
Иш' ле чесью не дают, дак бери нечесью,
Розгрома их полаты белокаменны,
Посади князя в злодейку землену тюрьму».
Говорит-то Идол да сын Жидойлович:
«Уж ты ой еси, Гремит да сын Манойлович!
Ишэ сколько я рад да был чару пить,
Ишэ вдвое я рад службы служить,
Службы служить, да головы сложить.
Погрузи ты мне черленых тридцеть караблей,
Ишэ дай мне-ка силы тридцеть тысецей». (1—16; 18—83)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

Говорит тут Идóйло сын Идóйлович:
«Уж вы гой еси, колдуны да колдунíцы же!
Вы сколдуйте-ко Идóйлу вы во первый раз,
И какая мне ведь путь будёт счастливая,
А счастливая бы путь да несчастливая».
Сколдовали и сказали скоро-на́скоро:
Как вперёд-то Идóйлу путь счастливая,
А назад-то Идóйлу несчастливая. (9—16)

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость:

Как пошел-то Идол да сын Жидойлович
Как на те же черлены больши карабли,
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали все те сходенки дубовыя,
Роспускали паруса белы полотнены,
Побежали-то по батюшку синю морю.
Как одна-та сторона там знаменулася,
Как друга-то сторона да показалася... (84—91)

Терентий Иванович Попов, деревня Тигляево, Мезень:

А да плыло-выплывало да тридцать кораблей.
Ох они плыли-заплывали да во Унепь-реку,
Во тот же город да славно Киёв-град. (1—3)

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость:

Как во ту жо во пристань во глубокую,
Опускали парусы белы полотнены,
Выкатали якоря новы булатныя,
Кабы клали-то сходни кончём на берег.
Как пошел-то Идол да сын Жидойлович,
Да идёт-то во славной стольнёй Киев-град.
Как заходит-то во славной стольнёй Киев-град,
Как идёт-то к палаты⁵⁴⁸ княженевской,
Да заходит на крылецько на прекрасное —
Как под им-то крылецько кацается,
Косяки-де, перила покосилися.
Да не спрашивал у дверей он придверников,
У широких ворот да приворотников,
Да заходит нынь в полаты белокаменны,
Да проходит-то в новы нынче горницы —
Кабы руському Богу⁵⁴⁹ не молитця,
Как Владимиру-князю он челом не бьёт,
Он челом-де не бьёт, да голову не гнёт.
Подходил ' ему солнышко Владимир-князь:
«Уж ты здравствуй, Идол да сын Жидойлович,
Ты куды же поехал, куды правишсе,
Ты куды же, Идол, да нынче путь держишь?» (93—114)

Терентий Иванович Попов, деревня Тигляево, Мезень:

«Пировать ле ты пришел⁵⁵⁰, столовать сюда?»
— «Не пировать я к вам пришел, не столовать сюда,

⁵⁴⁸ У Н. П. Шалькова — «полаты».

⁵⁴⁹ У Н. П. Шалькова — «руським богам Богу» (sic!).

⁵⁵⁰ У Т. И. Попова здесь и далее — «пришел».

Не хлеба кушати, не гуся рушати.
Я хожу-то ле к вам о добром деле, сватовстве⁵⁵¹
На той же на Марфы-королевисьны». (11–15)

Аксинья Федосеевна Новосёлова, деревня Почезерье, Пинега:

«...За такого царишша за Гремина⁵⁵².
В вышину тут царишшо ровно трех сажён,
В ширину тут царишшо ровно двух сажён,
Промеждү-то плецьми да коса сажень,
Голова у его будто⁵⁵³ пивной котёл,
Глаза у его будто пивны ковши,
Нос будто палка дровокольная». (6–12)

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость:

«Кабы честью отдашь, дак возьму с радостью,
Кабы честью не отдашь, дак возьму нечестью...» (119–120)

Терентий Иванович Попов, деревня Тигляево, Мезень:

«А не силою возьмём, дак грозой грозною,
А грозой мы возьмём да богатырьскою!» (17–18)

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость:

«Разгромлю твои палаты⁵⁵⁴ белокоменны,
Засажу тебя в злодейку землену тюрьму.
И весьма-то испужался князь Владимир тут... (121–123)

⁵⁵¹ У Т. И. Попова — «сватосве».

⁵⁵² У А. Ф. Новосёловой — «Вахрамеишша».

⁵⁵³ У А. Ф. Новосёловой здесь и далее — «бытто».

⁵⁵⁴ У Н. П. Шалькова — «розгромлю... полаты».

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

На одно-то плечо надел он шубочку,
На одно-то ухó надел он шапочку
И пошёл ко своей к любимой племянницы,
Как ко Анны-то, верно, ко Путятичны.
Увидала-то его да вот племянница,
Говорит-то ему да таковы слова:
«Еще три года солнце не каталось,
На четвертой-от год да закатилось».
— «Уж ты гой еси, любимая племянница!
Еще Анна ты, верно, дочь Путятична,
Как пришёл-то слуга да непрошóнный к нам
От Гремина-то⁵⁵⁵ сына от турецкого,
Еще сватаёт тебя Гремин⁵⁵⁶ он турецкий же». (40–52)

Аксинья Федосеевна Новосёлова, деревня Почезерье, Пинега:

«В выши́ну тут цари́шшо ровно́ трех сажён,
В шири́ну тут цари́шшо ровно́ двух сажён,
Промеждú-то плещми да коса́ сажень,
Голова у его́ будто⁵⁵⁷ пивной котёл,
Глаза у его́ будто пивны ковши,
Нос будто палка дровокольная».
Тут-то ведь Марфа приужахнулась.
Воспроговорит дядюшка любимой-от
Своей он любимой племяннице:
<...>
«Уж ты ой еси, любимая племяненка!» (7–15; 17)

⁵⁵⁵ У Т. С. Кузьмина — «Василия-то».

⁵⁵⁶ У Т. С. Кузьмина — «Василий».

⁵⁵⁷ У А. Ф. Новосёловой здесь и далее — «бытто».

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость:

«Кабы чесью идёшь, дак берёт с радостью⁵⁵⁸,
Ищэ чесью не идёшь, дак берёт нёчестью,
Розгромит мои палаты⁵⁵⁹ белокаменны,
Засадит меня в злодейку землену тюрьму».
Говорит ему Анна княженевска дочь:
«Уж ты ой еси, Владимир славно-киевской!
Ты не стой-ко за ж... ты за бабию,
Не теряй-ко свою да буйну голову». (130—137)

Терентий Иванович Попов, деревня Тигляево, Мезень:

«А как для⁵⁶⁰ бабьего гузна да не весь град губить!» (40)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

«Ты сряжай-ко-се ты да три ко́раблика:
Еще первой-от кораблик св́нцу-пороху,
Еще второй-от кораб вина заморскаго,
Как вина-то заморскаго, зелья лютого,
Еще третей-от кораблик силы ратной.
Еще дай-то Добрынюшку Никитича,
Еще дай-то мне Олешеньку Поповича». (55—61)

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость:

Кабы стала-то Анна снаряжаться,
Ищэ стала она да сподобляitse... (138—139)

⁵⁵⁸ У Н. П. Шалькова — «с радостью».

⁵⁵⁹ У Н. П. Шалькова — «полаты».

⁵⁶⁰ У Т. И. Попова — «дле».

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

Умываласе Аннушка белёшенько⁵⁶¹,
Снарежаласе Аннушка⁵⁶² хорошохонько... (66—67)

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость:

Надевала на ся да платьё цветноё,
Как брала с собой ящицёк хорошинькёй.
Как оттуль-то Владимир поворот доржит,
Подходил он к Идолу ко Жидойлову,
Подносил ему цяру зелена вина,
Да не малу, не велику — полтара ведра,
Говорит-то Владимир таковы слова:
«Уж ты ой еси, Идол да сын Жидойлович!
Прими выкушай ты чару зелена вина,
Ты помешкай немножко, всё поправитце».
Как берёт-то Идол да единой рукой,
Выпиваёт Идол да к едину духу,
Да поправилась Анна княженевска дочь,
Как пошла-то на черлены больши корабли⁵⁶³,
Да пошел там Идол да сын Жидойлович
Да на те же на черлены больши корабли.
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали они сходни все⁵⁶⁴ дубовыя,
Распускали паруса белы полотнены,
Побежали-то по батюшку синю морю.
А бежали-то по батюшку синю морю —
Там одна-де сторона знаменулася,
А друга-де сторона там показалосе.
<...>
Увидала-то бы Анна там да видно чад велик,
Ищэ чад бы велик, да дым столбом валит. (140—162; 165—166)

⁵⁶¹ У М. Г. Михашина — «Марфушка белёшенька».

⁵⁶² У М. Г. Михашина — «Марфушка»

⁵⁶³ У Н. П. Шалькова здесь и далее — «корабли».

⁵⁶⁴ У Н. П. Шалькова — «все».

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

Говорит тут ведь Анна дочь Путятична:
«Уж ты гой еси, Олешенька Попович млад!
Ты сними-ко-се, верно, шлюпку белую,
Поезжай-ко ты к Идóйлу на черлен кораб,
Ты скажи-ко Идóйлу таковы слова:
“Как у нас-то рули, верно, не правятся,
Паруса-ти у нас не надуваются.
Как у Анны-то сегодня именинной день
Еще милости-де просим хлеба кушати”».
Поезжает тут Олёша на черлен кораб,
Говорит тут Олёша таковы слова:
«Уж ты гой еси, Идóйло сын Идóйлович!
Как у нас-то рули да нонь не правятся,
Паруса-ти у нас не надуваются,
Как у Анны-то сегодня именинной день,
Еще милости-де просим хлеба кушати».
Как на это Идóйло не соглашается.
Как приехал тут Олёша на черлен кораб,
Говорила тут ведь Анна дочь Путятична;
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад!
Уж ты съезди-ко к Идóйлу на черлен кораб,
Ты зови-то Идóйла на честной-от пир».
Как поехал тут Добрыня на черлен кораб,
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты гой еси, Идóйло сын Идóйлович!
Еще милости-де просим к нам хлеба кушати,
Хлеба кушати, вина заморского пробовати».
Как на это Идóйло соглашается.
И спускает тут Идóйло шлюпку черную,
И отправился Идóйло на черлен кораб.
Как заходит тут Идóйло в гридни светлые
И сажился он-то, верно, за стол дубовый же.
Как подносят тут Идóйлу чару зеленá вина,
Как не малу, не велику — в полтора ведра.
Берёт тут Идóйло единой рукой,
Как выпивает тут Идóйло единым духом.
Как подносят тут Идóйлу втору чарочку,
Как не малу, не велику — в полтора ведра,

Полтора-то ведра да зелья лютого.
Говорит тут Идóйло сын Идóйлович:
«По серёдке чарочки огонь горит,
По краям-то ведь чарки струйки струятся».
Но от чары-то он да не отказывается.
Как берёт тут Идойло единой рукой,
Выпивает тут Идóйло единым духом. (66—110)

Аксинья Федосеевна Новосёлова, деревня Почезерье, Пинега:

Сидели за столами за дубовыми⁵⁶⁵,
Сидели они с Марфой, дочькой Митровной,
Положил свою руку на Марфу, дочьку Митровну,
А Марфа, дочька Митровна, сидит, одва пышит. (39—42)

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость:

Говорит ему Анна княженевска дочь:
<...>
«Уж ты ой еси, Идол да сын Жидойлович!
У вас ётам-то ле што ле будто чад велик,
Ищэ чад велик, да дым столбом валит?»
Говорит-то Идол да сын Жидойлович:
«Уж ты ой еси, Анна княженевска дочь!
Уж варят нам на свадьбу кобылятину,
Ищэ жарят нам на свадьбу жеребятину». (176; 169—175)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

Как выходит тут Идóйло на черлен кораб,
Еще стало тут Идóйлушку помётывать,
Еще стало тут Идóйлушку посвистывать,
Еще стал тут Идóйло за снасточки похватываться.
За какую снастку хватитсе — снастка порветсе.
Говорит тут Олёшенька Попович млад:

⁵⁶⁵ У А. Ф. Новосёловой — «дубовыма».

«Уж ты гой еси, поганое Издойлище!
Не тобой-то были ведь снасти снащены,
Не тобой-то были деревца ставлены,
Не тебе-то, прокляту, обрывать же».
Еще стало тут Идойлушку помётывать,
Еще стало его ведь пуще вот посвистывать.
За какую ведь снастку хватитсе — снастка порветсе. (111–123)

Аксинья Федосеевна Новосёлова, деревня Почезерье, Пинега:

Приспособился Олешенька Поповиц млад, —
Срубил Идойле⁵⁶⁶ буйну голову,
Срубил же он да саблей вострою.
Заскакало его тулово поганое...
<...>
Пошатался кораб да с боку на бок. (45–48; 50)

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость:

Расходилось⁵⁶⁷ его тулово поганое,
Да поганое тулово, сердитоё, —
Поимало мачту карабельную,
А бы вымело-то мачту во мелко щепьё... (194–197)

Терентий Иванович Попов, деревня Тигляево, Мезень:

А и Олёша Поповиц нонь ухватцив⁵⁶⁸ был,
А Добрыня Микитиц-от догадливой...
<...>
И выхватывали да нонь Издолища,
И выбрасывали дак во синё морё... (86–87; 90–91)

⁵⁶⁶ У А. Ф. Новосёловой — «цяришшу».

⁵⁶⁷ У Н. П. Шалькова — «росходилось».

⁵⁶⁸ У Т. И. Попова — «ухватциф».

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

Збортыхалосе то туловищо в синём море⁵⁶⁹ —
Сколыбалосе синё морё со краю на край,
Со краю-ту на край да из конца в конец⁵⁷⁰,
Пошата́лись и ихны да черны корабли⁵⁷¹. (117—120)

Аксинья Федосеевна Новосёлова, деревня Почезерье, Пинега:

Подвёл Добрынюшка Микитиц свой корабь;
Зашли на свой корабь на церляной... (51—52)

Николай Петрович Шальков, село Великая Виска, Пустозерская волость:

Как скомандовала⁵⁷² Анна княженевска дочь,
Как собирали якоря новы булатныя,
Распускали⁵⁷³ паруса белы полотнены,
Побежали нынь во стольной славной Киев-град
Ко тому ноньце ко князю ко Владимиру.
Прибежали-то во стольной славной Киев-град,
Опускали паруса белы полотнены,
Выкатали якоря новы булатныя,
Да повыклали сходни кончём на берег.
Да пошла-то ли Анна княженевска дочь
Как во тот жо во славной стольной Киев-град
Ко тому же ко князю ко Владимиру.
Заходила нынь в палаты⁵⁷⁴ белокаменны,
Походила-то подале в нову горничу
К самому ноньце ко князю ко Владимиру:
«Уж ты здравствуй⁵⁷⁵, дядюшка Владимир-князь!
Убирай ты черлены большы корабли⁵⁷⁶». (200—216)

⁵⁶⁹ У М. Г. Михашина — «в синём мори».

⁵⁷⁰ У М. Г. Михашина — «ис коньця ф конец».

⁵⁷¹ У М. Г. Михашина — «карабли».

⁵⁷² У Н. П. Шалькова — «скамандовала».

⁵⁷³ У Н. П. Шалькова — «ропускали».

⁵⁷⁴ У Н. П. Шалькова — «полаты».

⁵⁷⁵ У Н. П. Шалькова — «здравствуй».

⁵⁷⁶ У Н. П. Шалькова — «карабли».

Нахвальщик

Источники текста

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень (Рождение Сокольника, отъезд и бой его с Ильей Муромцем: [Былина] № 368 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 353—360.)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азополь, Мезень (Рождение, молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем: [Былина] № 392 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 466—470.)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 74 // Былины: в 25 т. Т. I. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 385—391.)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень (Наезд на богатырскую заставу и бой Сокольника с Ильей Муромцем: [Былина] № 364 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 327—332.)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега (Встреча Ильи Муромца с Добрыней, Святьгоркой и со своим сыном: [Былина] № 129 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 408—412.)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшеле, Мезень (Молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем: [Былина] № 346 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 218—224.)

Еремей Провович Чупров, деревня Аврамовская, Усть-Цилемский район (Про старого: [Былина] № 57 // Былины Севера. Т. I. — М. ; Л. : Академия наук СССР, 1938. — С. 368—373.)

- Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район** (Подсокольник: [Былина] № 11 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Академия наук СССР, 1938. — С. 163–173.)
- Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район** (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 89 // Былины: в 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. — С. 435–443.)
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье** (Илья Муромец и Ермак Тимофеевич: [Былина] № 20 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Типография А. Семена, 1861. — С. 106–114.)
- Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма** (Застава богатырская [Илья Муромец и Сокольник]: [Былина] № 1 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 5–15.)
- Анкудин Ефимович Осташов, село Замезное (Замег), Пижма** (Бой Ильи Муромца с сыном: [Былина] № 6 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 37–41.)
- Влас Иванович Чекалёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря** (Илья Муромец на заставе: [Былина] № 98 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 462–464.)
- Шенкурский певец** (Илья Муромец: [Былина] № IV/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Типография А. Семена, 1860. — С. 46–52.)
- Николай Самсонович Торопов, деревня Климовка, Усть-Цилемский район** (Недалеко от Киева: [Былина] № 87 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Академия наук СССР, 1938. — С. 480–485.)
- Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора** (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 79 // Былины: в 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 402–409.)
- Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро** (Илья Муромец и сын его: [Былина] № 233 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Типография Академии наук, 1900. — С. 251–255.)
- Онежский певец** (Илья Муромец: [Былина] № IV/2 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Типография А. Семена, 1860. — С. 52–56.)
- Варлам Матвеевич Михеев, деревня Засулье, Лешуконский район** ([Илья Муромец и сын]: [Былина] № 20 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Академия наук СССР, 1938. — С. 220–224.)

- Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Бой Ильи Муромца с сыном: [Былина] № 4 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 53–57.)
- Семён Фёдорович Поздеев, деревня Малые Нисогоры, Лешуконский район* (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 92 // Былины: в 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. — С. 455–459.)
- Алексей Ипатьевич Ермолин, деревня Уег, Усть-Цилемский район* (Про тура золота рога: [Былина] № 20 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 97–99.)
- Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень* (Наезд на богатырскую заставу и бой Подсокольника с Ильей Муромцем: [Былина] № 308 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 24–31.)
- Леонтий Тимофеевич Чупров и Анна Лукична Чупрова, деревня Боровская, Усть-Цилемский район* (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 89 // Былины: в 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 443–449.)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А да ко тому было ко морю, морю синёму
 А ко синёму как морюшку Студёному,
 Ко тому было ко камешку-ту ко Латырю,
 А ко той как бабы да ко Златыгорки
 А к ней гулял-ходил удалой ведь⁵⁷⁷ доброй молодец,
 А по имени старой казак Илья Муромец.
 <...>
 Он ведь прижыл ей чадышко любимое.
 Он задумал стары ехать во чисто полё;
 Он ведь стал где Златыгорки наговаривать
 Наговаривать⁵⁷⁸ как крепко ей наказывать,
 Оставлял он ведь ей ноньче свой чудён крес,

⁵⁷⁷ У И. А. Чупова здесь и далее — «веть».

⁵⁷⁸ У И. А. Чупова — «наговаривать».

Он ещё⁵⁷⁹ оставлял с руки злачен перстень:
 «Уж⁵⁸⁰ ты ой еси, баба да всё Златыгорка!
 Если сын у ты родицёсе, отдай⁵⁸¹ чудён крес(т);
 Если дочь у ты родицёсе, отдай злачен перстень!..»
 А поехал тут старой казак во чисто полё.
 Много-мало тому времени минуицёсе, —
 А от той-де от бабы от Златыгорки
 От ней рожаицёсэ молоденькой сокольницок. (1–6; 8–20)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азополь, Мезень:

А родился у вдовы Борис королевич⁵⁸² сын.
 А ревёт он, ревёт да по-звериному,
 А шипит⁵⁸³ он, шипит да по-змеиному,
 А кричит⁵⁸⁴ он, кричит дак по-тотарьскому.
 А начал ходить на улицу широкою⁵⁸⁵;
 А шутки шутил дак не хорошыя:
 А ухватит-де за руку, — рука уж⁵⁸⁶ прочь,
 А ухватит-де за ногу, — нога уж прочь,
 Посерёдки ухватит, — да живота⁵⁸⁷ лишит.
 Да ребята-ти⁵⁸⁸ звать стали сколотным.
 Он приходит же да к своей матушки:
 «Уж ты ой еси, мать моя родимая!
 Ишше где же веть мой-от как батюшко?»
 — «Да батюшко уехал да за синё морё
 Да во тоё во славной Чернигово».
 — «А ты спусти-тко, спусти искать уж батюшка!»
 — «А батюшка твоёго живого⁵⁸⁹ нет!» (5–21)

⁵⁷⁹ У И. А. Чупова — «[он] ище».

⁵⁸⁰ У И. А. Чупова — «уш».

⁵⁸¹ У И. А. Чупова здесь и далее — «оддай».

⁵⁸² У Я. Т. Авдушева — «одинакий».

⁵⁸³ У Я. Т. Авдушева здесь и далее — «шыпит».

⁵⁸⁴ У Я. Т. Авдушева здесь и далее — «крычит».

⁵⁸⁵ У Я. Т. Авдушева — «улицу шырокую».

⁵⁸⁶ У Я. Т. Авдушева здесь и далее — «уш».

⁵⁸⁷ У Я. Т. Авдушева — «живота».

⁵⁸⁸ У Я. Т. Авдушева — «рибята-ти».

⁵⁸⁹ У Я. Т. Авдушева — «живого».

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он не по годам растёт⁵⁹⁰ сокольник — по часам:
Каковы-то люди в людях во сёмнацать лет,
А у нас был сокольницёк семи годов. (21–23)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район:

Он замог, детинушка, конём владать,
Он немецким копейцом замог штурмовать,
Он здымать замог свою палицу буювую,
Хоть не тяжёлую палку — девяносто⁵⁹¹ пуд. (5–8)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Ишше стало сокольнику двенаццать лет... (24)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

Ай да пригрело-припекло⁵⁹² тут красное солнышко;
А выходил тут сокольницёк на красно крыльцё,
А посмотрел он во дудочку подзорную
А на то же на по́солонь солнца⁵⁹³ красного. (6–9)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он зрить-смотреть стал в трубочку подзорную:
Во-первы-ти он смотрел нонь по чисту полю,
Во-вторы-ти⁵⁹⁴ он смотрел нонь по синю морю,
Во-третьи-ти он смотрел на соломя окатисто,

⁵⁹⁰ У И. А. Чупова — «ростёт».

⁵⁹¹ У В. П. Тайбарейского — «[не] тежолую [палку —] девеносто [пуд]».

⁵⁹² У Е. В. Рассолова — «[пригрело-]припёкло».

⁵⁹³ У Е. В. Рассолова — «соньця».

⁵⁹⁴ У И. А. Чупова — «во-фторы-ти».

Во-последни он смотрел на стольне Киев-град.
Он задумал съездить взять ведь⁵⁹⁵ крашен Киев-град.
Он ведь стал просить у маменьки благословленьица:
«Уж⁵⁹⁶ ты дай мне-ка, мать, благословленьицё
Мне-ка съездить добру молощю на чисто полё!»
А даёт ёму маменька благословленьицё,
А даёт ёму родима, наговариват... (26—36)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

«Уж⁵⁹⁷ ты ой еси, дитятко сердесьнёй!
Ты со всеми бейся, — не бейся с одним,
Которой на кони-то сидит⁵⁹⁸ да сам шатайтсье,
И голова-та бела да приклоняйтсье,
И борода-та седа да роздвояйтсье...» (101—105)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«А пот старым-то конь был наубел он бел,
Хвост-от, грива⁵⁹⁹ у коня была черным-черна;
До того ты до старого не доежживай...» (41—43)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшеле, Мезень:

«Не доедёш до ёго — да со коня слезай;
Не дошетши до ёго — да низко⁶⁰⁰ кланяйся:
Он сильной-могучий-от богатырь-от!» (50—52)

⁵⁹⁵ У И. А. Чупова здесь и далее — «веть».

⁵⁹⁶ У И. А. Чупова — «уш».

⁵⁹⁷ У Д. Г. Кобелевой — «уш».

⁵⁹⁸ У Д. Г. Кобелевой — «седит».

⁵⁹⁹ У И. А. Чупова — «грыва».

⁶⁰⁰ У С. В. Рычкова — «ниско».

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А ведь тут это⁶⁰¹ сокольнику за беду пришло,
За велику за досаду показалось.
А снарежался тут сокольник в платьё в цветнойё,
Одевал он на себя сбрую⁶⁰² богатырскую. (48–51)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

Надевал на себя⁶⁰³ латы кольцюжные,
Ише брал себе луцёк да каляну стрелу,
А ише брал себе сабельку тут вострую,
Ише брал себе палощку буёвую
А ише то же копейцё да брусоменьцятю... (29–33)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Выводил тут сокольничок добра коня;
Он седлал-уздal сокольничок добра коня:
Он на коничька накладывал сам потничьки,
Он на потнички накладывал всё войлучки,
Он на войлучки седёлышко черкальскойё
О двенаццети потпруженьках шелковых-е,
Он тринаццату потпругу — церес хрибётну кость
Церес ту церес степь лошадиную.
Тут заскакивал сокольник на добра коня.
А не видели, сокольник как на коня скоцил,
Только видели, сокольник как в стремяна ступил;
А не видели поездки⁶⁰⁴ богатырьское,
Только видели: во полюшки курева стоит,
Курева где стоит — да дым столбом валит.
А тут выехал сокольник на чисто полё,
Он и стал по чисту полю разъезживать⁶⁰⁵.
Он и ездит во поли, потешаицсье,

⁶⁰¹ У И. А. Чупова — «[а] веть [тут] ето».

⁶⁰² У И. А. Чупова — «збрую».

⁶⁰³ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «сибя», «сибе».

⁶⁰⁴ У И. А. Чупова — «поески».

⁶⁰⁵ У И. А. Чупова — «розъезживать».

Он татарскими⁶⁰⁶ утехами забавляицся:
Он и свищот копьё своё по поднебесью,
Он и правой рукой бросит, левой подхватит⁶⁰⁷;
Он ведь⁶⁰⁸ сам ко копейцю приговарывают:
«Уж⁶⁰⁹ я коль легко⁶¹⁰ владею нонь тобой, копьё,
Столь легко мне повладеть старым казаком!» (52–74)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«Ай да Илеюшку я Муромьця конём стопьцю,
Уж⁶¹¹ я руських-то богатырей повысматрю,
А на востру тут их сабельку повырублю,
А на белу их бумажецьку повыпишу,
Уж я Киев-от град да во полон возьму,
Уж я Божьи-то церкви да на огни сожгу,
А у князя у Владимира⁶¹² голову срублю,
А Опраксею-княгиню⁶¹³ да за себя возьму!» (58–65)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район:

Мимо едет⁶¹⁴ крёпку заставу великую. (51)

Еремей Провович Чупров, деревня Аврамовская, Усть-Цилемский район:

Ай да не близко от города, не далёко ж не,
Не далёко от Киева — за двенаццэт вёрст... (1–2)

⁶⁰⁶ У И. А. Чупова — «тотарьскима».

⁶⁰⁷ У И. А. Чупова — «потхватит».

⁶⁰⁸ У И. А. Чупова — «веть».

⁶⁰⁹ У И. А. Чупова — «уш».

⁶¹⁰ У И. А. Чупова здесь и далее — «лёкко».

⁶¹¹ У Е. В. Рассолова здесь и далее — «уш».

⁶¹² У Е. В. Рассолова — «Владимера».

⁶¹³ У Е. В. Рассолова — «[Опраксею-]кнегину».

⁶¹⁴ У В. П. Тайбарейского — «едёт».

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

На горáх ли горáх ли да на юкатистых,
На крутых горах да на желты́х пескáх... (1–2)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

Ай, то стояла-ле русска-ле наша зáстава. (4)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

На той московской на заставы,
На славной на Скат-горы высокия... (197–198)

Еремей Провович Чупров, деревня Аврамовская, Усть-Цилемский район:

Там и жили на зáставы богáтыре.⁶¹⁵ (3)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Да берегли-стерегли стольне Киев-град,
Да стольне Киев-град,
Да славной Киев-град,
Да стольнё-киевской. (6–9)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Кабы жили они да тут пятнацеть⁶¹⁶ лет...
<...>
Не видали не конного, не пешего⁶¹⁷,

⁶¹⁵ У Е. П. Чупрова — «бугáтыре».

⁶¹⁶ У Ф. Е. Чуркиной — «петнацеть».

⁶¹⁷ У Ф. Е. Чуркиной — «[не] пешого».

Не прохожего они тут, не проезжего⁶¹⁸,
Да не серой тут волк не прорыскивал,
Не ясен сокол не пролётывал,
Да не русской богатырь не проезживал⁶¹⁹.
Кабы трицетъ-то было богатырей со богатырём...
(3; 5–10)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замезное (Замез), Пижма:

Але стар-то казак был на бóльшани... (3)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Атаманом-то — стар казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович...
<...>
Да Добрыня-то Микитич жил во писарях,
Да Олеша-то Попович жил во поварах,
Да и Мишка Торопáнишко жил во конюхах...
<...>
Да и жил тут Васинька Игнатъевич,
Да и жил тут Дюк да сын Степанович,
Да и жил тут Пермь да сын Васильевич,
Да и жил тут Родивон да Превысокие,
Да и жил тут Микита да Преширокие,
Да и жил тут Потанюшка Хроминькой...
(11–12; 14–16; 18–23)

*Влас Иванович Чекалёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег
Белого моря:*

Да и жили тут⁶²⁰ братьица Збродóвици... (8)

⁶¹⁸ У Ф. Е. Чуркиной — «[не] прохожего... [не] проежжего».

⁶¹⁹ У Ф. Е. Чуркиной — «[не] проежживал».

⁶²⁰ У В. И. Чекалёва — «во-шестых-то были».

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Затем Пóтык Михайло сын Иванович,
Затем жил тут Дунай да сын Иванович,
Да и был тут Чурило млады⁶²¹ Пленкович,
Да и был тут Скопин сын Иванович,
Тут и жили два брата, два родимые,
Да Лука, да Матвей, дети Петровыя... (24–29)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Как ведь был Саксон да Колыбановых,
Как ведь было два брата да два Суздальця,
Как ведь был с имá мужик с ими Залешинен. (15–17)

Шенкурский певец:

Еще был у них Гришка Боярский сын... (7)

Николай Самсонович Торопов, деревня Климовка, Усть-Цилемский район:

Еще были⁶²² два брата да Долгополых,
Долгополы два брата полонённые,
Как инá братья вся была схожея. (9–11)

Шенкурский певец:

Алеша Попович ездил в Киев-град,
Илья Муромец был в чистóм поле,
Спал в белóм шатре;
Добрыня Никитич ездил ко синю́ морю,
Ко синю́ морю ездил за охотою,

⁶²¹ У Ф. Е. Чуркиной — «блады».

⁶²² У Шенкурского певца — «во шестых».

За той ли за охотой за молодецкою:
На охоте стрелять гусей, лебедей.
Едет Добрыня из чиста поля,
В чистом поле увидел йскопоть великую,
Йскопоть велика — полпечи.
Учал он йскопоть досматривать:
«Еще что же то за богатырь ехал?
Из этой земли из жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь
На эти степи Цицарския!
<...>
Мимо нашу заставу богатырь ехал!» (11–25; 31)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

«Проспали мы: Издолище поганое
Ездит по чистым полям по киевским». (52–53)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

На зачине-то было светла деницка,
На зори-то тут было да ноньце на утренней⁶²³,
На восходе-то было да красна солнышка,
Тут ставаёт старой да Илья Муромец,
Илья Муромец ставаёт да сын Иванович,
Умывается⁶²⁴ он да ключевой водой,
Утирается он да белым полотном,
А ставаёт да он нонь перед Господом,
А молится он да Господу Богу,
А крест-от кладёт да по-писанному,
А поклон-от ведёт да как ведь водится,
А молитву творит полну Исурову... (30–41)

⁶²³ У Ф. Е. Чуркиной — «утренней».

⁶²⁴ У Ф. Е. Чуркиной здесь и далее — «умывается», «утирается», «молится», «[как] водится».

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Да помолился⁶²⁵ Спасу он превышному,
Да Божьей Матушки да Богородицы. (27–28)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

Да на тот на тонкой да на белой шатёр
Налетела тут вран-от птица вешая.
Да и вран-от над шатром да ведь прокыркиват,
Да ставае Илья да славной Муромец:
<...>
«У нас что над шатром-то сучинилосе,
Не проехала ли поляница-та удалая,
Не подходит ли под коней у нас лютой зверь?» (6–9; 12–14)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Сам надёрнул сапожки на босу ногу,
Да и кунью шубейку да на одно плечё,
Да пухов-де колпак да на одно ухо. (42–44)

Онежский певец:

Выдёргивал Илья Муромец трубку долговидную... (8)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да и зрел он, смотрел на все⁶²⁶ стороны. (47)

⁶²⁵ У М. Г. Антонова — «помолился».

⁶²⁶ У Ф. Е. Чуркиной — «[на] вси [стороны]».

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Смотрел в сторону подзападную —
Под западной сторонешкой грязи черные, болота зыбучие;
Смотрел в сторонешку подглубническую —
Под глубнической сторонкой снежны горы непроходимые;
Смотрел в сторонку подсеверную —
Под северной сторонешкой стоят сині моря Вохлынские,
Стоят сині моря Вохлынские, Ледовитый океан.
Смотрел в сторонку подполно́чну —
Тут стоят ледяны горы непроходимые;
Смотрел в сторонку подвосточную —
Под восточной сторонкой стоят горы превысокие,
Стоят горы превысокие, места претемные;
Смотрел в сторонку подобёдническую —
В подобёднической сторонке стоят поля зеленые;
Смотрел в сторону теплую подлётную —
В подлётной сторонке стоит славный Киев-град... (33–48)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Да там белеют церкви да всё соборные⁶²⁷,
Да ещё⁶²⁸ слышно звоны колокольные... (35–36)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Смотрел в сторонку подшелонную —
Стоят леса темные, дремучие... (31–32)

Варлам Матвеевич Михеев, деревня Засулье, Лешуконский район:

Из Волынь де города из Гáлици
Не темна-та туценька затуцилась,
А не синё облако⁶²⁹ накатается,
Как в копоті, в тумани знаменуется... (20–23)

⁶²⁷ У М. Г. Антонова здесь и далее — «соборная», «колокольная».

⁶²⁸ У М. Г. Антонова — «[да] ищё».

⁶²⁹ У В. М. Михеева — «облоко».

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Не знай — зверь там бежит, не знай — сокол летит... (61)

Варлам Матвеевич Михеев, деревня Засулье, Лешуконский район:

Не знать, конь-то бежит, не знать, молодёц идёт:
Только знать — побежка лошадиная,
Как бы знать — поездка богатырская,
Конь-то бежит — голову́ высокó несёт. (24–27)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А не туман и ле там с моря поднимаетця,
А едет там ле удалой потешаетця... (35–36)

Онежский певец:

Под мо́лодцём земля го́лыблитсе. (17)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А впереди-то бежа́т да ровно два как льва,
А позади ле тут бежат черны́ медведища... (37–38)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Да под конём змея да извиваетце,
Да у коня хвост трубами завиваетце,
Да из ушей у коня да дым столбом ва́ли́т,
Да как из глаз у коня искры сы́плются⁶³⁰,
Из ноздрей у коня да пламя⁶³¹ ме́цетця. (45–49)

⁶³⁰ У М. Г. Антонова — «сыплютси».

⁶³¹ У М. Г. Антонова — «пламё».

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

Под правой-то ногой дак бежит серой волк,
Под левой-то ногой дак молодой выжлок,
На правом-то плече сидит ясён сокол,
На левом-то плече сидит белой кречет... (20–23)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Плеци была у его косая сажень,
Косая сажень да ведь печатная.
<...>
Да к им на за́ставу не провёртывал,
Проездивой дорожецьки не спрашивал... (56–57; 61–62)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу калёную,
Да калёную стрелочку, перёную...
<...>
Да подверх богатырь стрелоцьку подстреливат,
Да и на пол он стрелоцьку не ураниват,
На полёте он стрелоцьку подхватыват. (69–71; 77–79)

Николай Самсонович Торопов, деревня Климовка, Усть-Цилемский район:

Он в руки её⁶³² возьмет — пламя⁶³³ мечетца,
А вокруг-то повернет — искры сыплютцэ.
Кабы едёт собака да потешаетцэ:
На правом-то колéни держит гумажечку,
Он гумажечку держит⁶³⁴ да гербовой гист,
На левом-то колени держит чернильницу,

⁶³² У Н. С. Торопова — «в руки возьмет».

⁶³³ У Н. С. Торопова — «пламё».

⁶³⁴ У Н. С. Торопова — «держыт».

Во рука́х-то держит перо орлиное⁶³⁵,
Не того же орла да сизокрылого,
Да того ли орла́ сизока́мьского,
А не тот был орёл — на лесу сидит,
А бы тот орёл на корню сидит,
А гнездо-то он вьёт да на сёр камень...
<...>
Он бы пишет ёрлык да скорограмотку:
«Я поеду молодёц да в стольней Киев-град,
Я поеду молодёц да там поздороватьцэ». (39—50; 52—54)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район:

Он и левою рукою нонь коня правит,
Правою рукою ярлыки пишёт,
Он разметыват⁶³⁶ по полю по чистому,
По тому ли раздолю по широкому. (47—50)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да подмётывал ярлык⁶³⁷ да скору грамотку
Да к тому же шатру да к белобархатному. (86—87)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

Слезывал-то старой дак на сыру землю,
Он увидел ярлык дак скору грамоту,
Он взял-де ярлык да скору грамотку,
Заходил-то старой да во белой шатёр,
Говорил-то стар казак да Илья Муромец:
«Ой вы ой еси, дружинушка хоробрая!
Аш вам полно-ко спать, да пора ставать,
От великого сну да пробужатисе,
Он великой хмелины да просыпатисе». (26—34)

⁶³⁵ У Н. С. Торопова — «ёрилиное».

⁶³⁶ У В. П. Тайбарейского — «розметыват».

⁶³⁷ У Ф. Е. Чуркиной — «ерлык».

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

«Да и то у него тут написано,
Да и то у него тут напечятано:
“Да и еду я нонь да в стольнѣй Киев-град,
Я грометь-шурмовать да в стольнѣ Киев-град,
Я соборны больши церкви⁶³⁸ я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печятны больши книги да во грязи⁶³⁹ стопчу.
Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню⁶⁴⁰ да за себя возьму”». (89–98)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

«“Да малых детоцек тех конѣм стопцю...”» (113)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ишше тут-то Илья Муромец приужахнулс,
Приужахнулсэ, со страху прироздумалс:
«Мне кого бы послать-то во чисто полё,
Во чисто полё послать мне, попроведати?» (28–31)

Шенкурский певец:

Стали думу крепкую думати:
Кому ехать за нахвальщиком? (33–34)

⁶³⁸ У Ф. Е. Чуркиной — «цервы».

⁶³⁹ У Ф. Е. Чуркиной — «грязи».

⁶⁴⁰ У Ф. Е. Чуркиной — «княгиню».

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

<Реплика Ильи Муромца>

«У нас ехати Ивашку Долгополому, —
У нас то было дитятко едрёное
А едрёно оно дитятко непроборное, —
Понапрасно погубит свою буйну голову». (88–91)

Шенкурский певец:

Положили на Ваську Долгополого⁶⁴¹.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
«Не ладно, ребятушки, полóжили;
У Васьки полы долгиё⁶⁴².
По земле ходит Васька — заплетается;
На бою — на драке заплетётся;
Погибнет⁶⁴³ Васька по-напрасному». (35–42)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«У нас ехать Олёшеньки Поповичю, —
У нас то было дитятко несильнёё,
Умом-раз(ум)ом дитятко заплывьчиво⁶⁴⁴...» (92–94)

Семён Фёдорович Поздеев, деревня Малые Нисогоры, Лешуконский район:

«Он⁶⁴⁵ силой да не силен, а напуском смел,
Погубит свою голову да не за денежку!» (24–25)

⁶⁴¹ У Шенкурского певца — «Долгополага».

⁶⁴² У Шенкурского певца — «долгия».

⁶⁴³ У Шенкурского певца — «погинёт».

⁶⁴⁴ У И. А. Чупова — «заплыфьчиво».

⁶⁴⁵ У С. Ф. Поздеева — «тот».

Шенкурский певец:

Положились на Гришку на Боярского⁶⁴⁶:
Гришке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чистом поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
«Не ладно, ребяташки, удумали;
Гришка рода боярского:
Боярские роды хвастливые;
На бою-драке призахвастается;
Погибнет⁶⁴⁷ Гришка по-напрасному». (43–52)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Говорит-то-де стар казак Илья Муромец:
«Да кого же нам послать нынъ за богатырём?» (108–109)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Мне послать ведь разве Ваньку иниральского, —
Ениральцького роду пришел⁶⁴⁸, нежного;
Утерять-то в цистом поле⁶⁴⁹ буйну голову...» (35–37)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

«Как послать Саксона Калыбановых,
Да уж тот ведь родов-то всё соньливых,
Он ведь лёгет спать да нонь забудёт встать». (121–123)

⁶⁴⁶ У Шенкурского певца здесь и далее — «Боярского», «боярского».

⁶⁴⁷ У Шенкурского певца — «погинёт».

⁶⁴⁸ У А. М. Крюковой — «пришол».

⁶⁴⁹ У А. М. Крюковой — «[в цистом] поли».

*Влас Иванович Чекалёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег
Белого моря:*

«Он ведь силой-то силен, да неухватист был;
Через то он потерял свою буйну голову». (23–24)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

«Да послать нам Дуная сына Иванова, —
Да и тот, он ведь роду-ту заплывчива,
Заневидь потерял свою буйну голову...
<...>
Да послать-то нам ведь Мишку да Торопанишка, —
Да и тот он ведь роду торопливого,
Потеряет⁶⁵⁰ свою буйну голову;
Да послать-то нам два брата, два родимых,
Да Луку-де, Матвея, детей Петровицей, —
Да такого они⁶⁵¹ роду-то ведь вольного⁶⁵²,
Они вольного роду-ту, смиренного⁶⁵³,
Потеряют свои да буйны головы...» (113–115; 119–126)

Алексей Ипатьевич Ермолин, деревня Уег, Усть-Цилемский район:

«Послать в поле Василия Касемирова —
Василий Касемир да роду непочётного...
<...>
Послать нам Потанюшку Хроменького —
Потанюшка Хроменькой охоч с девчатами гулять...»
(62–63; 66–67)

⁶⁵⁰ У Ф. Е. Чуркиной — «потеряет».

⁶⁵¹ У Ф. Е. Чуркиной — «оне».

⁶⁵² У Ф. Е. Чуркиной здесь и далее — «вольного».

⁶⁵³ У Ф. Е. Чуркиной — «смирёного».

*Влас Иванович Чекалёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег
Белого моря:*

«Он ведь силой-то силен, как в ногах хромой;
Через то он потерял свою буйну голову.
Да послать мне двух братицей Збродовицей, —
Они силой-то сильни, сами забродятце...» (29–32)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«У нас ехать Добрыни сыну Микитичу, —
У нас то было дитятко едрёноё
А едрёно было дитятко то вежливо
Было вежливо дитятко очесливо, —
Он и может⁶⁵⁴ добра молощца принаехати,
Он и может ёго да приобъехати,
Он и может добру молощцу и цесь воздать!» (96–102)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да уцюло тут ведь ухо богатырское⁶⁵⁵,
Да завидело око да молодецкое, —
Да и стал тут Добрынюшка сряжатисе,
Да и стал тут Добрынюшка сподоблетисе:
Побежал нынь Добрыня на конюшен двор,
Да и брал он коня да всё семи цепей⁶⁵⁶,
Да семи он цепей, да семи розъвезей... (133–139)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Надевал он где платьцё-то цветноё,
Надевал он на себя сбрую богатырскую⁶⁵⁷. (105–106)

⁶⁵⁴ У И. А. Чупова здесь и далее — «можот».

⁶⁵⁵ У Ф. Е. Чуркиной здесь и далее — «богатырское», «молодецкое».

⁶⁵⁶ У Ф. Е. Чуркиной здесь и далее — «чепей».

⁶⁵⁷ У И. А. Чупова — «[надевал он на] sibя збрую богатырскую».

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Говорит Добрыня таково́ слово:
«Да уж едет ведь паленица уж ведь не мне цета́,
Да как не мне цета́ и не мне верста́,
Мне уж с им не супротивиться».
Как Добрыня стал да срезатися,
Стал срезатися да сподоблетися,
Надеват-то латы он булатныи,
На шею кольцогу позолочену.
Да он берёт-то палицу железную,
Да он берёт-то сабельку вострую,
Да он берёт копьё то бурзамецкое,
Да он берёт ножищо да чинжалищо. (128–139)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А пошел⁶⁵⁸ тут Добрынюшка из бела шатра,
Выходил тут Добрыня из бела шатра,
Он седлал-уздal Добрынюшка добра коня,
А заскакивал Добрынюшка на добра коня,
Он поехал Добрыня во чисто полё.
Выезжал⁶⁵⁹ тут Добрынюшка на чисто полё... (107–112)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А еще бьёт ли он коня по тучным ребрам —
А под им карюшка рассержаетця,
А от земли от матушки ён отделяетця,
А скачёт и ли карюшка по семи как вёрст,
А высокие горушки перескакиват⁶⁶⁰,
А мелки как речки промеж ног берёт. (79–84)

⁶⁵⁸ У И. А. Чупова — «пошол».

⁶⁵⁹ У И. А. Чупова — «выежжал».

⁶⁶⁰ У Я. Е. Гольчикова — «перскакиват».

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Хоробра была поездка да молодецкая,
Хороша была побежка лошадиная,
Во чистом-то поле видно: курива стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются⁶⁶¹,
Из ноздрей у коня пламя⁶⁶² мечется,
Да и сива-де грива да расстилается,
Да и хвост-то трубой да завивается. (154–161)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он наехал сокольника во чистом поли. (113)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

А сокольник в поле уж шатается⁶⁶³,
Не знать кого он дожидается. (165–166)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он наехал ёго да приобъехал же... (114)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Заехал он к молоцу спереди-де, с глаз⁶⁶⁴.
А ишше слез-де Добрыня со добра коня,
Он снял-де шляпу дак земли греческой,
Он не малу, не велику — дак во сорок пудов⁶⁶⁵... (106–109)

⁶⁶¹ У Ф. Е. Чуркиной здесь и далее — «сыплются», «мечется», «разстилается», «завивается».

⁶⁶² У Ф. Е. Чуркиной — «плямё».

⁶⁶³ У М. Г. Антонова здесь и далее — «шатается», «дожидается».

⁶⁶⁴ У В. Я. Тяросова — «з глаз».

⁶⁶⁵ У В. Я. Тяросова — «пудоф».

Семён Фёдорович Поздеев, деревня Малые Нисогоры, Лешуконский район:

Добрынюшка Никитич во правой руки черну шляпочку несет...
(39)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Он ниско молоццу да поклоняицсэ:
«Уж⁶⁶⁶ ты здравстуй⁶⁶⁷, удаленькой доброй молодец!
Уж ты коёго города, коей земли?
Ишше коёго оцца-матери?
А куда же ты едешь да куда путь держишь⁶⁶⁸?» (110–114)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

А и едет татарин⁶⁶⁹ да не ёгленетсе;
Заревел-то Добрынюшка во второй након:
«Уж я верной богатырь, дак нынь напуск держу,
Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь».
А и едет татарин да не ёгленетсе;
Да и тут-де Добрынюшка ругатце стал:
«Уж ты гадина едешь⁶⁷⁰ да перегадина!
Ты сорока ты лётишь да белобокая!
Да ворона ты лётишь да пустопёрая,
Пустопёра ворона да по загуменью!
Не воротишь на заставу каравульную —
Ты уж нас, молодцов, видно, нечем считаешь?...» (166–177)

Шенкурский певец:

«Зачем нашу заставу проезжаешь, —
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?

⁶⁶⁶ У В. Я. Тяросова здесь и далее — «уш».

⁶⁶⁷ У В. Я. Тяросова — «здрастуй».

⁶⁶⁸ У В. Я. Тяросова — «едёш... держыш».

⁶⁶⁹ У Ф. Е. Чуркиной здесь и далее — «едёт тотарин».

⁶⁷⁰ У Ф. Е. Чуркиной — «едёшь».

Податаману Добрыне Никитичу?
Есаулу Алёше в казну не кладёшь⁶⁷¹
На всю нашу братию наборную?»
Учѹл нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра́ коня,
Попущал на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Из озѣр вода выливалася,
Под Добрыней конь на коленца пал. (88—98)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Подломились у Добрынюшки ножки резвые⁶⁷²,
Приупали у Добрынюшки руцки белые,
Приудрогло у Добрынюшки ретиво́ серцо́,
Помутились у его-то оци ясные,
Прокатились у ёго жо горя́щій слѣзы:
«Уж я сколько по цисту́ полю не езживал,
Уж я эдакого богатыря не видывал». (67—73)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район:

Снимал Добрыню⁶⁷³ со добра коня,
Во праву холку дал ему два отяпыша,
Во леву холку дал два оляпыша,
Посадил Добрыню⁶⁷⁴ на добра коня,
Стал Добрынюшке⁶⁷⁵ тогда он наказывать... (96—100)

⁶⁷¹ У Шенкурского певца — «[не] кладёшь».

⁶⁷² У А. М. Крюковой здесь и далее — «резвыея», «белыя», «ясныя».

⁶⁷³ У В. П. Тайбарейского — «Олѣшку».

⁶⁷⁴ У В. П. Тайбарейского — «Олѣшку».

⁶⁷⁵ У В. П. Тайбарейского — «Олѣшиньки».

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

«А я заеду, удалый, в стольний Киев-град,
А Божьи как церкви да я всё под дым спущу,
А мелку как силу я под меч согну,
А князя Владимира — глаза выколю,
А княгиню⁶⁷⁶ Апраксию — за себя возьму,
А старшего казака — старшим конюхом,
А тебя ле, Добрынюшу, — чашки-ложки мыть,
А Олешеньку ли Поповица — подносицьком!» (110–117)

Еремей Провович Чупров, деревня Аврамовская, Усть-Цилемский район:

«Поезжай⁶⁷⁷ ты, Добрыня, во белой шатёр,
Да скажи от мене старичку низкой поклон,
Да пускай вами, гавнами, не заменеецца,
Самому ему со мной не поправитца». (86–89)

Шенкурский певец:

Добрыня Никитич млад
Господу Богу возмолится
И мати Пресвятой Богородице:
«Унеси, Господи, от нахвальщика!»
Под Добрыней конь посправился, —
Уехал на заставу богатырскую. (99–104)

Леонтий Тимофеевич Чупров и Анна Лукична Чупрова, деревня Боровская, Усть-Цилемский район:

А-де едет⁶⁷⁸ Добрыня да не по-старому,
Его конь бежит да не по-прежнему⁶⁷⁹,

⁶⁷⁶ У Я. Е. Гольчикова — «княгину».

⁶⁷⁷ У Е. П. Чупрова — «поеждяй».

⁶⁷⁸ У Л. Т. Чупрова и А. Л. Чупровой — «едёт».

⁶⁷⁹ У Л. Т. Чупрова и А. Л. Чупровой — «[да не] по-прежнему».

А повеся́ держит⁶⁸⁰ Добрыня да буйну голову,
Потопя́ его да оци да ясные. (117–120)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

А Добрыня на коне чуть жив сидит.
<...>
Да приезжат Добрыня ко белу́ шатру́,
Да как встречают тут русские⁶⁸¹ богатыри,
Да говорит тут стар да таковó слово:
«Да ты гой еси, Добрыня Никитич млад,
Почему не привёз буйну голову на востро́м копье?»
Говорит Добрыня таковы́ слова́:
«Уж едет молодец⁶⁸² не мне чета,
Не мне чета и не мне верста...» (174; 179–186)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«Не моя цёта едет⁶⁸³ и не мне родня...» (125)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

«Как уж мне ведь с ним не супротивитьця!» (187)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А тут-де старому за беду пришло,
За велику за досаду показалосе. (157–158)

⁶⁸⁰ У Л. Т. Чупрова и А. Л. Чупровой — «дёржит».

⁶⁸¹ У М. Г. Антонова — «русский».

⁶⁸² У М. Г. Антонова — «паленица».

⁶⁸³ У Е. В. Рассолова — «едёт».

Семён Фёдорович Поздеев, деревня Малые Нисогоры, Лешуконский район:

У Ильи стара казака у Муромца
Сердце-то было богатырское... (61—62)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Могучи его плеча да расходились,
Ретиво его сердце⁶⁸⁴ разгорещилось,
Кабы ровно-неровно — будто в котле⁶⁸⁵ кипит. (215—217)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Из глаз-то слёзы прокатились:
«Верно, некем мне, старому, заменить!» (190—191)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

Да говорит Илья да таково слово:
«Да и ой же Добрынюшка Микитин сын!
Да поезжай-ко да к своей матери⁶⁸⁶.
Да ты экой в товарищи мне большё не надобно». (36—39)

⁶⁸⁴ У Ф. Е. Чуркиной — «сердцё».

⁶⁸⁵ У Ф. Е. Чуркиной — «будто в котли».

⁶⁸⁶ У И. Д. Калитиной — «да поезжай-ко к жене да к своей матери».

Добрыня в Киеве. Добрыня и Маринка

Источники текста

- Кириша Данилов** (Три года Добрынюшка стольничел [«В стольном городе во Киеве...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 42—47.)
- Певец из выселка Александрова Симбирской губернии** (Добрыня Никитич: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 48—49.)
- Егор Иванович Рочев, село Усть-Цильма, Печора** (Добрыня и Маринка: [Былина] № 35 // [Ончуков Н.Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 159—161.)
- Новгородский певец** (Добрыня Никитич: [Былина] № I/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 1—2.)
- Сызранский певец** (Добрыня Никитич: [Былина] № III/2 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 43—44.)
- Иван Егорович Чупов, деревня Кильца, Мезень** (Добрыня и Маринка: [Былина] № 379 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 431—433.)
- Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Росляково, Кенозеро** (Добрыня и Маринка: [Былина] № 267 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 366—369.)
- Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост** (Добрыня Никитич [Былина] № 5 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 31—63.)
- Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень** (Молодость Добрыни, жалоба на него князю Владимиру, оправдание Добрыни; Добрыня и Маринка: [Былина] № 359 // Архангель-

ские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 288—297.)

Неонила Тихоновна Щербакова и Евдокия Ивановна Любченко, хутор Диченский Каменского района Ростовской области (Про богатыря: [Былина] № 30 // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 166—167.)

Арина Четверикова, село Нижнеколымск, Якутская область (О Добрыне и Маринке: [Былина] № 6 // [Миллер В. Ф.] Новые записи былин в Якутской области. — СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1900. — С. 30—32.)

Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд (Добрыня и Маринка: [Былина] № 19 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. — Петрозаводск : Губернская тип., 1864. — С. 92—94.)

Иван Емельянович Чупров, деревня Абрамовская, Усть-Цилемский район ([Добрыня и Маринка]: [Былина] № 61 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 378—380.)

Певец из села Станичное Симбирской губернии (Добрыня Никитич: [Былина] № III/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 40—43.)

Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка, Нижнепечорский район (Добрыня и Маринка: [Былина] № 17 // Печорские былины и песни. — Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1979. — С. 84—87.)

Шенкурский певец (Добрыня Никитич: [Былина] № III/3 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 45—48.)

Михайло Богданов, Кенозерский погост, Каргопольский уезд (Добрыня и Марина: [Былина] № 28 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 172—173.)

Яков Прокопьевич Носов, село Усть-Цильма, Печора (Маринка: [Былина] № 73 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 430—432.)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора (Рождение Добрыни, первые годы жизни, бой с Маринкой: [Былина] № 21 // [Ончуков Н.Е.] Печорские былины. — СПб. : Типофотография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 97—101.)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район (Добрыня и Маринка: [Былина] № 17 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 213—215.)

Василий Яковлевич Буторин, село Долгая Щель, Кулой (Женитьба Добрыни: [Иван Годинович]: [Былина] № 279 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. 2. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 343—346.)

Кириша Данилов:

В стольном в городе во Киеве,
У славнова сударь-князя у Владимира
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал... (1—4)

Певец из выселка Александрова Симбирской губернии:

А три года приторговывал,
Приторговывал, приворовывал⁶⁸⁷... (4—5)

Кириша Данилов:

Он стольничал-чашничал девять лет.
На десятой год погулять захотел... (5—6)

Егор Иванович Рочев, село Усть-Цильма, Печора:

«Я ведь десять лет сидел во писарях⁶⁸⁸ —
Мне сижаноцька эта как прискуцилась». (61—63)

⁶⁸⁷ У Певца из Александрова — «три года приворовывал».

⁶⁸⁸ У Е. И. Рочева — «Я ведь десять лет жил ише в кучерах, / Да я тридцать я лет сидел во писарях».

Новгородский певец:

«Ты тулуп ли мой, тулупчик, шуба новая!
Я носил тебя, тулупчик, ровно десять лет⁶⁸⁹.
Обломил ты мне, тулупчик, могучи плёчи.
Ох ты поле моё, поле, поле чистое!
Зарастало⁶⁹⁰ мое полюшко крапивушкой:
Что ни конному, ни пешему проезду нет.
Пробежало тутو стадечко звериное,
Что звериное стадечко — серых волков;
Наперёд бежит собака лютый Скимен зверь:
Что на Скимене шёрсточка булатная,
Как у Скимена уши что востро копыё.
Прибежала, вор-собака, ко Непру реке,
Становилась, вор-собака, на крутой берег,
Закричала, вор-собака, по-звериному⁶⁹¹,
Зашипела, вор-собака, по-змеиному:
С крутых бережков песочек⁶⁹² приусыпался,
Во Непру реке вода с песком смутилася,
Что ни бела ли рыбушка на низ ушла».
Среди было двора княженецкого⁶⁹³:
Что не белая берёза к земле клонится,
Не шелковая трава расстилается⁶⁹⁴,
Уж как сын перед матерью кланется:
«Государыня моя родна матушка,
Ты честна вдова Омельфа Тимофеевна⁶⁹⁵!
Еще дай ты мне велико благословленье:
Я поеду далеко во чисто поле,
Поищу своего братца я родного⁶⁹⁶,
Поищу я братца родного — Илью Муромца!»
— «Ох ты сын, ты мой сын, чадо милое!
Ещё как ты оставишь родну матушку
Безприютную, безпризренную?» (1–31)

⁶⁸⁹ У Новгородского певца — «тридцать лет».

⁶⁹⁰ У Новгородского певца — «зарастало».

⁶⁹¹ У Новгородского певца — «по-гусиному».

⁶⁹² У Новгородского певца — «песочик».

⁶⁹³ У Новгородского певца — «княженецкого».

⁶⁹⁴ У Новгородского певца — «разстилается».

⁶⁹⁵ У Новгородского певца — «Офимья Александровна».

⁶⁹⁶ У Новгородского певца здесь и далее — «родного».

Сызранский певец:

«Благослови ты меня, матушка, по городу погулять,
По городу по Киеву,
По тем же по широким по улицам,
По тем же по мелким переулочкам!»
— «Гуляй, гуляй, молодец, по городу,
По городу по Киеву,
По тем же по широким по улицам,
По тем же по мелким переулочкам...» (1–8)

Иван Егорович Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«Уж⁶⁹⁷ ты ой еси, дитятко родимоё!
Ты пойдёшь гулять по городу по Киеву...» (13–14)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Росляково, Кенозеро:

«Не ходи-тко ты, Добрыня, на царев кабак,
Не пей-ко ты до пьяна зелена вина». (10–11)

Иван Егорович Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«Не загуливай во улици ты Игнатъёвы,
Во часты переулки да во Марынкины...» (15–16)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«К той Маринушки Кайдаловной,
А Кайдальевной да королевичной...» (8–9)

⁶⁹⁷ У И. Е. Чупова — «уш».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А к той же к Маринке⁶⁹⁸, да злой безбожнице⁶⁹⁹,
А к лютой-де Змеи да подколодьнице⁷⁰⁰!
А не гляди⁷⁰¹ ты на ейны на окошечька!» (321–323)

Иван Егорович Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«Да та ле Маринка — зла безбожница,
А люта ле змея да подколодница!» (17–18)

Сызранский певец:

«...Еретница она, кореньщица;
У Маришки двор на семи верстах,
Загорожен двор все железным тыном,
На всякой тыниночке по маковке,
По той ли молодецкой по головушке...» (12–16)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Сука б... Маринка та Кайдадьевна,
А Кайдадьевна да королевична,
Королевична да и волшебница,
Она много нунь казнила да князей-князевичев,
Много королей да королевичев,
Девять русских могучих богатырей,
А без счету тут народушку да черняди». (12–18)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Росляково, Кенозеро:

«Та ли б... Маринка да потравница,
Потравила та Маринка девяти ли молодцов,
Девяти ли молодцов да будто ясных соколов,
Потравит тебя Добрынюшку вдесятые». (14–18)
А Добрынюшка-то матушки не слушался... (14–18)

⁶⁹⁸ У Е. В. Рассолова — «к Марынки».

⁶⁹⁹ У Е. В. Рассолова — «безбожници».

⁷⁰⁰ У Е. В. Рассолова — «подколодьници».

⁷⁰¹ У Е. В. Рассолова — «не гледи».

Неонила Тихоновна Щербакова и Евдокия Ивановна Любченко, хутор Диченский Каменского района:

Ну берет-то Добрыня свои зóлоты ключи,
Отмыкая Добрыня все булатные замки,
Вот берет-то Добрыня он тесмяную узду,
Он братает Добрыня, он неезжена коня,
Он братает Добрыня богатырского.
Он седлает седельцем родительским
Об двенадцати подпруг, усе шóлковы,
Он не ради красоты, ради крепости,
Он поехал-то Добрыня во чисто поле скакать. (25—33)

Арина Четверикова, село Нижнеколымск, Якутская область:

Не за той ли он пошел за охотою,
За своей молодецкою заботою:
Погулять, поискать красных девушек.
Не нашел Добрыня красных девушек,
Выходил он на широку улицу
Ко тому-то ко терему Маринину. (6—11)

Неонила Тихоновна Щербакова и Евдокия Ивановна Любченко, хутор Диченский Каменского района:

Все же Маришку шукать.
Навстречу Добрыне все старый старичок.
«Ну здорово, дедушка, с проседью бородушка,
Ну скажи мне, дедушка, где Маришка живет,
Ну скажи мне, дедушка, где Маринкин двор?»
— «Ну и ты же, мое чадо, що малёхонькой,
Ты малехонькой и глупехонькой.
Мы сидели во пиру с твоим батюшкой,
Говорили речь про Маришкин двор.
Верятница, клеветница, шельма-ябедница⁷⁰²!» (34—43)

⁷⁰² У Н. Т. Щербаковой и Е. И. Любченко строка включает комментарий одной из исполнительниц — «Верятница (*вредительством занималась*), клеветница, шельма-ябедница!».

Неонила Тихоновна Щербакова и Евдокия Ивановна Любченко, хутор Диченский Каменского района:

«Маришкин двор об семи верстов,
А об семидесяти столбов,
На каждом столбу по маковочке, по тыновочке.
Тут-то быть Добрынюшкиной головушке⁷⁰³».
Ну вот тут вон Добрыня, вон рассердился, и разгневался.
И бьет Добрыня-то коня по белым-то по бедрам.
(47–49; 44–45)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Росляково, Кенозеро:

Заходит ли Добрыня на царев кабак,
Напивается до пьяна зеленá вина.
Сам пошел⁷⁰⁴ гулять по городу по Киеву,
А заходит ли во улицы в Игнатьевски,
А во те ли переулки во Маринкины. (19–23)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Росляково, Кенозеро:

У той ў б.... Маринки у Игнатьевной
Хорошо ли терема были раскрашены⁷⁰⁵,
У ней терем-от со теремом свивается,
Одним-то⁷⁰⁶ жемчугом пересыпается. (24–27)

Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд:

У злодейки Маринки ненавистницы
Построены терема высокие,
Просечены окошка косявчатые⁷⁰⁷,

⁷⁰³ В оригинальном издании первые четыре строки цитируемого фрагмента записаны прозой, т. е. сплошным текстом.

⁷⁰⁴ У И. Г. Третьякова — «пошел».

⁷⁰⁵ У И. Г. Третьякова — «рокрашены».

⁷⁰⁶ У И. Г. Третьякова — «однем-то».

⁷⁰⁷ У Т. Романова — «косявчатая».

И поставлены колоды белодубовы,
Наличники положены серебряные⁷⁰⁸,
И на каждом окошечке голубь со голубушкой. (22–27)

Иван Емельянович Чупров, деревня Абрамовская, Усть-Цилемский район:

Да целуютца они, право, милуютца,
Золотыма крыльяма обнимаютца... (29–30)

Арина Четверикова, село Нижнеколымск, Якутская область:

Они ноженьками оплетаются... (15)

Иван Емельянович Чупров, деревня Абрамовская, Усть-Цилемский район:

Кабы то была Маринкина забавушка. (31)

Кирша Данилов:

Тут Добрыни за беду стало:
Будто над ним насмеваются... (24–25)

Сызранский певец:

Молодецкое сердечко разгоралось,
Воинска у него кровь разкипалась... (21–22)

Иван Емельянович Чупров, деревня Абрамовская, Усть-Цилемский район:

Да как взял тут Добрыня тугой лучок,
Да натягивал⁷⁰⁹ тетивочку шолковую... (32–33)

⁷⁰⁸ У Т. Романова — «серебряныя».

⁷⁰⁹ У И. Е. Чупова — «да натягивай».

Кириша Данилов:

А спела ведь титивка у туга́ лука,
[В]звыла да пошла калена́ стрела́. (27–28)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Росляково, Кенозеро:

По грехам ли над Добрыней состоялось,
Его⁷¹⁰ правая-то ноженка поглѣзнула,
Его левая-то рученка подрогнула,
А не мог згодить Добрыня во сизых голубей,
Едва згодил к Маринке во краснó окно.
Он вышиб прицѣлину серебряную,
Разбил-то⁷¹¹ околѣнку стекольчатую... (35–41)

Иван Емельянович Чупров, деревня Абрамовская, Усть-Цилемский район:

Полетела стрела ниже жолоба,
Залетела в окошечко косевщето,
Пробило стеколушко хрустальнее,
Залетела во нову во горницу,
Да из новой горницы во спальниѣцу,
Да разорвал завѣсу полотнѣну,
Да попала татарину в черную⁷¹² грудь,
Да убил татарина поганого. (38–45)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Росляково, Кенозеро:

Убил-то у Маринки друга милого⁷¹³,
Милого⁷¹⁴ Тугарина Змеѣвича.

⁷¹⁰ У И. Г. Третьякова здесь и далее — «ево».

⁷¹¹ У И. Г. Третьякова — «розбил-то».

⁷¹² У И. Е. Чупрова — «в белую».

⁷¹³ У И. Г. Третьякова — «милаво».

⁷¹⁴ У И. Г. Третьякова — «милово».

Стоит-то ли Добрыня пораздумалсе⁷¹⁵:
«В терем-от ийти⁷¹⁶, так голова пропадёт,
А в терем-от нейти, так стрелá пропадёт». (42–46)

Сызранский певец:

А в те поры Маринушке не времечко было:
Белилася Маринушка, румянилася,
Она в чистое зеркало гляделася... (30–32)

Певец из села Станичное Симбирской губернии:

Собиралася Маришка в пир-беседушку
Ко князю Володимеру. (63–64)

Иван Емельянович Чупров, деревня Абрамовская, Усть-Цилемский район:

Учула Маринушка люта́ грозá,
Люта́ грозá да лиха змея́:
«Да что⁷¹⁷ у меня за шум шумит,
Да что у меня в спальне за гром гремит?» (46–49)

Кириша Данилов:

«А кто эта невежа на двор заходил?
А кто это невежа в окошко стреляет?
Проломил оконницу мою стекольчетою.
Отшиб все причалины серебряныя,
Расшиб зеркала стекольчетое?» (42–46)

⁷¹⁵ У И. Г. Третьякова — «пороздумалсе».

⁷¹⁶ У И. Г. Третьякова — «итти».

⁷¹⁷ У И. Е. Чупрова здесь и далее — «што».

Иван Емельянович Чупров, деревня Абрамовская, Усть-Цилемский район:

Прибежала она в свою спальницу
Да увидела татарина убитого,
Побежала она вон на улицу
Да увидела Добрынюшку Микитыча,
Ругала она его всяко-всячески:
«Да зло ты дитя, зло проклятое!» (50–55)

Арина Четверикова, село Нижнеколымск, Якутская область:

«Ты пошто, Добрыня сам на сам не сватаешься⁷¹⁸,
Посылаешь ко мне свата — калену⁷¹⁹ стрелу?
Калена твоя стрела не умет говорить!» (28–30)

Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка, Нижнепечорский район:

Говорит-то Микитинец⁷²⁰ Добрынюшка:
«Ой есь, душка люта гроза,
Отдай тою стрелоку калёную!»
— «Не отдам тебе стрелочку калёную:
Прострелил у меня окно косявцето⁷²¹,
Залетела стрелка моему милу́ другу́,
Залетела ему да во черны́ груди,
Разбила у его да лёгко-пёчenea,
Гляди — лежит убит на кровати тесовой⁷²²». (С. 84–85)

⁷¹⁸ У А. Четвериковой — «сватаешься».

⁷¹⁹ У А. Четвериковой здесь и далее — «калину», «калина».

⁷²⁰ У И. К. Осташова — «Микитушка».

⁷²¹ У И. К. Осташова — «косяще-то».

⁷²² Последняя строка приведённого фрагмента добавлена по следующей публикации: Добрыня Никитич и Маринка: [Былина] № 27 // Былины: в 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 229–231.

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорит ему Маринка⁷²³ да Кайдальевна,
Ай Кайдальевна да королевична:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Сделаем, Добрынюшка, со мной любовь».
Отвечает тут Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты душенька Маринушка Кайдальевна!
Я тебе-ка-ва не полюбовничок». (51–57)

Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка, Нижнепечорский район:

Другой раз Микитинец⁷²⁴ выпрашивал:
«Ой есь, матушка люта гроза,
Отдай мою стрелочку каленую!»
— «Не дам я твою стрелочку каленую...» (С. 85)

Иван Емельянович Чупров, деревня Абрамовская, Усть-Цилемский район:

«Убил ты у меня мила дружка,
Возьми, говорит, тут меня взамуж». (56–57)

Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд:

У Добрыни бело тело распотелось,
А богатырского сердце разгорелось:
И вскочил⁷²⁵ Добрынюшка тут со добра коня,
И побежал во теремы высокие
Ко злодейке Маринке ненавистницы;
Он ухватил-то Маринку за белы груди,
Кинул-то Маринку о дубовый мост... (46–52)

⁷²³ У П. Л. Калинина — «Маришка».

⁷²⁴ У И. К. Осташова — «Микитушка».

⁷²⁵ У Т. Романова — «скочил».

Иван Емельянович Чупров, деревня Абрамовская, Усть-Цилемский район:

Говорил тут Добрынюшка Микитыч млад⁷²⁶:
«Не возьму я тебя за себя взамуж:
Жила ты с поганым татарин⁷²⁷,
А все груди у тя приулёжаны,
Все губы у тебя исцелованы,
Межножье у тебя всё исколечено». (58—63)

Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд:

А эта злодейка Маринка ненавистница
Брала свой нож булатный⁷²⁸,
И куда ступал Добрынюшка Никитинич —
Знать-то гвоздики шеломчатые —
И подскоблила следы Добрынюшкины... (55—59)

Кирша Данилов:

Брала она следы горячие молодецкие⁷²⁹. (48)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Росляково, Кенозеро:

Она резала следочки Добрынюшкины,
Сама крепкой приговор да приговаривала:
«Как я режу эти следики Добрынюшкины,
Так бы резало Добрыни ретиво сердце
По мне ли по Маринке по Игнатьевной». (58—62)

Сызранский певец:

Собирала следочки Добрынюшкины,
Собрамши она, побросала в печь:

⁷²⁶ У И. Е. Чупрова — «блад».

⁷²⁷ У И. Е. Чупрова — «тотарином».

⁷²⁸ У Т. Романова — «булатный».

⁷²⁹ У Кирши Данилова — «горячия молодецкия».

«Гори, гори, следочки Добрынюшкины,
Боли, боли, сердечко молодецкое!» (34–37)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Росляково, Кенозеро:

Сама крепкой приговор да приговаривала:
«Как горят-то эти следики Добрынюшкины,
Так горело бы Добрыни ретиво сердцё
По мне ли по Маринке по Игнатьевны.
Не мог-то бы Добрынюшка ни жить, ни быть,
Ни дни бы не дневать, ни часу бы часовать».
Как вышел ли Добрыня на широкой двор,
Разгорелось⁷³⁰ у Добрыни ретиво сердцё
По той ли по Маринке по Игнатьевной. (65–73)

Кириша Данилов:

А и Божья крепко, вражья-то лепко:
Взяла Добрыню пуще вострова ножа
По ево по сер(д)цу богатырскому.
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснетса,
Он белова свету дожидается⁷³¹.
По ево-та щаски великия
Рано зазвонили ко заутреням.
Встает Добрыня ранешонько,
Подпоясал себе сабельку вострою,
Пошел Добрыня к заутрени,
Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкой двор,
У высокого⁷³² терема послушает. (59–72)

⁷³⁰ У И. Г. Третьякова — «розгорелось».

⁷³¹ У Кириши Данилова — «даждается».

⁷³² У Кириши Данилова — «высокова».

Шенкурский певец:

Лежала Маринка на постелюшке,
На руке у ней лежит змея лютая,
На другой руке лежат два змееныша;
Змея лютая Добрыню зажегчи хочет,
Два змееныша Добрыню запалить хотят.
Возговорит Маринка дочь Игнатьева:
«Уж ты гой еси, змея лютая,
Уж вы гой есте, два змееныша!
Вы не жгите, не палите добра молодца:
Я сама с Добрынюшкой перевожусь!»
Брала Маринка Добрыню за ручки белые⁷³³,
За те же перстни за злеченые,
Целовала⁷³⁴ его во уста сахарные:
«Уж ты здравствуй, Добрыня Никитич млад!»
Повела Добрыню на широкий двор... (23–37)

Певец из выселка Александрова Симбирской губернии:

Вела в палаты каменные⁷³⁵,
Сажала за столы дубовые,
За скатерти браные⁷³⁶... (22–24)

Кирша Данилов:

А у мѡлоды Марины вечеренка была,
А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецки⁷³⁷,
Все тут были жены молодецки⁷³⁸.

⁷³³ У Шенкурского певца — «белыя».

⁷³⁴ У Шенкурского певца — «цаловала».

⁷³⁵ У Певца из Александрова — «каменные».

⁷³⁶ У Певца из Александрова — «браныя».

⁷³⁷ У Кирши Данилова — «отецкия».

⁷³⁸ У Кирши Данилова — «молодецкия».

Вшел он, Добрыня, во высок терем, —
Которые⁷³⁹ девицы приговаривают,
Она, молода Марина, отказывает и прибранивает. (73–80)

Певец из выселка Александрова Симбирской губернии:

Отпирала темны заходы,
Наливала зелья лютого⁷⁴⁰,
Подносила Добрыне:
«Выкушай, Добрыня, Микитин сын!»
— «Прежде хозяина и поп не пьет». (25–29)

Михайло Богданов, Кенозерский погост, Каргопольский уезд:

А в чары змеиной силы положено.
Принимает он чару правой рукой
Подавает кобелю мелединскому:
Разрывает кобеля мелединского⁷⁴¹. (30–33)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Ах ты душенька Маринушка Кайдадьевна,
Ай Кайдадьевна да королевична!
Уж мы сделаем⁷⁴², Маринушка, со мной любовь...»
<...>
— «Ах ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Что же надо мной да насмехаешься?
Давень тебя звала в полюбовнички, —
Ты в меня тогда Добрыня не влюблялся ведь⁷⁴³;
Нунечу зовешь да в полюбовницы!» (71–73; 75–79)

⁷³⁹ У Кириши Данилова — «которые».

⁷⁴⁰ У Певца из Александрова — «лютаго».

⁷⁴¹ У М. Богданова — «мелединского».

⁷⁴² У П. Л. Калинина — «уж ты сделаем».

⁷⁴³ У П. Л. Калинина — «Ты в меня топерь Добрыня не влюблялся ли».

Кирша Данилов:

Завидел Добрыня он Змея Горынчета,
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалось,
(В)збежал на крылечка на красная,
А двери у терема железныя.
<...>

А и молоды Добрыня Никитич млад
Ухватит бревно он в охват толщины,
А ударил он во двери железные,
Недоладом из пяты он вышиб вон
И (в)збежал он на сени косящеты...
<...>

А бросится Змеишша Горынчишша,
Чуть ево, Добрыню, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб.
А и сам тут Змей почал бранити ево, больно пеняти:
«Не хочу я звати Добрынею,
Не хочу величать Никитичем,
Называю те детиною-деревенщиною и засельшиною,
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,
Проломил ты оконницу стекольчетую,
Росшиб зеркало стекольчетое!»
Ему тут-тка, Добрыни, за беду стало
И за великую досаду показалось:
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хочешь⁷⁴⁴ ли тебе, Змея,
Изрублю я в мелкия части пирожныя,
Разбросаю далече по чистом полю?»
А и тут Змей Горынич,
Хвост поджав, да и вон побежал,
Взяла его страсть, так зачал ср...:
А колышки метал, по три пуда ср...
Бегучи, он, Змей, заклинается:
«Не дай Бог бывать ко Марине в дом,
Есть у нее не один я друг,
Есть лучше⁷⁴⁵ меня и повежливея.

⁷⁴⁴ У Кирши Данилова — «хощешь».

⁷⁴⁵ У Кирши Данилова — «лутче».

А молода Марина Игнатьевна
Она высунолась по пояс в окно
В одной рубашке без пояса,
А сама она Змея уговаривает:
«Воротись, мил надежа, воротись, друг!
Хошь, я Добрыню оберну клячею водовозною?
Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить,
А еще — хошь, я Добрыню оберну гнеды́м туро́м?»
(85–89; 91–95; 102–134)

Певец из села Станичное Симбирской губернии:

Загорися, загорися у Маришки дом,
Разгорелося, разболелося ретиво сердце ея
По дружке своем по миленьком,
По змеи лютом⁷⁴⁶. (67–70)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Росляково, Кенозеро:

Зашел-то⁷⁴⁷ ли Добрыня во высок терём,
Крест-от он кладёт по-писаному,
А поклон-от он ведёт по-ученому.
Сел он во большóй угол на лавицу,
А Маринка та сидит да б... за завесою.
Посидели они летний день до вечера,
Оне друг-то с другом слова не промолвили. (47–53)

Яков Прокопьевич Носов, село Усть-Цильма, Печора:

Ай-я говорит да ле Маринка да таковы́ слова:
«Ты возьми меня да за себя взамуж,
Я отдам⁷⁴⁸ тебе тогда калену́ стрелу́,
А не возмёшь меня за себя взамуж —
А ще как есь у меня во чистом поле деветь туро́в,
А ты будёшь у мня туро́м ноне десяти́м,
А над туром ты будешь тур злоторогия». (33–39)

⁷⁴⁶ У Певца из села Станичное — «лютым».

⁷⁴⁷ У И. Г. Третьякова — «зашол-то».

⁷⁴⁸ У Я. П. Носова — «ётдам».

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Говорит на то Добрынюшка Микитиц млад⁷⁴⁹;
«Я возьму когда тебя да за себя замуж,
Уж ты стерпишь ле три поученьица тяжёлые⁷⁵⁰,
А которы ле поученья муж жены давать⁷⁵¹?
Ищэ перво поученьицо тяжёлое:
Ты с татарин⁷⁵² жила нонь, обнималасе —
По локот у тебя отсеку руки белыя;
А друго-то поученьицо тяжёлое:
Ты с татарин⁷⁵² жила да оплеталасе —
По колен у тя отсеку да ноги резвыя;
И третьё-то поученьицо тяжёлое:
Ты с татарин⁷⁵² жила, да целоваласе —
Как отрезать у тя нонь да губы белыя;
Ты отдай лучше мою ты калену стрелу».
А ёттуль нонци Маринка да не ослышалась⁷⁵³... (101–115)

Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд:

И брал он стрелочку каленую,
Он пошел из ложни из теплыя. (53–54)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

А пошел⁷⁵⁴ нонци Добрынюшка от терему.
Кабы эта нонь Маринка была волшебница,
А брала она с собой книгу волшебную,
А брала она с собой да складной ножичёк,
А спускалась она скоро да с крута крыльця⁷⁵⁵,
У Добрыни-то 'читала девяти следов,
И как 'сякой след ножом она перерчертила, —
Обернула она Добрыню туром поганим. (116–123)

⁷⁴⁹ У П. Р. Поздеева — «блад».

⁷⁵⁰ У П. Р. Поздеева здесь и далее — «тежолые», «тежолое».

⁷⁵¹ У П. Р. Поздеева — «дают».

⁷⁵² У П. Р. Поздеева здесь и далее — «тотарином».

⁷⁵³ У П. Р. Поздеева — «не ёслышалась».

⁷⁵⁴ У П. Р. Поздеева — «пошол».

⁷⁵⁵ У П. Р. Поздеева — «крыльця».

Ки́рша Дани́лов:

...Пустила его далече во чисто поля,
А где-та ходят девять туров,
А девять туров, девять братиников,
Что Добрыня им будет десятой тур,
Всем атаман-золотыя рога! (136—140)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Как побежал-де этот тур да во чисто полё,
Там как было у Маринки-то деветь туров,
Кабы этот прибежал ноньце десятой тур. (124—126)

Арина Четверикова, село Нижнеколымск, Якутская область:

Поутру Маринка собирала пир,
Еще всех своих собрала подруженьков.
На ту пору Маринка прирасхвасталась:
«У меня-то у Маринки было девять мужевьев,
Как десятой-то Добрыня Микитьич млад!» (38—42)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Кабы была-то нончи бабушка-задворенка,
Как были ноньце у бабушки две девушки,
Они были в лесу, брали сладки ягоды,
Там увидали у Маринки нонь девять⁷⁵⁶ туров,
Ище ходит у Маринки нонь десятый⁷⁵⁷ тур,
Уж десятой-от ле тур да над турами тур,
Окол девушек тот тур да нонь похаживат⁷⁵⁸,
А как катятця у его, тура, горяци слёзы.
А как эти ноньци маленьки две девушки,
Как пришли они бабушки-задворенки,
Говорят ле эти маленьки ле девушки,

⁷⁵⁶ У П. Р. Поздеева здесь и далее — «деветь».

⁷⁵⁷ У П. Р. Поздеева здесь и далее — «десятой».

⁷⁵⁸ У П. Р. Поздеева здесь и далее — «похаживат».

Кабы сказывают ле бабушки-задворенки:
«Ищэ прежде у Маринки было девять туров,
Кабы нонци у ей да стал десятый тур,
Окол нас-де, окол деушок, похаживат,
Только катятця у нево⁷⁵⁹ да горда горяци слёзы». (127–142)

Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка, Нижнепечорский район:

Говорит она и таково слово:
«Овернут мой любимой крестничек,
Тот же Микитушка Добрынюшка:
Раньше ходил в день три раза,
А нынь не ходит третий день».
Надевала она шубу на одно плечо,
Надевала шляпу на головушку,
Брала трость в руки железную,
Пошла к душки Маринке лютой грозе.
Зашла она к Маринки лютой грозы:
«Здравствуй, Маринка люта гроза!»
— «Здравствуешь, бабушка-задворенка».
— «Ой есь, Маринка⁷⁶⁰ люта гроза,
Отверни моего крестника!»
— «Не отверну я твоего крестника:
Прострелил он у меня окно косявцето⁷⁶¹,
Убил он у мя мила друга,
Прострелил у него черны груди,
Разбил его легко-печени».
Другой раз старушка выпрашиват:
«Ой есь, Маринка люта гроза,
Оберни моего крестника,
Не отвернешь моего крестника,
Оберну тебя сукой-волочеею,
По всему городу станешь волочитися».
Того Маринка не боялесе:
«Не отверну, грит, твоего крестника:
Прострелил он у меня окно косявцето,

⁷⁵⁹ У П. Р. Поздеева — «ёго».

⁷⁶⁰ У И. К. Осташова здесь и далее в одном случае — «матушка».

⁷⁶¹ У И. К. Осташова здесь и далее — «косяще-то».

Убил он у мя мила друга,
Прострелил у него черны груди,
Разбил его да легко-печеня».
Говорит-то бабушка-задворенка:
«Ой есь, Маринка люта гроза,
Отверни моего крестника,
Не отвернешь моего крестника,
Оберну кобылой водовозной,
На весь город станешь воду возить». (С. 86)

Арина Четверикова, село Нижнеколымск, Якутская область:

Еще была тут Маринку по белу по лицу,
По той ли, Маринку, по румяной по щеке,
Из-д-румяной-то щеки кровь пробрызгиват... (45–47)

Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка, Нижнепечорский район:

Того Маринка забоялася,
Того Маринка и перепалася.
Говорит Маринка таково слово... (С. 87)

Арина Четверикова, село Нижнеколымск, Якутская область:

«Ты не бей меня, Маринку, по белу по лицу!
Уж на белое лицо синивицы подошли!» (59–60)

Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка, Нижнепечорский район:

«Возьмет меня он за себя взамуж,
Так отверну я твоего крестника».
Говорит-то бабушка-задворенка:
«Возьмем тебя за его взамуж».
Брала Маринка книгу волшебную,
Выходила она на крутó крыльцо,
Скликнула она гнедых туров. (С. 87)

Шенкурский певец:

«Вы собирайтесь, туры, все сюда!»
Прибегали к ней все девять туров...
<...>
Говорила Маринка таковы речи:
«Уж вы гой есте, девять гнедых туров,
Уж вы гой есте, девять молодых князей...»
<...>
«Еще нет ли с вами Добрынюшки?»
Отвечают ей девять туров:
«С нами нет Добрынюшки Никитича».
Говорит Маринка дочь Игнатьева:
«Уж ты гой еси, десятый тур!
Прибегай ко мне со черных грязей,
Прибегай ко мне из болотных вод!»
Плетется⁷⁶² Добрыня Никитич млад:
Нога за ногу с горя⁷⁶³ заплетается. (73–74; 70–72; 76–84)

Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка, Нижнепечорский район:

Говорит-то бабушка-задворенка:
«Ты, мой любимой крестничек,
Обещалась я ей взять за тебя взамуж». (С. 87)

Кириша Данилов:

А и женское дело прелестивое,
Прелестивое-перепадчивое.
Обвернулася Маринка касаточкой...
<...>
А села она на Добрыню на правой рог,
Сама она Добрыню уговаривает:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистом поле,
Тебе чистое поле наскучило⁷⁶⁴,

⁷⁶² У Шенкурского певца — «треплется».

⁷⁶³ У Шенкурского певца — «у горя».

⁷⁶⁴ У Кириши Данилова — «наскучала».

И зыбучия болота напрокучили,
А и хошь ли, Добрыня, жениться?
Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?»
— «А, право, возьму, ей богу, возьму!
А и дам те, Марина, поученьица,
Как мужья жен своих учат!»
<...>

Обвернула ево добрым молодцом
По-старому-по-прежнему,
Как бы сильным-могучим богатырем,
Сама она обвернулася девицею...

(197–199; 204–213; 215–218)

Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка, Нижнепечорский район:

Говорит-то Микита таково слово:
«Тебе спасибо, моя любима крёстнушка,
Избавила меня от галенья». (С. 87)

Кирша Данилов:

Оне в чистом поле женилися,
Круг ракитова куста венчались.
Повел он ко городу ко Киеву,
А идет за ним Марина раскорякою⁷⁶⁵,
Пришли оне ко Марине на высók терём,
Говорил Добрынюшка Никитич млад:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя в высоких хороших теремах
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
Не за что стенам поклонитися,
А и, чай, моя вострая сабля заржавела». (219–231)

⁷⁶⁵ У Кирши Данилова — «роскорякою».

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Молодой Добрыня сын Никитинич,
Сам же он служаночкам наказывать⁷⁶⁶:
«Ай же слуги мои верные⁷⁶⁷!
 Попрошу у вас же чару зеленá вина,
 Вы попрежде мне подайте саблю вострую».
Шел же он во ложни да во теплые⁷⁶⁸;
Обвернула тут его да горносталюшком⁷⁶⁹,
Взяла горносталика⁷⁷⁰ попуживать,
Взяла горносталика покышживать,
Приломал же горносталя да свои ногти⁷⁷¹ прочь.
Обвернула тут она его соколиком,
Взяла тут соколика попуживать,
Взяла тут соколика покышживать,
Примахал сокол да свои крыльица.
Тут взмолился⁷⁷² он Маринушке Кайдадьевне,
Ай Кайдадьевне да королевичне⁷⁷³:
«Не могу летать я нунечку соколиком,
Примахал свои я нунче⁷⁷⁴ крыльица,
Ты позволь-ко мне выпить чару зелена вина».
Молода Маришка да Кайдадьевна,
Ай Кайдадьевна да королевична,
Отвернула тут Добрыню добрым мóлодцем;
А скричал⁷⁷⁵ же тут Добрыня сын Никитинич:
«Ай же слуги мои верные,
Вы подайте-тко мне чару зелена вина!»
Подавали ему тут слуги верные,
Поскорешенько тут подавали саблю вострую.
Нé пил он тут чары зелена вина... (188—214)

⁷⁶⁶ У П. Л. Калинина — «наказыват».

⁷⁶⁷ У П. Л. Калинина здесь и далее — «верными».

⁷⁶⁸ У П. Л. Калинина — «теплыми».

⁷⁶⁹ У П. Л. Калинина — «горносталюшком».

⁷⁷⁰ У П. Л. Калинина здесь и далее — «горносталина».

⁷⁷¹ У П. Л. Калинина — «нёкти».

⁷⁷² У П. Л. Калинина — «смолился».

⁷⁷³ У П. Л. Калинина — «Маринушки Кайдадьевной, / Ай Кайдадьевной да королевичной».

⁷⁷⁴ У П. Л. Калинина — «нунчу».

⁷⁷⁵ У П. Л. Калинина — «скричал».

Кирша Данилов:

А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу-б..., безбожницу:
Он первое ученье — ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Змея Горынчишша!» (232–238)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

«Со поганым она Змеем⁷⁷⁶ обнималась,
Да⁷⁷⁷ нечистого духу нахваталась!» (70–71)

Кирша Данилов:

А второе ученье — ноги ей отсек:
«А и эта-де нога мне не надобна,
Оплеталася со Змеем Горынчишшем!».
А третье ученье — губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А и эти-де мне губы не надобны,
Целовали они⁷⁷⁸ Змея Горынчишша!»
<...>
Четвертое ученье — голову ей отсек
И с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,
Знал он дела еретические⁷⁷⁹!» (239–245; 246–250)

⁷⁷⁶ У М. Г. Антонова — «со поганым Издолишом».

⁷⁷⁷ У М. Г. Антонова — «на».

⁷⁷⁸ У Кирши Данилова — «оне».

⁷⁷⁹ У Кирши Данилова — «еретическая».

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Вывел он жеребчика неезжанного и нелёгченного,
Привязал⁷⁸⁰ он Маринку за хвост, —
Жеребец убежал и Маринку унёс. (81—83)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Поутру сходил во теплую свою да парну баенку,
Идут же было князи тут да бёра:
«Здравствуешь, Добрыня сын Никитинич,
Со своей да с любимой семьей
С той было Маринушкой Кайдальевной,
Ай Кайдальевной да королевичной!»
— «Ай же нунь вы, князи еще бёра,
Все же вы Владимировы дворяна!
Я вечор же, братцы, был женат не холост,
А нынче⁷⁸¹ я стал, братцы, холост не женат.
Я отсек же нунь Марине буйну голову
За ейны было поступки неумильные⁷⁸²». (118—229)

Василий Яковлевич Буторин, село Долгая Щель, Кулой:

Да и малы-те робятишка насмехающиеся:
«Да здорово ты, Добрынюшка-ли, да женился⁷⁸³ как,
Только не с кем те, Добрынюшка, ведь⁷⁸⁴ будет спать!»
(133—135)

⁷⁸⁰ У М. Г. Антонова — «привезал».

⁷⁸¹ У П. Л. Калинина — «нынечу».

⁷⁸² У П. Л. Калинина — «неумильнии».

⁷⁸³ У В. Я. Буторина — «женился».

⁷⁸⁴ У В. Я. Буторина — «веть».

Добрыня покидает Киев. Встреча с Настасьей. Первый бой со Змеей

Источники текста

- Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога** (Добрыня и Змей: [Былина] № 59 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 438—450.)
- Иван Матвеевич Мяхнин, село Гридино, Кемский уезд** (Добрыня и Змей: [Былина] № 9 // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 49—50.)
- Василий Яковлевич Буторин, село Долгая Щель, Кулой** (Женитьба Добрыни: [Иван Годинович]: [Былина] № 279 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 343—346.)
- Мещанин Сокоиков, заимка Черноусовая, Нижняя Колыма** (Старина про Добрыню Микитича [Добрыня и Змей]: [Былина] № 21 // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. — М. : Синод. тип., 1908. — С. 36—38.)
- Певец из села Головино Симбирской губернии** (Добрыня Никитич: [Былина] № 1/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 4—9.)
- Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора** (Про Добрыню: [Былина] № 45 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 144—148.)
- Игнатий Васильевич Торопов, деревня Рощинский Ручей Усть-Цилемской волости** (Добрыня и Змея: [Былина] № 59 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 247—251.)
- Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости** (Добрыня Никитич и отец его Никита Романович [Бой со змеем]: [Былина] № 3 // Былины и исторические песни из Южной Сибири. — Новосибирск : Новосибирское обл. гос. изд-во, 1939. — С. 43—51.)

Акулина Ивановна Моисеева, деревня Березник, Иркутская область (Добрыня Микитич и Змеище Тугарыще: [Былина] № 11 // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 54—56.)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье (Добрыня и Змей: [Былина] № 79 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 55—69.)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост (Добрыня Никитич: [Былина] № 5 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 31—63.)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром (Добрыня и Змей: [Былина] № 68 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 185—188.)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост (Добрыня и Змей: [Былина] № 148 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 443—453.)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район ([I] Как Добрыня женился: [Былина] № 81a // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 228—229; [II] Как Добрыня женился: [Былина] № 81 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 227—228.)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район (Добрыня и Алеша: [Былина] № 2 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 52—55.)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень (Купанье и бой Добрыни со Змеем: [Былина] № 370 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 369—371.)

Кириш Данилов (Добрыня купался — змей унес [«Доселева Резань она селом слыла...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киришю Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 182—185.)

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро (Добрыня и Змей: [Былина] № 289 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 431–433.)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой (Купанье, бой со змеей, женитьба на избавленной девице и стояние Добрыни на заставе и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 301 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463–469.)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря (I) Добрыня и Змея: [Былина] № 73 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 314–319; (II) Женитьба Добрыни: [Былина] № 72 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 311–314.)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшеле, Мезень (Купанье и бой Добрыни со Змеем и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 342 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 184–195.)

Оксенья Антоновна Юдина, деревня Матверы, Пинега (Купанье и бой Добрыни со змеем Горынищем: [Былина] № 87 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 281–284.)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря (Как женился Добрынюшка Микитич млад [Добрыня и Змей, женитьба Добрыни, Добрыня в отъезде]: [Былина] № 98 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 284–303.)

Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога:

Как во стольно́м во городе во Киеве
Жил был там удалый добрый мо́лодец,
Мо́лодой Добрынюшка Микитинич... (1–3)

Иван Матвеевич Мяхнин, село Гридино, Кемский уезд:

Матушка ему приказывала⁷⁸⁵:
«Ой же ты, мое чадо милоё!
<...>
Не приворачивай на цареви большаи кабаки
И не пей зелена вина.
Хоть ты станешь пить зелено вино,
Не знайся⁷⁸⁶ с девками с курвягами.
Хоть и станешь знаться с девками с курвягами,
Не играй, Добрынька, во шахматы,
Во те таблетки мудрёные.
Хоть и станешь играть в шахматы,
Только не купайся во Почай-реки,
Хоть и станешь купаться,
Не нырай⁷⁸⁷ за перву́ струю,
Хотя и нырнешь за перву́ струю,
Не нырай за втору́ струю,
А и нырнешь за втору́ струю,
Не нырай за струю третью,
Ай нырнешь за третью́ струю, —
За третьей струей беда горит,
Она горит, и деться некуда:
Налетит тебе люта змея Горыльница».
<...>
И пил Добрыня зелено вино,
И знался⁷⁸⁸ с девками с курвяжками,
И играл во шахматы,
Во те таблетки мудрёные⁷⁸⁹. (3–4; 6–24; 27–29)

⁷⁸⁵ У И. М. Мяхнина — «приказыват».

⁷⁸⁶ У И. М. Мяхнина — «не знайсе».

⁷⁸⁷ У И. М. Мяхнина здесь и далее — «не нырай».

⁷⁸⁸ У И. М. Мяхнина — «зналсэ».

⁷⁸⁹ Последняя строка добавлена нами по аналогии со строкой 12 этого же фрагмента.

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Обувает он сапожки на ножки зелён сафьян,
Одевает он Добрыня платье цветное,
Налагает он ведь шапку во пятьсот рублей,
Ай берет-то ведь Добрыня да свой тугой лук,
Этот тугой лук, Добрынюшка, розрывчатой,
Ай берет-то ведь он стрелочки каленые⁷⁹⁰,
Ай приходит-то Добрыня ко синю морю,
Ай приходит-то Добрыня к первой заводи;
Не попало тут ни гуся, ни лебедя,
Ай не серого-то малого⁷⁹¹ утеныша.
Ай приходит-то Добрыня к другой заводи,
Не находит он ни гуся, да ни лебедя,
Ай ни серого-то малого утеныша.
Ай приходит-то Добрыня к третьей заводи,
Не находит он ни гуся, да ни лебедя,
Ай ни серого-то малого утеныша. (5–20)

Василий Яковлевич Буторин, село Долгая Щель, Кулой:

Да оставил тут шатёр да во чистом поле,
Да уехал он ко князю да ко Владимиру.
Да и малы-те робятишка насмехающиеся:
«Да здорово ты, Добрынюшка-ли, да женился⁷⁹² как,
Только не с кем те, Добрынюшка, ведь⁷⁹³ будёт спать!»
(131–135)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Разгорелось⁷⁹⁴ у Добрыни ретивó сердце,
Скоро тут Добрыня поворот держал,
Ай приходит-то Добрынюшка во свой-от дом,

⁷⁹⁰ У И. Фёопова — «калениы».

⁷⁹¹ У И. Фёопова здесь и далее — «сераго-то малаго».

⁷⁹² У В. Я. Буторина — «женилса».

⁷⁹³ У В. Я. Буторина — «веть».

⁷⁹⁴ У И. Фёопова — «розгорелось».

Во свой дом приходит к своей матушке⁷⁹⁵,
 Ай садился он на лавочку брусóвую,
 Утопил он очи во дубовый мост.
 Ай подходит-то к Добрыне родна матушка,
 А сама-то говорит да таково слово:
 «Ай ты молодой Добрынюшка Микитиниц!
 Что же, Добрыня, не весёл пришел^{796?}» (21–30)

Мещанин Соковилов, заимка Черноусовая, Нижняя Колыма:

А не белая береза земле клонится,
 А не шелкова трава в поле устилается... (5–6)

Певец из села Головино Симбирской губернии:

Сын ко матери приклоняется,
 Молодой Добрыня, сын Никитьевич:
 «Ой ты гой еси, моя матушка,
 Молода Омельфа Тимофеевна⁷⁹⁷!
 Не прошу ни золота, ни сéребра,
 Только дай ты мне великое благословление:
 По чисту́ полю мне поездити,
 Свово дóбра коня понаездити,
 Могучí плечá порасправити,
 Всех силушек проповедати,
 Поискать себе супротивничка». (3–13)

Иван Фепонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Говорит-то ведь Добрыне родна матушка:
 «Молодой Добрыня сын Никитиниц!» (36–37)

⁷⁹⁵ У И. Фепонова — «[к своей] матушки».

⁷⁹⁶ У И. Фепонова — «пришол».

⁷⁹⁷ У Певца из села Головино — «княгиня Тимофеевна».

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

«Молодѣхонек ты, зеленѣхонек,
На расцвете травка шѣлкова,
На прочите листики⁷⁹⁸ малиновы».
Падает Добрыня во второй-от раз... (43–46)

Иван Фёпонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай говорит-то ведь Добрыня своей матушке:
«Ай же ты родитель, моя матушка!
Дай-ко ты Добрыне⁷⁹⁹ мне прощеньицо,
Дай-ко ты Добрыне благословленьицо,
Ехать мне, Добрыне, ко Израй-реке⁸⁰⁰». (31–35)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей Усть-Цилемской волости:

Он ведь здумал еще ехать ко синю морю,
Посмотреть ему захотелось морѣ синѣе... (23–24)

Певец из села Головино Симбирской губернии:

Тут возгѣворит родна матушка,
Молодая Омельфа Тимофеевна⁸⁰¹... (14–15)

Иван Фёпонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Кто к Израй-реке⁸⁰² на сем светі да езживал,
А счастлив-то оттуль да не приезживал». (40–41)

⁷⁹⁸ То есть листики в момент распускания (СРНГ-XXXIII).

⁷⁹⁹ У И. Фёпонова здесь и далее — «Добрыни».

⁸⁰⁰ У И. Фёпонова — «[ко] Пучай-реки».

⁸⁰¹ У Певца из села Головино — «[молодая] княгиня Тимофеевна».

⁸⁰² У И. Фёпонова — «[кто] на Пучай-реки».

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«Ах ты, мое дитятко сердечное,
Поедешь ты далече во чисто поле,
Постреляешь ты сколько гусей-лебедей
И пушистых, перистых малых уток,
И приедешь ты ко батюшке Израй-реке⁸⁰³...» (112–116)

Акулина Ивановна Моисеева, деревня Березник, Иркутская область:

«А изнимут дни тебя мяжонные,
А изнимут жары тебя Петровския⁸⁰⁴...» (12–13)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«Захотись тебе будет покупатися,
Захотись тебе будет, Добрынюшка, потешиться...»
(117–118)

Акулина Ивановна Моисеева, деревня Березник, Иркутская область:

«Нельзя, дитя, Израй-река⁸⁰⁵ — река быстрая,
Быстрая, шевелистая⁸⁰⁶». (10–11)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«То Израй-река очюнь свирепая⁸⁰⁷...» (26)

⁸⁰³ У Л. Г. Тупицына — «[ко батюшке] Днепру-реке».

⁸⁰⁴ У А. И. Моисеевой — «пятьроўския».

⁸⁰⁵ У А. И. Моисеевой — «Опочай-река».

⁸⁰⁶ У А. И. Моисеевой — «шывелистая».

⁸⁰⁷ У Т. Г. Рябины — «Пучай-река... свирипая».

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Сви́репая⁸⁰⁸ река, сама сердитая, —
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за друго́й же струйки искра сыплется,
Из-за третье́ей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит, да сам со пламенью». (246–250)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«А станешь⁸⁰⁹ ты, серый селезень, поплавати,
И, серый гоголь, поныривать.
Через первую ты струичку переплывешь,
Через втору струичку переплывешь,
Через третью струичку не плавай ты...» (119–123)

Мещанин Сокови́ков, заимка Черноусовая, Нижняя Колыма:

«Еще третья та струя быстрым-быстра». (21)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей Усть-Цилемской волости:

«А третья-то ле струя да зла-омманчива...» (42)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«И тут струи вместе соходятся...» (124)

Мещанин Сокови́ков, заимка Черноусовая, Нижняя Колыма:

«Унесет тебя на море, море синее,
На синее море, море Греческо...» (22–23)

⁸⁰⁸ У П. Л. Калинина — «сви́рипая».

⁸⁰⁹ У Л. Г. Тупицына — «и станешь».

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«И унесет тебя к горам высоким...» (125)

Мещанин Соковилов, заимка Черноусовая, Нижняя Колыма:

«Донесет тебя ко камешку Алатыру...» (24)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«Ко тому тебя ко люту змею;
Пожрет тебя злой Змеишшо-Горынишшо». (126–127)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудоба:

«А не дам я ти прощенья-бласловленьца
Ехать ти, Добрыне, ко Израй-реке⁸¹⁰». (38–39)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Не съезжай-ко ты, молóденькой Добрынюшка,
Да ты дáлече далéче во чистó поле,
Кó тым славным горам да к Сорочинским,
Да ко тым норáм да ко змеиным,
Не топци-ко ты там малых змеёнышев,
Не входи-ко ты во нóры в змеиные⁸¹¹,
Не выпускай-ко пóлонов оттуль расейских...» (16–22)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудоба:

Говорит Добрыня своей матушке⁸¹²:
«Ай же ты родитель, моя матушка!
А даешь мне-ка́ прощение — поеду я,
Не даешь мне-ка́ прощения — поеду я». (42–45)

⁸¹⁰ У И. Фёонова — «Добрыни [ко] Пучай-реки».

⁸¹¹ У Т. Г. Рябинина — «змеиные».

⁸¹² У И. Фёонова — «матушки».

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

То молоденькой Добрынюшка Микитинец
Родной матушки-то он не слушится,
Выходил он со столовой своей горенки
Да й во славные⁸¹³ полаты белокаменны... (30–33)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Скидываёт-то Добрыня платье цветное,
Одевает-то он платицо дорожное,
Налагал-то на головку шляпу земли греческой,
Он уздал-седлал да ведь добра коня,
Налагает ведь он ўздицу тесмянную,
Налагает ведь он потники на потники,
Налагает ведь он войлоки на войлоки,
На верёх-то он седелышко черкасское.
А и туго ведь он подпруги подтягивал,
Сам ли-то Добрыня выговаривал:
«Не для ради красы-басы, братцы, молодецкие,
Для укрепушки-то было богатырские⁸¹⁴».
Ай берет-то ведь Добрыня да свой тугой лук,
Ай берет-то ведь Добрыня калёны стрелы,
Ай берет-то ведь Добрыня саблю острую,
Ай берет копьё да долгомерное,
Ай берет-то он ведь палицу военную,
Ай берет-то Добрыня слугу младаго⁸¹⁵. (48–65)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И стоит его матушка у стремена,
Молода Амельфа Тимофеевна,
И плачет она, как река течет,
И сама говорит таковы слова:
«Ах ты, мое дитятко сердечное...» (108–112)

⁸¹³ У Т. Г. Рябинина — «славныя».

⁸¹⁴ У И. Фёонова — «богатырский».

⁸¹⁵ У И. Фёонова — «младаго».

Певец из села Головино Симбирской губернии:

«Еще жил-был родной батюшка,
Свет сударь Микита Романович...
<...>
Состаримши, переставился!» (25–26; 28)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

«Всё до смерти он наказывал,
Своей жены младой наговаривал:
“Ты останешься беременной,
У тя родится чадо милое,
Чадо милое, единакое,
Нарекем именем Добрынюшкой,
Да Добрынюшкой Микитичём.
Когда будет он на возрасте,
Да он будет на вóзлете.
Он заможет конем владать,
Он конем владать, копьем шурмовать.
Он захочёт бы за охотою,
За охотою погулятисе,
Да бы съездить во чистó полё —
Не давай благословеньица
Ему ездить во чистó полё,
Да выезжать за охотою.
Ну хошь и дашь ему благословеньице
И не дашь благословеньица —
Он захочет он бы ездить же,
Он ведь съездить во чистó поле.
Он найдет он дороженькю,
Всё дороженькю широкую,
По которой я бы ездил нынь.
В ширину была вот косá сажень.
В глубину как до пояса.
<...>
Всё пусть не ездит нынь к Израй-реке⁸¹⁶:
Да Израй-река⁸¹⁷ зла-относлива...”». (5–30; 35–36)

⁸¹⁶ У А. Ф. Пономарёва — «[к] Оки-реки».

⁸¹⁷ У А. Ф. Пономарёва — «[да] река Ока».

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Рощинский Ручей Усть-Цилемской волости:

«А да вынесёт его⁸¹⁸ да на синё морё...» (43)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

«Как ко тем горам высокиим
И горам Сорочинским.
Тут прилётит змея к нему,
Она хочет его целкóм бы съись"...» (40–43)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Рощинский Ручей Усть-Цилемской волости:

«Кабы станет она его⁸¹⁹ кругом облётывать,
А обваживать свои хóботы змеинные;
Не боитца она копейца бурзомецкого,
Не боитца она ведь палицы буёвоей..."» (45–48)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

«Где-то он пушай сорвет полынь-траву,
Да полынь-траву горькую⁸²⁰,
Он сплетет ныне плéточкю,
Он бы плётку троепрядную,
Троепрядну, троехвосткую"».
<...>
Находил Добрынюшка да ведь полынь-траву,
Он сплетал бы плетку троепрядную,
Троепрядну плетку, троехвостую,
Он смолил смолой ту плетку троепрядную...
<...>

⁸¹⁸ У И. В. Торопова — «[да вынесёт] тебя».

⁸¹⁹ У И. В. Торопова — «[она] тебя».

⁸²⁰ У А. Ф. Пономарёва — «горкую».

Ну и дала ему благословеньице
 Ему матушка родимая
 Да с буйной главы до сырой земли,
 Чтобы ездить во чистом полѣ,
 По котору ездил батюшка. (45–49; 137–140; 81–85)

Иван Фепонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Видли-то да добра молодца ведь сядучись,
 Не видали тут удалого⁸²¹ поедучись. (71–72)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

На тья путь шірокой дороженки
 Увидал он брод да лошадиныи,
 По колен было у лошади да в землю грязнуто. (254–256)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

Увидал он-то ископытъ великую
 И поехал по следу да богатырскому. (I: 11–12)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

Посмотрел в подзорну трубочку...
 <...>
 Увидел: едет там полѣница преудалая,
 Ездит да стрелоцкой постреливат... (27; 29–30)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Догнал по́ляницу да великую,
 Он ударил сво́ей палицей булатнею

⁸²¹ У И. Фепонова — «удáлага».

Тую поляницу в буйну голову.
Поляница та назад да не оглянется,
А он, Добрыня, на кони да приужахнется...
<...>

Он назад Добрынюшка воротится,
Приезжал Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дуб около трёх сажон.
Он ударил своей палицей во сырой дуб,
Да росшиб ведь сырой дуб по ластиням,
И сам говорил да таково слово:
«Вся сила у Добрыни есть по-старому.
А верно смелость у Добрыни не по-старому».
Догнал поляницу да великую,
Ударил своей палицей булатнею
Тую поляницу в буйну голову.
Поляница та назад да приоглянется...
<...>

Сама говорит да таково слово:
«Я думала комарики покúсывают?
Ажно русьские могучие богáтыри пошалкивают».

(266–270; 274–285; 302–304)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

Съехались они во чистом полі,
Схватились они дратьца-ратитьца.
Бились-ратились двое суток,
Не пили, не ели и не кушали,
Не ранили друг дружку, не кровавили.
Схватились оны на востры́ копыа,
Не ранили друг друга, не кровавили.
У копей руцки извихались,
Копья в руцках поломались;
Схватились они в рукопашный бой,
Боролись они три часа.
Вот дала ему потяпушу... (38–49)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Ухватит-то Добрыню за желты кудри... (305)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

Взяла его в кожан мешок полóжила,
Повезла его на заставу богатырскую... (50–51)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Испровещится как ейной добрый конь
Ей но голосом да человеческим:
«Молода Настасья, дочь Никулична!
<...>
Сила у богáтыря да сопротив тебя...» (309–311; 313)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

«Не могу везти две силы богатырские!» (53)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорит Настасья дочь Никулична:
«Ежели богáтырь да он старыи,
Я богáтырю да голову срублю.
Ежели богатырь да он младыи,
Я богáтыря да во полón возьму.
Ежели богатырь мне в любовь придёт,
Я теперь ведь за богатыря замуж пойду». (315–321)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

Вынимает из мешка да ведь Добрынюшку,
Увидала она молодца да ведь хорошего:
«Еще как тебя звать, да добрый молодец,
Еще как величать да по отчеству?»
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
«Я из стольного города, из Киева,
А зовут меня Добрынюшка Никитевич». (I: 39–45)
«Хочешь знать мое имя женское?
Я Настасия да дочь Никулична». (II: 54–55)
«Ты возьмешь меня замуж, али не хочется?»
Говорит тут Добрынюшка Никитич же... (I: 46–47)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

«Ой ты, девушка молодёшенька,
Замуж итти еще ранёшенько...» (64–65)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

«Поменяемсе же кольцами золочёныма».
Поменялися они, поцеловалися.
Отыскал тут Добрыня своего коня... (I: 48–50)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Похотелось-то молóдому Добрынюшке⁸²²
Ёму съездити во дáлече чистó поле,
Да й ко тым горам ко Сорочинским,
Да й ко тым норам да ко змеиным.
Й он спустил коня да богатырского⁸²³,
Да й поехал по роздольицу чистú полю.

⁸²² У Т. Г. Рябины — «Добрынюшки».

⁸²³ У Т. Г. Рябины — «богатырского».

Еще день за день как будто⁸²⁴ дождь дождит,
 Да й неделя за неделю, как река, бежит:
 То он день едет по красному по солнышку,
 Да он в ночь ехал по светлому по месяцу,
 Приезжал он ко горам да к Сорочинским,
 Стал он ездить по роздольицу чисту полю,
 Он-то ездил целый день с утра до вечера,
 Потоптал он много множество змеёнышов.
 Й услышал-то тут молбенькой Добрынюшка:
 Ёго доброй конь да богатырский
 Ай стал на ноги да конь припадывать. (51–67)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А пригрело, тут прыжарыло красно солнышко,
 Навалилась на ёго лень-тягость великая;
 А поехал Добрыня ко синю морю. (49–51)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Да приехал он ко славной ко Израй-реке⁸²⁵,
 Становил коня он богатырского⁸²⁶,
 Да й сходил Добрыня со добра коня,
 Посмотрел-то он на славную Израй-реку⁸²⁷.
 Похотелось тут молодому Добрынюшке⁸²⁸
 Покупатися во славной во Израй-реке⁸²⁹;
 Он одёжицу с себя⁸³⁰ снимал всю донага,
 Да й пошел-то он купаться во Израй-реку⁸³¹.
 Там на тую пору на то времечко
 Ай на славной да на Израй-реке⁸³²... (81–90)

⁸²⁴ У Т. Г. Рябины — «[как] быдто».

⁸²⁵ У Т. Г. Рябины — «[ко] Пучай-реки».

⁸²⁶ У Т. Г. Рябины — «богатырского».

⁸²⁷ У Т. Г. Рябины — «[на славную] Пучай-реку».

⁸²⁸ У Т. Г. Рябины — «Добрынюшки».

⁸²⁹ У Т. Г. Рябины — «[во] Пучай-реки».

⁸³⁰ У Т. Г. Рябины — «[с] собя».

⁸³¹ У Т. Г. Рябины — «[во] Пучай-реку».

⁸³² У Т. Г. Рябины — «[на] Пучай-реки».

Кириша Данилов:

Пришел он, Добрыня, на Израй на реку,

Говорил он дружинишке хоробря:

«А и гой еси вы, молодцы удалыя!

Не мне вода греть, не тешити ее».

<...>

Никто молодцы не смеет, никто нейдет,

А молоды Добрынюшка Никитич млад,

Перекрестясь, Добрынюшка в Израй-реку пошел...

(38–41; 44–46)

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

Добрынюшка матушки не слушаё...

<...>

Задумал Микитич он нырём ходить.

А на бережку нырне, на другом вынырне. (7; 9–10)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Перешел Добрыня перву струечку... (104)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей Усть-Цилемской волости:

Хорошо ему, право, да приглянулось... (90)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Перва струя хороша, а друга еще лучше того⁸³³... (89)

⁸³³ У Т. С. Дуркина настоящая строка входит в реплику «маменьки» Добрыни.

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Перешел⁸³⁴ Добрыня другу струечку... (105)

Мещанин Соковилов, заимка Черноусовая, Нижняя Колыма:

Со второй струи назад ворачивается.
Тут сказали его слуги верные:
«А не честь твоя хвала молодецкая,
А не выслуга твоя богатырская,
Не доплыл ты, Добрыня, на третью струю». (31–35)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

У Добрыни сердце возъярилося,
И могучи плечи расходилися... (139–140)

Акулина Ивановна Моисеева, деревня Березник, Иркутская область:

Белые ручки размахалися... (29)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Переставил он матушкино благословеньице. (141)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей Усть-Цилемской волости:

Кабы поплыл Добрыня через третью струю,
А третья-то ле струя да зла-омманчива,
А да вынесла его да на синё морё,
Да стала его носить да по синю морю. (91–94)

⁸³⁴ У Т. Г. Рябины — «перешол».

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И тут струи вместе соходилися,
Унесло его к горам, горам ко пещерам. (142–143)

Мещанин Соковилов, заимка Черноусовая, Нижняя Колыма:

Унесло⁸³⁵ его усть моря, моря синего⁸³⁶.
Того ли синя моря, моря Греческого⁸³⁷,
Донесло⁸³⁸ его ко камешку Алатыру... (38–40)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Из-под западнёй да с-под сторонушки,
Да й не дождь дождит, да й то не гром громит,
Ай не гром громит, да шум велик идет... (111–113)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Увидала с гор⁸³⁹ Змеишо превеликоё,
Привеликоё Змеишо троёглавоё... (63–64)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А не темная ли тёмени затёмнели,
А не черныя тут облаи попадали,
А летит ко Добрынюшке люта́ змея,
А люта́я-то змея да печерская. (84–87)

⁸³⁵ У мещанина Соковилова — «унесла».

⁸³⁶ У мещанина Соковилова — «синяго».

⁸³⁷ У мещанина Соковилова — «Греческаго».

⁸³⁸ У мещанина Соковилова — «донесла».

⁸³⁹ У И. А. Чупова — «з [гор]».

Мещанин Соковилов, заимка Черноусовая, Нижняя Колыма:

Веют крылья ее⁸⁴⁰ гумажные,
Звонят ее хоботы железные... (43—44)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой:

По поднебесью хоботы замётывают... (59)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Налетела над молодого⁸⁴¹ Добрынюшку
Ай змейнышко да то Горынишко,
Ай о трех змейнышко о головах,
О двенадцати она о хоботах;
Налетела⁸⁴² над молодого Добрынюшку... (114—118)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей Усть-Цилемской волости:

А да стала она кругом его облётывать,
А овваживать стала хоботы змеиныя... (96—97)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Говорила-то змеишко таковы слова... (119)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«Уж⁸⁴³ ты ой еси, Добрынюшка сын Микитич млад!
А святы отцы⁸⁴⁴ писали, те прописалисе...» (67—68)

⁸⁴⁰ У мещанина Соковилова здесь и далее — «его».

⁸⁴¹ У Т. Г. Рябины здесь и далее — «молодаго».

⁸⁴² У Т. Г. Рябины — «надлетела».

⁸⁴³ У И. А. Чупова — «уш».

⁸⁴⁴ У И. А. Чупова — «оцыци».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Как волхвы-ти волховали — проволховалисе...» (I: 154)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«А сказали: “От Добрынюшки Змеи смерть придёт⁸⁴⁵”, —
А теперь от Змеи Добрыни смерть пришла⁸⁴⁶!» (69–70)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«А теперь⁸⁴⁷ Добрынюшка в моих руках,
А в моих руках да он в моёй воле⁸⁴⁸!
А’ще что я похочу, то на́д ним сделаю:
Похочу-то я мо́лодого⁸⁴⁹ Добрынюшку,
Похочу Добрынюшку в полон возьму,
Похочу-то я Добрынюшку-то и огнем пожгу,
Похочу-то я Добрынюшку-то и в себя⁸⁵⁰ пожру...» (120–126)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Ишше хошь ли ты, Добрыня, я схвачу тебя
В свои-те двенадцать большы хоботы,
Унесу ты в свои горы Сорочинськия,
Своим детям на съеденьищѣ?» (I: 157–160)

Кириша Данилов:

— «А и гой еси, Змеишша Горынчишша!» (6I)

⁸⁴⁵ У И. А. Чупова — «прыдѣт».

⁸⁴⁶ У И. А. Чупова — «тепере... прышла».

⁸⁴⁷ У Т. Г. Рябины — «[а] топерь».

⁸⁴⁸ У Т. Г. Рябины — «[в моёй] воли».

⁸⁴⁹ У Т. Г. Рябины — «мо́лодаго».

⁸⁵⁰ У Т. Г. Рябины — «[в] собя».

Акулина Ивановна Моисеева, деревня Березник, Иркутская область:

«Изнял⁸⁵¹ ты меня на худом путё,
На худом путё, на жидкой воде». (37–38)

Кириша Данилов:

«На нагое⁸⁵² тело напускаешься!» (63)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшеле, Мезень:

«А да не честь тебе будёт да не похвала нонь...» (92)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«Тело нагое — то же мертвое». (158)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как мастёр был Добрынюшка нырком ходить,
Как горазд-от был Микитич всё понырывать;
А нырнул тут Добрыня во Израй-реку⁸⁵³. (I: 161–163)

Кириша Данилов:

И тут Змей Горынчишша мимо ево пролетел. (64)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Й у того ли у молодого⁸⁵⁴ Добрынюшки
Ёго сердце богатырско не ужахнулось;

⁸⁵¹ У А. И. Моисеевой — «изняў».

⁸⁵² У Кириши Данилова — «[на] ногое».

⁸⁵³ У Г. Л. Крюкова — «[во] Пучай-реку».

⁸⁵⁴ У Т. Г. Рябинина — «молóдаго».

Он горазд был плавать по быстрѣм рекам,
Да й нырнул-то он от бережка ко дру́тому... (127–130)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Плават Добрынюшка во синѣм морѣ,
Плават Добрыня, сам печалитсе. (115–116)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Й он вспомнил тут свою да рѣдну матушку:
«Не велела мне да рѣдна матушка
Уезжать-то дѣлече в чисто полѣ,
Да й ко тым она горам ко Сорочинским,
Да й ко тым норам да ко змеинным,
Не велела мне-ка ездить ко Израй-реке⁸⁵⁵,
Не велела мне купаться во Израй-реке.
Да и не за то ли зде-ка нѣнчу странствую?» (132–139)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Собрал он все силы богатырские,
Нырнул тогда он в быстру струю злу-относчиву,
Вынырнул Добрыня на доброй струе... (117–119)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Выходил Добрыня на крутой берѣг.
Тут змеинищо Горынищо проклятоѣ
Она стала на Добрыню искры сыпати,
Она стала жгать да тела белого⁸⁵⁶.
Й у того ли у молодого⁸⁵⁷ Добрынюшки
Не случилось ничто быть в белых ручушках,

⁸⁵⁵ У Т. Г. Рябинына здесь и далее — «[ко] Пучай-реки», «[во] Пучай-реки».

⁸⁵⁶ У Т. Г. Рябинына — «белаго».

⁸⁵⁷ У Т. Г. Рябинына — «молодаго».

Да и ёму нечем⁸⁵⁸ со змеищом попротивиться.
 Поглянул-то как молоденькой Добрынюшка
 По тому по крутому по бережку,
 Не случилось ничто лежать на крутоём на берегу,
 Ему ничегó взять в белые во ручушки,
 Ёму нечем со змеищом попротивиться.
 Ёна сыплет ёго искрой неутышною⁸⁵⁹,
 Ёна жгёт ёгó да тело белое.
 Только⁸⁶⁰ увидал молоденькой Добрынюшка
 Да й на крутоём да он на бёреги
 То лежит колпак да земли греческой;
 Ён берёт-то тот колпак да во белы ручки,
 Он со тою ли досадушки великою... (141–159)

Мещанин Сокоиков, заимка Черноусовая, Нижняя Колыма:

Нагребал он в тоё шляпу хрущата песка,
 Еще той ли земли, земли греческой... (59–60)

Кириша Данилов:

Бросает шляпу земли греческой
 Со темя пески желтыми
 Ко лютому Змею Горынчишшу, —
 Глаза запорошил и три⁸⁶¹ хобота ушиб. (75–78)

Иван Фепонов, деревня Мелентьевская, Пудоба:

А три хобота отбил да что ни лучших. (102)

⁸⁵⁸ У Т. Г. Рябикина здесь и далее — «нечим».

⁸⁵⁹ У Т. Г. Рябикина строка завершается ремаркой исполнителя — «[неутышною] (так)».

⁸⁶⁰ У Т. Г. Рябикина — «столько».

⁸⁶¹ У Кириши Данилова — «два [хобота]».

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Еще пала-то змея да на сыру́ землю,
На сыру-то зёмлю пала во ковыль-траву.
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Очень смелой был да оворóтистой... (161–164)

Мещанин Соковиков, заимка Черноусовая, Нижняя Колыма:

Отбивал он его хоботы железные,
Обрывал он его крылья гумажные⁸⁶²... (62–63)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Да й скочил-то он змеищу на белы́ груди... (165)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он и сам говорил да таково слово:
«А святы отцы⁸⁶³ писали, те не прописалисе:
А сказали: “От Добрыни Змеи смерть придёт⁸⁶⁴”, —
А теперь ну от Добрынюшки Змеи смерть пришла⁸⁶⁵!» (98–101)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Тут змеинищо Горынищо молиласи:
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!» (168–169)

Оксенья Антоновна Юдина, деревня Матверы, Пинега:

«Уж⁸⁶⁶ ты дай мне сроку да на три годика!»
— «Не дам я сроку да на три месяца⁸⁶⁷!»

⁸⁶² У мещанина Соковикова — «гумажные».

⁸⁶³ У И. А. Чупова — «ошци».

⁸⁶⁴ У И. А. Чупова — «прыдёт».

⁸⁶⁵ У И. А. Чупова — «тепере... прышла».

⁸⁶⁶ У О. А. Юдиной здесь и далее — «ушь» (строка 81), «уш» (строки 83, 84).

⁸⁶⁷ У О. А. Юдиной — «месяця».

— «Уж ты дай мне сроку, на три неделецьки!»
 — «Не дам я сроку на три дёнецька!»
 — «Уж ты дай строку три слова молвити.
 Уж я дам тебе⁸⁶⁸ да три подароцька:
 Що первой подарок — добра комоня;
 Що другой подарок — цветно платицё,
 В веки-на веки да не износitse!» (79—87)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей Усть-Цилемской волости:

По-худому змея да извиваетца,
 А конается удалому доброму молодцу:
 «Ты не бей же меня, да змею лютую,
 Я те дам еще себя⁸⁶⁹, да красную девицу...» (135—138)

Оксенья Антоновна Юдина, деревня Матверы, Пинега:

«В вёки-на веки да не состариться!» (89)

Акулина Ивановна Моисеева, деревня Березник, Иркутская область:

«А не⁸⁷⁰ режь ты груди мои, груди змеинья!»
 <...>
 — «А не надо мне добра комоня⁸⁷¹,
 А не надо мне плаття цвётное, красну девицу⁸⁷².
 Святые отцы писали-отписалися:
 “Не бывать Змеишшу Тугарышшу,
 Не бывать Змеишшу Тугарышшу на свете живому быть”».
 (50; 53—57)

⁸⁶⁸ У О. А. Юдиной — «тобе».

⁸⁶⁹ У И. В. Торопова — «ище себя».

⁸⁷⁰ У А. И. Моисеевой здесь и в двух последующих случаях (строки 53, 54) — «ни».

⁸⁷¹ У А. И. Моисеевой — «[ни] надо, грит, [мне] твое плаття».

⁸⁷² У А. И. Моисеевой — «а ни надо [мне плаття цвётное], плаття драгоценное».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как ту змея ёму всё взмолиласе,
Она клятву кляла всё ёму великую:
«Уж ты гой еси, Добрыня сын Никитич млад!
Не моги меня казнить, моги помиловать;
А да назади лиха тебе не делала,
Ишше впредь тебе лиха не сделаю...» (I: 178–183)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Не убей меня да змеи лютою,
Да спусти-тко полетать да по белу свету.
Мы напишем с тобой записи промеж собой,
То велики записи немалые⁸⁷³:
Не съезжаться бы век по веку в чистом поле⁸⁷⁴,
Нам не делать бою драки кроволития промеж собой,
Бою драки кроволития великого⁸⁷⁵». (170–176)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Проговорит Добрыня Никитич млад:
«Ты врешь, собака, неустойчивой!»
Говорит тут змей Горынишшо... (195–197)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Мы положим-ко, Добрынюшка, с тобой заповедь,
Уж мы заповедь с тобой да всё великую:
Тебе, Добрынюшка, не ездить на ти горы да Сарачийския,
Не губить-то моих же да малых деточек,
Ишше тех ли всё моих змеёнышей,
Мне не лететь-то же боле на святую Русь...» (98–103)

⁸⁷³ У Т. Г. Рябины — «немалыи».

⁸⁷⁴ У Т. Г. Рябины — «[в чистом] поли».

⁸⁷⁵ У Т. Г. Рябины — «великаго».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Не носить с Руси народу православного
А на ты же на горы Сорочинския...» (I: 186–187)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«А не буду я летать да по святой Руси,
А не буду я пленить большё богатырей,
А не буду я давить да молодых жен⁸⁷⁶,
А не буду сиротать да малых детушек,
А ты будь-ко мне, Добрыня, да ты большой брат,
Я буду, змея, да сестрой меньшою». (107–112)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«Я дам тебе добра коня богатырского,
Я дам тебе потнички не почены,
Я дам тебе коврички не держаны,
Я дам тебе седельшко черкасское
И со всю сбруей богатырскою». (200–204)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А на ты лясы Добрыня приукинулся... (113)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ишше Добрынюшка же был да очунь же млáдой он,
И Микитич же ума-разума не крепкого,
Он поверил змеи лютою... (110–112)

⁸⁷⁶ У И. Фёопова — «жон».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ён скорёшенько сходил-то со белой груди;
Написали они⁸⁷⁷ записи промёж собой,
То велики они записи немалые⁸⁷⁸.
«Не съезжаться бы век по́ веку в чистом поле⁸⁷⁹,
Нам не делать бою драки кроволитьица промёж собой».
(178–182)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А спустил живу Добрыня змею лютую,
Как приложились⁸⁸⁰ двенадцать больши хоботы,
Как вспорхнула змея со сырой земли,
Полетела змея по-под небеса... (I: 189–192)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И улетел змеишшо в пещеры глубокие,
И подделал себе крылья бумажные... (209–210)

Иван Матвеевич Мяхнин, село Гридино, Кемский уезд:

А она опять хобота нарастила. (С. 50)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А да полетела змея⁸⁸¹ не на горы Сорочинския,
Полетела она на святую Русь. (I: 193–194)

⁸⁷⁷ У Т. Г. Рябины здесь и далее — «оны».

⁸⁷⁸ У Т. Г. Рябины — «немалыи».

⁸⁷⁹ У Т. Г. Рябины — «[в чистом] поли».

⁸⁸⁰ У Г. Л. Крюкова — «[как] приложил вси».

⁸⁸¹ У Г. Л. Крюкова — «[полетела] она».

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Настигает ведь Добрыню во чистом поли,
 Во чистом поли Добрынюшку да темна ночь.
 А тут столбики Добрынюшка розставлял,
 Белополотняный шатер да он роздёргивал,
 А тут-то Добрыня опочив держал.
 А встает-то Добрыня по утру рано,
 Умывался ключевой водой белешенько,
 Утирался в полотно-то миткальное,
 Господу Богу да он молится,
 Чтобы спас его⁸⁸² Господь, помиловал.
 Ай выходит-то Добрыня со белá шатра... (117–127)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей Усть-Цилемской волости:

Собиратца стал удалой⁸⁸³ доброй молодец,
 Он сломал свой шатёр да белобархатной,
 Оседлал⁸⁸⁴ он коней да право добрых,
 А сажился-сподобился⁸⁸⁵ доброй молодец...
 <...>
 Он нещадно повёз да золотой казны... (149–152; 154)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как сел-то Добрыня на добра коня... (I: 195)
 Как задумал тут Добрынюшка женитисе... (II: I)

⁸⁸² У И. Фёонова — «меня».

⁸⁸³ У И. В. Торопова — «юдалой».

⁸⁸⁴ У И. В. Торопова — «обседлал».

⁸⁸⁵ У И. В. Торопова — «садилса-сподобилса».

Женитьба Добрыни

Источники текста

- Семён Корнилов, деревня Курьяница, Кижская волость* (Настасья Никулична: [Былина] № 113 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 271–272.)
- Терентий Иевлев, Волк-остров, Кижская волость* (Микула Селянинович: [Былина] № 98 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 208–209.)
- Кижский певец* (На Соколе-корабле: [Былина] № 61 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 317–318.)
- Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* ([I] Женитьба Добрыни: [Былина] № 72 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 311–314; [II] Добрыня и Змея: [Былина] № 73 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 314–319.)
- Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост* (Добрыня и змей: [Былина] № 148 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 443–453.)
- Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район* (Как Добрыня женился: [Былина] № 81 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 227–228.)
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье* (Добрыня и Змей: [Былина] № 79 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 55–69.)
- Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост* (Добрыня Никитич: [Былина] № 5 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 31–63.)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район (Добрыня и Алеша: [Былина] № 2 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 52–55.)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижа, Кулой (Купанье, бой со змеей, женитьба на избавленной девице и стояние Добрыни на заставе и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 301 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463–469.)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей, Печора (Добрыня и Змея: [Былина] № 59 // [Ончуков Н.Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 247–251.)

Иван Фёдорович Мелентьевская, Пудоба (Добрыня и Змей: [Былина] № 59 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 438–450.)

Семён Корнилов, деревня Курьяница, Кижская волость:

Начинается рассказ люди добрые⁸⁸⁶ для вас,
Как оратай-тот орёт да ведь подсвистывае.
У оратая сошка поскрыпливае,
У оратая сошка красна́ деревá,
У оратая омешики сере́бряны́е,
А присошок красна́ золотá.
<...>
Кудри у мо́лодца качаются,
Не скачён жемчуг да рассыпается⁸⁸⁷;
Брови как черного⁸⁸⁸ соболя,
А гла́зы как ясно́го⁸⁸⁹ сокола. (1–6; 11–14)

⁸⁸⁶ У С. Корнилова — «розсказ... добрыи».

⁸⁸⁷ У С. Корнилова — «розсыпается».

⁸⁸⁸ У С. Корнилова — «чернаго».

⁸⁸⁹ У С. Корнилова — «яснаго».

Терентий Иевлев, Волк-остров, Кижская волость:

Микулушка Селянинович
Была у него кобыла Подыми-голова⁸⁹⁰.
Как тут Микулушка орал да пахал⁸⁹¹,
А он сосенки⁸⁹² да ёлки в борозду валил,
А он⁸⁹³ ржи-то напахал да домой выволочил,
Домой выволочил да дома вымолотил,
А он пива накурил, да гостей назвал.
Стали пиво пить да все Микулушку хвалить:
«А тебе было Микулушке орать да пахать,
Да тебе Микулушке крестьяновать!»

Был он Микулушка во городе во Киеве:
А он вывез-то соли оттуль два меха,
А во который мех походит пудов по сороку. (1–13)

Семён Корнилов, деревня Курьяница, Кижская волость:

А 'ще было-то у молодца похожено,
А у доброго⁸⁹⁴ было поезжено
На том ли на Соколи на батюшке,
А на бóльшом кáрабли;
У того у Сокола у батюшки,
А у бóльшего⁸⁹⁵ у кáрабля,
Нос, корма — по-звериному.
А бока-ты были по-змеиному;
На том ли на Соколи на батюшке,
А и на бóльшом кáрабли,
Снасти, канаты были шёлковы,
Паруса были полóтняны.
На том ли на Соколи на батюшке,
Да на бóльшом кáрабли,

⁸⁹⁰ У Т. Иевлева — «Подыни-голова».

⁸⁹¹ У Т. Иевлева — «махал».

⁸⁹² У Т. Иевлева — «ён сосонки».

⁸⁹³ У Т. Иевлева здесь и далее — «ён».

⁸⁹⁴ У С. Корнилова — «добраго».

⁸⁹⁵ У С. Корнилова — «бóльшаго».

Якори были булатные,
Булата железа заморского⁸⁹⁶;
На том ли на Соколи на батюшке,
А и на большом карабли,
Флюгера-то были да дорогóй камки;
А 'ще на том ли на Соколи на батюшке,
Да на большом карабли,
Была поляница удалая:
А ж...ка у ней крутенька по-женьскому,
Поступочка у ней частенька по-женьскому,
Поговорюшка у ней гладенька по-женьскому. (15—39)

Кижский певец:

Быть ли не быть — Настасьи Микуличной! (27)

Семён Корнилов, деревня Курьяница, Кижская волость:

Тут-то Настасье славу поют. (41)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Как задумал тут Добрынюшка женитисе...
<...>
А поехал он, Добрынюшка, во чисто полё...
<...>
Он ехал путём-дорогою,
А он всю-то ехал тёмну ноченьку;
А доехал до того жо до восходу солнца⁸⁹⁷ красного,
До заката-ту светла ясна месяца⁸⁹⁸.
Как по ўтру-ту было по раннему,⁸⁹⁹
По восходу-ту было да солнца⁹⁰⁰ красного —

⁸⁹⁶ У С. Корнилова — «железа заморского».

⁸⁹⁷ У Г. Л. Крюкова — «соньця».

⁸⁹⁸ У Г. Л. Крюкова — «месеця».

⁸⁹⁹ У Г. Л. Крюкова — «ранному».

⁹⁰⁰ У Г. Л. Крюкова — «соньця».

А сидела-то Настасья под окошечком⁹⁰¹,
Она видяла этого дородня добра молодца:
А он в город-от ехал не воротами,
Не воротами да не широкима,
Скакал он через стену городовую⁹⁰².
Ише мать сыра земля да потрясалася,
А палаты⁹⁰³ ихны колыбалисе.
А приехал он да на широкой двор,
Заезжал-то он да среди двора,
Соходил-то он да со добра коня,
А вязал-то он коня да к дубову столбу,
К дубову столбу да к золоту кольцу⁹⁰⁴;
Сам он пошел⁹⁰⁵ на краснó крыльцо⁹⁰⁶,
Со краснá крыльця да на новы сени:
«Уж ты здравствуй-ко, Микула Селянинович⁹⁰⁷!»
— «Уж ты здравствуй-ко, дороднёй доброй молодец!
Я не знаю твоего⁹⁰⁸ ни имени, ни отчины,
А не звеличети да по отечесьву».
— «Мня по имени зовут Добрынюшкой Никитичем».
— «Ты пошьто ко мне приехал?
А послом ко мне приехал пословать из города из Киева,
От ласкова князя Владимира?»
— «Не послом-то я приехал к тебе пословать...
<...>
Я приехал к тебе⁹⁰⁹ сватом свататься⁹¹⁰.
А отдай-ко ты Настасью за меня всё в замужесью,
Уж ты с чести ведь отдай за меня, с радости;
Ише с чести не отдашь, дак я боём возьму,
С той да дракой кроволитною».
Отвечает Микулушка⁹¹¹ да таковы речи:

⁹⁰¹ У Г. Л. Крюкова — «окошочком».

⁹⁰² У Г. Л. Крюкова — «ён ехал по широку двору к полатам королевским».

⁹⁰³ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «полаты».

⁹⁰⁴ У Г. Л. Крюкова — «кольчу».

⁹⁰⁵ У Г. Л. Крюкова — «пошел».

⁹⁰⁶ У Г. Л. Крюкова — «крыльцё».

⁹⁰⁷ У Г. Л. Крюкова — «король Микулин!»

⁹⁰⁸ У Г. Л. Крюкова — «твоего».

⁹⁰⁹ У Г. Л. Крюкова — «[к] тебе».

⁹¹⁰ У Г. Л. Крюкова — «свататься».

⁹¹¹ У Г. Л. Крюкова — «[отвечает] ему король».

«Уж гой еси, молодой мальчишка⁹¹² жа!
А скричу я палачей своих да немилóбстивых;
А опутают тебя во пúтины шелкóвые,
Повалят тебя на колодку белодúбову,
Отсекут твою буйну голову».
Говорит-то Добрыня во второй након:
<...>
«А отдай-ко ты Настасью за меня замúж,
А без драки отдай да кроволитняя,
Уж ты с чести ведь отдай, с радости великия»
<...>
— «Я скричу-то палачей да немилóбстивых;
А опутают тебя во пúтины шелкóвые,
А уведут тебя да на широкой двор,
Повалят тебя на колодку белодúбову
Отсекут-то тебе буйну голову».
<...>
Говорил-то Добрыня по-в третей након...
<...>
Пошел Микула⁹¹³ да из палаты вон,
А пошол-то к своей дочери любимая,
А как к той жо дочóчки к Настасьи Микуличьни.
«Уж ты гой еси, Настасья дочь Микуличья!
Как приехал из Киева богáтырь жо,
А как сватайтýсь за тебя замуж,
На тебе жа, Настасьи, белой лебеди;
Как ведь сам он похваляйтýсь таковы речи:
Ише с чести не отдам, дак “я боём возьму,
С той да дракой кроволитною”».
Говорила Настасья таковы речи:
«Уж ты гой еси да мой да родной батюшко!
Я ведь видала⁹¹⁴ да чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное⁹¹⁵:
Со восточню-ту сторонку как бы туча тучилась,
Туча тучилась, как бы гром гремел,
Частый мелкий дождик шел⁹¹⁶;

⁹¹² У Г. Л. Крюкова — «мальчишко».

⁹¹³ У Г. Л. Крюкова — «[пошел]-то король».

⁹¹⁴ У Г. Л. Крюкова — «видала».

⁹¹⁵ У Г. Л. Крюкова — «дивноё».

⁹¹⁶ У Г. Л. Крюкова — «частой мелкой дожжык ишел».

Немного тому время миновалосе,
 Наехал дородней доброй молодец;
 Скакал он через стену городовую,
 Ехал он широким двором...

<...>

Мать-сыра земля потрясаласе,
 Наши палаты колыбалисе.
 Отдавай ты меня с чести⁹¹⁷, с радости,
 Без той же без драки кроволитняя;
 Не губи ты народу по-напрасному».
 А пошел-то Микула⁹¹⁸ вон из светлой светлицы...

<...>

А берёт Добрыню за белы́ руки,
 А целует-ту⁹¹⁹ Добрыню во уста сахárния,
 А повёл-то он к Настасьи в светлу светлицу.
 Как сидела Настасья на стуле-то⁹²⁰ да рыта бархата,
 Она скоро скакала на резвы́ ноги,
 А брала она Добрыню за белы́ руки,
 Целовала⁹²¹ Добрынюшку в уста сахárныя...

(I: 1; 5; 7–38; 40–51; 54–56; 58–62; 52;
 63–83; 85–90; 92–98)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорит Настасья да Микулична:
 «Ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
 Мы поедем с то́бой ко́ граду ко Киеву,
 Да ко ласкову ко князю ко Владимиру...» (324–327)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

«...Ко твоей ли родимоей ко матушке,
 Повенчаемся с тобой да в церкви Божией». (58–59)

⁹¹⁷ У Г. Л. Крюкова — «[с] чеши».

⁹¹⁸ У Г. Л. Крюкова — «[а] пошол-то король да».

⁹¹⁹ У Г. Л. Крюкова — «[а] челюёт-ту».

⁹²⁰ У Г. Л. Крюкова — «[на] стули-то».

⁹²¹ У Г. Л. Крюкова — «целовала».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Собираласе Настасья ехать с Добрыней в славной Киев-град;
А как брал-то Добрыня ей за праву́ руку,
А повёл-то Добрыня на широкой двор... (I: 101–103)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ай садил-то он Настасью⁹²² на добра́ коня,
На добра́ коня садил ю к головý хребтом,
Сам Добрынюшка садился к головý лицом⁹²³,
Да й поехал-то Добрыня в стольнё Киев-град. (459–462)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Как поехал он из города воротами да не широкими⁹²⁴,
А скакал-то через стену городовую,
Через ту жа башню наугольную.
Приезжает⁹²⁵ он во красён Киев-град,
А к своему⁹²⁶ широку́ двору. (I: 108–112)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

...А к своей было к родимой ко матушке⁹²⁷,
А к честной вдове Омельфе Тимофеевне⁹²⁸,
А встречает тут родитель ёго матушка
А честна́ вдова Омельфа Тимофеевна
И сама же у Добрынюшки да спрашивают:
«Ты кого привез, Добрыня сын Никитинич?»... (706–711)

⁹²² У Т. Г. Рябикина — «ён Забаву».

⁹²³ У Т. Г. Рябикина — «лицём».

⁹²⁴ У Г. Л. Крюкова — «широкима».

⁹²⁵ У Г. Л. Крюкова — «приежаёт».

⁹²⁶ У Г. Л. Крюкова — «своёму».

⁹²⁷ У П. Л. Калинина — «к родители ко матушки».

⁹²⁸ У П. Л. Калинина здесь и далее — «Офимья Олександровной», «Офимья Олександровна».

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

Говорит он маменьке родимой:
«Я нашел невесту богосужену,
Во чистом поле богатырицу удалую.
Силушкой едва не сильней меня,
Смётушкой едва не сметней меня,
Обещал ей я в замужество взять,
Обручился я золотым кольцом». (72–78)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой:

«Приму я с ей закон Божий-от⁹²⁹...» (124)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

Зрадовáлася тут да его матушка...
<...>
Сын приехал домой да с молодою женой. (61; 63)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Целовала-то она⁹³⁰ Настасью во уста сахárные,
А вела-то она во свои-ти светлы свётлици,
Во столовы новы горницы⁹³¹. (I: 115–117)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой:

Дала ему родна маменька благословеньицё.
Пошли они тут во Божью церковь⁹³²,
И прымали они закон Божий-от⁹³³. (126–128)

⁹²⁹ У Ф. К. Шуваевой — «Божей-от».

⁹³⁰ У Г. Л. Крюкова — «целовала-то».

⁹³¹ У Г. Л. Крюкова — «горницы».

⁹³² У Ф. К. Шуваевой — «церкофь».

⁹³³ У Ф. К. Шуваевой — «Божей-от».

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

Собиралися на свадьбу да все богатыри,
Приезжал-то старбй казак Илья Муромец,
Приходил князь Владимир со княгинею Апраксией. (65—67)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Заводилась у Добрыни свадёбка:
На отцовско-то⁹³⁴ место сам Владимир-князь⁹³⁵,
А сватьей Владимира да молода жена⁹³⁶,
А тысяцким⁹³⁷ старой казак Илья Муромец,
А дру́жком-то у их Олёшенька поповский⁹³⁸ сын.
Повенчался⁹³⁹ тут Добрынюшка Микитич сын
На той же⁹⁴⁰ Настасьи дочери Микулични.
<...>
Все⁹⁴¹ были на пирах пьяны, вёселы. (I: 119—125; 127)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей, Печора:

Пировали-столовали трои суточки;
После того было ищэ после пира,
Выводили, повалили во теплу лежню. (170—172)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой:

Много ли, мало поры-времени,
Отошел⁹⁴² у их поцесьен пир... (132—133)

⁹³⁴ У Г. Л. Крюкова — «[на] отцёвсько-то».

⁹³⁵ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «Владимер-князь», «Владимера».

⁹³⁶ У Г. Л. Крюкова — «жона».

⁹³⁷ У Г. Л. Крюкова — «тысячким».

⁹³⁸ У Г. Л. Крюкова — «поповської».

⁹³⁹ У Г. Л. Крюкова — «повенчалсе».

⁹⁴⁰ У Г. Л. Крюкова — «[на той] же».

⁹⁴¹ У Г. Л. Крюкова — «вси».

⁹⁴² У Ф. К. Шуваевой — «отошол».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А во ту пору, во то время
А гуляла-то в саду Забава Путятична⁹⁴³,
А любима-та князя племянница⁹⁴⁴... (II: 216–218)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Да й летела-то змеишо через Киев-град,
Ко сырôй земли змеинишо припада́ла... (192–193)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ухватила ей в двенадцать своих хоботы... (II: 220)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Унесла она у князя у Владимира⁹⁴⁵,
Унесла-то плѣмничку любимую
Да прекрасную Забавушку Путятичну. (194–196)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Унесла она на горы Сорочинские⁹⁴⁶. (II: 221)

⁹⁴³ У Г. Л. Крюкова — «душа Марфа Дмитриевна».

⁹⁴⁴ У Г. Л. Крюкова — «племянница».

⁹⁴⁵ У Т. Г. Рябинина — «Владымира».

⁹⁴⁶ У Г. Л. Крюкова — «Сорочиньская»; в оригинальной записи эта и две предыдущие цитаты входят в реплику «малых робяточок».

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудоба:

А встает-то Добрыня по утру рано,
Умывался ключевой водой белешенько,
Утирался в полотно-то миткальное,
Господу Богу да он молится,
Чтобы спас его⁹⁴⁷ Господь, помиловал.
Ай выходит-то Добрыня на широкой двор⁹⁴⁸... (122—127)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А он едет по городу по Киеву... (II: 207)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудоба:

А не темная ли тѣмени затѣмнели,
А не черная тут облаци попадали, —
Летит по воздуху люта змея,
Ай несет змея да дочку царскую,
Царскую-ту дочку княженицкую,
Молоду Забаву Путятичну⁹⁴⁹. (128—133)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А сидит Добрыня на добром кони да призадумался.
Призадумался да прикручинился:
«А што омманила меня да змея лютая!
Мне не честь⁹⁵⁰ будет⁹⁵¹, похвала да богатырская,
А не выслуга мне будет да молодецкая». (II: 223—227)

⁹⁴⁷ У И. Фёонова — «[чтобы спас] меня».

⁹⁴⁸ У И. Фёонова — «[Ай выходит Добрыня] со белѣ шатра...»

⁹⁴⁹ У И. Фёонова — «Марфиду Всеславьевну».

⁹⁵⁰ У Г. Л. Крюкова — «честь».

⁹⁵¹ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «будет».

Отъезд Добрыни

Источники текста

- Иван Павлович Сивцев, деревня Поромское, Кенозеро** (Добрыня в отъезде, Алеша Попович: [Былина] № 16 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. — Петрозаводск : Губернская тип., 1864. — С. 69–75.)
- Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога** (Добрыня и Змей: [Былина] № 59 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 438–450.)
- Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой** (Купанье, бой со змеей, женитьба на избавленной девице и стояние Добрыни на заставе и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 301 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463–469.)
- Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости** (Добрыня Никитич и отец его Никита Романович [Бой со змеем]: [Былина] № 3 // Былины и исторические песни из Южной Сибири. — Новосибирск : Новосибирское обл. гос. изд-во, 1939. — С. 43–51.)
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье** ([I] Добрыня и Змей: [Былина] № 79 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 55–69; [II] Добрыня Никитич и Василий Казимирович: [Былина] № 27 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 146–172.)
- Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря** (Добрыня и Змея: [Былина] № 73 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 314–319.)
- Марфа Трофимовна Котова, деревня Масельга, Повенец** (Добрыня и Алеша: [Былина] № 26 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 203–208.)

- Калика Латышов, деревня Кузнецово, Пудожский уезд** (Добрыня Никитич и битва с Невежею: [Былина] № 5 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 13–14.)
- Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога** (Добрыня Никитич. Жена за другого: [Былина] № 7 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 21–33.)
- Олонецкий певец** (Добрыня в отъезде; Алеша Попович: [Былина] № 25 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 129–139.)
- Фёдор Александрович Корсаков, деревня Костино, Песчанская волость** (Добрыня и Алеша: [Былина] № 23 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 186–195.)
- Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье** ([Добрыня и Василий Казимирович]: [Былина] № 108 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 481–495.)
- Калика из Красной Ляги** (Добрыня Никитич. Купанье в реке. Жена вышла за другого: [Былина] № 6 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 14–20.)
- Кириша Данилов** (Добрыня Чудь покорил [«В стольном городе в Киеве...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 106–110.)
- Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря** (Как женился Добрынюшка Микитич млад [Добрыня и Змей, женитьба Добрыни, Добрыня в отъезде]: [Былина] № 98 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 284–303.)
- Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора** (Про Добрыню: [Былина] № 45 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 144–148.)
- Иван Емельянович Чупров, деревня Аврамовская, Усть-Цилемский район** (Микита, сын Романович: [Былина] № 60 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 377–378.)
- Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Кижы** (Добрыня и Алеша: [Былина] № 145 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 430–435.)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшетье, Мезень (Купанье и бой Добрыни со Змеем и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 342 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 184–195.)

Донской казак (Добрыня возвращается со службы: [Былина] № 36 // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. — М. : Синодальная тип., 1908. — С. 94–95.)

Певец из Алексинского уезда Тульской губернии (Добрыня Никитич: [Былина] № I/2 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 2–3.)

Иван Павлович Сивцев, деревня Поромское, Кенозеро:

Во стольном городе во Киеве... (12)

Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога:

А Владимир-князь да стольне-киевской,
Начинает-то Владимир да почестной пир
А на многия на князи да на бóяры
А на сильных могучих⁹⁵² богатырей,
На тех⁹⁵³ пáляниц да на удалых,
На всех зашлых да добрых молодцов. (138–143)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой:

И зовут уж Добрынюшку ко Владимиру⁹⁵⁴ на поцесьен пир
И со тою с Настасьёй с молодой женой⁹⁵⁵. (134–135)

⁹⁵² У И. Фёдорова — «[а на] сильниих могучиих [богатырей]».

⁹⁵³ У И. Фёдорова — «[на] тых [пáляниц]».

⁹⁵⁴ У Ф. К. Шуваевой — «[и зовут] уш [Добрынюшку] ко Владимиру».

⁹⁵⁵ У Ф. К. Шуваевой — «жоной».

Иван Фёпонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай пошел⁹⁵⁶ Добрыня да во свой-от дом,
Приходил Добрыня к своей матушке⁹⁵⁷,
Во свою-то он гридню во столовую,
А садился он на лавочку брусовую.
<...>
Ай говорит-то ведь Добрыня своей матушке:
«Ай же ты родитель, моя матушка!
Дай-ко ты Добрыне мне прощеньицо,
Дай-ко мне Добрыне благословеньицо,
А поеду я, Добрыня, на почестной пир
Ко ласкову князю ко Владимиру».
Ай говорила-то Добрыне рѣдна матушка:
«А не дам я ти Добрынюшке⁹⁵⁸ прощеньица,
А не дам я ти Добрыне благословеньица,
Ехать ти Добрыне на почестной пир
Ко ласкову князю ко Владимиру;
Ай живи-тко ты, Добрыня, во своём доме,
Во своём доме, Добрыня, своей матушки,
Ешь ты хлеба-соли досыта⁹⁵⁹,
Пей зелена вина ты дѣпьяна,
Носи-тко золотой казны ты долюби».
Ай говорит-то ведь Добрыня родной матушке:
«А й же ты родитель, моя матушка!
А даешь мне-ка прощение — поеду я.
Не даешь мне-ка прощения — поеду я».
Дала мать Добрынюшке прощеньицо,
Дала мать Добрыне благословеньицо.
А справляется Добрыня, снаряжается,
Обувает он сапожики на ноженьки зелѣн сафьян,
Одевает-то Добрыня платьѣ цветное,
Налагает ведь он шапку во пятьсот рублей,
Ай выходит-то Добрыня на широкой двор,
Он уздает-седлает коня доброго⁹⁶⁰...
<...>

⁹⁵⁶ У И. Фёпонова — «[ай] пошел».

⁹⁵⁷ У И. Фёпонова здесь и далее — «матушки».

⁹⁵⁸ У И. Фёпонова здесь и далее — «Добрынюшки», «Добрыни».

⁹⁵⁹ У И. Фёпонова — «досыти».

⁹⁶⁰ У И. Фёпонова — «[он] уздае-седлае [коня] добраго».

Садился ведь Добрыня на добра́ коня,
Приезжает-то Добрыня на широкий⁹⁶¹ двор,
Становил коня-то посреди двора,
Он вязал коня к столбу то́ченому,
Ко тому ли-то колеску золоче́ному.
Ай приходит он во гридню во столовую,
А глаза-ты он крестит да по-писа́ному,
Ай поклон тот ведет да по-уче́ному,
На все⁹⁶² стороны Добрыня поклоняется,
А и князю со княгиней⁹⁶³ в особину.
Ай проводили-то Добрыню во большо́ место,
А за те за эти⁹⁶⁴ столы за дубовые⁹⁶⁵,
А за тьи ли за яства⁹⁶⁶ за саха́рные,
А за тьи ли за питья за медвяные.
Наливали ему чару зеленá вина,
Наливали-то вторую пива пьяного⁹⁶⁷,
Наливали ему третью меду сладкого,
Слили эти чары в еди́но место, —
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А и принимал Добрыня еди́ной рукой,
Выпивает-то Добрыня на еди́ный дух.
Ай Владимир-то князь да стольнё-киевский⁹⁶⁸
А по гридни по столовой он похаживат,
Сам он на́ богáтырей посматриват,
Говорит да таково слово:
«Ай же сильные могучие⁹⁶⁹ богáтыри!»
(134–137; 144–171; 183–209)

⁹⁶¹ У И. Фепонова — «[на] широкой [двор]».

⁹⁶² У И. Фепонова — «[на] вси».

⁹⁶³ У И. Фепонова — «[со] княгиною».

⁹⁶⁴ У И. Фепонова — «[а за] ты [за] эти [столы]».

⁹⁶⁵ У И. Фепонова здесь и далее — «дубовый», «сахáрный», «медвяный».

⁹⁶⁶ У И. Фепонова — «ества».

⁹⁶⁷ У И. Фепонова здесь и далее — «пьяного», «сладкого».

⁹⁶⁸ У И. Фепонова — «стольнё-киевской».

⁹⁶⁹ У И. Фепонова — «сильнии могучии [багáтыри]».

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«Случилось несчастьицо великое:
Вечор было поздым-поздѣшенько,
И ходила Забава⁹⁷⁰ в зеленом саду,
И ступала Забава с камня на камень,
Со бела камня ступала на люта змея;
И обвивался Змеишшо–Горынишшо,
Обвивался вкруг резвых ног;
И сажил ее змеишшо на могучи плечи
И унес ее в пещеры глубокие»⁹⁷¹. (234–242)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«А накину на вас службу я великую:
Съездить надо во Тугі горы,
Ай во Тугіи горы съездить ко лютой змее⁹⁷²,
А за нашею племянницей⁹⁷³ за царскою...» (210–213)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Есть ли в нашем во городе во Киеве⁹⁷⁴
Таковы люди, чтобы съездити им да во чисто поле,
Кó тем славным горам да Сорочинским⁹⁷⁵,
Кó тем славным норам да ко змеиным⁹⁷⁶,
Кто бы мог сходить во нóры во змеиные⁹⁷⁷,
Кто бы мог достать да племничку любимую,
А прекрасную Забавушку Путятичну?»
Таковых людей во граде не находится;

⁹⁷⁰ У Л. Г. Тупицына здесь и далее — «княгиня».

⁹⁷¹ У Л. Г. Тупицына приведённый фрагмент входит в реплику «родимой матушки» Добрыни.

⁹⁷² У И. Фёонова — «[ко] лютой змеи».

⁹⁷³ У И. Фёонова — «[а за нашею] за дочкою [за царскою]».

⁹⁷⁴ У Т. Г. Рябины — «[в] нашѣм [во] городе [во] Киеви».

⁹⁷⁵ У Т. Г. Рябины — «[кó] тым славным [горам да] сорочинским».

⁹⁷⁶ У Т. Г. Рябины — «[кó] тым славным [норам да ко] змеиным».

⁹⁷⁷ У Т. Г. Рябины — «[во] змеиныи».

Не могу́т-то съезди́ти во да́лече чи́сто поле,
Ко́ тем славным ко го́рам ко Сорочинским⁹⁷⁸,
Да ко тем нора́м да ко змеиным⁹⁷⁹. (I: 222–232)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Большой-от ту́ляется за среднего⁹⁸⁰,
Средний-то скрывается за меньшего⁹⁸¹,
А от меньшего от чину́ им ответу́ нет;
З-за того́ ли з-за стола́ за среднего⁹⁸²
А выходит-то Се́мен тот ба́рин Кара́мышецкой,
Са́м он згово́рит да тако́во сло́во:
«Ах ты ба́тюшка Влади́мир сто́льнё-киевский⁹⁸³!
А был-то я вчера́сь да во чи́сто́м поли́,
Ви́дел я До́брыню у Изра́й-реки⁹⁸⁴, —
Со зме́ёю-то До́брыня дра́лся-рати́лся,
А змея́-то ве́дь До́брыне изви́няласи́,
Назы́вала-то До́брыню бра́том больши́им,
А наре́кала-то се́бя да се́строй ме́ньшою». (215–227)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ту́т Олеше́нька Леонтьевич⁹⁸⁵ по го́ренке по́хажива́т,
Посло́вечно князю́ вы́говарива́т:
«Ты Влади́мир князь да сто́лен-киевский⁹⁸⁶!
Ай на́кинь-ко ту ве́дь слúжобку ве́ликую́,
Да ве́лику слúжобку не́малую́,
На то́го да на мо́ло́дого⁹⁸⁷ До́брыню́шку,
Что́бы съезди́л он в да́лече чи́сто по́лѣ́,

⁹⁷⁸ У Т. Г. Ряби́нина — «[ко́] тым [славным ко го́рам ко] сорочинским».

⁹⁷⁹ У Т. Г. Ряби́нина — «[да ко] тым [нора́м да ко] змеиным».

⁹⁸⁰ У И. Фёонова — «средня́го».

⁹⁸¹ У И. Фёонова здесь и да́лее — «меньша́го».

⁹⁸² У И. Фёонова — «сре́дняго».

⁹⁸³ У И. Фёонова — «сто́льнё-киевско́й».

⁹⁸⁴ У И. Фёонова — «[у] Пу́чай-реки».

⁹⁸⁵ У Т. Г. Ряби́нина — «Григо́рьевич».

⁹⁸⁶ У Т. Г. Ряби́нина — «[ты] Влади́мир князь да [сто́лен-киевско́й]».

⁹⁸⁷ У Т. Г. Ряби́нина — «мо́ло́даго».

Кó тем славным ко горам да Сорочинским⁹⁸⁸,
 Да сходил бы он во норы во змеиные⁹⁸⁹,
 Отыскал бы твою племничку любимую,
 Да прекрасную Забавушку Путятичну,
 А привёз бы он⁹⁹⁰ Забаву в стольнѣ Киев-град,
 Да к тебе⁹⁹¹ ко князю на широкой двор,
 Да привел бы во палаты в белокаменны,
 Да он подал бы тебе⁹⁹² ю во белы́ руки». (I: 255–269)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Воспрогóворит-то князь Владимир-от да стольнѣ-киевский⁹⁹³:
 «Ах ты молодой Добрынюшка Микитинич!
 Отправляйся ты, Добрыня, во Тугі горы,
 Ай во Туги горы, Добрыня, ко лютóй змеѣ⁹⁹⁴
 А за нашею за дочкою за царскою.
 А за царскою-то дочкой княженецкою».
 Закручинился Добрыня, запечалился,
 Ай скочил-то тут Добрыня на резвы́ ноги,
 А и топнул-то Добрыня во дубовой мост,
 А и стулья-ты дубовы зашаталесе,
 А со стульев все бояра повалялесе.
 Выбегает тут Добрыня на широкий⁹⁹⁵ двор,
 Отвязал ли-то коня да óт столба,
 От того ли-то столба да от точёного⁹⁹⁶,
 От того ли-то колечка золочёного;
 Ай садился-то Добрыня на добра́ коня,
 Приезжает-то Добрынюшка на свой-от двор,
 Спускается Добрыня со добра́ коня,
 Ай вязал коня-то ко столбу точёному,
 Ко тому ли-то колечку к золочёному,
 Насыпал-то он пшены да белояровой. (231–251)

⁹⁸⁸ У Т. Г. Рябининой — «[кó] тым [славным ко горам да] сорочинским».

⁹⁸⁹ У Т. Г. Рябининой — «[во] змеиньи».

⁹⁹⁰ У Т. Г. Рябининой — «ён».

⁹⁹¹ У Т. Г. Рябининой — «[к] тоби».

⁹⁹² У Т. Г. Рябининой — «тобе».

⁹⁹³ У И. Фёопова — «стольнѣ-киевской».

⁹⁹⁴ У И. Фёопова — «[ко лютóй] змеи».

⁹⁹⁵ У И. Фёопова — «[на] широкой [двор]».

⁹⁹⁶ У И. Фёопова здесь и далее — «точёного», «золочёного».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А нахмурил чёрну шляпу на яснѣ очи,
А пошел-то Добрыня ко своему да широку́ двору,
А повесил буйну голову с могучих плеч,
А потупил очи в матушку-сыру землю.
А идѣт-то Добрыня к своему-то широку двору,
Он идет-то, всё шатается⁹⁹⁷.
А как увидала Добрыня молода жена⁹⁹⁸,
А как та же⁹⁹⁹ Настасья дочь Никуличня;
А побежала к своей матушке¹⁰⁰⁰,
К Добрыниной да к рѣдной маменьке,
Да сказала она своей маменьке:
«Уж ты гой еси, Добрынина родна матушка!
Как идѣт-то у нас Добрыня с чесна́ пира,
А идѣт-то он да всё шатается,
А повесил-то буйну голову ниже своих могучих плеч».
А встречала¹⁰⁰¹ Добрыню молода жена,
А как та же Настасья дочь Никуличня,
А встречала его да родна матушка,
А как та же вдова Омельфа Тимофеѣвна;
А встречали¹⁰⁰² его среди ѣго да широка́ двора,
А как брали его да за белѣ руки,
Говорила ему¹⁰⁰³ родна матушка да таковы речи:
«А как что же идѣшь, моѣ-то чадо милое¹⁰⁰⁴, моѣ любимое,
Не по-старому идѣшь, да не по-прежнему^{1005?}» (49–72)

⁹⁹⁷ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «шатайтесь».

⁹⁹⁸ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «жона».

⁹⁹⁹ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «[та] жа».

¹⁰⁰⁰ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «матушки», «маменьки».

¹⁰⁰¹ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «стречала».

¹⁰⁰² У Г. Л. Крюкова — «стречели».

¹⁰⁰³ У Г. Л. Крюкова — «[говорила] ёму».

¹⁰⁰⁴ У Г. Л. Крюкова — «[а как] што... [чадо] милоѣ».

¹⁰⁰⁵ У Г. Л. Крюкова — «[да не] по-прежнему».

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай садился-то Добрыня он на лавочку,
Повесил-то Добрыня буйну голову,
Утопил-то очи во дубовый мост.
А к Добрынюшке подходит его матушка,
А сама ли говорила таково слово:
«Что же ты, Добрыня, не весёл пришёл¹⁰⁰⁶?
Место ли в пиру да не по разуму,
Али чарой ли тебя в пиру да обнесли,
Али пьяница дурак да в глаза на́плевал,
Али красные¹⁰⁰⁷ девицы обсмеялись?»
Воспроговорит Добрыня своей матушке:
«А место во пиру мне было б́ольшое,
А б́ольшое-то место не м́еньшее,
Ай чарой во пиру меня не обнесли,
А пьяница дурак да в глаза н́е плевал,
Красные¹⁰⁰⁸ девицы не обсмеялись». (254–269)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Свет ты государыня, родна моя матушка,
Честная вдова Омельфа Тимофеевна¹⁰⁰⁹!» (II: 173–174)

Марфа Трофимовна Котова, деревня Масельга, Повенец:

«Ты на что меня несчастного¹⁰¹⁰ спорóдила,
Ты на что меня да бесталанного¹⁰¹¹ отрёдила?» (8–9)

¹⁰⁰⁶ У И. Фёонова — «пришол».

¹⁰⁰⁷ У И. Фёонова — «красный [девицы]».

¹⁰⁰⁸ У И. Фёонова — «красныя».

¹⁰⁰⁹ У Т. Г. Рябининой — «Офимья Александровна».

¹⁰¹⁰ У М. Т. Котовой — «бесчастнаго».

¹⁰¹¹ У М. Т. Котовой — «бесталаннаго».

Калика Латышов, деревня Кузнецово, Пудожский уезд:

«Смелостью меня несмелого¹⁰¹²,
Силою меня несильного
И красотою меня некрасивого,
Богатством меня небогатого,
Кудрями¹⁰¹³ меня некудрявого». (26–30)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

«Гребешком мою головку загладила,
Копылком бородку наладила,
Спустила доброго¹⁰¹⁴ молодца во далече-далече во чисто поле,
Напрасно бить удалых добрых молодцев,
Проливать крови горячия,
Оставлять сиротать малых детушек,
Скитаться женам молодым?» (5–11)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Лучше бы ты спородила Добрынюшку
Белым камешком горячиим...
Ты бы выстала¹⁰¹⁵ на Скат-гору высокую...» (II: 141–143)

Олонецкий певец:

«Завернула в тонкой в льняной во рукавичек...» (7)

Фёдор Александрович Корсаков, деревня Костино, Песчанская волость:

«Завернула бы в камочки во крушатя...» (18)

¹⁰¹² У калики Латышова здесь и далее — «несмелого», «несильного», «некрасивого», «небогатого», «некудрявого».

¹⁰¹³ У калики Латышова — «кудрямы».

¹⁰¹⁴ У А. П. Сорокина — «добраго [молодца]».

¹⁰¹⁵ У Т. Г. Рябины — «ты выстала».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Ты бы бросила в Киян-море глубокое...» (II: 144)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

«Во сине море¹⁰¹⁶ бы каменем валу́чим на глубоко дно...» (223)

Олонецкий певец:

«Я бы век, Добрыня, в море лежал,
Я не ездил бы Добрыня, по чисту полю,
Я не убивал бы, Добрыня, неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасныя,
Не слезил Добрыня отцов-матерей,
Не вдовил Добрыня молодых жен,
Не пускал сиротать малых детушек». (9–15)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Нет, так бы спородила Добрынюшку
На гору Сорачинскую деревинкою,
Не для красы, не для ужоества,
А для ради приезда богатырского¹⁰¹⁷:
Ко этому бы ко деревцу
Съезжались русские могучие богатыри,
И стояло бы эта деревиночка век по веку,
Век по веку без шевелимости.
Ощо нет, так бы Добрынюшку спородила
Во славную во матушку Непру-реку,
Во Непру-реку да гоголинкою:
Стояла бы там эта гоголиночка век по веку,
Век по веку без шевелимости». (II: 147–159)

¹⁰¹⁶ У П. С. Семёнова — «[во] синё морё».

¹⁰¹⁷ У Т. Г. Рябины — «богатырского».

Фёдор Александрович Корсаков, деревня Костино, Песчанская волость:

«Не ходил бы я, Добрыня, по белу свету,
Не рутіл бы я, Добрынюшка, тут горьких слез». (20–21)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Говорила честна вдова и заплакала:
«Ай же ты, свет мое чадо милое,
Молодой Добрынюшка Никитинец!
Есть бы знала над тобою невзгодушку...
<...>
Тебя¹⁰¹⁸ бы смелостью Добрынюшку породила
Во смелого¹⁰¹⁹ богатыря Алешеньку Поповича...»
(II: 160–163; 168–169)

Калика из Красной Ляги:

«Счастьем — во стольного¹⁰²⁰ князя Владимира...» (59)

Калика Латышов, деревня Кузнецово, Пудожский уезд:

«Красотою-то — во Осипа Красивого¹⁰²¹,
Кудрями¹⁰²² — во царище Кудриянище,
Поездкою — во Дюка Степановича,
Богатством — во Садко Новгородского...» (35–38)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

«Выступкою шапить — в молода Чурилу Пленкова...
<...>
На добром коне ездить — во Потыха Михайлу Ивановича...

¹⁰¹⁸ У Т. Г. Рябины — «тобя».

¹⁰¹⁹ У Т. Г. Рябины — «[во] смелаго».

¹⁰²⁰ У калики из Красной Ляги — «[во] стольнаго».

¹⁰²¹ У калики Латышова здесь и далее — «Красиваго», «Новгородскаго».

¹⁰²² У калики Латышова — «кудрямы».

<...>

Именьем-богачеством — в молода боярина во Дюка Степановича,

Из туга лука стрелять — во Тугарина во Змиевича во заморского¹⁰²³».

(16; 18; 20–21)

Олонецкий певец:

«Я бы рада тебя, дитяtko, спородити
Таланом-участью в Илью Муромца,
Силой в Святогора богатыря...

<...>

Я бы вежеством в Добрынюшку Никитича:
Сколько тыя статьи есть, а других Бог не дал,
Других Бог не дал, не пожаловал». (17–19; 24–26)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Стоит Добрынюшка и покланяется:
«Свет ты государыня, родна моя матушка,
Честная вдова Омельфа Тимофеевна¹⁰²⁴!
Дай-ка мне прощеньице с благословеньицем
На те на веки нерушимые¹⁰²⁵».
Сидит она — горько заплакала... (II: 172–177)

Кириша Данилов:

Говорила ему матушка:
«На кого покидаешь молоду жену,
Молоду Настасью Никулишну?
Зачем же ты, дитяtko, и брал за себе?
Что не прошли твои дни свадебные,
Не успел ты отпраздновати радости своей?»
<...>

¹⁰²³ У А. П. Сорокина — «[во] заморского».

¹⁰²⁴ У Т. Г. Рябиной — «Офимья Александровна».

¹⁰²⁵ У Т. Г. Рябиной — «[на] тые [на веки] нерушимыя».

Говорил ей Добрынюшка Никитьевич:

«А ты гой еси, моя сударыня-матушка,

Честна вдова Омельфа Тимофеевна¹⁰²⁶!

Что же мне делать и как же быть?

Из чево же нас, богатырей, князю и жаловати?» (63–68; 70–74)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

И тут заплакала Добрынюшкина да рódна матушка.

<...>

А во слезах-то она речь ему говóрила:

«Уж мой мило ты моё чадо милое¹⁰²⁷,

А и чадо милое моё же ты любимое,

А и ты Добрынюшка у меня да всё Микитич млад,

А и я спородила тебя да млада Добрынюшку,

Э и без родителя-то я возрóстила тебя, батюшка,

А я без князя-то Никиты-то Ивановича,

Э и я скажу тебе, Добрынюшка Микитич млад,

Э и ты поди-ко-се во конюшенку стоялою,

И где стоит-то твоёгó-то дедушка родимого конь,

Он стоит у меня зарошшен полуколен в назимú,

А и как насыпано у него пшеницы¹⁰²⁸ белояровой,

И ты бери, бери его, коня же дедушкова,

А и как дедушков же конь да очунь бойкой был,

Вот и он может-то он съездить на те¹⁰²⁹ горы Сарачийския,

Притоптать-то может у змеи проклятой всех змеёнышей».

И тут пошел скорó Добрынюшка Никитич млад,

И ишше брал скорó со спички узду серебрянную,

И надевал-то на коня да всё дедушкова,

И выводил-то он коня добрá из конюшонки,

И надевал на его узду да повод-от шолкóвой-от,

И вон насыпáл-то к добру коню пшеницы белояровой...

(186; 188–209)

¹⁰²⁶ У Кириши Данилова — «Афимья Александровна».

¹⁰²⁷ У П. С. Пахоловой здесь и далее — «милоё», «любимое».

¹⁰²⁸ У П. С. Пахоловой здесь и далее — «пшеницы».

¹⁰²⁹ У П. С. Пахоловой — «[на] ти».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Говорила тут Добрыне¹⁰³⁰ рódна матушка:
 «Ты молоденький¹⁰³¹ Добрынюшка Микитинец!
 А ты ешь-ка, пей да на покой ложись,
 Утро мудренее жíвет вечера». (I: 318–321)
 И дала ему прощеньице с благословеньицем
 На те¹⁰³² на веки нерушимые. (II: 178–179)
 Молодой Добрыня на покой улёг.
 Да й по утрушку да то ранёхонько,
 До исход зори да раннё-утренней,
 До выстáвания да красна солнышка
 Да й будила-то Добрыню рódна матушка:
 «А ставай-ко ты, молоденький¹⁰³³ Добрынюшка!
 Да ты делай дело повеленое,
 Сослужи-тко слúжебку великую».
 Молодой Добрынюшка Микитинец,
 Он скоренько стал да то й от крепка сна,
 Умывался-то Добрынюшка белёшенько... (I: 325–335)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай справляется Добрыня, снаряжается
 А во дальнюю да в путь дороженку.
 Обувал Добрыня чёрны чоботы,
 Одевал он платьица дорожные¹⁰³⁴ ... (275–278)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Хоть дорожную одежицу — драгоценную... (II: 182)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Налагал он шляпу земли гречецкой... (279)

¹⁰³⁰ У Т. Г. Рябины — «Добрыни».

¹⁰³¹ У Т. Г. Рябины — «[ты] молоденькой».

¹⁰³² У Т. Г. Рябины — «[на] тые».

¹⁰³³ У Т. Г. Рябины — «[ты], молоденькой».

¹⁰³⁴ У И. Фёонова — «[платьица] дорожные».

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

И брал с собой одеждыцы запасные¹⁰³⁵,
Не малешенько одеждыцы он брал — на двенадцать лет;
Сшел-то Добрынюшка на широкий двор,
Стал добра коня Добрынюшка заседлывать,
Стал заседлывать да стал улаживать.
Под седельшко черкасское
Полагал потничек он шелковенький,
И полагал-то он седельшко черкасское,
Черкасское седельшко не держаное:
Обсажено тое седельшко есть камешком,
Дорогим камешком самоцветным,
Самоцветным камешком обзолоченным;
Он подпруженки подтягивал шелковеньки,
Стремяночки полагал железа он булатного¹⁰³⁶,
Пряжечки-то полагал красна золота,
Все не для красы, для угожества,
А для ради крепости богатырския:
Подпруженьки шелковеньки тянутся, так они не рвутся,
Булат-железо гнется-то, не ломится,
Пряжечки красна золота они мокнут, не ржавеют. (II: 183–202)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Это тут ли-то Добрынюшка Микитинич
Ай заходит он Добрыня да во свой-от дом,
Ай берет-то ведь Добрынюшка свой тугой лук,
Ай берет-то ведь Добрыня калёны стрелы,
Ай берет-то ведь Добрыня саблю вострую,
Ай берет-то он копьё да долгомёрное,
Ай берет-то ведь он палицу военную,
А он Господу-то Богу да он молится,
Ай да молится Миколы да святителю,
Ай чтоб Спас Господь его¹⁰³⁷ помиловал.
Ай выходит-то Добрыня на широкий двор,
Провожает-то¹⁰³⁸ Добрыню родна матушка... (301–312)

¹⁰³⁵ У Т. Г. Рябины — «запасныя».

¹⁰³⁶ У Т. Г. Рябины — «булатнаго».

¹⁰³⁷ У И. Фёонова — «меня».

¹⁰³⁸ У И. Фёонова — «провожаёт-то».

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Вынесла маменька его плеточку полынь-травы¹⁰³⁹... (79)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«А и съёдешь ты, Добрыня, во Туги горы,
Во Туги горы, Добрыня, ко лютой змее¹⁰⁴⁰...» (315—316)

Иван Емельянович Чупров, деревня Аврамовская, Усть-Цилемский район:

«Налётит на тебя змея лютая,
Не бери ты саблю вострую,
А бери плёточку троехвосточку». (35—37)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

«Много людей к морю ездило,
А мало приезживало.
У тя отец с этой плеточки всегда живой приезжал». (81—83)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Станешь со змеей да драться-ратиться,
Ай ты бей змею плетью полынь-травы¹⁰⁴¹,
Покоришь змею да как скотинину,
Как скотинину да ведь крестьянскую». (317—320)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Киж:

Спроговорит его родна матушка,
Честна вдова Омельфа¹⁰⁴² Тимофеевна:

¹⁰³⁹ У Т. С. Дуркина — «[плеточку] шелкóвую».

¹⁰⁴⁰ У И. Фёонова — «[ко лютой] змеи».

¹⁰⁴¹ У И. Фёонова — «[ай ты бей змею] да плёткой шёлковой».

¹⁰⁴² У Н. Ф. Дутикова — «Намерфа [Тимофеевна]».

«Ай же ты, моё да чадо милое,
 Младый Добрынюшко Микитинич!
 На кого ты оставляешь свою матушку,
 На кого ты покидаешь молодú жену,
 Мòлоду Настасью Микуличну?»
 Спроговорит Добрынюшка Микитинич:
 «Оставляю я свою матушку и молодую жену
 Под опекою старого¹⁰⁴³ казака да Ильи Муромца». (16–25)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Хочет¹⁰⁴⁴ ехати Добрыня с широка́ двора.
 Говорит его родитель-матушка,
 Честна вдова Омельфа Тимофеевна¹⁰⁴⁵:
 «Ай же ты, моя любезная семеюшка,
 Молода Настасья дочь Микулична!
 Ты чего сидишь во тереме, в златом верху?
 Али над собой невзгодушки не ведаешь?
 Закатается-то наше красное солнышко
 За эти за лесушки за темные¹⁰⁴⁶
 И за тья за горы за высокие¹⁰⁴⁷:
 Съезжает-то Добрыня с широка двора.
 Поди-ка ты скоренько на широкий двор,
 Зайди-ка ты к Добрыне с бела личика,
 Подойди к нему ко правому ко стремячку булатному¹⁰⁴⁸,
 Говори-ка ты Добрыне не с упадкою:
 “Куда, Добрыня, едешь, куда путь держишь,
 Скоро ль ждать нам велишь, когда сожидать,
 Когда велишь в окошечко посматривать?”»
 Молода Настасья Микулична
 Скорешенько бежала на широкий двор
 В одной тонкой рубашечке без пояса,
 В одних¹⁰⁴⁹ тонких чулочиках без чоботов,

¹⁰⁴³ У Н. Ф. Дутикова — «старого [казака]».

¹⁰⁴⁴ У Т. Г. Рябины — «хотит».

¹⁰⁴⁵ У Т. Г. Рябины — «Офимья Александровна».

¹⁰⁴⁶ У Т. Г. Рябины — «[за] эти [за лесушки за] темные».

¹⁰⁴⁷ У Т. Г. Рябины — «высокия».

¹⁰⁴⁸ У Т. Г. Рябины здесь и далее — «булатному».

¹⁰⁴⁹ У Т. Г. Рябины — «[в] одных».

Зашла она к Добрынюшке с бела личика,
Подошла к нему ко правому ко стремячку булатному...
(II: 204–227)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

Ай да садился¹⁰⁵⁰ тут Добрынюшка на добра коня.
Ай молода жена ноги в¹⁰⁵¹ стремена кладет,
Ай да кладет она — да слезно плачется¹⁰⁵². (44–46)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Свет ты моя любимая сдержавушка,
Молодой Добрынюшка Микитинец!
Далече ли едешь, куда путь держишь?
Скоро ль ждать нам велишь, когда сожидать,
Ты когда велишь в окошечко посматривать?»
Говорит-то ей Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, любимая семеюшка,
Молода Настасья Микулична!
Когда ты стала у меня выпрашивать,
Я стану про то тебе высказывать...» (II: 229–238)

Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога:

«А Владимир-князь да стольнѣ-киевский¹⁰⁵³
А накинул-то он службу ведь великую:
А надо мне-ка ехать во Тугі горы,
Ай во Тугі горы ехать ко люто́й змее¹⁰⁵⁴,
За племянницей за ихней княженецкою¹⁰⁵⁵». (270–274)

¹⁰⁵⁰ У Ф. П. Рюмина — «садился».

¹⁰⁵¹ У Ф. П. Рюмина — «ф [стремена]».

¹⁰⁵² У Ф. П. Рюмина — «плащицэ».

¹⁰⁵³ У И. Фёдорова — «стольнѣ-киевской».

¹⁰⁵⁴ У И. Фёдорова — «[ко люто́й] змеи».

¹⁰⁵⁵ У И. Фёдорова — «а за ихною за дочкой [княженецкою]».

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Перво шесть годов поры-времени — то жди за меня,
Друго шесть годов поры-времени — пожди за себя¹⁰⁵⁶...»
(II: 239–240)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

«А ише жди меня домой ровно в двенадцать¹⁰⁵⁷ лет.
А да как выступит на лето как на тринадцато¹⁰⁵⁸ —
А ты домой меня не жди, ты тогда живым не чти¹⁰⁵⁹...»

Донской казак:

«Мои мелкия детушки тогда сироты будут». (I3)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди...» (II: 253)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Киж:

«Поди-ко ты за князей и за бояров,
Поди-ко за русьских могучиих богатырев,
А столько нё ходи за славного¹⁰⁶⁰ Алешеньку Поповича,
За того ли за бабьего¹⁰⁶¹ насмешничка...» (38–41)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Олешенька Попович мне названный брат». (II: 257)

¹⁰⁵⁶ У Т. Г. Рябины — «[за] себя».

¹⁰⁵⁷ У Ф. П. Рюмина — «двенацать».

¹⁰⁵⁸ У Ф. П. Рюмина — «тринадцато».

¹⁰⁵⁹ У Ф. П. Рюмина — «не чити».

¹⁰⁶⁰ У Н. Ф. Дутикова — «[за] славного».

¹⁰⁶¹ У Н. Ф. Дутикова — «[за] бабьяго».

Певец из Алексинского уезда Тульской губернии:

«Не ходи, моя Настасья, за Олёшеньку:
Как Олёша-то Попович вор насмешлив был,
Он охоч был смеяться чужим женам,
Что чужим женам, молодым вдовам,
Молодым вдовам, красным девушкам...» (27–31)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

«Век Олеша пустым хващает;
Еще не ходи за молодого¹⁰⁶² Чурилу Пленкова;
Еще не ходи ни за купца, ни за гостя торгового¹⁰⁶³;
А поди-ка за росейского могучего¹⁰⁶⁴ за богатыря,
Чтобы жены наши богатырские¹⁰⁶⁵
Доставались росейским могучим богатырям». (80–86)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Только видели молодца на коне сядучись,
А не видели со двора его поедучись.
Со двора-то он поехал не воротами¹⁰⁶⁶,
То он с города-то ехал не дорожкой,
Ехал через стены городовые¹⁰⁶⁷.
Как он повыехал в раздольице чисто поле,
Похотел он испытать добра коня богатырского¹⁰⁶⁸,
Поотведать его силушки великия:
Брал он плеточку шелкову во праву руку,
Бил-то он плеткою по тучной бедра
Изо вся силашки великия,
Давал ему удары он тяжелые, —

¹⁰⁶² У А. П. Сорокина — «молодаго».

¹⁰⁶³ У А. П. Сорокина — «Еще не ходи, жена моя любезная, ни за купца, ни за барина, / Ни за московского гостя торговаго...»

¹⁰⁶⁴ У А. П. Сорокина — «[за] росейскаго могучаго [за богатыря]».

¹⁰⁶⁵ У А. П. Сорокина — «[жены наши] богатырския».

¹⁰⁶⁶ У Т. Г. Рябины — «[не] воротамы».

¹⁰⁶⁷ У Т. Г. Рябины — «[стены] городовыя».

¹⁰⁶⁸ У Т. Г. Рябины — «богатырскаго».

Пошел его добрый конь чистым полем,
Стал он по раздольицу поскакивать,
С горы на гору он перескакивать,
С холмы на холму перемахивать,
Мелкие озерка-реченьки промеж ног спущал.
Так не молвия тут по чисту полю промолвила,
Проехал-то Добрыня на добром коне. (II: 258–276)

Олонецкий певец:

Поезжал Добрыня во чисто поле,
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала... (28–31)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Она стала-то ронить да слёз горячиих,
Она стала-то скорбеть да личка белого¹⁰⁶⁹,
Говорила-то она да й таковы слова:
«Я Добрынюшку несчастного¹⁰⁷⁰ спорóдила!
Как войдет-то он во норы в змеиные¹⁰⁷¹,
Да войдет ко тем¹⁰⁷² змеям ко лютым,
Поростóчат-то его да тело белое,
Еще выпьют со Добрыни суровую кровь». (I: 345–352)

¹⁰⁶⁹ У Т. Г. Рябины — «скорбеть [да личка] белаго».

¹⁰⁷⁰ У Т. Г. Рябины — «безсчастнаго».

¹⁰⁷¹ У Т. Г. Рябины — «[как войдет-то] ен [во норы в] змеиныи».

¹⁰⁷² У Т. Г. Рябины — «[ко] тым».

Второй бой Добрыни со Змеей

Источники текста

- Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога* (Добрыня и Змей: [Былина] № 59 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 438—450.)
- Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Добрыня и Змей: [Былина] № 73 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 314—319.)
- Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора* (Про Добрыню: [Былина] № 45 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 144—148.)
- Казак хутора Нижне-Кривский, станица Еланская* (Добрыня в отъезде: [Былина] № 5 // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. — М. : Синодальная тип., 1908. — С. 291—292.)
- Иван Павлович Сивцев, деревня Поромское, Кенозеро* (Добрыня в отъезде, Алеша Попович: [Былина] № 16 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. — Петрозаводск : Губернская тип., 1864. — С. 69—75.)
- Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро* (Добрыня и Змей: [Былина] № 289 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 431—433.)
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье* (Добрыня и Змей: [Былина] № 79 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 55—69.)
- Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости* (Добрыня Никитич и отец его Никита Романович [Бой со змеем]: [Былина] № 3 // Былины и исторические песни из Южной Сибири. — Новосибирск : Новосибирское обл. гос. изд-во, 1939. — С. 43—51.)
- Кириш Данилов* (Добрыня купался — змей унес [«Доселева Резань она селом слыла...»]) // Древние Российские стихотворения, собранные Киришью Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 182—185.)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Рощинский Ручей Усть-Цилемской волости (Добрыня и Змея: [Былина] № 59 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 247–251.)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром (Добрыня и змей: [Былина] № 68 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 185–188.)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост (Добрыня Никитич: [Былина] № 5 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 31–63.)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район ([Добрыня и Змей]: [Былина] № 3 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 339–341.)

Донской казак (Добрыня возвращается со службы: [Былина] № 36 // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. — М. : Синодальная тип., 1908. — С. 94–95.)

Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудоба:

Ай садился-то Добрыня на добра́ коня. (321)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А добру коню да приговаривал:
 «Уж ты гой еси, мой доброй конь, да Воронеюшко!
 Побежи-ко ты скоро, как стрела калёная,
 А подымайся ты выше лесу стоячего¹⁰⁷³,
 А пониже облака ходячего¹⁰⁷⁴.
 Ты скачи-тко, горы-долы промеж ног бери,
 Ты скачи-тко с горы на гору,
 Речки, озёра перескакивай;
 Ты бежи прямо на те горы Сорочинские¹⁰⁷⁵,
 Ишше где живёт да змея-та лютая». (228–237)

¹⁰⁷³ У Г. Л. Крюкова — «[а] подымайсе [ты выше лесу] стоечего».

¹⁰⁷⁴ У Г. Л. Крюкова — «[облака] ходечего».

¹⁰⁷⁵ У Г. Л. Крюкова — «[горы] Сорочинския».

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Этта видли добра молодца ведь сядучись,
Ай не видли ведь удалого¹⁰⁷⁶ поедучись. (322–323)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Поехал в дальний путь-дороженьку —
Искать змеиный¹⁰⁷⁷ дом, где жила змея лютая.
Долго ездил Добрыня по чистым полям,
По чистым полям, по темным лесам... (177–180)

Казак хутора Нижне-Кривский, станица Еланская:

Добрый-то конь¹⁰⁷⁸ вот весь изъездился,
Его справа молодецкая¹⁰⁷⁹ вся изаржавела. (41–42)

Иван Павлович Сивцев, деревня Поромское, Кенозеро:

Ездучись детина во чистом поле...
<...>
Истаскались де платья цветные¹⁰⁸⁰,
Издержалася вся золота казна,
Ипошил де кафтаны все звериные:
Шапка, сапоги, все звериные. (130; 132–135)

¹⁰⁷⁶ У И. Фёонова — «удалаго».

¹⁰⁷⁷ У Т. С. Дуркина — «змеиной [дом]».

¹⁰⁷⁸ У казака хутора Нижне-Кривский — «доброй мой [конь]» (входит в реплику Добрыни Никитича).

¹⁰⁷⁹ У казака хутора Нижне-Кривский — «мая [справа] маладецкая» (входит в реплику Добрыни Никитича).

¹⁰⁸⁰ У И. П. Сивцева — «платья цветныя».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Приежат Добрыня к горам Сорочинским¹⁰⁸¹,
Соходил-то Добрыня со добра коня;
Во праву руку берёт востро копьё,
Во леву руку да повод лошадиныя;
А вострым копьём закопыват ступени жа;
А левой рукой коня ведёт на горы Сорочинские.
А залез-то он на горы Сорочинские,
А сажился¹⁰⁸² он скоро да на добра коня,
А как брал-то он трубочку подзорную,
А смотрел¹⁰⁸³ он на все четыре стороны,
Он смотрел змеиною жилища жа... (238–248)

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

А на ту ли пору на то времечко,
Летит-то змея да змея лютая,
Несет она¹⁰⁸⁴ да красну девушку.
Сидит-то девица да причитыват
И ко своей-то косы да желто-русые:
«И моя-та коса да желто-русяя
Плетена у родители у матушки
Во новом во высоком во тереме¹⁰⁸⁵.
Расплетать¹⁰⁸⁶ станут маленьки змиёныши
Да во тех во пещерах во глубоких».
Разгорелось¹⁰⁸⁷ у Добрыни ретиво сердце... (19–29)

¹⁰⁸¹ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «[к горам] Сорочинским», «[на горы] Сорочинские».

¹⁰⁸² У Г. Л. Крюкова — «[а] сажилсэ [он]».

¹⁰⁸³ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «[а] смотрил [он]», «[он] смотрил».

¹⁰⁸⁴ У А. Т. Гусева — «несё ёна».

¹⁰⁸⁵ У А. Т. Гусева — «[во] тереме».

¹⁰⁸⁶ У А. Т. Гусева — «роплетать».

¹⁰⁸⁷ У А. Т. Гусева — «розгорелось».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Он скорёшенько бежал да ко добру коню...

<...>

Выезжал Добрыня во чисто поле,
Посмотреть-то на змеишо на Горынищо,
Да которым она местечком полётит по чисту полю.

<...>

Тут молоденький¹⁰⁸⁸ Добрынюшка Микитинец...

(184; 189–191; 211)

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

Поехал за змеёй да он за лютой... (30)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Подъезжал он ко норам да ко змеиным,
Становил коня он богатырского¹⁰⁸⁹,
Да й сходил Добрыня со добра коня
Он на матушку да на сыру землю,
Облащался-то молоденькой Добрынюшка¹⁰⁹⁰

Во доспехи он да в свои крепкие¹⁰⁹¹:

Во-первых, брал саблю свою вострую,
На белы груди копьё клал муржамецкоё,

Он под левую да и под пазушку

Полагал он¹⁰⁹² паличку булатную,

Под кушак он клал ту плеточку полынь-травы¹⁰⁹³...

(386–396)

¹⁰⁸⁸ У Т. Г. Рябины — «молдёнкой».

¹⁰⁸⁹ У Т. Г. Рябины — «богатырского».

¹⁰⁹⁰ У Т. Г. Рябины настоящая строка включает ремарку исполнителя — «облащался-то (так) молоденькой Добрынюшка».

¹⁰⁹¹ У Т. Г. Рябины — «доспехи... крепкий».

¹⁰⁹² У Т. Г. Рябины — «полагал ён».

¹⁰⁹³ У Т. Г. Рябины — «[под кушак] ён [клат] шалыгу поддорожную».

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Сам он выходил на тое ли на место на уловное
А ко той пещеры ко змеинны.
Постоял тут ведь Добрыня мало времечки,
А не темные ли тёмени затёмнели,
Да не черные-то облаци попадали,
Ай летит-то лётит поганá змея¹⁰⁹⁴,
Ай несёт змея да тело мёртвое¹⁰⁹⁵,
Тело мёртвое да богатырское¹⁰⁹⁶.
А и увидала-то Добрынюшку Микитича,
Ай спускала тело на сыру землю... (328–337)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И летит к нему навстречу,
И зычит, кричит зычным голосом:
«Что святы отцы писали-прописалися,
Сказали: мне от Добрыни смерть будет,
Смерть будет — живу не быть, живу не слыть.
Я теперь Добрыню живьем сглону,
Живьем сглону, хоботом убью,
Хоботом убью, дымом задушу,
Дымом задушу, искрой засыплю».
Тут Добрыня приужахнулся,
Знимал свои руки на небо,
Сам говорит таковы слова:
«Спас ли, Спас, Боже милостивой,
Мати пречистая, Пресвятая Богородица!
Создай, Господи, дожличка».
Неоткуль гроза-туча накатилая,
И скорым-скоро крупен дождь пошел;
Подмочило у змея крылья бумажные,
Падал змеишшо на сыру землю. (297–315)

¹⁰⁹⁴ У И. Фёонова здесь и далее — «змия».

¹⁰⁹⁵ У И. Фёонова здесь и далее — «[тело] мёртвое».

¹⁰⁹⁶ У И. Фёонова — «[да] богатырское».

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

И убирается во пещеры во глубокие. (34)

Кириша Данилов:

А поплыл Добрынюшка
По славной матушке по Израй-реке,
А заплыл в пещеры белокаменны,
Где жил Змей Горынчишша... (88–91)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

...Там затворами затворено-то медными¹⁰⁹⁷,
Да подпорами-то подперто железными¹⁰⁹⁸,
Так нельзя войти во норы во змеиные¹⁰⁹⁹.
То молоденькой Добрынюшка Микитинец
А подпоры он железные¹¹⁰⁰ откидывал,
Да й затворы-то он медные¹¹⁰¹ отдвигивал
Он прошел во норы во змеиные.
<...>
Да й дошел он¹¹⁰² до змеинища Горынища;
Ай у той-то у змеища у проклятою... (399–405; 416–417)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Лежит Забава¹¹⁰³ на перине на перовыя,
На подушечках на пуховых;
На правой руке у ней лежит змеинчишко,
И на левой руке змеинчишко. (337–340)

¹⁰⁹⁷ У Т. Г. Рябины — «затворами [затворено-то] медными».

¹⁰⁹⁸ У Т. Г. Рябины — «подпорами-то [подперто] железными».

¹⁰⁹⁹ У Т. Г. Рябины здесь и далее — «[во норы во] змеиные».

¹¹⁰⁰ У Т. Г. Рябины — «подпоры... железные».

¹¹⁰¹ У Т. Г. Рябины — «затворы-то... медные».

¹¹⁰² У Т. Г. Рябины — «дошел ён».

¹¹⁰³ У Л. Г. Тупицына — «[лежит] княгиня».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как сосут¹¹⁰⁴ у неё да груди белые¹¹⁰⁵,
 Высысают из ей да кровь горячую;
 А как чуть-то в ей душа полуднуёт.
 Отрывал-то он от грудей-то, он, да белые,
 Отрывал-то он двух детёнышей¹¹⁰⁶... (256–260)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Одного змеинчишка он взял — разорвал
 И другого змеинчишка взял — растоптал...
 <...>
 Так она ему, Добрыне, израдовалась,
 Израдовалась, слезно заплакала... (353–354; 341–342)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Говорил Добрыня таковы слова:
 «Ай же¹¹⁰⁷ ты, Забавушка Путятична!
 Да ставай скоренько на резвы́ ноги,
 Выходи-тко ты со нор да со змеинных,
 Мы поедем-ко с тобой да в стольнё Киев-град.
 За тебя-то ежду да я странствую¹¹⁰⁸
 Да й по д́алечу дал́ечу по чисты́м полям,
 Да хожу я по норам да по змеинным».
 Говорит ёму змеини́що Горыни́що:
 «Ты молоденький¹¹⁰⁹ Добрынюшка Микитинец!
 Не отдам тебе¹¹¹⁰ Забавушки Путятичной
 Без бою́ без драки кроволития.

¹¹⁰⁴ У Г. Л. Крюкова — «ссут [у неё]».

¹¹⁰⁵ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «[грудь] белая», «[от грудей-то... да] белая».

¹¹⁰⁶ У Г. Л. Крюкова — «[двух] детёнышов».

¹¹⁰⁷ У Т. Г. Рябины — «[ай] жо [ты]».

¹¹⁰⁸ У Т. Г. Рябины — «[за] тебя-то [жду да я] странствую».

¹¹⁰⁹ У Т. Г. Рябины — «ты молоденькой [Добрынюшка Микитинец]».

¹¹¹⁰ У Т. Г. Рябины — «[не отдам] тебе».

А у нас-то с то́бой записи написаны
Да у тою ли у славною Израй-реки¹¹¹¹,
Не съезжаться б нам в роздольице чистом поли,
Нам не делать бо́ю драки кроволития
Да промѣж собой бы нам великого¹¹¹².
Ты приехал ко горам да Сорочинским,
Потоптать¹¹¹³ ты малых змеёнышов,
Выпускати полонá отсюль расейские¹¹¹⁴,
Увезти хоти́шь Забавушку Путятичну».
Говорил-то ей молоденький¹¹¹⁵ Добрынюшка:
«А же ты, змеинищо проклятая!
Ай когда ты полетела от Израй-реки,
Да зачем же¹¹¹⁶ ты летела через Киев-град?
Да почто же ты к сырой земле¹¹¹⁷ припа́дала?
Да почто же унесла у нас Забавушку Путятичну?»
(419–445)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Ухватил Добрыня копьѣцо бурзомецкое,
Начали они тут ратиться.
От руки его копейцо загоралосе,
По насадочке извихалосе.
Бросил его Добрыня на мать сыру землю́,
Ухватил он палицу буёвую,
Палицу буёву шестьдесят пудов,
Начал лупить змею палицей буёвою.
От руки его палочка загораласе,
По насадочке извихаласе.
Бросил палицу Добрыня на матушку сыру землю́,
Схватил он тогда сабельку вострую,
Он начал рубить змею той саблей вострою.

¹¹¹¹ У Т. Г. Рябинына здесь и далее — «Пучай-реки».

¹¹¹² У Т. Г. Рябинына — «великаго».

¹¹¹³ У Т. Г. Рябинына — «потоптал».

¹¹¹⁴ У Т. Г. Рябинына — «выпускаешь [полонá отсюль] расейский».

¹¹¹⁵ У Т. Г. Рябинына — «[говорил-то] ёй молоденькой [Добрынюшка]».

¹¹¹⁶ У Т. Г. Рябинына — «[да] зачим жо [ты]».

¹¹¹⁷ У Т. Г. Рябинына — «[к сырой] земли».

От руки его сабля загораласе,
По насадочке извихаласе,
И с носка до пяты вся исщербаласе.
Бросал ее Добрыня на матушку сыру землю... (126–142)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей, Печора:

Не боитца Змея¹¹¹⁸ копейца бурзомецкого,
Не боитца она ведь палицы буёвой,
Не берёт ее сабелька право вострая¹¹¹⁹... (47–49)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Они друг дружку чумбурами сподергали... (325)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Схватился¹¹²⁰ он со змеюшкой в рукопашной бой. (143)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай дрался Добрыня со змеёю день до вечера,
Ай змея-то¹¹²¹ ведь Добрыню побивать стала... (339–340)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

Тут змея лютоедная,
Она хочет съесть Добрынюшку... (143–144)

¹¹¹⁸ У И. В. Торопова — «[не боитца] она».

¹¹¹⁹ У И. В. Торопова приведённое место входит в реплику Добрыниной «матушки».

¹¹²⁰ У Т. С. Дуркина — «схватилсе [он]».

¹¹²¹ У И. Фёонова — «[ай] змия-то».

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Из небес же тут Добрынюшке¹¹²² да глас гласит:
«Ах ты мо́лодой Добрыня сын Никитинич!
Бился со змеёй ты да трой сутки.
А побейся-ко с змеёй да еще три́ часу».
Тут побился он Добрыня еще три́ часу... (503—507)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Из силы Добрыню выбило.
Стала змеюшка его да всё пота́рзывать,
Стала змеюшка посвистывать.
Пала в ум Добрыне плеточка полынная¹¹²³,
Что давала ро́дна матушка. (145—149)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Роцинский Ручей, Печора:

Он хватил тут змею да за косы право¹¹²⁴... (113)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

Распахивал Добрыня полу правую... (327)

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

Он и вытащил нынь ту плеточку,
Да котора бы полынь-травы,
Стал стегать ее ведь крепко тут. (146—148)

¹¹²² У П. Л. Калинина — «[тут] Добрынюшки [да глас гласит]».

¹¹²³ У Т. С. Дуркина — «[плеточка] шелко́вая».

¹¹²⁴ У И. В. Торопова приведённая строка включает ремарку исполнителя — «он хватил тут змею да за косы (*так!*) право».

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И стегал он змея по могучим плечам,
И стегал, сам приговаривал:
«От конского поту змея пухла́». (329–331)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Бьет змею да своей плёточкой, —
Укротил змею акі скотинину,
Ай акі скотинину да крестьянскую. (357–359)

Игнатий Васильевич Торопов, деревня Рощинский Ручей, Печора:

Да стала тут змея да извѣватисе;
«Ты не бей-ко, удалой¹¹²⁵ доброй молодец!
Не стегай ты меня да змею лютую.
<...>
Уж я дам же тебе да золоту казну».
<...>
Он пуще стал змею право похвѣстывать,
Говорит-де ему да змея лютая:
«Ты не бей же меня да змею лютую...
<...>
Я те дам нынче коня еще¹¹²⁶ доброго...
<...>
Я те дам еще себя¹¹²⁷ да красную девицу».
<...>
Говорит-ле Добрыня змее¹¹²⁸ лютеей:
«Ты сулишь-ле, змея, да всё обманываш¹¹²⁹».
<...>
Он пуще стал стегать да змею лютую,
По-худому змея да извиваетца,
А конается удалому доброму молодцу:
«Ты не бей же меня да змею лютую...»
(116–118; 122; 119–121; 129; 138; 130–131; 134–137)

¹¹²⁵ У И. В. Торопова — «юдалой [доброй молодец]».

¹¹²⁶ У И. В. Торопова — «[коня] ищэ [доброго]».

¹¹²⁷ У И. В. Торопова — «[я те дам] ище себя».

¹¹²⁸ У И. В. Торопова — «[говорит-ле Добрыня] змеи».

¹¹²⁹ У И. В. Торопова — «[да] сё обманываш».

Андрей Фёдорович Пономарёв, деревня Калюши под Нарьян-Маром:

«Я и дам тебе города,
Города всё с пригородками,
И сёла со деревнями».
— «Мне не нать от тебя да ничего,
Застегаю тебя до смерти». (152–156)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И застегал Добрыня змеишша до смерти,
Изрубил змеишша в куски во мелкие. (332–333)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

А побил змею да он проклятую.
Попустила кровь свою змеиную,
От востока кровь она да вниз до¹¹³⁰ запада,
А не прижре матушка да тут сыра земля
Этой крови да змеиною.
А стоит же тут Добрыня во крови трой сутки,
На кони сидит Добрыня — приужахнется...
<...>
З-за небесей Добрыне снова глас гласит:
«Ай ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Бей-ко ты копьём да бурзаецким
Да во ту же матушку сыру землю,
Сам к земле да приговаривай!»
Стал же бить да во сыру землю,
Сам к земле да приговаривать:
«Расступись-ко ты же¹¹³¹, матушка сыра земля,
На четыре на все¹¹³² стороны,
Ты прижри-ко эту кровь да всю змеиную!»
Расступилась было матушка сыра земля
На все на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь в себя змеиную. (508–514; 516–528)

¹¹³⁰ У П. Л. Калинина — «[вниз] да [запада]».

¹¹³¹ У П. Л. Калинина здесь и далее — «розступись-ко», «розступилась».

¹¹³² У П. Л. Калинина здесь и далее — «[на четыре на] вси [стороны]», «[на] всих [на четыре да на стороны]».

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

И взвалил он змею люту на огóничек.
И докуль не сгорела змея лютая —
Не ложился¹¹³³ спать Добрынюшка.
Тогда выкопал яму преглубокую,
Пепел срыл туда, захоронил землей,
Навалил поверх хряща-ка́меня.
Вот тогда Добрыня попил, поел, чего Бог послал...
<...>
Спал Добрынюшка трое суток
Со побоища великого.
Разбудилсе он, направилсе... (164–170; 173–175)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Выносил-то он Забавушку¹¹³⁴ из высока терема... (263)

Филипп Васильевич Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

Девушка стала плакать: «Вот ты у меня мамашу убил, а я куда деваюсь, как буду жить?» — «Нет, это тебе не мамаша! Не помнишь ли ты, откуда взята, не помнишь ли родителей¹¹³⁵ хоть немного?» Вот тогда она и говорит: «А как будто немного помню. Вышла я с няньками, а ветер подхватил и унёс». — «Вот, говорит, срежайся и поедem со мной!» (С. 341)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А садил-то ей ко добру коню. (264)

¹¹³³ У Т. С. Дуркина — «не ложилсе [спать]».

¹¹³⁴ У Г. Л. Крюкова — «[выносил-то он] Марфу Дмитрёвну».

¹¹³⁵ У Ф. В. Гольчикова — «[не помнишь ли] родителей».

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Испроговорит Забава дочь Потятична...

<...>

«За твою великую за выслугу

Я бы назвала нын другом да любимым,

В нас же вы, Добрынюшка, не влюбитесь!»

Говорит же тут Добрыня сын Никитинич

Молодой Забавы дочь Потятичной:

«Ах ты мóлода Забава дочь Потятична!

<...>

Я есть роду христианского¹¹³⁶:

Нас нельзя назвать же другом да любимым».

(565; 572–577; 579–580)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«Покрестоваемся мы крестами однозолотными,

И ты будь мне сестра крестовая,

А я тебе буду крестовой брат».

Тут они крестами покрестовались. (361–364)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А садил-то Забавушку да позади себя¹¹³⁷,

Привязал Забавушку позади себя¹¹³⁸,

Чтобы¹¹³⁹ не пала она да со добра коня;

Он поехал ко городу ко Киеву,

А ко ласкову-ту князю ко Владимиру¹¹⁴⁰. (279–283)

¹¹³⁶ У П. Л. Калинина — «[роду] христианьского».

¹¹³⁷ У Г. Л. Крюкова — «[а садил-то] Мърфушку [да позади] себя».

¹¹³⁸ У Г. Л. Крюкова — «привезал [он] Марфушку [позади] себя».

¹¹³⁹ У Г. Л. Крюкова — «шьтобы [не пала]».

¹¹⁴⁰ У Г. Л. Крюкова — «[ко] Владимиру».

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

А везет же он Добрыня по чисту полю,
Он наехал во чистом поле¹¹⁴¹ да йскопытъ,
Ископытъ да лошадиною,
Как стульями земля да проворочена.
Тут поехал нунь Добрыня сын Никитинич
Той же ископытю лошадиною,
Он увидел тут Алешеньку Левонтьева:
«Ай же ты Алешенька Левонтьевич!
Ты прими от нас Забаву дочь Потятичну.
Вез же я Забаву да во честности,
Да от нас прими, Олешенька, во честности,
Не стыди-тко ей да личка белого¹¹⁴²,
Ты пристыдишь ей да личко белое,
Мне-ка-ва она да тут пожалится,
Я те завтра тут, Олешка, голову срублю!
А свежи-ко ты к Владимиру во честности,
К солнышку ко князю стольнѣ-киевску».
Отправляет тут Забаву дочь Потятичну
С тем¹¹⁴³ было Олешенькой Левонтьевым,
Сам поехал ископытю лошадиною. (581–600)

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

...Во те во пещеры во глубокие. (31)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Опускается Добрынюшка с добра коня
И пошел¹¹⁴⁴ же по пещерам по змеиным... (529–530)

¹¹⁴¹ У П. Л. Калинина — «[во чистом] поли».

¹¹⁴² У П. Л. Калинина — «[личка] белаго».

¹¹⁴³ У П. Л. Калинина — «[с] тым... [Олешенькой Левонтьевым]».

¹¹⁴⁴ У П. Л. Калинина — «[и] пошол».

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Посмотрел-то он на норы на змеиные¹¹⁴⁵,
 Ай во тех¹¹⁴⁶ норах да во змеиных
 Много множество да полонóв сидит,
 Полонá сидят да всё расейские¹¹⁴⁷,
 Ай сидят-то там да князя бóяра,
 Сидят русские могучие¹¹⁴⁸ богáтыря. (406–411)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А во тех¹¹⁴⁹ ли во пещерах во змеиных
 А раскована¹¹⁵⁰ там красна девушка¹¹⁵¹,
 В ручки в ножки биты гвоздя железные¹¹⁵².
 А там во пещерах¹¹⁵³ во змеиных
 А не много ли не мало да двенадцать всех змиёнышов;
 Ай прибил-то ведь Добрыня всех змиёнышов,
 Ай снимал он со стены да красну девушку... (364–370)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Й он пошел¹¹⁵⁴ как по норáм да по змеиным,
 Насчитал-то полонóв он¹¹⁵⁵ много множество... (414–415)

¹¹⁴⁵ У Т. Г. Рябины — «[на норы на] змеиные».

¹¹⁴⁶ У Т. Г. Рябины — «[ай во] тых [норах]».

¹¹⁴⁷ У Т. Г. Рябины — «расейский».

¹¹⁴⁸ У Т. Г. Рябины — «[сидят] русский могучий [богáтыря]».

¹¹⁴⁹ У И. Фёонова — «[а во] тых».

¹¹⁵⁰ У И. Фёонова — «[а] раскована».

¹¹⁵¹ У И. Фёонова — «[там] дочка княженецкая».

¹¹⁵² У И. Фёонова — «[гвоздя] железный».

¹¹⁵³ У И. Фёонова — «[во] пещерах».

¹¹⁵⁴ У Т. Г. Рябины — «[он] пошел».

¹¹⁵⁵ У Т. Г. Рябины — «начитал-то... ён».

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

А наношено народу там ведь сметы нет,
Сметы нет да смётить нёмошно.
Сидят старички-ты — поседатели,
Сидят старушки-то — поседатели,
У грудей висят маленьки змиёнышки.
Разгорелось¹¹⁵⁶ у Добрыни ретиво сердце,
Разбил эти¹¹⁵⁷ пещеры он глубокие,
Прибил он ведь маленьких змиёнышков... (36—43)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Из тыи же из пещеры из змеиною
Стал же выводить да полону он русского¹¹⁵⁸,
Много вывел он было князей князевичев,
Много королей да королевичев,
Много он девиц да королевичных,
Много нунь девиц да и князевичных... (531—536)

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

Распустил¹¹⁵⁹ он народ-от по своим землям,
По своим землям да по своим ордам,
По своим отцам, по своим матерям. (44—46)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Как пошли-то полонá эти́ расейские¹¹⁶⁰
Ай со тех¹¹⁶¹ со нор да й со змеиных,
У них сделался да то и шум велик. (454—456)

¹¹⁵⁶ У А. Т. Гусева — «розгорелось».

¹¹⁵⁷ У А. Т. Гусева — «розбил эти [пещеры]».

¹¹⁵⁸ У П. Л. Калинина — «русьского».

¹¹⁵⁹ У А. Т. Гусева — «роспустил».

¹¹⁶⁰ У Т. Г. Рябины — «[полонá эти́] расейский».

¹¹⁶¹ У Т. Г. Рябины — «[ай со] тых [со нор]».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А как тут Добрыня зажег¹¹⁶² змеи высок терем;
Загорелся¹¹⁶³ змеин высок терем. (265–266)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорит же королям да королевичам,
Говорит князям да он князевичам
И девицам королевичным
И девицам он да нунь князевичным:
«Кто откуль вы да унёсены,
Всяк ступайте в свою сторону
А собирайтесь все¹¹⁶⁴ да по своим местам,
И не троне вас змея болё проклятая.
А убита е змея да та проклятая
А пропущена да кровь она змеиная
От востока кровь да вниз до запада,
Не унесет нунь болё полону да русского¹¹⁶⁵
И народу христианского¹¹⁶⁶». (546–558)

Донской казак:

Покончил Добрынюшка службу царскую. (19)

¹¹⁶² У Г. Л. Крюкова — «зажог».

¹¹⁶³ У Г. Л. Крюкова — «загорелсэ».

¹¹⁶⁴ У П. Л. Калинина — «[а собирайтесь] вси».

¹¹⁶⁵ У П. Л. Калинина — «русьского».

¹¹⁶⁶ У П. Л. Калинина — «христiаньскаго».

Возвращение Добрыни на свадьбу собственной жены

Источники текста

Иван Павлович Сивцев, деревня Поромское, Кенозеро (Добрыня в отъезде, Алеша Попович: [Былина] № 16 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. — Петрозаводск : Губернская тип., 1864. — С. 69–75.)

Калика из Красной Ляги (II) Добрыня Никитич. Купанье в реке. Жена вышла за другого: [Былина] № 6 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 14–20; (III) Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 15 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 59–71.)

Домна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень (Бой Добрыни со Змеем и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 339 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 167–170.)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога (Добрыня Никитич. Жена за другого: [Былина] № 7 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 21–33.)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост (Добрыня в отъезде; Алеша Попович: [Былина] № 25 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Типография А. Семена, 1861. — С. 129–139.)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень (Добрыня на заставе и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 361 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 309–312.)

Егор Семёнович Табуев, деревня Лампожня, Мезень (Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 305 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 8–12.)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшеле, Мезень (Купанье и бой Добрыни со Змеем и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 342 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 184–195.)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район (Добрыня и Алеша: [Былина] № 2 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 52–55.)

Александра Васильевна Кожевникова, деревня Спирово, Плесецкий район (Старина о Добрыне Никитиче: [Былина] № 67 // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 277–280.)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень (Бой Ильи Муромца с Добрыней, неудавшаяся женитьба Алеши Поповича и рассказ Добрыни о своем бое со Змеем: [Былина] № 351 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 245–252.)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд (Добрыня и Алеша: [Былина] № 49 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. I. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 335–349.)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье (Добрыня Никитич и Василий Казимирович: [Былина] № 27 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 146–172.)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой (Купанье, бой со змеей, женитьба на избавленной девице и стояние Добрыни на заставе и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 301 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463–469.)

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора (Алеша Попович женится: [Былина] № 95 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 389–393.)

- Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Киж* (Добрыня и Алеша: [Былина] № 145 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 430—435.)
- Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости* (Добрыня Никитич и отец его Никита Романович [Бой со змеем]: [Былина] № 3 // Былины и исторические песни из Южной Сибири. — Новосибирск : Новосибирское обл. гос. изд-во, 1939. — С. 43—51.)
- Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудог* (Добрыня и Змей: [Былина] № 59 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 438—450.)
- Иван Иванович Рассолов, деревня Печище, Мезень* (Женитьба и отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 353 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 260—264.)
- Марфа Трофимовна Котова, деревня Масельга, Повенец* (Добрыня и Алеша: [Былина] № 26 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 203—208.)
- Павел Семёнович Семёнов, Киж, Заонежье* ([Добрыня и Василий Казимирович]: [Былина] № 108 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 481—495.)
- Иван Артёмьевич Гришин, деревня Загубье, Толвуй* (Добрыня и Алеша: [Былина] № 33 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 224—231.)
- Андрей Васильевич Сарафанов, Киж, Заонежье* (Добрыня и Алеша: [Былина] № 107 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 245—252.)
- Казак хутора Нижне-Кривский, станица Еланская* (Добрыня в отъезде: [Былина] № 5 // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. — М. : Синодальная тип., 1908. — С. 291—292.)
- Харлам Андреевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро* (Добрыня и Алеша: [Былина] № 292 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 441—447.)

Потап Трофимович Антонов, деревня Гагарки, Шальский погост (Добрыня и Алеша: [Былина] № 65 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 488–504.)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень (Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича: [Былина] № 371 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 371–376.)

Фёдор Александрович Корсаков, деревня Костино, Песчанская волость (Добрыня и Алеша: [Былина] № 23 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 186–195.)

Афанасия Ефремовна Паюсова, город Мезень, Мезенский район (Добрыня и Алёша: [Былина] № 50 // Былины: в 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. — С. 268–270.)

Анна Алексеевна Фалина, деревня Якушева Гора, Повенец ([Добрыня и Алеша]: [Былина] № 61 // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 245–247.)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район (Добрыня на Чудь поехал: [Былина] № 82 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 229–234.)

Козьма Романов, деревня Логмасы, Петрозаводский уезд (Добрыня в отъезде; Алеша Попович: [Былина] № 26 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 139–146.)

Алексей Виссарионович Батов, Выгозеро (Добрыня и Алеша: [Былина] № 187 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 672–678.)

Устинья Антоновна Краскова, деревня Враниковская, Плесецкий район ([Добрыня женится, Добрыня и Алеша]: [Былина] № 80 // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 304–306.)

Иван Павлович Сивцев, деревня Поромское, Кенозеро:

Из-за гор-то было высокиих,
Из лесу-то было, лесу темного¹¹⁶⁷
Повышла, повышла, повыкатила
Широкая матушка быстра Волга река;
Широкая-то Волга под Казань прошла,
Пошире, подальше под Астрахань... (1–6)

Калика из Красной Ляги:

Местом шла она три тысячи,
Рек побрала — того сметы нет,
А перевоз дала в стольном городе во Киеве. (1: 2–4)

Иван Павлович Сивцев, деревня Поромское, Кенозеро:

Выпала во море во Каспийское.
И то де Добрынюшке не сказочка,
Теперь старины его начал пойдет. (9–11)

Домна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Как поехал Добрынюшка во чисто полё
Он ведь¹¹⁶⁸ бить-то Змею да злу пешшорскую. (15–16)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Уехал тут Добрынюшка во чисто поле.
Тут не две утушки серые¹¹⁶⁹ сплывались,
Не две белые лебедушки слетались:
Садилася свекровушка да невестушка в одно место,
Плачут-обливаются,
Да молода Добрынюшку из чиста поля дожидаются... (88–93)

¹¹⁶⁷ У И. П. Сивцева — «[лесу] темнаго».

¹¹⁶⁸ У Д. Потруховой — «[он] веть [бить-то]».

¹¹⁶⁹ У А. П. Сорокина здесь и далее — «[утушки] серия», «белыя [лебедушки]».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Как день за днем, будто дождь дождит,
Неделя за неделей, как трава растет,
А год за годом, как река бежит.
Прошло тому времени да три году,
Не бывал Добрыня из чиста поля. (56–60)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А ише тут же Настасья да нонь Микулисьня... (53)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

...Стала сожидать его по другое три.
Опять день за днем, будто дождь дождит,
Неделя за неделей, как трава растет,
А год за годом, как река бежит.
Прошло тому времени шесть уже лет,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Во тую пору, в то время
Приезжал¹¹⁷⁰ Алеша из чиста поля,
Привозил он весточку нерадостну,
Что нет жива Добрыни Никитича. (61–70)
<...>
Тогда государыня родна его матушка
Желешенько она о нем плакала,
Слезила она очи ясные¹¹⁷¹,
Скорбила она лицо¹¹⁷² белое
По своем рожею дитятке,
По молодом Добрыне Никитиче¹¹⁷³. (71–76)
<...>
Начала по палатам¹¹⁷⁴ похаживать,
Начала голосом поваживать
Жалобнехонько она, с причетью. (32–34)

¹¹⁷⁰ У А. Е. Чукова — «приизжал [Алеша]».

¹¹⁷¹ У А. Е. Чукова — «[очи] ясные».

¹¹⁷² У А. Е. Чукова — «лице [белое]».

¹¹⁷³ У А. Е. Чукова — «[по молодом] Добрыни Никитичи».

¹¹⁷⁴ У А. Е. Чукова — «учала [по] палаты [похаживать]».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А ише стала Настасья да ноньце плакати.

<...>

А прошла эта славушка до Киева,

А от Киева славушка до Питера,

А от Питера прошла слава по вся земля¹¹⁷⁵ —

А сказали, що Добрыни нонь живого нет... (54; 36–39)

Егор Семёнович Табуев, деревня Лампожня, Мезень:

К Добрыниной да родной матушке

А из Киева женихи да вот приехали¹¹⁷⁶... (25–26)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А женихи-ти на ей да стали сватацье:

А ише сватались тут князя да ноньце бояра,

А ише те же как русские¹¹⁷⁷ богатыри, —

А не за кого она не йдет, да нонь не думает¹¹⁷⁸. (55–58)

Домна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Как у ласкова князя да у Владимира¹¹⁷⁹

Заводилось пированьицо-стол, почесьён пир. (44–45)

Калика из Красной Ляги:

На многих на князей, на бóяров

И на сильных могучих богáтырей,

На всех палениц на удалых.

¹¹⁷⁵ У Е. В. Рассолова — «[по] фсея [земли]».

¹¹⁷⁶ У Е. С. Табуева — «[...К Добрыниной да родной] матушки. / [А] ис [Киева женихи да вот приехали...]».

¹¹⁷⁷ У Е. В. Рассолова — «русские [богатыри]».

¹¹⁷⁸ У Е. В. Рассолова — «[да нонь] не думает».

¹¹⁷⁹ У Д. Потруховой — «[князя да] ю Владимёра».

Пир-от идет на веселе,
 День-ет идет ко вечеру,
 Красное солнышко ко западу. (I: 7–12)

Домна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Ише все¹¹⁸⁰ на пиру да пьяны-веселы¹¹⁸¹,
 Ише все на чесном пиру приросхвастались.
 Как один ле сидит молодец — не пьёт, не ест,
 Да не пьёт, не ест молодец — не хвастает¹¹⁸².
 Говорил-то Владимир, князь¹¹⁸³ стольне-киевской:
 «Уж¹¹⁸⁴ ты ой еси, удалой да доброй молодец!
 Ишше шо же ты сидишь, ницего не пьёшь, не ешь,
 Ты не пьёшь ле, не ешь, молодец, не кушаёшь,
 Ты нечем, сидишь,¹¹⁸⁵ Олёшенька, не хвастаёшь?»
 — «Уж ты батюшка Владимир¹¹⁸⁶, князь стольне-киевской!
 Ишше нецим у меня дак будет¹¹⁸⁷ хвастати.
 Ишше все у нас во городи поженены¹¹⁸⁸,
 Ишше красны-ти девушки взамуж¹¹⁸⁹ выданы —
 Как один ле Олёшенька, холост¹¹⁹⁰ хожу,
 Я холост хожу, Олёшенька, неженат слыву¹¹⁹¹».
 Говорил-то Владимир, князь стольне-киевской:
 «Да кого же, Олёшенька, тебе¹¹⁹² надобно?
 Душа красна девица¹¹⁹³ ле тебе надобно,
 Але вдова благочестивая тебе надобно?»

¹¹⁸⁰ У Д. Потруховой здесь и далее — «все».

¹¹⁸¹ У Д. Потруховой — «пьяны-весёлы».

¹¹⁸² У Д. Потруховой — «не хвастает».

¹¹⁸³ У Д. Потруховой здесь и далее — «говорыл-то Владимир, князь [стольне-киевской]».

¹¹⁸⁴ У Д. Потруховой здесь и далее — «уж».

¹¹⁸⁵ У Д. Потруховой — «седишь».

¹¹⁸⁶ У Д. Потруховой здесь и далее — «батюшко Владимёр».

¹¹⁸⁷ У Д. Потруховой — «у миня дак будёт».

¹¹⁸⁸ У Д. Потруховой — «фсе... поженёны».

¹¹⁸⁹ У Д. Потруховой — «взамуш [выданы]».

¹¹⁹⁰ У Д. Потруховой здесь и далее — «побёт [хожу]».

¹¹⁹¹ У Д. Потруховой — «нежонат слову».

¹¹⁹² У Д. Потруховой здесь и далее — «тибе [надобно]».

¹¹⁹³ У Д. Потруховой — «[красна] девица».

— «Мне-ка надобно вдова благочестивая,
 Прическа вдова Настасья да Микулична¹¹⁹⁴!»
 Говорил-то Владимир, князь стольне-киевской:
 «Уж вы слушайте, князи да многи бояра,
 Все¹¹⁹⁵ пресильни-могущи богатыри!
 Как не зря ле Олѣшенька седит-древит?
 Не с огня ле Олѣшенька рець говорит?
 Он ведь хоцѣт у живого мужа жену отнять¹¹⁹⁶!»
 Говорил-то¹¹⁹⁷ Олѣшенька таковы речи:
 «Уж ты батюшка Владимир да стольне-киевской!
 Уж я был-то вещѣр да во чистом поли...» (49–78)

Фѣдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

«А да лежит твой Добрынюшка на сырой земле¹¹⁹⁸,
 А да и ротом у Добрынюшки вода бежит,
 А на глазах у Добрынюшки цветы цветут». (180–182)

Домна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«Я погрѣб-то у Добрынюшки тело белое¹¹⁹⁹,
 Чтобы черны-ти вороны не граяли¹²⁰⁰,
 Чтобы¹²⁰¹ серы-ти волки косток не таскали!»
 Говорил-то Владимир, князь стольне-киевской¹²⁰²:
 «Поезжайте¹²⁰³ за Настасьей да Микуличной¹²⁰⁴!» (79–83)

¹¹⁹⁴ У Д. Потруховой — «[вдова] Ёмельфа да Тимофеёвна».

¹¹⁹⁵ У Д. Потруховой — «фсе... [богатыри]».

¹¹⁹⁶ У Д. Потруховой — «[у живого мужа] жону отнеть».

¹¹⁹⁷ У Д. Потруховой — «говорыл-то [Олѣшенька]».

¹¹⁹⁸ У Ф. П. Рюмина — «[на сырой] земли».

¹¹⁹⁹ У Д. Потруховой — «погрѣп-то... [тело] белоё».

¹²⁰⁰ У Д. Потруховой — «щобы... [вороны не] граели».

¹²⁰¹ У Д. Потруховой — «щобы».

¹²⁰² У Д. Потруховой — «[говорил-то] Владимѣр, князь стольне-киевской».

¹²⁰³ У Д. Потруховой — «поезжайте».

¹²⁰⁴ У Д. Потруховой — «[за] Ёмельфой да Тимофеёвной».

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

А да приехали они да во Резань-город
А да ко той же Омельфы да Тимофеевны. (228–229)

Домна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Вдруг не туця туцицьсе, не гром гремит¹²⁰⁵ —
Как нашли-то, наехали удалы добры молодцы¹²⁰⁶
Ко причесной вдовы Настасьи да Микуличны¹²⁰⁷.
Говорил тут Олëshенька таковы речи:
«Прическа вдова Настасья да Микулична¹²⁰⁸!
Ты идёшь ли — не идёшь да за меня взамуж¹²⁰⁹?»
— «Уж ты ой еси, Олëshенька Поповиц сын!
Поежжал-то Добрынюшка во чисто полё,
Поежжал, ведь мне-ка он наказывал...
<...>
“Как пройдёт ле тому времечку перва шесть лет,
Как пройдёт тому времени втора¹²¹⁰ шесть лет,
Как минуицэ времечку двенадцать¹²¹¹ лет,
Как тринадцатое да летицько тёплое¹²¹²,
После этого бываньица — хошь вдовой сиди,
Хошь вдовой ты сиди, хошь и взамуж поди.
Хошь за князя поди, хошь за бояра,
За детинушку поди да туроватого —
Не ходи-ко за Олëshеньку Поповича¹²¹³:
Как Олëshенька Попович да мне — крестовой брат!”»
(84–92; 94–103)

¹²⁰⁵ У Д. Потруховой — «[не гром] гремит».

¹²⁰⁶ У Д. Потруховой — «[добры] молодцы».

¹²⁰⁷ У Д. Потруховой — «[ко причесной] вдовы Ёмельфы да Тимофеевны».

¹²⁰⁸ У Д. Потруховой — «[прическа вдова] Ёмельфа да Тимофеевна».

¹²⁰⁹ У Д. Потруховой здесь и далее — «взамуш».

¹²¹⁰ У Д. Потруховой — «фтора [шесть лет]».

¹²¹¹ У Д. Потруховой — «двенацэть [лет]».

¹²¹² У Д. Потруховой — «тринадцатое [да летицько] тёплое».

¹²¹³ У Д. Потруховой — «[за Олëshеньку] Поповича».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

«Я исполнила заповедь мужнюю,
Я ждала Добрыню цело шесть годов,
Не бывал Добрыня из чиста поля;
Я исполню заповедь свою женскую:
Я прожду Добрынюшку друго шесть годов;
Так сполнится времени двенадцать лет,
Да успею я и в ту пору замуж пойти». (85–91)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

«Ты поди-ка прочь, смелый Олеша Попович!»
<...>
Тут Олешенька да не весел стал,
Сам говорил Олеша таковы слова:
«Ай же молода Настасья¹²¹⁴ Микулична!
Хошь ты туляешься-виляешься,
За иного¹²¹⁵ взамуж не достанешься,
Как будешь за мной да во замужестве!»
Сам пошел-то из палат-то белокаменных. (120; 125–131)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Опять день за днем, будто дождь дождит,
А неделя за неделей, как трава растет,
А год за годом, как река бежит.
Прошло тому времени друго шесть годов... (92–95)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

Не приехал Добрыня и двенадцать лет,
Ни вести нет, ни павести,
Ни писем нет, ни грамотки. (109–111)

¹²¹⁴ У А. П. Сорокина — «Наталья [Микулична]».

¹²¹⁵ У А. П. Сорокина — «[за] инного [взамуж]».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Стал солнышко Владимир тут похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать... (98—100)

Александра Васильевна Кожевникова, деревня Спирово, Плесецкий район:

«И ездил Алешка во поле Куликовское,
И видел — Добрыня убит-ранен лежит,
Еще резвыми ногами во ковыль во траву,
А больной головой во ракивов куст,
Еще ручки его поразметаны,
А конь его гуляет уж во диких степях». (61—66)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

«Как тебе жить молодой вдовой,
Молодой свой век коротати?
Поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
А хоть за русского могучего¹²¹⁶ богатыря,
А хоть за смелого Алешу Поповича». (101—105)

Калика из Красной Ляги:

«В нашу державу свято-русскую
Пойдут семена — плод богатырский¹²¹⁷ ...» (II: 94—95)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

«Добром ты пойдёшь — дак он добром возьмёт;
А не йдёшь ты добром — я отдам¹²¹⁸ силою!»

¹²¹⁶ У А. Е. Чукова здесь и далее — «[за] русаго могучаго [богатыря]», «[за] смелаго [Алешу Поповича]».

¹²¹⁷ У калики из Красной Ляги — «[плод] богатырский».

¹²¹⁸ У В. П. Аникиева — «[я] отдам».

Говорила Настасья Микулична¹²¹⁹:
«Уж ты ой еси, великий князь Владимир стольне-киевский¹²²⁰!
Я не желаю изменить своему супружеству.
Супругу же Добрынюшке Никитичу¹²²¹!
<...>
Он велел выходить мне за старого,
За старого велел и за младого, —
Только не велел выходить за Олёшу Поповича...»
(103–108; 112–114)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как там это Добрынюшка Микитиниц
За тым за славным за синім морем... (261–262)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

С дальния пути со дороженьки
Похотел он раздернуть шатер беленький полóтняный
И лецй он спать да проклаждатися.
Он насыпал пшены лишь белояровой
Добру коню богатырскому,
Лег в шатер беленький полотняный... (610–615)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

А там он-то Добрыня на чистóм поле¹²²²,
На чистóм поле Добрынюшка, в белóм шатре¹²²³,
А сам он молодец забавляется,
Играет он в доски-ты шахматны,
А в дóроги тавлеи золочёные,
А надо собой незгодушки не ведаёт... (263–268)

¹²¹⁹ У В. П. Аникиева — «говорила Омельфа Тимофеевна».

¹²²⁰ У В. П. Аникиева — «уш [ты ой еси...] княсь Владимир стольне-киевской».

¹²²¹ У В. П. Аникиева — «[супругу же] Добрынюшки Некитича».

¹²²² У Н. Прохорова здесь и далее — «[на] чистóм поли».

¹²²³ У Н. Прохорова — «[в белóм] шатри».

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой:

А во той во Резани, славном городе¹²²⁴ ... (3)

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

Были у Добрыни три ўтехи,
 Были три ворона кормлёные¹²²⁵,
 Полетели эти вороны кормлёные,
 Где ведь спит-то ведь Добрыня во чистом поле¹²²⁶,
 Ище спит-то ведь Добрыня во белом шатре;
 Как один-от ведь садился¹²²⁷ на сырой дуб,
 Как другой-от ведь садился на бел шатёр,
 Как третей-от ведь садился на сыру землю.
 Как первой-от ворон-от воскуркаёт, —
 Как удрóгла ведь матушка сыра земля;
 Как второй-от ведь ворон-от воскуркаёт, —
 Как сухое-то пенёе поломалося;
 Ищэ третий-от¹²²⁸ ведь ворон-от воскуркаёт, —
 Как наш-то ведь добрый¹²²⁹ молодец пробужаитце,
 От великою хмелинки просыпаитце:
 «Видно есть¹²³⁰ у нас над городом незгодушка».
 Как сряжался¹²³¹ ведь Добрынюшка Микитьевич,
 Как собирал-то ведь Добрыня свой белой шатёр,
 Поворот держит¹²³² Добрынюшка во свой город. (69—87)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Кижы:

Не ясён сокол по чисту полю полётывает,
 А едет Добрынюшка со зёмлей татарских. (98—99)

¹²²⁴ У Ф. К. Шуваевой — «и [во той во Резани, славном] городи».

¹²²⁵ У П. И. Шевелёвой здесь и далее — «[три ворона] кормлёными», «[эти вороны] кормлёными».

¹²²⁶ У П. И. Шевелёвой — «во чистом поли».

¹²²⁷ У П. И. Шевелёвой — «[ведь] садилса».

¹²²⁸ У П. И. Шевелёвой — «[ищэ] третей-от».

¹²²⁹ У П. И. Шевелёвой — «доброй [молодец]».

¹²³⁰ У П. И. Шевелёвой — «[видно] есь».

¹²³¹ У П. И. Шевелёвой — «[как] сряжалса».

¹²³² У П. И. Шевелёвой — «[поворот] дёржит».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Во тую пору, в то время
Приезжал¹²³³ Алеша из чиста поля. (67—68)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

...Во Киев-град на улицу на широку;
И идет он на улицу на широку... (366—367)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Ай привез князю племянницу любимую¹²³⁴. (375—376)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И увидел ласковый Владимир-князь
Во то окошечко косящато,
Во ту оконенку секольчату,
И бежит он скоро на красно крыльцо,
И радуется он удалу добру молодцу... (368—372)

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

Говорит Олешенька Поповиц млад¹²³⁵:
<...>
«Уж ты, батюшка Владимир стольнѣ-киевский¹²³⁶!
Ты позволь мне-ка жениться на Добрыниной вдовы».
Отвечат ему Владимир стольнѣ-киевский¹²³⁷:
«Может¹²³⁸ быть Добрыня еще сам живой».

¹²³³ У А. Е. Чукова — «приизжал [Алеша]».

¹²³⁴ У И. Фёонова — «[ай] привозит [князю] дочку [любимую]».

¹²³⁵ У П. И. Шевелёвой — «[Олешенька Поповиц] блат».

¹²³⁶ У П. И. Шевелёвой — «[уж ты,] батюшко Владимиры стольнѣ-киевской».

¹²³⁷ У П. И. Шевелёвой — «[отвечат ему] Владимиры стольнѣ-киевской».

¹²³⁸ У П. И. Шевелёвой — «можот [быть]».

— «Я давно ведь-то ездил во чисто полё,
 Сквозь Добрынюшка трава растёт¹²³⁹,
 Сквозь Микитица цветы цветут;
 Ты позволь мне на ней жениться,
 Ты же сам будешь¹²⁴⁰ мне-ка батюшком,
 А княгиня-то¹²⁴¹ Апраксия место матушки,
 Как ты, старой да Илья Муромец,
 Ты же мне быть ты тысяцким¹²⁴²;
 Как, Цюрило Голошапишко,
 Ты будешь¹²⁴³ мне ходить да место дружки-то».
 (21; 17–20; 22–31)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

А да ставал-де Владимир¹²⁴⁴ да на резвы ноги,
 А да кричал Владимир да громким голосом:
 «А уж вы ой еси, слуги да мои верные!
 А да ведите скорее да коня доброго¹²⁴⁵!»
 А да поехал тут Владимир да во Резань-город
 А да со тем же с Олëshенькой Поповичем¹²⁴⁶. (222–227)

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

Как пошли-то ведь да со князем поездом,
 Ише к той-то ведь Добрыниной родной матушке;
 Шли-то ведь они да ночьюным временем¹²⁴⁷,
 Как колотятся они у Добрыниной у матушки,
 Как у тех же ворот да у крылецных;
 Выходила-то Добрынина родна матушка:

¹²³⁹ У П. И. Шевелёвой — «[трава] растёт».

¹²⁴⁰ У П. И. Шевелёвой — «[сам] будёшь».

¹²⁴¹ У П. И. Шевелёвой — «[а] княгина-то».

¹²⁴² У П. И. Шевелёвой — «[быть ты] тысяцким».

¹²⁴³ У П. И. Шевелёвой — «[ты] будёшь».

¹²⁴⁴ У Ф. П. Рюмина здесь и далее — «Владимир» (ст. 223), «Владимёр» (ст. 226).

¹²⁴⁵ У Ф. П. Рюмина — «[коня] доброго».

¹²⁴⁶ У Ф. П. Рюмина — «[с] с Олëshенькой Поповичом».

¹²⁴⁷ У П. И. Шевелёвой здесь и далее — «[ночьным] временём».

«Ише кто¹²⁴⁸ же тут колотитце noctным временем,
 Ише воры-то или разбойники?»
 Отвечат на то Владимир стольнѣ-киевский¹²⁴⁹
 «Запускай нас, Добрынина родна матушка,
 Мы идѣмъ ведь к Добрыне¹²⁵⁰ на почэсен пир».
 Запускала их Добрынина родна матушка,
 Не воротят они в ложню теплую,
 Ишэ прямо всё идут да в лёжню спальную¹²⁵¹,
 Где-то спит его да молода жена¹²⁵²;
 Заходил Владимир стольнѣ-киевский,
 Как со тем же ведь Олѣшинькой Поповицом,
 Как со тем же ведь стары да Илья Муромцом,
 Говорят они Добрыниной молодой жене:
 «Ты ставай-ко-се, вдова, с кроватоцьки,
 Ты ставайко-се с постелюшки пуховой,
 С кроватоцьки ставай-ко со тисовой,
 Надевайся ты во платицо во цветное,
 Ты поди-ко-се с Олѣшей¹²⁵³ ко Божьей церкви,
 Принимай-ко-ся с Олѣшей золоты венцы¹²⁵⁴». (33–57)

Домна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Да говорил тут Олѣшенька таковы речи:
 «Ты добром же идѣшь — дак мы добром возьмѣм;
 А ты добром не идѣшь — дак возьмѣм силоу,
 Уж¹²⁵⁵ мы силушкой возьмѣм дак богатырьскоу,
 А мы поездкой¹²⁵⁶ повезѣм да княжеиньскоу!» (104–108)

¹²⁴⁸ У П. И. Шевелёвой — «[ише] хто».

¹²⁴⁹ У П. И. Шевелёвой здесь и далее — «Владимир стольнѣ-киевской».

¹²⁵⁰ У П. И. Шевелёвой — «[к] Добрыни».

¹²⁵¹ У П. И. Шевелёвой — «[в лёжню] спальную».

¹²⁵² У П. И. Шевелёвой здесь и далее — «[молода] жона», «[молодой] жоны».

¹²⁵³ У П. И. Шевелёвой здесь и далее — «[с] Олѣшой».

¹²⁵⁴ У П. И. Шевелёвой — «[золоты] винчи».

¹²⁵⁵ У Д. Потруховой — «уш».

¹²⁵⁶ У Д. Потруховой — «поеской [повезѣм]».

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

Тут не белая лебедушка воскликнула,
У Добрыни молода вдова заплакала,
Как ставала ведь она да со кровати, —
Как брала она в руки да золоты ключи,
Отмыкала она ящики окованные,
Вынимала она умываньицо румяное,
Вынимала она своё да платье цветное¹²⁵⁷,
Надевала она своё да платье цветное¹²⁵⁸;
Еще брал-то ей Олёша да праву руку... (58–66)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

А повел-де Настасью на широкий двор¹²⁵⁹... (263)

Иван Иванович Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А спроводила ей свёкровка¹²⁶⁰, матушка богосужона,
Спроводила к веньцю невестушку богосужону
И садилась на лавоцьку на брусцытую;
Да как села под косесято да окошечко,
Да стала везде смотреть в окошечко,
Да ведь¹²⁶¹ стала она да слезно плакати.
Во слезах-то сидит, сама выговарывают:
«Да не стало у меня дитятка родимого,
А не стало невески да богосужоной —
Ише некому меня¹²⁶² стало поить-кормить!
У меня резвы ножечки приходилисе,
Да у меня белы-ти ручушки примахалисе,
Очи ясны у меня да пригледелисе —
Ише некому меня стало поить-кормить,
Ише некому меня стало обувать-одевать!» (51–65)

¹²⁵⁷ У П. И. Шевелёвой — «[своё да платье] цветноё».

¹²⁵⁸ У П. И. Шевелёвой — «[своё да] платье цветноё».

¹²⁵⁹ У Ф. П. Рюмина — «[а] повели-де Апраксию [на] шырокой [двор]».

¹²⁶⁰ У И. И. Рассолова — «[ей] свёкрофка».

¹²⁶¹ У И. И. Рассолова — «[да] веть».

¹²⁶² У И. И. Рассолова здесь и далее — «некому [миня]».

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшеле, Мезень:

А посадили-де Настасью¹²⁶³ на добра коня,
А повезли-де Настасью в¹²⁶⁴ стольне Киев-град... (264–265)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

Тут народы все скопились,
Все над ей прослезились:
Добрынюшку всем жалко стало уж. (129–131)

Домна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Тогда шевелился у Добрыни¹²⁶⁵ на вороту же крест:
«Да берут, видно, Настасью да Микуличну¹²⁶⁶
Ише тот же Олëshенька Поповиц же». (109–111)

Марфа Трофимовна Котова, деревня Масельга, Повенец:

А Добрынюшке¹²⁶⁷ Микитичу да стосковалоси.
И ставал-то Добрынюшка Микитич есть,
А он есть поутру ранëshенько,
Умывается Добрынюшка белëshенько.
Утирался в тонко бело пóлотно.
Выходит-то Добрынюшка Микитич е
На шíроку на уличку,
Он глядел-то смотрел во все¹²⁶⁸ стороны,
А одна сторона помилие всех.
Садился Добрынюшка Микитич на добрá коня,
Ай отправился Добрынюшка да в тую сторону. (77–87)

¹²⁶³ У Ф. П. Рюмина — «[а посадили-де] Апраксию».

¹²⁶⁴ У Ф. П. Рюмина — «[а повезли-де] Апраксию ф [...Киев-град]».

¹²⁶⁵ У Д. Потруховой — «тогда шевелилсэ у Добрыши [на вороту же крест]».

¹²⁶⁶ У Д. Потруховой — «[да берут, видно,] Омелфу да Тимофеёвну».

¹²⁶⁷ У М. Т. Котовой — «[а] Добрынюшки [Микитичу]».

¹²⁶⁸ У М. Т. Котовой здесь и далее — «[во] вси [стороны]», «[помиліе] всих».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

А Добрыня случился¹²⁶⁹ у Цари-града,
А у Добрыни конь потыкается:
«Ах ты волчья сыть, ты медвежья шерсть!
Зачем сегодня потыкаешься?»
Испровещится ему добрый конь,
Ему голосом человеческим:
«Ты ей, хозяин мой любимый!
Над собой невзгодушки не выдаешь:
Твоя молода Настасья, дочь Никулична, замуж пошла
За смелого¹²⁷⁰ Алешу за Поповича;
Пир идет у них по третий день;
Сегодня им итти ко Божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу».
Разгорячился Добрынюшка Никитич,
Он берет да плеточку шелковую,
Он бьет бурка промежу ноги,
Промежу ноги между задняя,
Что стал его бурушка поскакивать
С горы на гору, с холма на холмы,
И реки, озера перескакивать,
Широкие¹²⁷¹ раздолья между ног пушать.
Как не ясный сокол в перелет летит:
Добрый молодец перегон гонит. (112–134)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Киж:

Встречается¹²⁷² ему в чистом поле Раньжа, калека перехожая.
Тут проговорит Добрынюшко Микитин сын... (78–79)

Марфа Трофимовна Котова, деревня Масельга, Повенец:

«Ай же ты, калика перехожая!
Ты откуль идешь, откуль путь держишь?»

¹²⁶⁹ У А. Е. Чукова — «[а] Добрыня лучился».

¹²⁷⁰ У А. Е. Чукова — «[за] смелаго [Алешу]».

¹²⁷¹ У А. Е. Чукова — «широкия [раздолья]».

¹²⁷² У Н. Ф. Дутикова — «стретается [ему]».

Отвечат ему калика перехожая:

«Я иду-то со города со Киева». (91–94)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Киж:

— «Давно ли видал князя Владимира

И княгиню Апраксию?

Всем ли они живут да и здравствуют?»

— «Да недавно я был, третьего¹²⁷³ дни,

Все живут они да и здравствуют».

— «Да еще спрошу, Раньжа, калека перехожая!

Приехал ли Добрыня Микитин сын со зёмлей татарских?»

Спроговорит калека перехожая:

«Не приехал еще Добрынюшко со зёмлей татарских,

А его любима семья

Нарушила слово Добрынюшки Микитича,

Пошла она в замужество

За смелого¹²⁷⁴ Алешеньку Поповича.

Как его родная матушка порасплакалась,

Сидит она да в тереме да во высоком,

Глядит во чисто поле в косящатое окошечко». (82–97)

Павел Семёнович Семёнов, Киж, Заонежье:

«Как двенадцать лет у меня да миновалосе,

Как красное-то солнышко да укаталосе,

А нынь-то укатается да млад светел¹²⁷⁵ месец, —

Младая Настасья замуж пошла!»

Дело-то ведь делалось во пятницу,

В субботу-то они были в Божьей церкви¹²⁷⁶,

(*На оклики*)

А в воскресенье принимают золоты венцы!» (606–612)

¹²⁷³ У Н. Ф. Дутикова — «третьёго [дни]».

¹²⁷⁴ У Н. Ф. Дутикова — «[за] смелого».

¹²⁷⁵ У П. С. Семёнова — «светёл [месец]».

¹²⁷⁶ У П. С. Семёнова — «оны [были в Божьей] церкви».

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

Поворот держит¹²⁷⁷ Добрынюшка во свой город. (87)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

А да и путь он свой держит да во Святую¹²⁷⁸ Русь,
Ай да копыё своё клонит да на Резань-город. (274–275)

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

Приезжал-то Добрынюшка ночьюным временем¹²⁷⁹... (88)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Не воротмы ехал¹²⁸⁰, через стену городовую,
Мимо тую башню наугольную,
К тому придворью ко вдовиному... (135–137)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

А выходила-де Омельфа да на красно крыльцо,
Ай да смотрела тут она да во чисто полё... (270–271)

Иван Артемьевич Гришин, деревня Загубье, Толвуй:

Из далёча-далёча из чистá поля
Не белая пороша снежку выпала,
По этой пороше по белú снежку
Не бел заюшко ли он проскакивал,
Не белая куропаточка там напурхивала... (126–130)

¹²⁷⁷ У П. И. Шевелёвой — «[поворот] дёржит».

¹²⁷⁸ У Ф. П. Рюмина — «[во] Светую [Русь]».

¹²⁷⁹ У П. И. Шевелёвой — «приезжал... [ночьным] временём».

¹²⁸⁰ У А. Е. Чукова — «[не воротмы] ихал».

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшеле, Мезень:

А да приехал тут удалый да добрый молодец... (276)

Иван Иванович Рассолов, деревня Печище, Мезень:

Да идёт ведь¹²⁸¹ поленица да долгополая. (68)

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

Как колотитце Добрыня у своих ворот... (89)

Казак хутора Нижне-Кривский, станица Еланская:

Он и бьет копьём молодец об воротички¹²⁸²;
 Все дубовые вереюшки они покачнулись¹²⁸³,
 Ну железные задвижки они отдвинулись¹²⁸⁴,
 Ну решотчаты воротачки настезь растворились¹²⁸⁵,
 Ну и брякнула колечка она серебряная¹²⁸⁶,
 Ну брехнула всё собачка она всё борзых кобелей¹²⁸⁷.
 Ну выходит там старушка она старенькая¹²⁸⁸,
 Вот того¹²⁸⁹ было Добрыни мать да родимая:
 «Ой, что за пьяница тут, за пропоица таскается¹²⁹⁰?
 Ой по затылицу ай пьяница да дожидается¹²⁹¹?» (23—32)

¹²⁸¹ У И. И. Рассолова — «[идёт] веть».

¹²⁸² У казака хутора Нижне-Кривский — «[бьет] капьём младаец аб варотички».

¹²⁸³ У казака хутора Нижне-Кривский — «[все] дубоваи виреюшки ани пакачнулись».

¹²⁸⁴ У казака хутора Нижне-Кривский — «[ну] железнаи [задвижки] ани атдвинулись».

¹²⁸⁵ У казака хутора Нижне-Кривский — «[ну] ришотчаты варотачки настиж [растворились]».

¹²⁸⁶ У казака хутора Нижне-Кривский — «[ну и] брякнула калечка ана сиребриная».

¹²⁸⁷ У казака хутора Нижне-Кривский — «[ну брехнула всё] сабачка ана [всё] барзых кобелей».

¹²⁸⁸ У казака хутора Нижне-Кривский — «[старушка] она старинькая».

¹²⁸⁹ У казака хутора Нижне-Кривский — «[вот] таво [было Добрыни]».

¹²⁹⁰ У казака хутора Нижне-Кривский — «што [за пьяница тут]... таскайтца».

¹²⁹¹ У казака хутора Нижне-Кривский — «пазатылицу [ай пьяница да] дажитца».

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

«Ищэ кто же тут колотитце ночьюным временем¹²⁹²,
Ищэ воры ли вы ходите, разбойники^{1293?}»
— «Отпирай-ко-ся¹²⁹⁴ ты, матушка родимая,
Запусти-ко ты меня, уда́ла добра мо́лодца!» (91–94)

Александра Васильевна Кожевникова, деревня Спирово, Плесецкий район:

На Добрыне платье звериное,
На Добрыне шапка звериная,
Не узнала тут Добрыни родна матушка. (92–94)

Фёкла Константиновна Шуваева, деревня Нижя, Кулой:

И во том во платьице¹²⁹⁵ во львином-то... (220)

Калика из Красной Ляги:

Жалобнехонько она расплакалась:
«Как не стало моего чада милого¹²⁹⁶, —
Всяк-то стал насмехаться!» (I: 179–181)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

«Как бы было живо мое чадо милое,
Молодой Добрыня, сын Никитич,
Отрубил бы он тебе буйну голову
За твои поступки неумильные». (160–163)

¹²⁹² У П. И. Шевелёвой — «[ищэ] хто [же тут... ночьюным] временём».

¹²⁹³ У П. И. Шевелёвой — «розбойники».

¹²⁹⁴ У П. И. Шевелёвой — «ётпирай-ко-ся [ты]».

¹²⁹⁵ У Ф. К. Шуваевой — «[во] платьици».

¹²⁹⁶ У калики из Красной Ляги — «[чада] милого».

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Как у моего ¹²⁹⁷ у дитятка,
А у того Добрынюшки Микитица,
На нем были ¹²⁹⁸ платьица все цветные ¹²⁹⁹,
А нунь-ка на тебе всё платьица лосиные,
А лосиные платья всё звериные».
— «Да ай же ты, моя родна матушка!
Как видно ты меня не узнала есть». (328–334)

Иван Павлович Сивцев, деревня Поромское, Кенозеро:

«Истаскались де платья цветные ¹³⁰⁰,
Издержалася вся золота казна,
Испошил де кафтаны все звериные!» (132–134)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Она говорит: «Как у молода Добрыни Никитича
На ножках остры чоботы семи-шелковые:
А у тебя, голь кабацкая, рваные-плаченные;
Еще у Добрыня Никитича было личико белое-румяное:
А у тебя, голь кабацкая, зарудилося;
Очи были ясные как у сокола да заморского ¹³⁰¹:
А у тебя, голь кабацкая, очи помутилися;
У молодого ¹³⁰² Добрыни Никитича были кудри желтые,
В три-ряд кудерка колечками вились в круг верховища:
А у тебя, голь кабацкая, по плечам висят;
На кудерышках была шляпа новая пуховая:
А у тебя, голь кабацкая, рваная-плаченная».
— «Ай же, свет-государыни матушка,
Честна вдова Мемельфа ¹³⁰³ Тимофеевна!

¹²⁹⁷ У Н. Прохорова — «[у] моего милого».

¹²⁹⁸ У Н. Прохорова — «[на] ём [были]».

¹²⁹⁹ У Н. Прохорова здесь и далее — «цветными», «лосиными», «зверинными».

¹³⁰⁰ У И. П. Сивцева — «[платья] цветными».

¹³⁰¹ У А. П. Сорокина — «[очи были] ясные [как у сокола да] заморского».

¹³⁰² У А. П. Сорокина — «[у] молодого [Добрыни]».

¹³⁰³ У А. П. Сорокина — «[вдова] Намельфа [Тимофеевна]».

Через двенадцать через годиков
 Прервались вострые чоботы
 От булатных от стременов во чистом поле;
 Зарудилось личико белое
 От поганья крови татарския;
 Помутились очи ясные¹³⁰⁴
 Во чистом поле от ветров от буйных;
 Отрослись волосы желтые
 Через двенадцать годичков длинных;
 Прирвалась шляпа пуховая
 От дождичков от частых во чистом поле». (267–291)

Казак хутора Нижне-Кривский, станица Еланская:

«Ай я ни пьяница, ни пропоица — твоя чадушка¹³⁰⁵.
 — «Ой да ты врешь, молодец, врешь ты, облыгаешься¹³⁰⁶!
 Ты почто-то мою старость ты обманываешь¹³⁰⁷?
 Да моей только чадушки уж тринадцать¹³⁰⁸ лет нет,
 Да у моей было у чадушки справа ни эдакая¹³⁰⁹:
 У моей только чадушки конь как лев ревел¹³¹⁰,
 А справа молодецкая как жар горит¹³¹¹.
 — «Да ты маменька, маменька, мать родимая¹³¹²!
 Доброй¹³¹³ мой конь вот весь изъездился,
 Моя справа молодецкая вся изоржавела¹³¹⁴». (33–42)

¹³⁰⁴ У А. П. Сорокина — «[очи] ясные».

¹³⁰⁵ У казака хутора Нижне-Кривский — «[Ай я] ня пьяница, ня [пропоица] — твоя [чадушка]».

¹³⁰⁶ У казака хутора Нижне-Кривский — «маладец... абылгаишься».

¹³⁰⁷ У казака хутора Нижне-Кривский — «[ты] пашто та маю старость [ты] абманавайшь».

¹³⁰⁸ У казака хутора Нижне-Кривский — «[да] маё только [чадушки] ровна тридцать [лет нет]».

¹³⁰⁹ У казака хутора Нижне-Кривский — «[да] у майё [было у чадушки справа] ни етка».

¹³¹⁰ У казака хутора Нижне-Кривский — «[у] маеё только [чадушки конь как лев] рывел».

¹³¹¹ У казака хутора Нижне-Кривский — «[а справа] маладецкая [как жар] гарит».

¹³¹² У казака хутора Нижне-Кривский — «[да ты] маминька, маминька, [мать] радимая».

¹³¹³ У казака хутора Нижне-Кривский — «добрай [мой конь]».

¹³¹⁴ У казака хутора Нижне-Кривский — «мая [справа] маладецкая [вся] изоржавела».

Харлам Андреевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

Несет она блюдо злата-серебра,
Другое несёт скатня жемчугу,
Третье несёт меди жаровической:
«Поминай Добрыню Микитича!»
Примае блюдо злата-серебра,
Другое примае скатня жемчугу,
Третье примае меди жаровической,
Поминае Добрыню Микитича:
«Ай же Добрынина матушка!
Како у Добрыни было знамечко?» (119–128)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Говорит старушка таково слово:
«Ах же ты, удалой доброй молодец!
Подойди к старушке¹³¹⁵ поближёшенько, —
А у моего у милого¹³¹⁶ у дитятка
Была-то ведь знáдэбка родимная,
А был-то на головки рубечёк-то есть».
Как он скоро Добрынюшка подхаживал
А ко тый старушке¹³¹⁷ да ко древным,
Как тут э́та старушка да пошупала... (335–343)

Казак хутора Нижне-Кривский, станица Еланская:

Тут и падала его маменька¹³¹⁸ на сыру землю.
Ой подхватил он свою маменьку под белые¹³¹⁹ руки,
Он понес в палаты белокаменные¹³²⁰. (43–45)

¹³¹⁵ У Н. Прохорова — «[подойди к] старушки».

¹³¹⁶ У Н. Прохорова — «[у] моёго у милого».

¹³¹⁷ У Н. Прохорова — «[ко тый] старушки».

¹³¹⁸ У казака хутора Нижне-Кривский — «[падала] яво маминька».

¹³¹⁹ У казака хутора Нижне-Кривский — «падхvatил [он] сваю маминьку [под] белыя [руки]».

¹³²⁰ У казака хутора Нижне-Кривский — «[он] панес в [палаты] белы каменнай».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Тут честная вдова Омельфа Тимофеевна¹³²¹
Скорешенько ставала на резвы ноги,
Брала его за ручушки за белые¹³²²,
За него за перстни за злаченные,
И целовала его во уста его во сахарные¹³²³,
Прижимала его к ретивому сердечушку
И прикладывала ко белому ко личушку. (901–907)

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

Как заходит ведь Добрыня да в гриню светлую,
Как заходит ведь Добрыня в спальню ложную, —
Как ведь нет-то его да молодой жены¹³²⁴... (95–97)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Кижы.

Спрогóворит Добрынюшка Микитин сын:
«Ай же ты, моя рóдная матушка!
А где моя любимá семья,
Мóлода Настасья Микулична?» (104–107)

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

Как не белая береза расшаталася¹³²⁵,
Не зеленая к земле да приклонялася, —
Да падала-то Добрынина матушка в резвы ноги...
(100–102)

¹³²¹ У Т. Г. Рябины — «[вдова] Офимья Александровна».

¹³²² У Т. Г. Рябины — «[за ручушки за] белыя».

¹³²³ У Т. Г. Рябины — «[во уста... во] сахарния».

¹³²⁴ У П. И. Шевелёвой — «[молодой] жоны».

¹³²⁵ У П. И. Шевелёвой — «[береза] росшаталася».

Александра Васильевна Кожевникова, деревня Спирово, Плесецкий район:

«Еще первое-перво слово не радостное
И второе слово не радостное:
Что твоя-то хозяйюшка взамуж пошла.
Она на слова не сдавалась,
Все приказанья держалася,
Невеселу ей князь приневолил тут...» (98–103)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

«Приезжал Алеша из чиста поля,
Привозил он весточку нерадостну,
Что нет жива Добрыни Никитича:
Убит лежит во чистом поле¹³²⁶,
Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострелены,
Головой лежит через ракивов¹³²⁷ куст». (177–183)

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

«Недавно ведь у нас был Владимир стольно-киевский¹³²⁸,
Ишшо с тем же ведь Олёшинькой Поповицом,
Увели-то у Добрынюшки молоду жену¹³²⁹». (103–105)

Потап Трофимович Антонов, деревня Гагарки, Шальский погост:

«Берут ю за брата за крестового¹³³⁰,
А за млáда Алешеньку Поповица.
А не в честь берут ю, не охвотушкой,
Ай силою берут ю неволюшкой». (418–421)

¹³²⁶ У А. Е. Чукова — «[во чистом] поли».

¹³²⁷ У А. Е. Чукова — «[через] ракетов [куст]».

¹³²⁸ У П. И. Шевелёвой — «Владымир стольно-киевской».

¹³²⁹ У П. И. Шевелёвой — «[молоду] жону».

¹³³⁰ У П. Т. Антонова — «[за брата за] крестоваго».

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

«Уж ты дай мне-ка, матушка, благословеньицо,
Как сходить-то ведь к Олёшиньке на свадебку». (106–107)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«Мне сходить нать к Олёшеньке на свадебку¹³³¹,
Посмотреть у Олёши нать молодую жену¹³³²,
Какова у Олёши молода жена:
Если весела она — да мы распёчалим¹³³³,
А печальна она — ей приразвеселим¹³³⁴!» (115–119)

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

Говорила ему матушка родимая:
«Ты пойдёшь, моё дитятко, на свадебку,
Ищэ много крови ты прольёшь напрасной». — «Я не пролью, матушка, крови напрасной:
Ищэ ейно-то ведь дело невольное¹³³⁵». (108–112)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

Берет-то он да золоты ключи,
Идет-то ведь Добрыня да во глубок погрёб,
Сымает он одёжицу военную. (613–615)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Да брала тут калика платьё цветноё,
Надевала калика платьё цветноё.
Одеват тут калика — приговарыват:

¹³³¹ У И. А. Чупова — «[к] Олёшеньки [на] свадебку».

¹³³² У И. А. Чупова здесь и далее — «[молоду] жону», «[молода] жона».

¹³³³ У И. А. Чупова — «если весёла [она — да мы] распёчалим».

¹³³⁴ У И. А. Чупова — «[а] печальня [она — ей] приразвеселим».

¹³³⁵ У П. И. Шевелёвой — «[дело] невольное».

«А замолода платице завожоно,
А на старость верно платье прыгодилосе!» (106—110)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

Надевает он лапóтики на ноженьки семи шелкóв.
Берет-то он гусёлышка под пазуху ярóвчаты... (617—618)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

Ай да садился¹³³⁶ поскоре да на добра коня —
Ай поскакал-де Добрынюшка в¹³³⁷ стольне Киев-град.
Ай не путём он нонь ехал, да не дорогою, —
Ай да скакал он за заставы городовые,
А да скакал он за башни¹³³⁸ да корабельные.
А да приехал тут Добрынюшка в стольне Киев-град,
А да спустил-де коня да во чисто полё. (330—336)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

Да на почёстен пир веселой скоморошинкой отправился. (619)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

Идет он во палаты¹³³⁹ белокаменны,
Идет-то не с упадкою, идет с прихваткою богатырскою,
Отпирает он двери-то да на́ пятау... (155—157)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

Он входит во грынюшку во светлую
На ту же на свадебку¹³⁴⁰ весёлую... (133—134)

¹³³⁶ У Ф. П. Рюмина — «[ай да] садилсэ».

¹³³⁷ У Ф. П. Рюмина здесь и далее — «ф [...Киев-град]».

¹³³⁸ У Ф. П. Рюмина — «[скакал... за] башны».

¹³³⁹ У А. В. Сарафанова — «[во] полаты».

¹³⁴⁰ У В. П. Аникиева — «[на] свадебку».

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

Крест-от он кладет да по-писа́ному,
А поклон-от ведет да по-учёному,
На все да на четыре стороны поклоняется,
А'ще солнышку Владимиру да в особину... (158—161)

Прасковья Ивановна Шевелёва, село Куя, Печора:

Как сидят-то они за столами за дубовыми,
Как сидит-то жена с Олёшинькой Поповицом... (115—116)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

Но места уж на пиру¹³⁴¹ скоморошьи попризаныты. (635)

Иван Иванович Рассолов, деревня Печище, Мезень:

...И не пускают калики да перехожоей.
А как вымала калика да золоты-то деньги,
Даваёт калика да золоты деньги,
И даваёт калика да придворничкам —
Пропускают калику да среди-то двора.
А среди-то двора стоят караульшички —
Не пускают тут калику да среди-то двора.
Да вымаёт калика да золоты-то деньги,
А даваёт да калика да караульшичкам —
Пропускают калику да до тугих дверей.
Не пускают калику да нонь придверьнички;
Да¹³⁴² вымала калика да золоты-то деньги,
И давала калика да золоты-то деньги —
И пропускали калику да среди-то грыни.
Да ставаёт, проходит калика да среди-то грыни,
Среди-то грыни стават против матицы —

¹³⁴¹ У П. С. Семёнова — «[на] перу».

¹³⁴² У И. И. Рассолова — «ты [вымала]».

Она крест-от кладёт, калика, по-писаному,
Она поклон-от ведёт да по-ученому¹³⁴³... (113—130)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

Он ходит и князю челом же бьёт,
Челом ему бьёт да низко кланяецса¹³⁴⁴.
«Уж ты ой еси, князь Владимир стольно-киевской¹³⁴⁵!
Ты позволь мне-ка сесть да на печной столб
Посмотреть мне на младую супружницу,
На младую супружницу Поповича!
Да позвольте мне гусли сыграть же здесь...
<...>
Помянуть мне прах Добрынюшки Никитича!
Сыграю я в гусли, звончаты гусли,
Звеселю я Олёшеньку Поповича,
Звеселю я Олёшину¹³⁴⁶ молодую жену!» (135—141; 43—46)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

Досталось ему место на печке, на запёченьке,
На той простой сосновой¹³⁴⁷ скамеечке. (636—637)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Тут-то Добрыня на ножку легок-то¹³⁴⁸ был,
Подскочил он на печку муравлену;
Как начал он гуселок налаживати,
Струну натягивал будто от Киева,
Другу от Царя-града
И третью с Еросолима... (343—348)

¹³⁴³ У И. И. Рассолова — «[да] по-учоному».

¹³⁴⁴ У В. П. Аникиева — «[да] ниско кланая(яе)пса».

¹³⁴⁵ У В. П. Аникиева — «уш [ты ой еси, князь] Владимир стольне-киевской».

¹³⁴⁶ У В. П. Аникиева — «Олёшину [молоду жену]».

¹³⁴⁷ У П. С. Семёнова — «[на]... сосновой [скамеечке]».

¹³⁴⁸ У А. П. Сорокина — «легох-то [был]».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Натягивал тетивочки шелковые¹³⁴⁹
 На тыя струночки золоченые,
 Учал¹³⁵⁰ по стрункам похаживать,
 Учал он голосом поваживать... (232—235)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Тонцы он повел-то великие,
 Припевки-то он припевал из-за синя моря... (349—350)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Все скоморохи приослухались:
 Эдакой игры на свете не слыхано
 И на белоем игры не видано. (778—780)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

Как¹³⁵¹ заиграл-де калика да в звоньчеты гусли, —
 А да Владимир-от князь да призадумался¹³⁵²,
 А да стары-де казак да призагорюнился¹³⁵³,
 А да Олёшенька Попович да прирозсмехнулся,
 А да молода Настасья¹³⁵⁴ запечалилась. (378—382)

¹³⁴⁹ У А. Е. Чукова здесь и далее — «[тетивочки] шелковые», «[струночки] золоченые».

¹³⁵⁰ У А. Е. Чукова здесь и далее — «учел... [похаживать]», «учел [он... поваживать]».

¹³⁵¹ У Ф. П. Рюмина — «ай [заиграл-де калика]».

¹³⁵² У Ф. П. Рюмина — «[а да] Владимир-от князь [да] призадумалсэ».

¹³⁵³ У Ф. П. Рюмина здесь и далее — «[да] призагорюнилсэ», «[да] прирозсмехнулсэ».

¹³⁵⁴ У Ф. П. Рюмина — «[а да] кнегиня Апраксия [запечалилась]».

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

Говорит Настасья Микулична¹³⁵⁵:

«Занбяло во мне ретивó сердцó,
Заиграл скоморóшина, как мой муж родной». (145–147)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

Игры он-то играет от Царя-градá,
Розыгрыши играет от Ерусóлима,
Да тут-то притягает стóльнëй Киев-град¹³⁵⁶.
Да тут-то есть притянут Владимир стóльнë-киевский¹³⁵⁷.
Да тут-то есть Владимиру-князю эта игра да прилюбиласе...
(640–644)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

Ай говорил-де Владимир¹³⁵⁸ да таково слово:
«Ай да нигде я игроков¹³⁵⁹ таких не слыхивал
Ай после молода Добрынюшки Микитича!» (383–385)

Фёдор Александрович Корсаков, деревня Костино, Песчанская волость:

«Ай же ты да молодой игрок!» (233)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Не знаем мы тебе¹³⁶⁰ да ни имени,
Не знаем мы тебе ни изотчины,
Царь ли ты есть ли царевич здесь,

¹³⁵⁵ У А. А. Носовой — «[говорит] тут Анна Папична».

¹³⁵⁶ У П. С. Семёнова — «[стóльнëй] Кеев-град».

¹³⁵⁷ У П. С. Семёнова — «Владимер стóльнë-кеевской».

¹³⁵⁸ У Ф. П. Рюмина — «Владимер».

¹³⁵⁹ У Ф. П. Рюмина — «негде [я] игрокоф [таких не слыхивал]».

¹³⁶⁰ У Н. Прохорова здесь и далее — «не знаём [мы] теби».

Аль король ты да ведь королевич есть,
Али с тиха Дону ты донской казак,
Аль грозный¹³⁶¹ есть посол ляховитский?»
— «Не царь-то я ведь, не царевич был.
А не король-то я, не королевич был,
Не есть с тиха Дону не донской казак,
Не грозный я посол ляховитский,
Как есть-то я с-за славна с-за синя моря
А скоро мала смела скоморошина».
Как князь-то тут ему вопроговорит:
«Ах скоро мала смела скоморошина!
А чем-то¹³⁶² нам тебя буде жаловать
А за эту игру за умильную¹³⁶³?
Города ль тебе¹³⁶⁴ наб с пригородками,
Али села да ти наб со приселками,
Аль много наб бессчетной¹³⁶⁵ золотой казны?
Как он-то ведь на то им ответ держит:
«Да ах же ты да князь стольнѣ-киевской!
Не наб мне городов с пригородками,
Не наб-то мне-ка сел-то с приселками,
Не наб-то мне бессчетной золотой казны, —
А у меня своей¹³⁶⁶ есте дѳлюби». (396—420)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

«Золотой казны да дома Бог послал!» (649)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«А только-то¹³⁶⁷ вы мне позвольте-ко:
Налейте мне-ка чару зеленá вина». (421—422)

¹³⁶¹ У Н. Прохорова здесь и далее — «грозной [...посол]».

¹³⁶² У Н. Прохорова — «[а] чим-то».

¹³⁶³ У Н. Прохорова — «[за эту игру за] умильную».

¹³⁶⁴ У Н. Прохорова — «[города ль] теби [наб]».

¹³⁶⁵ У Н. Прохорова здесь и далее — «безсчотной [золотой казны]».

¹³⁶⁶ У Н. Прохорова — «своѳй [есте дѳлюби]».

¹³⁶⁷ У Н. Прохорова — «[а] столько-то».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ставал Владимир князь на резвы ножки,
Наливал-то он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
И разводил он медами стоялыми¹³⁶⁸,
Подносил к молодой скоморошины,
Молода скоморошина скорешенько ставал он на резвы ноги,
Брал он эту чарочку в белы руки,
Выпивал он эту чарочку одним духом,
И садился близко печку кирпичную... (742—750)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

Ай заиграл-де калика да во втору¹³⁶⁹ игру... (391)

Иван Иванович Рассолов, деревня Печище, Мезень:

Заиграла калика да лучше старого,
Лучше старого, заиграла, да лучше прежнего¹³⁷⁰. (149—150)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

А да Владимир-от князь да прираздумался¹³⁷¹,
А да стары-де казак да запечалился¹³⁷²,
А да Олëshенька Попович загорюнился... (392—394)

Афанасия Ефремовна Паюсова, город Мезень, Мезенский район:

А Настасья сидит — да призадумалась,
Склонила она да буйну голову,
Покатились у ей да горячи слезы. (66—68)

¹³⁶⁸ У Т. Г. Рябины — «[разводил...] медамы стоялыма».

¹³⁶⁹ У Ф. П. Рюмина — «[во] фтору [игру]».

¹³⁷⁰ У И. И. Рассолова — «[лучше] прежнего».

¹³⁷¹ У Ф. П. Рюмина — «[а да] Владимир-от князь [да] прираздумался».

¹³⁷² У Ф. П. Рюмина здесь и далее — «[да] запечалился», «[да...] загорюнился».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Играет-то в Цари-гради,
А на выигрыш берет все в Киеве —
Он от старого всех до малого¹³⁷³.
Тут все на пиру призамолкнули,
Сами говорят таково слово:
«Что не быть это удалой скоморошины...
<...>
Быть удалому доброму молодцу!» (236–241; 243)

Харлам Андреевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

Которы на пиру сдогадалися¹³⁷⁴,
Те заранья с пиру убиралися. (151–152)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Князю Владимиру игра весьма слюбилася,
И говорит он князю Олешеньке Поповичу:
«Олешенька Попович! Ставай-ка на резвы ноги,
Наливай-ка чару зелена вина,
Подноси-тко к молодой скоморошины».
Олешенька Попович ставал на резвы ноги,
Наливал-то он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медами стоялыми¹³⁷⁵,
Подносил к молодой скоморошины.
Молода скоморошина скорешенько ставает на резвы ноги,
Берет эту чарочку одной рукой,
Выпивает эту чарочку одним духом,
И садился он близко печку кирпичную... (759–772)

¹³⁷³ У А. Е. Чукова — «[от] старого... [до] малаго».

¹³⁷⁴ У Х. А. Гусева — «[которы]... здогадалися».

¹³⁷⁵ У Т. Г. Рябины — «[разводил] медамы стоялыма».

Иван Иванович Рассолов, деревня Печище, Мезень:

Заиграла калика да лучше старого,
Лучше старого заиграла, да лучше прежнего¹³⁷⁶. (155–156)

Александра Васильевна Кожевникова, деревня Спирово, Плесецкий район:

Еще стал скоморох гусли поигрывать, —
Еще перва-то струна из Цариграда,
А вторая-то струна из-за синя моря... (111–113)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

А из Иеросалима ко той земле¹³⁷⁷ Сорочинской... (754)

Александра Васильевна Кожевникова, деревня Спирово, Плесецкий район:

А третья-то струна выговаривала
Это все прохожденье Добрынюшки. (114–115)

Анна Алексеевна Фалина, деревня Якушева Гора, Повенец:

Все ведь гостюшки да прирасслухались,
Прирасслухались да прирасплакались. (58–59)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А да играет¹³⁷⁸ калика да приговарывают:
«Ай не совестно ле тебе¹³⁷⁹ ноньце, стары казак,

¹³⁷⁶ У И. И. Рассолова — «[лучше] прежнего».

¹³⁷⁷ У Т. Г. Рябины — «[ко той] земли».

¹³⁷⁸ У Е. В. Рассолова — «[да] играёт [калика]».

¹³⁷⁹ У Е. В. Рассолова — «[ай не] совесно [ле] тебе».

А стоять-де тебе да ноньце тысяцким¹³⁸⁰?
 А не стыдно ле тебе, да князь Владимир¹³⁸¹, тут
 Ай да сидеть тебе отцом¹³⁸² выдавальним?» (128–132)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

Ай да Владимир-от князь приросмехнулся¹³⁸³;
 А да стары-де казак — да потупя глаза;
 Ай да Олёшенька Попович всё запечалился¹³⁸⁴... (413–415)

Александра Васильевна Кожевникова, деревня Спирово, Плесецкий район:

Еще стал скоморох гусли поигрывать... (111)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Киж:

Игры играет от Царяграда,
 Выпевает он да от Ерослима,
 А напевочки поет все к Настасье Микуличной. (122–124)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А не стыдно ле тебе, да молода жена¹³⁸⁵,
 А та же Настасья да всё¹³⁸⁶ Микулисьня?» (135–136)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Киж:

Как услышала тут Настасья Микулична
 Напевочки Добрынюшки Микитица... (125–126)

¹³⁸⁰ У Е. В. Рассолова — «[стоять-де] тебе [да ноньце] тысецким».

¹³⁸¹ У Е. В. Рассолова — «[ай не стыдно ле] тебе, [да князь] Владимир».

¹³⁸² У Е. В. Рассолова — «[сидеть] тебе оыцём».

¹³⁸³ У Ф. П. Рюмина — «[ай да] Владимир-от князь приросмехнулса».

¹³⁸⁴ У Ф. П. Рюмина — «[Олёшенька Попович] вофсё запечалилса».

¹³⁸⁵ У Е. В. Рассолова — «тибе... жона».

¹³⁸⁶ У Е. В. Рассолова — «[да] фсё».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Скорешенько ставала на резвы ножки... (787)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Кижы:

Выходила она з-за стола з-за дубового¹³⁸⁷,
Наливала она чарочку да зелена вина... (127–128)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Не малую стопу — полтора ведра,
Разводила медами стоялыми¹³⁸⁸,
Подносила к молодой скоморошины.
Молода скоморошина скорешенько ставает на резвы ноги,
Берет эту чарочку одной рукой,
Выпивает эту чарочку одним духом, —
На ногах стоит скоморох, не пошатнется,
И говорит скоморох, не мешается... (789–796)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

«А уж ты здравствуешь, Владимир, князь стольне-киевский¹³⁸⁹,
Ай да стары-де казак да Илья Муромец,
Ай да Олëshенька Поповиц да с молодой женой!
Ай уж перву пил я чару¹³⁹⁰ нонь — для здоровьица,
Ай да втору чару¹³⁹¹ пил — да для похмельица,
Ай да и третью чару¹³⁹² выпьем — да для безумьица!» (405–410)

¹³⁸⁷ У Н. Ф. Дутикова — «[з-за] дубоваго».

¹³⁸⁸ У Т. Г. Рябининой — «[разводила] медамы стоялыма».

¹³⁸⁹ У Ф. П. Рюмина — «[а] уш [ты] здрастуеть, Владимир, князь стольне-киевский».

¹³⁹⁰ У Ф. П. Рюмина — «[ай] уш [перву пил я] чяру».

¹³⁹¹ У Ф. П. Рюмина — «[ай да] фтору чяру».

¹³⁹² У Ф. П. Рюмина — «[третью] чяру».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорит Добрыня, сын Никитич:
«Не напрасно ли вы согрешаете?
А я вчера с Добрыней поразъехался,
Добрыня поехал ко Царю-граду,
А я поехал ко Киеву.
Наказывал мне братец тот родимый
Спросить про его¹³⁹³ милу семью,
Про молодую Настасью Никуличну:
Где же есть она, Настасья Никулична?» (164—172)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Видит князь Владимир, что дело есть не малое,
Подходит к молодой скоморошины,
И зовет его он за единый стол... (797—799)

Фёдор Александрович Корсаков, деревня Костино, Песчанская волость:

«Ай же ты молодец, с какой земли, с какой орды?» (225)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

«Ах ты ей, удалой скоморошина!» (245)

Фёдор Александрович Корсаков, деревня Костино, Песчанская волость:

«Я не знаю есть ли имечко тебе, отечество»¹³⁹⁴. (226)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

«Опускайся из печки из запечки,
Садись-ко с нами за дубов стол хлеба кушати,

¹³⁹³ У А. Е. Чукова — «[про] него [...семью]».

¹³⁹⁴ У Ф. А. Корсакова — «[я не знаю есть ли] имечки тебе, отечества».

Станем белыя лебедушки мы рушати.
За твою игру за веселую
Дам тебе три места любимых...» (246–250)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Перво тебе¹³⁹⁵ местечко подле меня,
А другое местечко подле князя Олешеньки Поповича,
А третье местечко избирай-ка себе¹³⁹⁶ по любви».
Говорил молодой скоморошина:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Место не по любви мне подле тебя¹³⁹⁷,
И не люблю мне место подле князя Олешеньки Поповича,
А люблю мне место напротив молодой княгини¹³⁹⁸
Настасьи Микуличной». (801–809)

Андрей Васильевич Сарафанов, Киж, Заонежье:

И соскочил-то малый скоморошина¹³⁹⁹ со пёченки земляной,
И стал он по мостиночкам поступывать,
Стали мостиночки полапывать,
Подкладенки потрескивать,
И стал он, малый скоморошина¹⁴⁰⁰, да выговаривать...
<...>
«Ай же ты, солнышко Владимир князь!
Налей-ко ты мне чару зелена вина».
И солнышко Владимир князь испугался сам,
Что походочка его да некрасивая. (181–185; 194–197)

¹³⁹⁵ У Т. Г. Рябины — «[перво] тебе».

¹³⁹⁶ У Т. Г. Рябины — «[избирай-ка] себе».

¹³⁹⁷ У Т. Г. Рябины — «[подле] тебя».

¹³⁹⁸ У Т. Г. Рябины — «[напротив...] княгини».

¹³⁹⁹ У А. В. Сарафанова — «скочил-то [малый] коморошина».

¹⁴⁰⁰ У А. В. Сарафанова — «[малый] коморошина».

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

Догадался¹⁴⁰¹ Илеюшка Муромец,
Догадался притом и Владимир-князь¹⁴⁰²,
Что зашел¹⁴⁰³ им во грынюшку и не прохожей же,
Не прохожей¹⁴⁰⁴ калика, не долгополой же,
Но пришел¹⁴⁰⁵ к ним — Добрынюшка Мекитич млад. (150—154)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Засадился скоморошина за единый стол,
Напротив молодой княгини¹⁴⁰⁶ Настасьи Микуличной,
И говорил он князю Владимиру:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Выпил я чарочку от князя от Владимира;
Позволь мне-ка налить чарочку зелена вина
И поднести князю Владимиру?»
Позволил Владимир князь стольно-киевский.
Наливал скоморошина чарочку зелена вина
И подносил-то князю Владимиру... (810—819)

Андрей Васильевич Сарафанов, Киж, Заонежье:

«Чарочка ни мала, ни велика,
Мерой полтора ведра,
Весом полтора пуда». (205—207)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Принимал Владимир чарочку одной рукой,
Выпивал чарочку одним духом.
Говорил молодой скоморошина:

¹⁴⁰¹ У В. П. Аникиева здесь и далее — «догадался».

¹⁴⁰² У В. П. Аникиева — «Владимир-князь».

¹⁴⁰³ У В. П. Аникиева — «што зашел [им во грынюшку]».

¹⁴⁰⁴ У В. П. Аникиева — «не прохожэй [калика]».

¹⁴⁰⁵ У В. П. Аникиева — «[но] пришел [к ним]».

¹⁴⁰⁶ У Т. Г. Рябиной — «[напротив...] княгини».

«И выпил я чарочку от князя Олешеньки Поповича,
Позволь мне-ка налить еще чарочку зелена вина
И поднести князю Олешеньке Поповичу».
Позволил ему Владимир князь стольно-киевский.
Наливал скоморошина чарочку зелена вина
И подносил князю Олешеньке Поповичу;
Принимал Олешенька чарочку одной рукой,
Выпивал чарочку одним духом.
Говорил молодой скоморошина:
«Поднес я чарочку князю Владимиру,
И поднес я чарочку князю Олешеньке Поповичу;
А позволь-ка мне налить чарочку зелена вина,
Поднести молодой княгине¹⁴⁰⁷ Настасье Микуличной?»
Позволил ему Владимир князь стольно-киевский.
Наливал скоморошина чарочку зелена вина,
Разводил медами стоялыми¹⁴⁰⁸
И подносил Настасье Микуличной;
И в ту чарочку спустил обручный злачен перстень,
Которым перстнем они¹⁴⁰⁹ обручались
С молодой Настасьею Микуличной. (820—842)

Павел Семёнович Семёнов, Киж, Заонежье:

Посмётит дело тут Олешка да Попович сын:
«Ай же ты, калека перехожая,
Ай же ты, сума да переметная!
Не сдадим Настасье Микуличне
А твоей-то ведь чарочки прошенной!» (666—670)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Настасья Микулична скорешенько ставала на резвы ножи,
Принимала эту чарочку одной рукой
И стала пить эту чарочку¹⁴¹⁰ зелена вина.
Говорил тут молодой скоморошина:

¹⁴⁰⁷ У Т. Г. Рябины — «[молодой] княгини».

¹⁴⁰⁸ У Т. Г. Рябины — «[разводил] медамы стоялыма».

¹⁴⁰⁹ У Т. Г. Рябины — «оны [обручались]».

¹⁴¹⁰ У Т. Г. Рябины — «[пить] эта чарочка».

«Если хошь добра, так пей до дна,
А не хошь добра, так не пей до дна!»
Настасья Микулична, она была женщина не глупая,
Испила эту чарочку до донышка, —
К нея ко устам ко сахарниим
Прикатился ее злачен перстень...
<...>
Которым перстнем обручалася
С молодым Добрынюшком Микитинцем.
(843–852; 856–857)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Киж:

Тут спроговóрит Настасья Микулична:
«Не тот муж, который со мною да за столом сидит,
А тот муж, который передо мной стоит». (140–142)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Как она тяпнула чарочкой о золот стол,
Оперлася в него плечика могучия,
И скочила-то она через золот стол... (858–860)

Павел Семёнович Семёнов, Киж, Заонежье:

Пала во ноженьки во резвые¹⁴¹¹ ...
<...>
«Ай же ты, моя законная семеюшка,
Молодой Добрыня сын Никитинец!
За мои-то ведь за рáзумы глупые
Сведи ты меня да во чистó полё,
Привяжи к жеребцам¹⁴¹² к неученыим,
Пусть они растерзают мое мясо по чисту́ полю!»
(678; 680–685)

¹⁴¹¹ У П. С. Семёнова — «[во ноженьки во] резвыи».

¹⁴¹² У П. С. Семёнова — «[привяжи к] жеребьям».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

И берет его за ручушки за белые¹⁴¹³,
За него за перстни за злаченные,
И целовала его во уста сахарные¹⁴¹⁴...
<...>
Говорила она речь ему умильную:
«Ай же, свет моя любимая сдержавушка,
Молодой Добрынюшка Микитинец!» (861–863; 865–867)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

«В той вины прости меня, в глупости,
Что не по твоему наказу-де я сделала,
Я за смелого¹⁴¹⁵ Алешеньку замуж пошла». (286–288)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А тут брал ей Добрыня за белы руки,
Целовал¹⁴¹⁶ он в уста ей во сахарные:
«Во первой вины, Настасья, тебя Бог¹⁴¹⁷ простит!» (216–218)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорил Добрыня, сын Никитич... (289)

Анна Алексеевна Фалина, деревня Якушева Гора, Повенец:

«Не дивуюсь я да уму женскому...» (83)

¹⁴¹³ У Т. Г. Рябины — «[за ручушки за] белыя».

¹⁴¹⁴ У Т. Г. Рябины — «[во уста] сахарныя».

¹⁴¹⁵ У А. Е. Чукова — «[за] смелаго [Алешеньку]».

¹⁴¹⁶ У А. И. Чупова — «чёлвал [он]».

¹⁴¹⁷ У А. И. Чупова — «тибя Бох [простит]».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

«Что волос долог, да ум короток:
Их куда ведут, они туда идут...» (292–293)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Кижси:

«Муж в лес по дрова, баба и замуж пошла». (146)

Анна Алексеевна Фалина, деревня Якушева Гора, Повенец:

«А дивуюсь я да уму мѹжьскому —
У жива мужа да жену отняли¹⁴¹⁸!» (84–85)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Кижси:

«Не виню тебя, молодá жена,
А виню Алешеньку Поповича:
Зачем у жива мужа жену берет,
А князя Владимира — зачем сватает». (147–150)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижси, Заонежье:

Говорил Добрыня князю Владимиру:
«Владимир, князь стольно-киевский!
Свою жену-то ...
А чужую жену замуж даешь?» (885–888)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Тут солнышку Владимиру к стыду пришло... (299)

¹⁴¹⁸ У А. А. Фалиной — «[жену] отнели».

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Стал Владимир князь Добрыню уговаривать,
Стал Добрынюшка униматися. (890—891)

Иван Иванович Рассолов, деревня Печище, Мезень:

Да становит-де Настасью да на резвы-то ноги;
Поздравлять стал Олёшеньку со свадьбкой¹⁴¹⁹,
И кланеицсе Олёшеньке Поповичу¹⁴²⁰... (181—183)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

«А не дай Бог женитьбы¹⁴²¹ той Алешиной:
Только-то Алешенька женат бывал,
Женат бывал, с женой сыпал». (327—329)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

На то тут Олёшенька россердивши¹⁴²² был...
<...>
Хватил тут Олёшенька остру сабельку —
И бежал тут Олёша на Добрынюшку Никитича¹⁴²³.
Говорил¹⁴²⁴ тут ему Илья Муромец:
«Не летай ты, Олёшенька, за соколом:
Я же, старик, да не тебе чета¹⁴²⁵ —
Не тебе же чета, да не тобой зовут —
Да был у мя Добрынюшка на белых грудях;
А тебя-то¹⁴²⁶, Олёшеньку Поповича,
Тебя-то, Олёшу, как комара, убьёт!» (189; 192—200)

¹⁴¹⁹ У И. И. Рассолова — «проздравлять [стал... со] свадьбкой».

¹⁴²⁰ У И. И. Рассолова — «[кланеицсе] Олёшеньки [Поповичу]».

¹⁴²¹ У А. Е. Чукова — «женидьбы».

¹⁴²² У В. П. Аникиева — «россердифши [был]».

¹⁴²³ У В. П. Аникиева — «[на Добрынюшку] Некитича».

¹⁴²⁴ У В. П. Аникиева — «говорыл [тут]».

¹⁴²⁵ У В. П. Аникиева — «[я же,] старык, [да не] тибе [чета]».

¹⁴²⁶ У В. П. Аникиева здесь и далее — «тибя-то».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

А говорил Алешенька Леонтьевич¹⁴²⁷:
«Прости, прости, братец мой названный,
Что я посидел подле¹⁴²⁸ твоей любимой семьи,
Подле молодой Настасьи Никуличной».
— «В той вины, братец, тебя Бог простит,
Что ты посидел подле моей любимой семьи,
Подле молодой Настасьи Никуличной;
А во другой вины тебе, братец, не прощу:
Как приезжал ты из чиста поля в первых шесть лет,
Привозил ты весточку нерадостну,
Что нет жива Добрыни Никитича,
Убит лежит во чистом поли,
Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострелены,
Головой лежит чрез ракитов¹⁴²⁹ куст.
Так тогда государыня¹⁴³⁰ родна матушка
Желешенько с-по мне плакала,
Слезила свои очи ясные¹⁴³¹,
Скорбила свое лицо¹⁴³² белое:
С этой вины тебе не прощу!»
Ухватил Алешку за желты кудри,
Выдернул¹⁴³³ Алешку чрез дубовый стол,
Бросил Алешку о кирпичен мост... (300–322)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Киж:

Почал по терему поваживать,
А почал гуселками¹⁴³⁴ охаживать. (152–153)

¹⁴²⁷ У А. Е. Чукова — «[Алешенька] Григорьевич».

¹⁴²⁸ У А. Е. Чукова здесь и далее — «подли».

¹⁴²⁹ У А. Е. Чукова — «[чрез] ракетов [куст]».

¹⁴³⁰ У А. Е. Чукова — «государыни [родна матушка]».

¹⁴³¹ У А. Е. Чукова — «[очи] ясные».

¹⁴³² У А. Е. Чукова — «лице [белое]».

¹⁴³³ У А. Е. Чукова — «выдернет [Алешку]».

¹⁴³⁴ У Н. Ф. Дутикова — «[почал] гуселкамы [охаживать]».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Что хлопанье и что оханье, не слышно ведь¹⁴³⁵. (325)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Стал Олешенька по мосту погалзывать. (884)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Кижы:

А тут спроговóрит Алешенька Попов тот сын:
«А всякий на сём свете женится,
Только не всякому женитьба удавается». (154–156)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район:

Тут старóй казак да Илья Муромец
Он соскакивает со стула со ремянчата,
Он захватывают Добрыню да за белы́ руки:
«Ты оставь, Добрынюшка Никитич млад,
Не губи Алешу да ты Поповича». (227–231)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

«Оставь-ка ты у нас Олешеньку во живности».
Тут Добрынюшка спустил его о полá да о дубовые¹⁴³⁶. (227–228)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

Дал Добрыня Олеше потяпушу:
«Х.. с тобой, с твоей выслугой,
Не бери вперед ты чужих жен».

¹⁴³⁵ У А. Е. Чукова — «[не слышно] видь».

¹⁴³⁶ У А. В. Сарафанова — «[о полá да о] дубовыи».

<...>

Остался Олеша расстроенный¹⁴³⁷,
Расстроенный Олеша, неуспокоенный.

<...>

Олеша пошел едва живой. (178–180; 173–174; 181)

Павел Семёнович Семёнов, Кижы, Заонежье:

Со того стыдú со сраму со великого,
Садился Олешка на добрú коня,
Да и уезжал¹⁴³⁸ Олешка во чистó полё. (703–705)

Фёдор Петрович Рюмин, деревня Тимшелье, Мезень:

Ай да и кликнул Добрыня да коня доброго;
Ай прибежал тут к Добрынюшке¹⁴³⁹ конь-лошадь добрая, —
Да поехали они да во Резань-город
Ай ко своей они маменьки родимой. (442–445)

Козьма Романов, деревня Логмасы, Петрозаводский уезд:

Глядит честна вдова Омельфа Тимофеевна¹⁴⁴⁰:
Красное солнышко порóспекло
И светел месяц порóзсветил. (237–239)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Тут молодой Добрынюшка Микитинец
С молодой Настасьюшкой Микуличной
Пошел в свои палаты белокаменны¹⁴⁴¹ ...
<...>

¹⁴³⁷ У А. А. Носовой здесь и далее — «расстроенной», «неуспокоенной».

¹⁴³⁸ У П. С. Семёнова — «[да и] уезжал».

¹⁴³⁹ У Ф. П. Рюмина — «[к] Добрынюшки».

¹⁴⁴⁰ У К. Романова — «[честна вдова] Офимья Александровна».

¹⁴⁴¹ У Т. Г. Рябины — «[в... палаты] белокаменной».

Молода Настасья дочь Микулична
Скорешенько снимала с него одежицы дорожные¹⁴⁴²
И одевала-то одежицу драгоценную, что налучшую.
Честная вдова Омельфа Тимофеевна¹⁴⁴³
Посылала скоро конюхов любимых на широкий двор
Убрать добра коня Добрынина,
Насыпать-то ему пшены белояровой,
Наливать-то ему свежей ключевой воды.
Тут молодой Добрынюшка Микитинец
С тоя с пути со дороженьки
На покой улегся с молодой Настасьей Микуличной¹⁴⁴⁴.
Честная вдова Омельфа Тимофеевна
Завела она хорош почестен пир
Своему сыну любимому,
Молоду Добрынюшке Микитинцу:
Стали править за шесть годов-годин да именин,
Стали они есть яствушку сахарную¹⁴⁴⁵,
Испивать стали питьицев медвяных... (892—894; 908—925)

Алексей Виссарионович Батов, Выгозеро:

Уезжал он во своё во поместьицо,
Ай со своею¹⁴⁴⁶ женою старопрежнейей.
Ай с Настасьешкой он с Викуличной,
Ай ко матушке Омельфе Тимофеевне¹⁴⁴⁷.
Ай полно больше Добрынюшке ездить по чисту́ полю
Положил мысль и разум
Во своих палатах¹⁴⁴⁸ прожити. (189—195)

¹⁴⁴² У Т. Г. Рябины — «[одежицы] дорожныя».

¹⁴⁴³ У Т. Г. Рябины здесь и далее — «[честная вдова] Офимья Александровна».

¹⁴⁴⁴ У Т. Г. Рябины — «[Настасьей] Никуличной».

¹⁴⁴⁵ У Т. Г. Рябины — «[стали] оны [есть] ествушку сахарную».

¹⁴⁴⁶ У А. В. Батова — «[ай со] своєю [женою]».

¹⁴⁴⁷ У А. В. Батова — «[ай ко матушке] Степаниде Обрамовой».

¹⁴⁴⁸ У А. В. Батова — «[во своих] полатах».

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

Добрыня жил до старости с молодой женой. (182)

Устинья Антоновна Краскова, деревня Враниковская, Плесецкий район:

А нынь живут, и нас переживут. (С. 306)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Век про Добрыню старину скажут,
Синему морю на тишину,
Вам всем, добрым людям, на послушанье. (334–336)

Калин-царь

Источники текста

- Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотца, Зимний берег Белого моря* (Илья Муромец и Калин: [Былина] № 2 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 41—47.)
- Фёдор Андреевич Конашков, Пудога* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 3-а // Сказитель Ф. А. Конашков. — Петрозаводск : ГИЗ Карело-Финской ССР, 1948. — С. 92—95.)
- Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень* (Заключение оклеветанного Ильи Муромца в погреб и спасение им Киева от Кудреванища-царя: [Былина] № 402 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 505—512.)
- Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район* (Илья Муромец: [Былина] № 1 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 47—52.)
- Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма* (Илья Муромец в опале: [Былина] № 2 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 16—21.)
- Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 57 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. I. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 424—433.)
- Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост* (Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром [Илья Муромец и Калин-царь]: [Былина] № 1 // Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. — Петрозаводск : Госиздат Карело-Финской ССР, 1948. — С. 40—55.)
- Анна Денисовна Осташова, деревня Боровая, Пижма* (Василий Игнатьев: [Былина] № 18 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 69—76.)

- Егор Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район* ([Илья Муромец и Калин-царь]: [Былина] № 143 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 571–574.)
- Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район* (Про татарское нашествие: [Былина] № 12 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 173–181.)
- Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд* (Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче: [Былина] № 19 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 97–106.)
- Кириша Данилов* (Калин-царь [«Да из орды, Золотой земли...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 129–134.)
- Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 101 // Былины: в 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 484–487.)
- Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень* (Камское побоище [Илья Муромец и Калин-царь]: [Былина] № 415 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 561–570.)
- Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора* (Маево побоище: [Былина] № 26 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типолитография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 132–142.)
- Архангельский певец* (Илья Муромец: [Былина] № 6 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 4. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 38–46.)
- Максим Васильевич Семёнов, деревня Белошелье, Лешуконский район* (Кудреванищо: [Былина] № 33 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 257–263.)
- Алексей Ипатьевич Ермолин, деревня Уег, Усть-Цилемский район* (Про тура золота рога: [Былина] № 20 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 97–99.)
- Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 69 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 525–541.)

- Александр Иванович Палкин, село Большие Нисогоры, Лешуконский район* ([Илья Муромец и Кудреванко]: [Былина] № 44 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 309—315.)
- Григорий Васильевич Поздеев, деревня Рощинский Ручей, Усть-Цилемский район* ([Илья Муромец и Скурлык]: [Былина] № 86 // Былины Севера. Т. 1. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 475—477.)
- Павел Абросимович Логинов, деревня Мелентьевская, Пудога* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 38 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 203—208.)
- Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости* (Илья Муромец и царь Калин: [Былина] № 9 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 30—34.)
- Степан Ильич Максимов, деревня Немайтовская, Кенозеро* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 296 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 454—462.)
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье* ([I] Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче: [Былина] № 20 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 106—114; [II] Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 75 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 19—38.)
- Мезенский певец* (Илья Муромец и Мамай: [Былина] № 8 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 22—30.)
- Анна Васильевна Бронникова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* ([Камское побоище]: [Былина] № 143 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 461—462.)
- Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 105 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 238—244.)
- Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье* (Илья Муромец: [Былина] № 3 // [Барсов Е. В.] Памятники народного творчества в Олонецкой губернии. — СПб. : Тип. Майкова, 1873. — С. 34—39.)

- Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район* ([Илья Муромец и Калин-царь]: [Былина] № 131 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 539–542.)
- Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 138 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 386–396.)
- Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость* (Илья Муромец и Каин: [Былина] № 11 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 38–48.)
- Николай Михайлович Швецов, деревня Орьмы, Моша* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 304 // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 489–498.)
- Сузунский певец* (Илья Муромец: [Былина] № IV/3 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 56–58.)
- Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Про царя Кудреянка: [Былина] № 97 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 281–284.)
- Козьма Романов, деревня Логмасы, Петрозаводский уезд* (Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче: [Былина] № 21 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 114–118.)
- Казак Дьяков, Бухтарма* (Илья Муромец и Каин: [Былина] № 12 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 48–52.)
- Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Камское побоище: [Былина] № 81 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 357–364.)
- Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега* (Илья Муромец и Калин-царь // [Озаровская О. Э.] Бабушкины старины. — Петроград : Огни, 1916. — С. 27–37.)
- Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря* (Камское побоище: [Былина] № 94 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 413–422.)

Степан Григорьевич Шуваев, деревня Нижа, Долгощельская волость
(Камское побоище: [Былина] № 303 // Архангельские былины
и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—
1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа:
в 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 473—480.)

*Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зим-
ний берег Белого моря:*

Ай во славном было городи во Киеви... (1)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как стали к князю-то Владимиру
А стали ведь¹⁴⁴⁹ людишки подхаживать... (3—4)

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

И как слуги-ти были подмутчивы. (24)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Стали князю Владимиру да наговаривать:
«Как Илья Муромец да сын Ивановиц,
Как ён с сильныма могуцыма богатырьми,
Хоцут брать себе да княжество». (5—8)

*Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский
район:*

Насказали на старóго бояре толстобрюхии...
<...>
Испужался солнышко Владимир-князь,

¹⁴⁴⁹ У Ф. А. Конашкова — «веть».

Приказал слугам верным взять старого за белы руки
И вести его в подземелие.
Дал¹⁴⁵⁰ там ему стол дубовый, книгу Евангелъе,
свечи стерлинные...

(141; 145–148)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Как захлупили плитой его железной же,
Загребли его матушкой сырой землёй. (70–71)

Иван Фепонов, деревня Мелентьевская, Пудоба:

А сильнии киевски богатыри
А розсердились тут на князя на Владимира... (11–12)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да на думных-то бояр да толстобрюхиих. (76)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ай с того-то всё горя, горя великого
Тут уехало двенадцеть всё богатырей:
В перьву голову уехал Самсон Сильния,
Во вторых-то тут уехал Пересмяка со племянником,
Тут ишшэ-то как уехал всё Цюрило-свет всё Плénковиц,
Да ишшэ-то тут уехал всё Добрынюшка Никитиц млад,
Да ишшэ да тут уехал всё ведь Олешенька Поповиц млад...
(69–75)

¹⁴⁵⁰ У А. А. Носовой — «дали».

Иван Фёпонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А оны скоро ведь садились на добрых коней,
А уехали оны да во чистó полё,
Ай во тое раздолье¹⁴⁵¹ во широкоё:
«Ай не будем ведь мы жить больше во Киеви,
А не будем мы служить князю Владимиру...» (13–17)

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район:

У солнышка матушка была до сирóт добра... (150)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как она велела выкопать дорожку подземельную
Как во тыи погреба да во глубокии,
Где посаженной-то Ильюшенька... (18–20)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

А снесла она ему нынче ременшат стул,
А снесла она свечи да воску ярова,
Да снесла она книги старопечатныи... (81–83)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Шьчо сама-та пила, ела, она кушала,
Она тем же кормила Илью Мурамця;
Она так ёго корьмила, шьчобы князь не знал;
Ай добра́ коня спускали в зелёны лужка,
В зелёны лужка спускали, в шолковú траву. (64–68)

¹⁴⁵¹ У И. Фёпонова — «роздолье».

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Тут садились нынь бояра толстобрюхие
Как за ти же за столы да за дубовый,
Они писали ерлыки, да скору грамотку,
Посылали вси по дальниим сторонущкам,
Посылали они собаке царю Калину¹⁴⁵²:
«Нынь уж вси разошлись руськи богатыри,
Как пустой стоит у нас стольно Киев-град...» (90—96)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

Да й на тот на славный стольный Киев-град
Воспылал собака ли царь Кáлина. (40—41)

Анна Денисовна Осташова, деревня Боровая, Пижма:

Кабы Калин-де¹⁴⁵³ царь до подымается,
Калин-та-де-ка¹⁴⁵⁴ царь да сын Смородович,
Со любимым со сватушком со Коршаком,
Со любимым со зятём со Коньшаком,
Со любимым племенником со Киршаком¹⁴⁵⁵... (37—41)

Егор Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Ай справляется-сподобляется,
Сподобляется царь Кáлина
Он ко стольному ко городу ко Киеву,
Он ко ласковому князю ко Влáдимиру... (6—9)

¹⁴⁵² У Ф. Е. Чуркиной — «Ковшёю Безсмёртному».

¹⁴⁵³ У А. Д. Осташовой — «Скурла-де».

¹⁴⁵⁴ У А. Д. Осташовой — «Скурлы-та-де-ка».

¹⁴⁵⁵ У А. Д. Осташовой приведённый пассаж включён в реплику турицы.

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

Хоцёт князя Владимира под мець склонить,
Хоцёт сильную силоцку повырубить,
Хоцёт малых робят во углы повысвистать,
Хоцёт старых старух да всех под гору срыть,
Хоцёт Божьи-ти церкви в огонь спустить,
Как светы-ти иконы хоцёт во гресь стоптать,
А как кнегину Опраксею за себя хоцёт взять. (78—84)

Егор Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Сбирал свою силушку великую,
Сбирал свою силушку по трёх годѹ,
Той ли силы что и сметы нет. (12—14)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Набирал набор он ровна трёх года:
У которого было ведь семь сынов —
Он ведь шесть сынов ноньче себе берёт... (9—11)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Собирал собака князей-бояр,
Сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей:
У каждого¹⁴⁵⁶ царя, у царевича,
У каждого короля, у королевича
Силы собрано по сорок тысячей. (4—9)

Кириша Данилов:

Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?

¹⁴⁵⁶ У Н. Прохорова здесь и далее — «каждого».

А от пару было от конинова
А и месяц, солнце померкнула,
Не видить луча света белова;
А от духу татарскова
Не можно крещеным нам живым быть. (11–17)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район:

Подступал нонче собака Калин-царь,
Он одиннадцать прошел земель сильных,
Под двенадцатой подходит стольной Киев-град. (18–20)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Не доехал он до города до Киёва... (4)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Становился на поле Куликово,
Заставливал шатры он чернобáрхатны;
Ёт того-де от пару лошадиного,
От того ёт духу человеческа
А и поблёлло красно солнышко,
Помертвел батюшко светёл месяц,
А и потерялися ле тут да звезды частыя,
Звезды частыя, да зори ясныя.
А и ёго ле, у собаки, силы множество,
По праву его руку сорок тысячей,
По леву-ту руку сорок тысячей,
Переди собаки сорок тысячей,
Позади его да числа-смету нет.
Он кабы сам ён, собака, заговоршык злой,
Ён кабы стал по силы поезживать,
Кабы стал он силу заговаривать:
Не брала чтобы силу сабля вострая,
Не ломила бы палица буёвая,

Не кололо бы копейцо бурзомёцкое.
Он как ездил по силы да трои суточки,
Он как бы всю силу заговаривал... (23–43)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Говорит-то ведь собака ишше Каин-царь,
Ишше Каин ведь царь да всё Калинович:
«Выходи-тко вы, всё да три тотарина,
Три тотарина вы всё да три поганого!
Вы пишите вы скоре-ко мне-ка грамотку,
Вы пишите мне-ка грамотку да всё вы русскую,
Не пером-то вы пишите, не цёрнилами,
Не по белой по ербóвой по бумажоцьки, —
Вы по рыту-ту пишите всё по бархату
Дорогим-то вы пишите сухим красным золотом,
Уж мы как ведь зайдём да в красен Киев-град».
Ишше тут ёму тотара отказалисе:
«Мы не знам, не знам писать-то, всё ты Каин-царь,
Всё ты Каин-царь да всё Калинович!
Не уем-то мы писать всё грамотки всё русскою».
Закрыцял-то тут собака по-зверинному,
Засьвистел-то тут собака всё по-соловыинному:
«Уж вы гой еси, тотарева-булановя...
<...>
Вы пишите скоро грамоту тотарскую,
Ай тотарьску вы грамоту немецкую,
Ай пишите вы про князя про Владимира:
“Ай мы князя с Владимира мы кожу всё с жива зыдерём,
Опраксею-Королевисьню мы всё с собой возьмём,
Увезём-то мы всё ей да во свою землю”». (123–140; 142–147)

Архангельский певец:

«Кто умеет говорить русским языком, человеческим?
Кто бы съездил ко тому городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Отвез бы ему посольный лист, ярлык скорописчатый?»
Поголовно молчат бурзы-мурзы, татаровя. (22–26)

Максим Васильевич Семёнов, деревня Белошелье, Лешуконский район:

А вскричал тут Калин-царь¹⁴⁵⁷ громким голосом:
«Уж вы ой еси, злы поганые тотаришка!
Как кому же вас ехать нонеце во Киёв-град
Ко тому же ко князю ко Владимиру...
<...>
Ко тому же Добрыни, Добрынюшки Никитичю?»
Ищó большóй кроитця да за среднего,
Ишо средний кроитця да за меньшого,
Как от меньшого богатыря́ ответу нет. (24–27; 29–32)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район:

Был у его богатырь Игнатий сын Иванович.
Он призвал его во чернýй шатёр,
Подавал он ему ерлык-скору грамотку,
Он не красками печатал, не печатями,
Он печатал, собака, красным золотом. (26–30)

Алексей Ипатьевич Ермолин, деревня Уег, Усть-Цилемский район:

Посылает его да ко солнышку Владимиру
Во тот же да во стольний Киев-град,
Дает ему в руки да рукописаньице... (45–47)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

«Ты приедёш ко Владимиру да на посольней двор
Ко тому ко Владимиру ко красну крыльцю, —
Не вяжи ты коня за золото кольцо —
Золото где кольцо да то Владимирьско,
Не вяжи ты коня к кольцю серебрянну —
Да серебряно кольцо тут князей-бояроф,
Не вяжи ты коня кольцо за медноё —
Медно кольцо руських богатырей...» (25–32)

¹⁴⁵⁷ У М. В. Семёнова — «Кудреванищо».

Архангельский певец:

«Брось своего коня середь двора
Не привязана, не приказана,
Иди во-gridни княженецкия». (47–49)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

«Ай как русскому¹⁴⁵⁸ Богу не кланяйся,
Ай как солнышку князю челом не бей,
Не клони ёму буйны головушки...» (42–44)

Архангельский певец:

«Двери грудью на́ пята бери.
Положь ярлык на дубов стол.
Оборотясь, приступи крепко, вон поди,
Приступи, чтоб спели светлая оконницы!» (50–53)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

А кабы немного время миновалосе... (222)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

Тут докла́дуют ко князю ко Владимиру:
«Ты, Владимир-князь да стольне-киевский,
Ты сидишь во тереме златом верхи,
А ты ешь да пьешь да й прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь.
А ведь твой-то славный стольней Киев-град
В полону стоит да й под обидою, —
Обошла его литва поганая
А того ль собаки царя Ка́лины...» (133–141)

¹⁴⁵⁸ У А. П. Сорокина — «русскому».

Александр Иванович Палкин, село Большие Нисогоры, Лешуконский район:

«Де подошел и к нам вор-собака да злой неверной пан,
Де злой неверной пан, да молодой салтан...» (72—73)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

«Он хочет черных мужичков твоих повырубить,
Хочет Божья церкви¹⁴⁵⁹ все на дым спустить,
А тебя, князя Владимира, в полон-то взять
Со Опраксией да королевичной,
А в полон-то взять да й голову срубить». (142—146)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Уж немного время прокатилосе —
Приезжает идолище поганое
Ко тому ко князю, ко Владимиру... (223—225)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район:

Он скакал через стену городовую,
Через высокую ту башню наугольную. (40—41)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Не вязал он коня за золото кольцё,
Не привязывал коня кольцо серебряно,
Не вязал он коня колечко медноё.
А соскакивал посол¹⁴⁶⁰ дак он с добра коня¹⁴⁶¹,

¹⁴⁵⁹ У И. Г. Рябины-Андреева — «церквы».

¹⁴⁶⁰ У А. М. Мартынова — «Борис».

¹⁴⁶¹ У А. М. Мартынова — «з добра коня».

Не привязывал коня дак не приказывал.

<...>

Да заходит посол¹⁴⁶² да на красно крыльцо, —

Да не спрашивал у ворот он приворотничьков¹⁴⁶³,

У дверей где посол¹⁴⁶⁴ да тут придверьничков¹⁴⁶⁵. (55—59; 62—64)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район:

Идет Игнатий на красно крыльцо,

Его лесенки дубовые сгибаютца,

Вереюшки точеные шатаютца.

Заходит Игнатий в гридню светлую,

Во те палаты княженецкие,

Он и Богу не молитца и челом не бьет... (45—50)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

А заходит посол¹⁴⁶⁶ дак во светлу грыню, —

Не крестил он свою рожу тотарскую... (65—66)

Максим Васильевич Семёнов, деревня Белошелье, Лешуконский район:

Как одной ногой-то на порог ступил,

А другой ногой-то — на середину пол. (49—50)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район:

Он мечет ерлык на дубовой стол... (53)

¹⁴⁶² У А. М. Мартынова — «Борис».

¹⁴⁶³ У А. М. Мартынова — «прыворотничькоф».

¹⁴⁶⁴ У А. М. Мартынова — «Борис».

¹⁴⁶⁵ У А. М. Мартынова — «придверьничкоф».

¹⁴⁶⁶ У А. М. Мартынова — «Борис».

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

...Положил, пословесно выговаривал¹⁴⁶⁷:
«Ай же ты, Володимир стольно-киевский!»¹⁴⁶⁸ (26–27)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

«Если нету в городе поединщика, —
Божьи-ти церкви да я во дым спущу,
Да почесны монастыри я разорю¹⁴⁶⁹,
Силу крещону да всю привырублю...» (101–104)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

«Отворяй-ко ворота да широкии,
Уж ты улицы да распахивай...» (32–33)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Чисти во Киеве улицы,
Расчисти ряды во Киеве,
Курь-ка еще¹⁴⁷⁰ зелено вино...» (52–54)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

«А наставь-ка ты хмельных напитокок,
Чтобы бочечка о бочечку й частёхонько,
А частёхонько было, близёхонько...» (88–90)

¹⁴⁶⁷ У Н. Прохорова — «положи, пословесно выговаривай».

¹⁴⁶⁸ У Н. Прохорова приведённый пассаж входит в реплику Калина-царя.

¹⁴⁶⁹ У А. М. Мартынова — «монастыри... розорю».

¹⁴⁷⁰ У Н. Прохорова — «оше».

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

«Дубовы скамьи да вынашивай...

<...>

Как стреляй-ко нас, да дорогих гостей!» (34; 36)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Жди мою силу великую:

Наш-то сударь Калин-царь

Хочет у вас пожениться,

От жива мужа жену отлучить,

А стольную княгиню Опраксию». (55–59)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

«Ай по всему как по городу как по Киеву

Ай со Божьих как церквей да чудны́ кресты повыснимай,

Во церквах сделай стойла¹⁴⁷¹ лошадины,

Ай стоять нашим да добры́м коням.

Ай еще по всему как по городу как по Киеву

Ай умой-ко палаты¹⁴⁷² ведь белокаменны,

А стоять нашей рать силы великии». (54–60)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Они стали-то цитать, да все заплакали.

Говорит-то князь Владимир таковы слова... (171–172)

Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район:

«Пусть он даст нам строку хоть на три годика,

На три годика не даст, дак хоть на три месяца,

¹⁴⁷¹ У А. П. Сорокина — «стойлы».

¹⁴⁷² У А. П. Сорокина — «полаты».

На три месяца не даст, дак хоть на трои суточки,
Нам покаятца в городи да подладитца». (79–82)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«...Отслужить-то мне обедни¹⁴⁷³ со молебнами,
Со молебнами мне да с панафидами». — «Не дайм-то тебе строку да на три дёницька». (175–177)

Григорий Васильевич Поздеев, деревня Роцинский Ручей, Усть-Цилемский район:

Как ле вон пошол¹⁴⁷⁴, плечьми ободверины вывёртывал,
Повернуть хотел вверх дном хоромину. (38–39)

Павел Абросимович Логинов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А приходит-то князю Владимиру,
А приходит беда неминучая,
Затыкает ж... он онучею.
<...>
Выходит князь на высок балкон,
Закричал¹⁴⁷⁵ князь во всю голову:
<...>
«Ай же Добрынюшка Микитинец,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
Приходит Добрынюшка Микитинец:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Что ты нас тревожишь¹⁴⁷⁶, киевских богатырей?»
— «Наехал собака Кáлин-царь,
Собрано у него силы сорок тысящей,
Сорок царей, сорок царицей,
Сорок королей, сорок королевичей,

¹⁴⁷³ У А. М. Крюковой — «обедни».

¹⁴⁷⁴ У Г. В. Поздеева — «пошол».

¹⁴⁷⁵ У П. А. Логинова — «закрычал».

¹⁴⁷⁶ У П. А. Логинова здесь и далее — «треложишь».

Сорок князей, сорок княжевицей,
У каждого силы по сороку тысячей.
Хочет взять-жениться,
Хочет взять княгиню Апраксию,
Велит улицы распахивать
Да ряды раздваивать,
Куриль зеленó вино».

Говорит Добрынюшка Никитинец:
«Солнышко Владимир-князь стольно-киевский,
Ножки да мои ножки притупились,
Ручки да мои ручки примахались, —
Не могу застоять за Киев-град».

<...>

Выходит князь на высок балкон:
«Ай же ты, Олешенька Попович млад,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
И Олешенька Попович приходит:
«Об чем, Владимир-князь, тревожишь?»
— «А на наше село на прекрасное
Приехал собака да Кáлин-царь,
Сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Сорок князей, сорок князевичей,
У каждого силы по сороку тысячей.
Хочет в Киеви женитись,
Взять стольную княгиню Опраксею,
Велит улицы распахивать,
Да ряды разлаживать,
Варить да курить зеленó вино, пьяное».
— «Не могу стоять да за Киев-град,
Ноги мои, ножки притомились,
Руки мои, ручки примахались».
Выходит князь на высок балкон,
Закричал князь во всю голову:
«Ай же ты, Ставёр Годинович,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
Приходит Ставёр Годинович:
«Об чем, солнышко Владимир-князь,
Тревожишь нас, русских богатырей?»
— «А вот, — говорит, — наступает собака Кáлин-царь.
У него сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,

Сорок князей, сорок князевицей,
У каждого силы по сорок тысячей».
— «Не могу стоять за Киев-град,
Ноги мои, ножки притомилисе,
Руки мои, ручки примахалисе».
Выходит князь на высок балкон¹⁴⁷⁷:
«Ай же ты, Пóтык сын Иванович,
Поди-ко ко мне на совет на думу крепкую!»
— «Об чем, солнышко Владимир-князь,
Тревожишь русских богатырей?»
— «А на наше село на прекрасное
Приехал собака да Кáлин-царь,
Сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Сорок князей, сорок княжевичей,
У каждого силы по сорок тысячей.
Хочет в Киеве жениться,
Взять стольную княгиню Апраксию,
Велит улицы распахивать
Да ряды разлаживать,
Куриль да варить зеленó вино».
— «Не могу стоять за Киев-град,
Ноги мои, ножки притомилисе,
Руки мои, ручки примахалисе!»
Приходит беда неминуемая,
Отказалися богатыри, —
Приходит, видно, княгине замуж ийти.
(1–3; 17–18; 41–61; 77–132)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Тут заплакало-то нашо-то да солнышко,
Да по имени наш да всё Владимир-князь:
<...>
«Теперь некому стоять будёт за веру православную,
Православну-ту веру, за Божый церкви¹⁴⁷⁸,

¹⁴⁷⁷ У П. А. Логинова — «балхон».

¹⁴⁷⁸ У А. М. Крюковой здесь и далее — «церкви», «церквы».

За Божый-ти за церкви, за золоты кресты,
За золоты-ти кресты-ти стоеть, за князя, за княгиню-ту^{1479!}»
<...>

Тут не вёшна все вода да розываласе,
Всё тотарьска-та сила-та подвигаитце
Ко тому-то всё ко городу ко Киеву,
Ко ко ласковому князю ко Владимиру,
Шьчо ко тем ли ко церквам Божым соборным,
Шьчо соборным, к церквам все богомольным,
Шьчо ко тем цюдным крестам животворящим,
Ай ко тем ли ко манастырям к спасённым.

(178–179; 181–184; 105–112)

Иван Фёпонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А закручинился тот князь да запечалился
Это той тоской печалью он великою:
«А розсердел-то я теперь богатырей
А старого¹⁴⁸⁰ казака Илью Муромца
А засадил-то его во глубок погрёб,
Ай поморил его смёретью голодною...» (64–69)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Говорит он своей да молодой жоны,
Как своей он супруге да обручальной:
«Ох ты ой есь, княгиня¹⁴⁸¹ да мать Апраксия!
Ты позволь мне придумать думу крепкую:
Кабы просит Калин¹⁴⁸² у меня поединщиков,
А кого же нам послать будёт поединщиком?»
Говорит-то его да молода жона:
«На кого же ты надею преж оставался же?
У тя есь думны бояра, да при себе живут,
Ты поди-тко има нынь заменейся же».
Говорит-то тут князь да таковы речи:

¹⁴⁷⁹ У А. М. Крюковой — «кнегину».

¹⁴⁸⁰ У И. Фёпонова — «старого».

¹⁴⁸¹ У Ф. Е. Чуркиной здесь и далее — «княгина».

¹⁴⁸² У Ф. Е. Чуркиной — «Ковшей».

«Ты не дельнё мне да говоришь нынче,
Ах ты ой есь, Опросинья да дочь Семеновна!
Молодая княгиня да обручалья,
Ты ведь востра баба, да всё догадлива,
Та скажи-тко, скажи мне, пожалуста, —
Да кого же нам послать нам поединщиком?»
Говорит тут княгиня да мать Опраксия:
«Мне ночесь што-то мало спалось — много виделось:
Будто жив в погребу да сидит стар казак».
Говорит тут-де солнышко Владимир-князь:
«Кабы была при себе да сабля вострая,
Я срубил бы у тебя буйну голову:
Уж прошло нынче время ровно трицетъ лет,
Уж какой нынче этам живой нынче стар казак?»
Говорит-ту княгиня да мать Апраксия:
«Я не знаю, к чему да сѣдни виделось,
Будто жив сидит в погребу будто стар казак».
Говорит-то-де солнышко Владимир-князь:
«Как ты преж будто дельнё што ле баяла,
А уж нынче сочиняшь таку безделичу:
Уж и много продолжалось да поры-времени,
Уж прошло-де топере ровно трицетъ лет,
А какой уж нынче живой да есь стар казак?»
Говорит ему княгиня да мать Апраксия:
«Мне ведь зря-то нынче сон вног не видитсе,
Што приснитсе мне ночью, то и сбыдетсе.
Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты некого не посылай, некому не приказывай,
Уж ныне ведь народ да всё неверной здесь,
Ты изволь посмотреть, сходить в глубок погреб,
Он и взáбыл не живой ле в погребу сидит».
Как на то-де нын князь да не ётслушалса,
Он надёрнул сапожки да на босу ногу,
Он и кунею-де шубу да на одно плецѣ,
Свой пухов-де колпак да на одно ухо,
Побежал-ту-де князь да скоро-на́скоро,
Ухватил он лопатоцьку жлезную,
Он раскидывал пески да всё макарьевски,
Отопружил он плиту да все жлезную.
Уж и жив-то сидит да нынче стар казак... (109—158)

Иван Фёпонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай горит у Ильюни воскова свеча,
А читает он ведь книгу да Евангельё. (82—83)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

...Перемётывают листики ербовыя;
Закрычал-то тут-де солнышко Владимир-князь:
«Уж и звыше ума цюдо состоялосье!
<...>
Ты изволь-ко, Илья да ище Муромец,
Ты и вытти нынче к нам на белой свет,
Ты уж больнё большой да строк нынь высидел».
А сидит-ту старой да не огленетсе.
Побежал тут назад домой Владимир-князь,
Он рассказывает своёй да молодой жоны:
«Уж и збóль же не здря да сон привиделса,
Ищэ жив-де сидит да у нас стар казак.
Уж ты ой есь, княгиня¹⁴⁸³ мать Апраксия!
Ты скатайся-тко, сходи, да ты сама позови».
Побежала тут княгиня да мать Апраксия,
Уж как кликнула княгиня да во первой након:
«Поизыть-ко, пожалуй, доброй молодец,
Разгони-тко-сь ты кручину да с ретива сердца,
Ты не ради князя да ты Владимира,
Уж ты ради веры да ты Христовой,
Послужи-тко же ты да верой правой».
Кабы тут-де старой да нынь выскакивал,
Бутто белой тут куропать выпархивал;
Он ступил по земли да нынче три ступья,
А услышал его да нынче доброй конь, —
Он и сорвал все цепи да нынь железными,
Он розорвал все пуинки шелковые,
Закрычал-де ведь, заржал да зычным голосом,
Прибежал он к Илье да к стару казаку,
Как Илья-то-де плачёт, конь не поддавайтесь,
Уж как ровно-де пули, слезы катятсе.
Говорит-то-де тут да нынче стар казак:

¹⁴⁸³ У Ф. Е. Чуркиной здесь и далее — «княгиня».

«Уж ты здравствуй-ко, княгиня да мать Апраксия!
Уж жива ле моя сбруня да лошадиная,
Уж жива ле моя приправа да богатырская?...»
Ухватил-ту-де стар казак Илья Муромец
Кабы ту же нынь палицу буёвую,
Он свиснул эту палицу, доброй молодец,
Улетела эта палица подверх из виду,
Уж и пала она на матушку сыру землю.
Подрожала нынче матушка сыра земля —
Уж уцюли нынь все руськийи богатыри:
«Ищэ есь нынче в Киеви сильнѣй бѣгатырь,
Подават нынче знак нам, добрым молодцам».
(160–162; 164–208)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Тут стоит Владимир-князь у Ильюши, порасплакался:
«Как прости меня, Ильюшенька, в такой беды!»
Показал письмо Ильюше царя Калина. (37–39)

Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога:

«А не мошь ли постоять да ты за Киев град,
А за матушку стоять да свято-Рѹсь землю,
А постоять ли-то за церкви за соборныя,
А тьи за кресты животворящие,
А спасти нас тѣперь всех князей бояр?
А некому поехать супротиво царя Кáлина
А розсердел-то я теперь богáтырей,
А уехали оны да во чистѡ полѣ,
Ай не бывали ѡны здесь да трѣ году». (97–105)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Да призвал тут стар Добрыню Никитича:
«Ой еси, Добрыня Никитич млад!
Обседывай ты своего добра коня,
Двенадцать дѣн объезжай всю вокруг землю,

Всю вокруг землю, повселенну всю,
Захватывай по украинам,
Забирай всё русских могущих богатырей!»
Обседлал Добрыня добра коня,
Объеждал он в двенадцать дён всю вокруг землю,
Всю вокруг землю, повселенну всю,
Захватывал по украинам,
Собирал всё русских могущих богатырей. (160–171)

Архангельский певец:

Говорил казак Илейко Муромец:
«Запирай, князь, ворота крепко-накрепко,
Засыпай их желтым песком, серым камешком...»
(175–177)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Сам садился Илья да на добра коня,
Как поехал Илья на горы на высокие,
Как глядел Илья на рать-силу на великую,
Как сколько у царя-то вить у Калина
Силы набрано, силушки-то нагнано —
Серу волку силы не обрыскати,
Черну ворону силы не огряти. (75–81)

Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога:

А стоит-то сила тая во чистом поли,
Аки синее море колыбается,
Ино мать-та земля да подгибается. (194–196)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

Посмотрел на все четыре на сторонушки,
Он не мог насмотреть конца й краю силы татарской,

А сквозь¹⁴⁸⁴ пару-та ведь лошадиного,
Да сквозь того пару человечьего
Да й не может пропекать да й красно солнышко,
Ото ржания да й лошадиного,
А от покриков да й человечьеских
Ужается сердечко й молодецкое. (275—282)

Иван Фепонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай садился Илья да на добра́ коня,
А не смеет напустить на тую силу не на сметную (*так*),
А на сильниих могучиих татаревей. (122—124)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И едет он в церковь соборную,
И ставил он свечу воска ярова
Перед Матерью Пресвятой Богородицей
И сам ставал на коленочки,
И поднимал свои руце ко верху:
«Мати Божия, Пречистая Богородица!
Пособи Ты мне согнати зал Калина-царя,
За твой я дом стою — церковь соборную,
И за Тебя, Мать Пресвятая Богородица!»
И встал и пошел¹⁴⁸⁵ из церкви соборныя... (104—113)

Иван Фепонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А выезжает-то Илья да во чисто́ полё... (125)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

А и ехал он день до вечера,
А и темну ночь до белá свету. (С. 31)

¹⁴⁸⁴ У И. Г. Рябикина-Андреева здесь и далее — «скрозь».

¹⁴⁸⁵ У Л. Г. Тупицына — «пошол».

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А поднимается на гору на высокую,
Ай поглядел ведь он во трубку во подзорную,
А на все-то¹⁴⁸⁶ на четыре он на стороны;
А со первой горы Ильа да он спускается,
А на другую-то он гору поднимается,
А поглядел-то он во трубку во подзорную,
Ай на все он на четыре да на стороны;
А со другой горы да он Ильа спускается,
А на третью высокую поднимается,
А поглядел-то он во трубку во подзорную,
А на все он на четыре да на стороны;
А в той ли стороны да подвосточныя
А увидае в поли там белóй шатёр.
А приезжает тут Ильа да ко белú шатру,
А у того ли в поли у белá шатра
А стоит двенадцать кóней богатырских,
А видит-то Ильа да таково дело:
А стоят ты кони, кони тут русíйские,
А ёго-то ведь братьищев крестовых,
А крестовых-то братцев ведь названных. (126—145)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Объехал Добрыня¹⁴⁸⁷ всю вокруг землю́,
Всю вокруг землю́, повселенну всю,
Захватил Добрыня по украинам¹⁴⁸⁸,
Он собрал¹⁴⁸⁹ всё русских могущих богатырей. (168—171)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А заходил-то тут Ильа да во белóй шатёр,
А глаза-ты он крестít да по-писáному,
Ай поклон-от он ведет да по-учёному,

¹⁴⁸⁶ У И. Фёонова здесь и далее — «вси-то», «вси».

¹⁴⁸⁷ У М. Г. Антонова — «объеждал он в двенадцать дён».

¹⁴⁸⁸ У М. Г. Антонова — «захватывал по украинам».

¹⁴⁸⁹ У М. Г. Антонова — «забирал».

А на все¹⁴⁹⁰ стороны Ильюня поклоняется,
Ай крёстному он батюшку в особину:
«А здравствуёшь ты, крёстный ты мой батюшко,
Ай Самсон сын Самойлович!
А вы здравствуйте крестова моя братия...» (148–155)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

«Уж вы здрастуйте, доньски казак!» (С. 31)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А увидали-то оны да Илью Муромца,
А скоро ведь скочили на резвы ноги,
А с Ильюшенкой тут братия здоровкались:
«А старый казак да Илья Муромец!
Ай говорили, ты посажен во глубок погрёб
У того ли-то у князя у Владимира,
А поморён ты смеретью голодною, —
А ты верно, старик, да жив поезживашь». (157–164)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

Говорит Самсон да й таковы слова:
«Ай же, крестничек да ты любимый мой,
Старый козак да Илья Муромец,
А садись-ка с нами¹⁴⁹¹ за единый стол,
А поешь-ка ествушки сахарней,
Ты попей-ка питьвицов медвяных». (330–335)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай говорит-то ведь Илья да таково слово:
«Ай же ты крёстной мой батюшко,

¹⁴⁹⁰ У И. Фёонова — «все».

¹⁴⁹¹ У И. Г. Рябининой-Андреевой — «с нами».

А Самсон сын Самойлович,
А вся¹⁴⁹² братия крестовая названая!
А поедемте на помочь на великую,
Ай насупротив поедем царя Кáлина».
А говорит-то ведь крёстной ёму батюшко:
«А я сам то ведь не еду, да тебе не блáсворю,
А не буду я стоять большё за Киев град,
Ай не могу болё смотреть на князя Владимира,
А на Апраксию да королевичну
Ай положено заклятіё великоё». (165—176)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

Говорит Илья тут таковы слова:
«Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,
А Самсон¹⁴⁹³ же ты да и Самойлович!
А вы вся дружинушка хоробрая,
Вы й седлайте-тка коней богатырьских,
Да й поедемтя в раздольице в чистó поле,
Постоимтя за веру й за отечество,
Сохранимте мы да й стольний Киев-град,
Сохранимте мы да й церкви¹⁴⁹⁴ Божии,
Сберегёмте мы князя й Владимира».
Говорит тут Самсон еще й Самойлович:
«Ай же ты, любимый мой крестничек,
Старый козак да Илья Муромец,
А не будем мы коней седлать,
Не поедем в раздольице й чистó полё
В поле биться, больно й раниться
А на тьи на удары й на тяжелыи,
А на тьи ль побоища на смёртныи.
Много есть у князя й у Владимира,
Много есть господ да й бояринов,
Он их кóрмит, пойт, да он и жалует,
Ничего ведь мы от князя й не предвидели». (342—363)

¹⁴⁹² У И. Фепопова — «а вси».

¹⁴⁹³ У И. Г. Рябикина-Андреева — «Сампсон».

¹⁴⁹⁴ У И. Г. Рябикина-Андреева — «церквы».

Степан Ильич Максимов, деревня Немашовская, Кенозеро:

Поклонился-то Илья им¹⁴⁹⁵ с унижением.
«Да заступим мы да за Киев град,
Да не для ради князя Владимира
С молодой-то княгиней¹⁴⁹⁶ Апраксией,
Да для ради дому Богородицы,
Да для ради вдов, сирот, людей бедных».
И отвечает-то дружина ему храбрая:
«Ты старые казак да Илья Муромец!
Да однажды от Киева отказаны». (155—163)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Пили они дак зелено вино,
Пили же они дак пиво пьяноё,
Сладк-от-де мёдом закусывали.
Тут-то робята да все¹⁴⁹⁷ призаспали;
А старому казаку ему не спицэ же... (235—239)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудоба:

Как¹⁴⁹⁸ зауснула ведь тут братия крестовая,
И встаёт-то ведь Илья да на резвы́ ноги,
А выходит-то ведь Илья да из белá шатра... (201—203)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Да садился Илья на добра́ коня,
То он ехал по роздольицу чисту полю
И подъехал он ко войскам ко татарским. (II: 357—359)

¹⁴⁹⁵ У С. И. Максимова — «и поклонился-то им».

¹⁴⁹⁶ У С. И. Максимова — «княгиной».

¹⁴⁹⁷ У А. М. Мартынова — «фсе».

¹⁴⁹⁸ У И. Фёонова — «и».

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

Подъезжал он ко рать-силе ко великой,
Он просил себе тут Бога на помощь,
Да и пречистую Пресвятую Богородицу... (404—406)

Аграфена Матвеевна Крюкова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Помолилсэ на восток всё Богу-Господу
Он во ту ли во восточню всё в стороноцку,
Ко тому ли ко манастырю спасёному,
Ко тому ли ко Онтонию, Феодóсею;
Да поехал-то он тут да доброй молодец
Ишше конь-от у ёго да как сокол летит. (278—283)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А спучается со горы со высокия,
А напучает он на рать-силу поганую,
А на сильних на могучих на татаревей. (205—207)

Мезенский певец:

И размахнулись руки белыя,
И засвистела у его палица боевая,
И зачивкала его сабелька острая. (267—269)

Анна Васильевна Бронникова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Застонали, заревели тотара проклятые... (64)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

А он стал как силы с крайчика потаптывать,
Как куда проедет — падёт улицы,
Перевернется — дак переулками. (409—411)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А силу-ту он бьет да трои сутки не едаючи,
А не едаючи Илья да не пиваючи,
А с добра коня Илья да не слезаючи,
А добру коню отдоху не даваючи;
А бьёт-то силу до шести он дён,
А не едаючи Илья да не пиваючи,
А с добра коня Илья да не слезаючи,
А добру коню отдоху не даваючи.
А его доброй-от конь да проязычился... (208—216)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

Взлепетал языком человеческим... (413)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Ай ты старыи казак да Илья Муромец!
А укроти-тко ты ведь сердце богатырскоё». (218—219)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

«Напускаешь ты на рать-силу й великую.
А ведь сила есть тут очинь сильняя,
А ведь воины-то есть могучии,
Поляницы есть ведь разудалыи;
Есть три подкопа подкопаны глубоких,
Я прогрязну в первы ямы-подкопы глубоких,

Я оттуда с подкопов повыскочу,
А тебя Илью й Муромца повыздыну;
Я прогрязну в други ямы-пóдкопы глубокии,
А я с дрúгих ям-то ведь повыскочу,
А тебя Ильи Муромца й повыздыну;
Я й прогрязну в третьи ямы-пóдкопы глубокии,
Я ведь с третьих ям да как-нибудь повыскочу,
А тебя Ильи Муромца не выздыну».
Разгорелось сердце й у богáтыря
А у старого ль козáка Ильи Муромца,
Говорит тут он да й таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок,
Ты оставить хочешь в ямах во глубокиих!»
Он берет тут в руки плеточку шелкóвую,
Он тут бил коня да й по тучной бедры,
Перьвый раз он бил коня между ушей,
Дрúгой раз он между ноги между заднии,
А давал удары всё тяжелыи.
Яго й добрый конь тут богатырский,
По чистú полю он стал поскакивать,
Не в пример он зло поехал по чистú полю. (415—441)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

И он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добрóм коне сидит Илья, не старится. (II: 415—417)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

Он прогрязнул в перьвы ямы-пóдкопы глубокии,
А он с перьвых ям еще й повыскочил
Да й козáка Илью Муромца й повыздынул.
Он прогрязнул в други ямы-пóдкопы глубокии,
А он с дрúгих ям еще й повыскочил
Да й козáка Илью Муромца повыздынул.
Он прогрязнул в третьи ямы-пóдкопы глубокии,
С третьих ям конь еще й повыскочил,

А коза́ка Илью Муромца й не выздынул,
Он свернулся с седельшка черкальского,
А упал в ямы-по́дкопы глубокии. (442–452)

Иван Феоонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А сбежал его конь да во чистó полё,
Это начал он ведь по́ полю побегивать. (237–238)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

Тут напáдали татарова й поганыи
На того ль дуродня добра молодца,
Да й сковали Ильи да й ножки резвыи,
Да й связали Ильи да ручки белыи. (454–457)

* * *

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Не видать как ста́рого каза́ка Ильи Муромца да из чистá поля.
Ай как солнышко князь опять да не весел стал,
Ай как сам говорил да таковы слова:
«Ай же ты княгина Апраксия!
Ай как видно как пришло тое времечко да великое,
Ай как теперь¹⁴⁹⁹ пришло да отдать в полон
А как славный город нам Киев-от;
А как всем князьям да боярам ведь
Ай как быть да поразъехаться¹⁵⁰⁰,
Ай как всем поляницам удалым,
Ай русейским сильниим могучим богáтырям,
А нам пришло с тобой как на убег бежать.
А как видно на кого была надея великая,
Ай на старого¹⁵⁰¹ казака да Илью Муромца,

¹⁴⁹⁹ У А. П. Сорокина — «топерь».

¹⁵⁰⁰ У А. П. Сорокина — «порозъехаться».

¹⁵⁰¹ У А. П. Сорокина — «старого».

Ай у того топерь да уехано
А в дáлече далéчо да в чистó полё,
Ай не будет ён из чистá поля».
Ай как тут ёна говорит ему таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владимир князь!
Забери остáтнее столованье да почестен пир,
Ай забери-тко ты топерь всех князей бояр,
Всех сенатóров да думных,
Ай как всех вельмож, купцей богатых,
Всех поляниц да ты удалых,
А русейских сильних могучих богáтырей.
<...>
Ай возьми-тко ты рассылай-ко ведь¹⁵⁰²
А указы ты строгие,
Ай по городу по Киеву,
Ай по городу по Чернигову,
Ай по прочиим городам по губерским, по уездным,
Ай выпускай затюремщиков грешников,
Ай прощай-ко во всех винах великих,
Ай как всих призывай к себе да на почестен пир.
Ай как призывай-ко сильних могучиих богáтырей...
<...>
А может приедут¹⁵⁰³ к тебе да на почестен пир.
А пусть-ко оны со честнóго пиру да поразъедутся¹⁵⁰⁴
да порозóйдутся,
А мы тожно с тобой на убег пойдем».
<...>
Ай как забирал он остáтнее столованье да почестен пир.
Ай как тут приезжали князи бояра ведь
Сенатóры да думные,
Ай вельможи, купцы¹⁵⁰⁵ все богатые...
<...>
Ай как ведь набрались полны полаты белокаменны
Все удалых добрых мóлодцов.
Ай как ведь да садилисе
Ай за ты столы за дубовые¹⁵⁰⁶ княженецкие,

¹⁵⁰² У А. П. Сорокина — «публикуй-ко ведь».

¹⁵⁰³ У А. П. Сорокина — «а може приеде».

¹⁵⁰⁴ У А. П. Сорокина — «порозъедутся».

¹⁵⁰⁵ У А. П. Сорокина — «купци».

¹⁵⁰⁶ У А. П. Сорокина — «дубови».

А за ты за ествы сахáрные,
А за ты за напитки за медвяными.
А как боле сидят оны,
Никто не пьет да не кушает,
А у всех повешены да буйны головы
Ай как ниже плеч своих могучиих,
Притуплены очушки ясныи,
Очушки ясныи во кирпичной пол.
(307–331; 147–155; 158–160; 334–337; 341–353)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

Приезжает ко князю ко Владимиру
Его рóдный племянничек,
Млáдый Ермак Тимофеевич. (39–41)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Идет молодец по новым сеням,
Идет он — будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Здравствует князя со княгинею¹⁵⁰⁷:
«Ай же ты, мой любимый дяденька!
А чего кричишь, тревожишься?» (174–181)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

«Что же ты сидишь невесел,
Что же ты буйну голову повесил?»
— «Ай же млáдый Ермак да Тимофеевич!
Чего же мне веселится?
Когда во Киеве была добрá пора,
Тогда во Киеве было защитчиков,
Защитчиков и заступчиков,
А как стало во Киеве недобрá пора,

¹⁵⁰⁷ У Н. Прохорова — «со княгиною».

Так нет во Киеве защитчиков,
Защитчиков и заступчиков».
Отвечает¹⁵⁰⁸ младый Ермак Тимофеевич... (46–56)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Ай же ты, любимый мой дяденька!
Я могу служить-стоять за стольный Киев-град.
А есть ли у тебя латы-кольчуга в сорок пуд,
Есть ли палица мне в сорок пуд,
А есть ли мне добрый конь
Возить удалого¹⁵⁰⁹ добра молодца?»
— «Ах ты, млад Ермак Тимофеевич!
Ты дитя захвастливо, заносливо,
Заносливо дитя, неразумное:
Не служить, не стоять ти за Киев-град!» (190–199)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Ты, Ермак, младешенек,
Младешенек, Ермак, глупешенек.
Молодой, Ермак, ты, лет двенадцати,
На добром коне-то ты не езживал,
В кованом седле ты не сиживал
Да и палицы в руках не держивал;
Ты не знаешь спонаровки богатырския:
Тебя¹⁵¹⁰ побьет литва поганая;
И не будет-то у нас богатыря,
То нам нё на кого будет понадеяться». (I: 130–139)

Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье:

«От роду тебе всего девенадцать¹⁵¹¹ лет;
Где же у тебя да родный батюшка?»

¹⁵⁰⁸ У А. В. Сарафанова — «отвечает».

¹⁵⁰⁹ У Н. Прохорова — «удалого».

¹⁵¹⁰ У Т. Г. Рябины — «тобя».

¹⁵¹¹ У В. П. Щеголенка — «семнадцать».

Воспроговорит млад Ермак Тимофеев сын:
«Ушел-то мой родной батюшка
Ко Ерману, ко Сергию». (С. 37)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Когда не дашь мне прощеньица-благословленьица
Повыхать в раздольице чисто поле,
Поотведать силушки поганого¹⁵¹²,
Так дай-ка мне прощеньице-благословленьице
Повыхать в раздольице чисто поле,
Посмотреть только на силушку поганую». (I: 143–148)

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Спроговóрил князь стольно-киевской:
«Ты, млáдой выюнош, перéрвишься,
Теби-то вси двенадцать лет!»
— «Дашь коня — поеду, не дашь коня — пешóй пойду...»
(75–78)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Дал ему дядюшка прощеньице-благословленьице
Повыхать в раздольице чисто поле,
Посмотреть на силушку поганую... (I: 149–151)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Ай наливал ему чару¹⁵¹³ зеленá вина,
Ай как мерой чара полтора ведра,
Весом как чара ровно полтора пуда.
Ай подавал-то ему солнышко князь да единóй рукой,
Принимал как молодой Ермак да единóй рукой,
Выпивал как молодой Ермак да единým здухом.

¹⁵¹² У Т. Г. Рябины — «поганого».

¹⁵¹³ У А. П. Сорокина — «третью да чару».

Ай потом как он ставал да на резвы́ ноги,
Ай как тут скакал через ты столы ён дубовые,
Через ты ествы́ саха́рные,
А через ты напитки да медвяные...
<...>
Ай бежал потом он на ши́рок двор... (416—425; 429)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Тут бежал Ермак на конюшенку,
Выбирал себе добра коня по любви,
Выбирал себе палицу богатырскую...
<...>
А латы-кольчуга призаржавели:
Бросил он латы о кирпичен пол,
Слетела ржа от лат-кольчуги... (209—211; 213—215)

Павел Абросимович Логинов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Стали латы старые¹⁵¹⁴ лучше прежнего.
За трдеветью замками
Отцовский конь, говорят, есть.
Он идет, а конь на стрету идет. (141—144)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Ай поехал он с того ли двора да княженецкаго. (431)

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Приехал он далече во чисто́ полё,
Ко тому-то дубу ко Не́веду,
Ко тому кресту да Леванидову.
Сидят тут двенадцать бога́тырей,
Сидят у Самсона во¹⁵¹⁵ бело́м шатре,
Играют в шашки-шахматы заморские. (82—87)

¹⁵¹⁴ У П. А. Логинова — «старый».

¹⁵¹⁵ У А. Б. Сурикова — «у Ильи Муромца в».

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

Спрогóворит Ермак Тимофеевич:
«Во том во городе Кieve
Хлеба трёснуть есть ё кому,
А за Киев град пóстоять некому». (266–269)

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Говорят ему могучие богáтыри:
«Ай же ты, Ермак Тимофеевич.
Повыстой, ты поди во сырой дуб,
Сосчитай-то силу по знамению». (88–91)

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

«Погляди на силу великую:
Ужо ли сила на ход пошла?»
Повыстал Ермак во сырой дуб,
Поглядел на силу великую... (274–277)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Ай как он увидел на тых полях на Елисихах,
А стоит-то уж силушки как на чистóм поли,
А как мелкого¹⁵¹⁶ лесу шумячего,
Ай не видно ни краю да ни берега,
Ай как знамёньёв на чистóм поли
Как сухого лесу жарóваго... (438–443)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

Посмотрел Ермак на силушку великую... (I: 182)

¹⁵¹⁶ У А. П. Сорокина — «мелкаго».

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

А там сила на ход пошла. (278)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Его сердце богатырско не ужахнулось. (I: 183)

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Скочил Ермак со сыра́ дуба́... (94)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Он зовет себе¹⁵¹⁷ Бога на́ помочь,
Въехал-то он в силушку великую,
Стал он эту силушку конем топтать,
Конем топтать, копьём колоть.
Бьет он эту силушку, как траву косит,
И бился целыя суточки,
Не едаючись и не пиваючись
И добру коню отдѹху не даваючись;
А в нем силушка велика не умѣньшилась,
И в нем сердце богатырско не ужахнулось;
В двадцать четыре часика положенных
<...>
Этой силы стало в поле мало ставиться. (I: 184–194; 196)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Поганой Издолищо заметалосе:
Не знать, оно засыпаетси,
Не знать, оно оглупаитси. (209–211)

¹⁵¹⁷ У Т. Г. Рябины — «собе».

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А здымали-то Илью да ведь со погреба...

<...>

А повели его на казень-ту на смертную,

Ай отрубить-то ведь Ильи да буйна голова.

А ведут Илью да мимо церковь соборную,

А возмолился тут Илья да всем святителям.

(240; 243–246)

Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость:

...И ко святым¹⁵¹⁸ киевским угодникам:

«Вы киевские чудотворцы-угодники!

Не выдайте татаринам поганым:

Я век буду стоять за дом пресвятой Богородицы»

И тогда послал Господь силу ангельскую,

Оборвали повода железныи. (337–342)

Николай Михайлович Швецов, деревня Орьмы, Моша:

От стряхнулся Илеюшка Муромец,

Все немецкия железа попадали... (245–246)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай как из далёча далёча из чиста поля

Набежал-то тут к Ильюшенки да добрый конь,

Ай хватил-то он зубамы да за тья пúтыни шелкóвыя,

Оборвал-то пúтыни шелкóвыя,

А слободил его он ручки да белыя.

А вскочил¹⁵¹⁹ Илья да на добра коня,

А выезжает-то Илья да во чистó полё... (247–253)

¹⁵¹⁸ У И. А. Касьянова — «святым».

¹⁵¹⁹ У И. Фёонова — «скочил».

Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье:

Посмотрел-то во трубу подзорную
На поле на чистое.
И только нагнано татар поганных...
<...>
И во поли чистом млад Ермак Тимофеев сын
Как на море волна да колеблется,
Рубит татар да поганных. (С. 38–39)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

И проговорил старой казак Илья Муромец:
«Что больше некому выехать со Киева,
Как повыхал млáдый Ермак да Тимофеевич.
Привет он свою силу богатырскую,
Убьют его татары да поганьи». (105–109)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай натягиват Илья свой тóгой лук,
Налагает ведь он стрелочку каленую,
А сам он ко стрелы да приговáриваёт:
«А пади моя стрела ни нá воду, ни нá землю,
А не в темный лес, да не в чистó полё,
А пади моя стрела на тую ли на гору на высокую,
А проломи-тко крышу-ту шатровую,
А пади-тко крёстному ты батюшку,
А крёстному ты батюшку во белу грудь,
А раздоби¹⁵²⁰ ему ты груди белыя,
А за тую за измену за великую».
А тут стрелил да Илья Муромец;
А летела тут стрела да ведь на гору на высокую,
Ай проломила она крышу-ту шатровую,
А пала она крестному отцу на белу грудь,
А на белую-ту грудь да во злачёный крест.
А ото сну тут крестный пробуждается... (254–270)

¹⁵²⁰ У И. Фёонова — «роздоби».

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как ставал, скоцил да сам сонной крёсной ведь¹⁵²¹... (99)

Иван Фёпонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Ай вы сильнии могучии богатыри,
А пробуждайтесь ото сну да вы от крепкого¹⁵²²!
А где-то у нас старьи казак да Илья Муромец?
А мы едим да пьём да проклаждаемся,
А мы не ведаем незгоды над Ильюшенкой».
А ставали ведь тут сильнии могучии богатыри,
А скоро-то ставали на резвы́ ноги,
Ай выходили-то онѣ да из шатра долой... (272–279)

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Пришел¹⁵²³ Добрыня Никитинец сын,
Прибегает он во бел шатер:
«Не ясный сокол полетывает,
Там не черный ворон попурхивает,
Поскакивает удалый добрый мѡлодец,
Бьет рать-силу великую
Куда махнет — да там улица,
Куда перемахнет — с переулками!» (103–110)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Ах вы дурни, русские богатыри!
Погубили вы головку наилучшую:
Бьется там Ермак — пересядется!
Скоро седлайте добрых коней,
Все поедем-те туда, молодцы!»
Начали они седлать добрых коней:
Стала мать сыра земля продрагивать;

¹⁵²¹ У Ф. А. Конашкова — «вить».

¹⁵²² У И. Фёпонова — «крепкаго».

¹⁵²³ У А. Б. Сурикова — «пришол».

Поезжали ко силы ко татарския.
Как приехали ко силы ко татарския
Не видят, куды силы край есть,
Не видят Ермака Тимофеевича. (275–285)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Где стоит-то сила царя Калина —
Как Ильюшенька бьет да со сторонущи... (105–106)

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

Закрыцел-то Илеюшка по-зверыному,
Засвистел-то Илеюшка по-соловьиному.
<...>
Забренцела тут сабелька-та вострая,
Завоёвала тут палица жлезная...
<...>
Как наехал Добрынюшка Микитиц млад,
Как наехал Олёшенька Поповиць сын...
(266–267; 264–265; 268–269)

Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога:

А садилися онѣ да на добрых коней,
А спущалися онѣ да с высокѣй горы,
Нападали на поганных татаревей... (280–282)

Сузунский певец:

Далеко в чистом поле рати стретились.
У собаки¹⁵²⁴ рать — туча черная,
Княженецкая рать — молонья светлая. (56–58)

¹⁵²⁴ У Сузунского певца — «Тугарина».

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Говорил Ильюша таковы слова:
«Ай же вы, русские могучии богатыри!
Идьте, братцы, по крайчикам,
А я поеду по середочке
Искать млада Ермака Тимофеева».
Поехали богатыри по крайчикам,
А Илья поехал по середочке
Искать млада Ермака Тимофеевича. (286–293)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как кругом-то силу-то со всех сторон окружили,
Нацляли силу бить у царя Калина... (107–108)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А и вси во городи во Киеви взволновалсе народ
А и на того ли на собаку царя Калина¹⁵²⁵,
Побежали за им кто кому желательнѣе,
А кто¹⁵²⁶ с топорами же за им да кто с орудіею жа. (152–155)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Говорил Ильюша таковы слова... (286)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

«Ай же ты смелый Алеша да Поповиц!» (111)

¹⁵²⁵ У П. С. Пахоловой — «на царя да на Кудреянка же».

¹⁵²⁶ У П. С. Пахоловой — «хто».

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

«Поезжай ты¹⁵²⁷ в силу великую
Бери ты¹⁵²⁸ храпы железныи,
Младому Ермаку Тимофеевичу
Накидывай-ка¹⁵²⁹ на плечи могутнии...» (303–306)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

«И подтягивай его ко белóй груди,
Чтобы укротил свое сердце богатырское,
И проси-ка ты его словами ласковыма:
“Ай же ты млáдый Ермак Тимофеевич!
Ты позавтракал, дай же мне и пообедати”».
У Ермака да Тимофеевича
Розгорелось сердце богатырское,
Прирвал его храпы белые,
А еще этого сердитее поехал
Валять в силу поганую.
Усмотрел старый казак Илья Муромец,
Что прирвал Ермак храпы белые:
«Прервет свою силу богатырскую,
Убьют его татары да поганые».
Посылает он Добрынюшку Микитича...
<...>
Посылает во силу во поганую... (115–129; 131)

Козьма Романов, деревня Логмасы, Петрозаводский уезд:

«Поди, Добрынюшка Никитинич,
Ласковыма словами его уговаривай
И удерживай баграмы железныма».
И скоро Добрынюшка Никитинич
Поехал в силу-войско татарское,
И захватывал баграмы железныма,
И уговаривал словами ласковыма:

¹⁵²⁷ У Д. В. Суриковой — «поезжайте».

¹⁵²⁸ У Д. В. Суриковой — «берите».

¹⁵²⁹ У Д. В. Суриковой — «накидывайте».

«Укроти свое сердце богатырское,
Младый Ермак Тимофеевич!
Ты младешенек, глупешенек,
Сорвешься ты, надорвешься». (138–148)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

И как накинул он храпы белые
И подтянул его ко своей белой груди,
То младый Ермак да Тимофеевич
Прирвал его да храпы белые,
А еще этого сердитее поехал
Рубить татар да и поганных.
В это же время смотрит старый казак Илья Муромец
И видит, что прервет Ермак Тимофеевич
Свою силу богатырскую:
Не могли тыи воины укротить его храбрости.
<...>
И отправился во силу во поганую...
<...>
Подъезжает он к младу Ермаку да Тимофеевичу...
(138–147; 150; 152)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Выскочил он со добра коня,
Скочил ему на добра коня,
Захватил его за могучи плечи,
Закричал во всю голову:
«Ах ты, млад Ермак Тимофеевич!
Укроти свое сердце богатырское...» (300–305)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

«Ты же сегодня ведь позавтракал,
Ты же сегодня да и пообёдал,
Так дай-ка ты мне хоть паужинать,
Побить да и татар да поганных». (157–160)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«А мы нонь за тебя поработаем:
Ты быешься, Ермак, — сам пересядешься!»
Тут Ермак Тимофеевич
Укротил свое сердце богатырское. (306—309)

Павел Абросимович Логинов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Ах-ко старый казак да Илья Муромец,
Заехал бы ты спередá,
Попал бы на место поганого татарина,
Шшелкá бы дал».
Оттащил его с силы великия на отдых.
Как еще его крестной батюшка
Самсон Саму́йлавиц вывез оттуль,
Только отвез — Богу душу отдал. (179—186)

Николай Михайлович Швецов, деревня Ормы, Моша:

Они стали метати во жеребей,
Да кому итти по праву́ руку,
А кому итти по леву́ руку.
На паю Илеюшки не обидели,
Доставалось итти по серёдке по матицы,
Противо собаки царя Калина.
Выходили они да во чисто полё,
Они стали силу бить, как траву косить... (259—266)

Иван Фепонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А прибили, прирубили да всю силу ту несметную,
А несметную ту силу да несчётную. (283—284)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

А собака Калин-царь во белом шатре¹⁵³⁰

Спит он на кровати — рыбий зуб,

Под тым одеяльцем соболиным;

Спит он, молодец, проклаждается,

Над собой невзгодушки не ведает.

<...>

Наезжает Илья Муромец,

Хватил Калина за желты кудри,

Выдернул с кровати — рыбий зуб,

Бросил его о сыру землю;

Выдернул с кармана плеть шелковую,

Начал его, собаку, чествовать,

А бьет он, сам выговаривает:

«Каково, собака, зде жениться,

От живого¹⁵³¹ мужа жена отлучить?»

Тут клянет собака, проклинается:

«Будь трое проклят на веку тоем,

Кто станет во городе жениться,

От живого мужа жена отлучать». (313–317; 319–331)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

«Закажу я дитям да внуцятм —

А не то што на Русеюшку-то ездити,

А штобы думой более да не думати!» (111–113)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Стали после этого богатыри думать — куда нынче ехати?
А княгиня¹⁵³² это увидела, прилетела <...> сама за богатырьми
и закланялась, зазвала их в Киев. (С. 21)

¹⁵³⁰ У Н. Прохорова — «А собака Калин-царь / На чистом поле во белом шатре».

¹⁵³¹ У Н. Прохорова здесь и далее — «живаго».

¹⁵³² У Ф. Е. Чуркиной — «княгина».

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Тут поехали сильни могуци богатыри
Как ко князю-то в город, ко Владимиру.
Принимал Владимир-князь до со всей радости,
Всех молодцев-то он пожаловал... (114–117)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

Говорит тут князь Владимир таковы слова:
«Благодарствуй вас, могучие богатыри,
Что стояли вы за славный стольний Киев-град,
Охраняли да й церкви¹⁵³³ Божие,
Сберегли меня, князя Владимира».
А того собаку царя Кáлину
Отпустил во славу во темnú Орду. (625–631)

Казак Дьяков, Бухтарма:

И приехали к князю Владимиру со славою,
Была гульба, борьба и кулачный бой,
Владимир князь их потчевал¹⁵³⁴,
Три дня гуляли, веселилися. (171–174)

* * *

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

А поехали богатыри да по своим местам,
По своим местам, к отцам¹⁵³⁵, к матерям,
А да к отцам, к матерям да к молодым женам¹⁵³⁶. (381–383)

¹⁵³³ У И. Г. Рябины-Андреева — «церквы».

¹⁵³⁴ У казака Дьякова — «потчивал».

¹⁵³⁵ У Г. Л. Крюкова здесь и далее — «отчям».

¹⁵³⁶ У Г. Л. Крюкова — «жонам».

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

Как поехали они и путём-дорогою назад¹⁵³⁷, —
Как лёжыт-то этой силы да много и премножесьво.
Они тут же и сами себе да удивилисе... (271—273)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Они едут да сами хвастают,
Как хвастают, таковы речи говóрили... (336—337)

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

«Как ище бы естолько силы, дак то бы мы выбили!..» (274)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Говорят тут два брата Долгополые,
Как Лука, Матвей, дети Петровские:
«А бы кто нас может победить ноньче?» (356—358)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

Ишша тут два братця не натешились,
Не натешились, приросхвастались.
А один говорил таково слово:
«А было б в матушки, в сырой земли,
А было бы в ей золото кольцо¹⁵³⁸, —
Поворотил бы матушку сыру землю».
А другой говорил таково слово:
«А была бы на небо листвиця,
Я прибил бы там до единого». (С. 35)

¹⁵³⁷ У М. Г. Михашина — «назать».

¹⁵³⁸ У М. Д. Кривополеновой — «кольцё».

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Ай присекли мы бы силушку небесную».
Услыхал жа восударь тогды Илья Муромец...
<...>

«Хорошу жо вы как шуточку да нашúтили;
Ише как эта шуточка вам с рук сойдёт?»

(307–308; 310–311)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Говорит им старой таково слово:
«Уж вы ой еси, два брата Долгополые!
Кабы эти ваши слова богопротивные». (363–365)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Да легли тогды богáтыри во белы́ шатры.
Ише спят они богáтыри да по перьвой день,
Ише спят они богáтыри да по вто́рой день,
Ише спят тогды богáтыри сами по третей день
Со того жа со устáтку со великого.
Да по úтру-ту было, да утру очунь рано жа,
По восходу-ту как было солнца¹⁵³⁹ красного... (312–318)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

На светлой зори раноутренней,
На выкате солнышка красного,
Стал-то старый со постелюшки.
Умывался¹⁵⁴⁰ он да ключевой водой,
Утирался полотёнышком беленьким,
Помолился Спасу Преображенскому,
Божьей Матушки да Богородицы. (228–234)

¹⁵³⁹ У Ф. Т. Пономарёва — «соньця».

¹⁵⁴⁰ У М. Г. Антонова — «умывалса», «утиралса» и «помолился» соответственно.

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ише вышел де Илеюшка изь белá шетра,
Ай глядит на орду-силу тогда¹⁵⁴¹ неверную, —
Ай стоит сила-орда вся¹⁵⁴² живёхонька. (319–321)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

По грехам по их так ведь сделалось:
А которой сечен был надвое,
А возстало тут два татарина¹⁵⁴³;
А которой сечен был натрое,
И возстало тут три татарина. (С. 35)

Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район:

Как неверно собрание скошевáлось...
<...>
Забегал тут стар да во белóй шатёр:
«Уж вы братыца мои товарищи,
Не докуль вам спать — порá вставать!
Я ведь был на улице широкое,
Я смотрел и здрел да во чистó полё,
Там неверно собрание нынче ожило:
Мы которого секли ведь нáтрое,
Тот втроем садится¹⁵⁴⁴ на одну лошадь;
Которого секли мы нáдвое,
Тот вдвоем садится на одну лошадь...» (237; 242–251)

¹⁵⁴¹ У Ф. Т. Пономарёва — «гледит... тогды».

¹⁵⁴² У Ф. Т. Пономарёва — «вся».

¹⁵⁴³ У М. Д. Кривополеновой здесь и далее — «тотарина».

¹⁵⁴⁴ У М. Г. Антонова здесь и далее — «садится».

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

Говорит как тут да Илья Мурович:
«Уж вы гой еси, два братёлка!
По грехам по нашим так сделалось». (С. 35)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Ише хто-то де эту шуточку, верно, да нашучивал,
Ише надо тому шуточка отшучивать». (323—324)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

И кабы эта ноньче сила, нонь неверная,
Находити им стала на белой шатер.
Кабы тут все робята зволновалисе,
Выходили кабы они из бела шатра,
Как садились они скоро на добрых коней;
Опять они стали по силы нонь поезживать,
Кабы стали силу нонь помахивать... (374—380)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Они били эту силу да всё рубили ведь¹⁵⁴⁵.
Они сколько тут ею дак они бьют ею, —
Убыли ею да тут ведь нету же! (377—379)

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Ай которого как рубят они нáдвое,
Изъ того же как рожайтыце два татарина¹⁵⁴⁶;

¹⁵⁴⁵ У А. М. Мартынова здесь и далее — «веть».

¹⁵⁴⁶ У Ф. Т. Пономарёва здесь и далее — «тотарина».

Да которого рубили да они натрое,
Ис того ведь как рожайтсье три да татарина.
Да рубилисе богатыри они по перьвой день,
Ай рубилисе богатыри они по вто́рой день,
Ай рубилисе богатыри сами по третей день,
Не пиваючись рубили да не едаючись,
Со добрых коней они сами не съезаючись. (335—343)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Пресвята-де Богородица Илеюшки глас гласит:
«Уж¹⁵⁴⁷ ты ой еси, Илеюшка тут Мурамец!
Нам живым, верно, с мёртвыми не наратицсье!»
Да скрычал бы Илейка громким голосом:
«Уж вы ой еси, дружья, братья, товарищи¹⁵⁴⁸!» (380—384)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

«Уж нам полно, братцы, битисе, живым с мёртвыма дратисе!
Уж простит нас Господь а в такой вины?»
Как молилисe они Спасу Пречистому;
А тут пала вся сила поганая. (371—374)

Александр Иванович Палкин, село Большие Нисогоры, Лешуконский район:

Да тут стали резвы́ кони брóдить в крови до резва́ брюха́.
Де тут прираздвинулась и мать сыра земля,
Де как прожрала она всю силушку невёрную¹⁵⁴⁹. (222—224)

¹⁵⁴⁷ У А. М. Мартынова здесь и далее — «уш».

¹⁵⁴⁸ У А. М. Мартынова — «таварыщи».

¹⁵⁴⁹ У А. И. Палкина — «Кудрева́нкову».

Фёдор Тимофеевич Пономарёв, село Верхняя Зимняя Золотица, Зимний берег Белого моря:

Закричал тогда Илеюшка зычным¹⁵⁵⁰ голосом:
«Уж вой еси, дружинушка вы хоробрая!
Поезжайте-ко, дружина вся¹⁵⁵¹, по своим местам». (347–349)

Степан Григорьевич Шуваев, деревня Нижя, Долгощельская волость:

«И отступите вы от дела-то от ратного!..» (280)

Мезенский певец:

Садилась тут удалы на добрых коней,
Поехали удалы ко городу ко Киеву,
Заехали они в крашен Киев град,
Во те же во честны монастыри,
Во те же пещеры во киевски.
Там все они представилися. (314–319)

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

Остался один младый Ермак Тимофеевич. (338)

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

И собрал свою дружинушку хоробрую,
На Сибирь пошел¹⁵⁵² Ермак Тимофеевич. (163–164)

¹⁵⁵⁰ У Ф. Т. Пономарёва — «закрычал тогда... зычным».

¹⁵⁵¹ У Ф. Т. Пономарёва — «поезжайте-ко... вся».

¹⁵⁵² У А. Б. Сурикова — «пошол».

Принятые сокращения

- СРНГ-XV** — Словарь русских народных говоров. Вып. XV. — Л. : Наука, 1979.
- СРНГ-XXXIII** — Словарь русских народных говоров. Вып. XXXIII. — СПб. : Наука, 1999.
- Словарь 1958** — Словарь областных и старинных слов // Илья Муромец. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958.
- Словарь 1986** — Словарь диалектных, устаревших и малоупотребительных слов // Былины: сборник. — Л. : Сов. писатель, 1986.
- Словарь 2001** — Словарь [архаические, диалектные и другие малопонятные слова и выражения] // Былины: в 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001.

Научное издание

**Былины про Добрыню Никитича:
сводный текст**

Составитель
Миронов Арсений Станиславович

Дизайн обложки
М. Ю. Маяков

Корректурa
Т. В. Соболева

Компьютерная вёрстка
М. Е. Заболотникова

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru

Тираж 50 экз. Заказ № 150
Отпечатано в АО «Т8 Издательские технологии»:
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5.